

ФГБУН Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

БЕХТЕРЕВ СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ СОЦИУМ
В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.**

(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Ижевск
2012

УДК 321(091):34(091)
ББК 67.3(2)64
Б 555

Книга подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Направление 2. «Модернизация и ее влияние на российское общество». Проект «Социальная динамика российской периферии: традиции и инновации (XV–XX вв.)»

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Л. Н. Бехтерева*

Рецензенты:
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор *В. Н. Руденко*,
доктор исторических наук, профессор *С. Н. Полторак*

Бехтерев С. Л.

Б 555 Региональный социум в переходный период российской государственности на рубеже XX–XXI вв. (историко-правовой анализ): Монография / С. Л. Бехтерев; отв. ред. Л. Н. Бехтерева; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Изд-во «Удмуртский университет». Ижевск, 2012. – 496 с.

ISBN

Монография является одним из первых исследований регионального процесса институционализации российского социума на рубеже XX–XXI вв. На основе историографического анализа, собственных авторских изысканий, широкого корпуса источников и нормативно-правовых актов, универсальных и специальных методов научного исследования рассмотрены теоретико-методологические, историографические и источниковедческие аспекты проблематики; становление и развитие либерально-демократически организованного общества Удмуртии в сравнении с ситуацией в РФ и некоторых ее субъектах, правовое обеспечение данного процесса; соотношение различных составляющих политической системы, их место и роль в эволюции властных отношений.

Книга представляет научный и практический интерес для специалистов различных областей гуманитарных наук, работников государственных, муниципальных и общественных органов и организаций, всех тех, кто интересуется проблемами социально-политической истории Удмуртии и России.

ISBN

УДК 321(091):34(091)
ББК 67.3(2)64

© Бехтерев С. Л., 2012

© ФГБУН Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук, 2012

© ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2012

Введение

Важнейшей фундаментальной проблемой существования социума является характер взаимодействия общественных и государственных структур, определяющий вектор социального развития.

Жизнедеятельность общества протекает в диалектическом единстве с государством. Двойственность их отношений обусловлена двумя факторами. С одной стороны, общество не может существовать без власти, и в этом плане власть есть его «слуга», с другой – всякая власть стремится к абсолютизации, и если этой тенденции ничего не противостоит, тогда общество становится «службой» власти. В демократических системах коррекция нарушения процессов частично осуществляется за счет саморегуляции, благодаря наличию обратной связи их институтов (в том числе государственных) с различными социальными слоями, укрепляющейся с повышением зрелости гражданского общества¹. И действительно, если оно берет на себя решение части проблем, делает это гораздо эффективнее, чем власть, то неизбежно стабилизируется политическая система в целом². Это один из способов защиты от социальных потрясений. Когда через структуры гражданского общества люди могут решать свои вопросы, ни у кого не возникнет желания действовать методами всеобщего разрушения. Как свидетельствует мировой опыт, тотальное огосударствление общественных функций, сводящее на нет возможность относительно независимого развития гражданского общества, ведет к застою в экономике, идеологическому конформизму и свертыванию демократии. Тоталитаризм в основе своей есть не что иное, как «поглощение» гражданского общества государством.

Актуальность научного анализа подобной проблемы определяется возрастающей глобализацией отношений, характерных для современного этапа развития мирового сообщества. Их детерминантами являются, в том числе, предпринимаемые с середины 1980-х гг. попытки реформирования политической, экономической и социальной систем государств

бывшего СССР, прежде всего Российской Федерации (РФ) и ее регионов. В свою очередь, начальным периодом современной российской истории, по признанию большинства как отечественных, так и зарубежных исследователей, стал завершающий этап существования советского общества (1985–1993 гг.). Именно в годы реализации политики перестройки³ (апрель 1985 г. – декабрь 1991 г.), главными итогами которой оказались распад Советского Союза, провозглашение государственного суверенитета бывших союзных и автономных республик, а также с началом либерально-демократических реформ (1992–1993 гг.), закончившихся ликвидацией однопартийно-советской системы организации власти, были заложены предпосылки для становления новых социально-политических отношений.

Одним из результатов преобразований стало формирование иной модели институционализации российского социума, влияющей на характер взаимодействия страны с партнерами дальнего и ближнего зарубежья. В связи с вышесказанным актуализируются проблемы становления и функционирования современной российской политической системы, ее потенциальных возможностей регулирования общественных процессов, внутригосударственных отношений, способности реагировать на глобальные вызовы, в частности, решать вопросы обеспечения территориальной целостности, национальной и международной безопасности, защиты прав человека, коллективных прав малочисленных коренных народов и т.п.

В России общество всегда находилось под патронажем государства. Более того, доминантой отечественной политической культуры представляется отождествление общества и государства. В начале XX столетия в стране продолжало складываться гражданское общество, главными признаками которого, как известно, были наличие и признание государством свободного гражданина, политических партий, независимых средств массовой информации (СМИ) и т.д. Однако этот процесс был прерван в ходе социалистической революции и последующей «сталинской» модернизации. С ликвидацией господства Коммунистической партии Советского Союза (КПСС), с изменением в 1993 г. конституционных основ государства появились предпосылки для его возобновления.

Между тем существует мнение, что российское общество еще не готово к самоуправлению. Его судьбу вершат слабо связанные с обществом органы государства, которые обращаются к гражданам за пониманием и поддержкой только перед выборами и в моменты общенациональных кризисов. Как заметил Г. Г. Дилигенский, мощным препятствием на пути

развития в России гражданского общества является отсутствие демократической традиции в национальной политической культуре. Ей просто не откуда было взяться: господствующие порядки исключали любую самостоятельную общественную активность. Законными признавались только индивидуальные и коллективные действия по команде сверху или, по меньшей мере, с одобрения власти⁴. Во многом соглашаясь с этим положением, следует уточнить, что даже при тоталитарном режиме в СССР могли спонтанно возникать гражданские инициативы. Другое дело, что они тут же либо прерывались, либо адаптировались верховной властью к ценностям социалистическим ориентирам.

Особенность современного развития страны состоит в том, что становление гражданского общества и построение «демократического федеративного правового государства»⁵ идут одновременно. Поэтому оба процесса тесно переплетаются, а их субъекты нуждаются во взаимной поддержке. С одной стороны, общество, освободившись от жесткого государственного контроля, испытывает потребность в самоорганизации, в выражении своих интересов через неполитические гражданские институты, которые должны быть признаны государством и защищены правом. С другой, создающееся демократическое государство выступает в роли реформатора, стремится преобразовать общественные отношения, что можно осуществить лишь в сотрудничестве с гражданским обществом, когда его институты и структуры являются заинтересованными партнерами в решении социальных задач. Вместе с тем восприятие нынешним российским руководством либерально-демократической модели преобразований и неоднозначное отношение к ней населения создают значительные трудности для использования огромного национального потенциала в интересах всего общества. Эти обстоятельства придают поставленной проблеме как научную актуальность, так и практическую значимость.

Задачу осмысления первых результатов преобразований последней четверти XX в. невозможно решить вне регионального аспекта, ибо способность российской периферии к восприятию тех или иных новаций, предлагаемых центром, выступала и выступает критерием их жизнеспособности, с одной стороны, и показателем устойчивости самого центра – с другой. Примером тому может служить опыт реформирования Удмуртии, чей статус в региональной структуре России на протяжении истекшего столетия неоднократно менялся. Оставаясь и по сей день субъектом Уральского экономического района, в результате административных преобразований постсоветского времени республика оказалась в составе

Приволжского федерального округа (ПФО). Это дало возможность ряду ученых при оптимизации объекта исследования рассматривать модернизационные процессы, протекавшие в современной Удмуртской Республике (УР), в общем контексте изменений, происходивших в зоне средневожских государственных образований РФ. По справедливому замечанию некоторых авторов, этот регион, особенно с точки зрения межнационального сосуществования, являет типичную территорию РФ. Ибо российская цивилизация сочетает, как минимум, славяно-православную, тюрко-мусульманскую и финно-угорскую традиции. Кроме того, уровень диверсификации региональных политических режимов Среднего Поволжья оказался достаточно высок: от самого «мягкого» в России – удмуртского до самого «твердого» – татарстанского⁶. Это обстоятельство позволяет, с известным допущением, экстраполировать оценки политических процессов на Россию в целом.

В свете вышеизложенного самостоятельным объектом научного анализа избран процесс институционализации российского социума на рубеже XX–XXI вв. в условиях транзитного* состояния отечественной государственности. Основной упор сделан на рассмотрение преимущественно политико-институциональных составляющих региональной модели российского общества, сформировавшейся к 2000-м гг. в УР. В монографии они раскрыты в соотношении категорий гражданского общества и правового государства как ведущих элементов политической системы. Целевая установка автора выражена в историко-правовой интерпретации локальных особенностей модернизации российского социума под влиянием макросоциальных процессов, происходивших в результате ликвидации господства КПСС и изменения основ конституционного строя СССР, РСФСР (РФ) и УАССР (УР). В круг исследовательских задач вошли: выявление предпосылок, характера, основного содержания этапов становления и развития либерально-демократически организованного регионального сообщества Удмуртии в сравнении с ситуацией в РФ и некоторых ее субъектах; анализ правового обеспечения данного процесса; определение соотношения различных составляющих политической системы, их места и роли в эволюции властных отношений; научное прогнозирование возможных путей, направлений, методов эволюции транзитного российского социума с учетом регионального аспекта.

* В данном случае термин, употребляемый для стран бывшей системы социализма по классификации Организации объединенных наций.

Основное содержание работы охватывает современный период модернизации общественно-государственных отношений в России (1985–2000 гг.), в границах которого произошли кардинальная перестройка конституционных основ общества, перераспределение полномочий субъектов политической системы, сформировались новые ценностные ориентации. При этом рубежным выделяется 2000 г., когда с приходом к власти нового руководства РФ были созданы предпосылки для унификации системы органов государственной власти в субъектах РФ. Этот год оказал существенное влияние и на политическую организацию российского общества, когда в принципе был решен вопрос о разграничении статуса общественного объединения и политической партии. В 2000 г. завершился парламентский период в развитии системы республиканской власти, и окончательная победа политического окружения высшего должностного лица УР привела к заметным внутриэлитным перестановкам. В целях создания более объективной картины исторического процесса в монографию включены материалы, отражающие события более раннего, «доперестроечного» периода (1977–1985 гг.) «развертывания социалистической демократии» (по определению «позднесоветской» Конституции СССР 1977 г.), выступившего исходным этапом преобразований. Кроме того, исследование захватывает начало 2000-х гг., т.к. процессы либерально-демократической модернизации российского общества, начатые в 1992 г., еще не получили своего логического завершения.

Территориальные границы монографии составляют преимущественно современную территорию УР как государства в составе РФ. В исследовательском плане Удмуртию, как представляется, можно рассматривать в качестве микромоделей России в целом в смысле характера и результатов не только советской реформации, но и современных процессов модернизации. Поэтому трансформация социальных институтов анализируется в общем контексте событий, происходивших в изучаемый период в СССР, РСФСР (РФ) и ряде российских регионов.

Говоря о методологических, историографических и источниковедческих аспектах обширной социетальной проблематики следует отметить, что учеными накоплен достаточный эмпирический и теоретический опыт изучения российской цивилизации в ее историко-правовой ретроспективе. В ограниченных рамках введения невозможно детально осветить данный круг вопросов, поэтому они вынесены в отдельную главу монографии.

В работе предпринята попытка осуществить авторскую реконструкцию на основе междисциплинарного подхода региональной модели

организации российского социума как конкретно-исторического результата политико-экономических и правовых преобразований социалистического общества. При этом автор полагает первичной концепцию «цивилизации», а в оценках реформ следует диалектическому подходу. Подробно рассмотрена совокупность нормативно-правовых актов «позднесоветской» эпохи, послужившей исходной ступенью демократизации политической, экономической и социальной систем. На примере Удмуртии дан всесторонний анализ истоков формирования современной политической системы России, начальным этапом которого выступило осуществление политики перестройки различных сфер общественной и государственной жизни. Значительное внимание уделяется раскрытию особенностей конституирования общественного движения⁷.

В представленном издании и предыдущих исследованиях автора характеризуются основные политические процессы, происходившие в Удмуртии в контексте общероссийской ситуации, прослеживается влияние на них особенностей менталитета населения республики. Детально освещается проведение конституционной реформы в УР, показывается место политических акторов* в суверенизации субъекта РФ, выявляется общее и особенное в реформировании системы органов государственной власти, раскрывается роль толерантности как механизма взаимодействия политических элит, влиявшего на сохранение и (или) изменение властных отношений⁸. Продолжается традиция научного анализа взаимоотношений институтов политической системы при осуществлении избирательного процесса как легитимной процедуры формирования выборных государственных и муниципальных органов. Оригинальной представляется методика анализа «политического рынка» не только по формально идеологическому признаку, но и по степени близости (удаленности) того или иного актора к реальной власти. Выдвигается авторская гипотеза об относительно автономном развитии государственного и общественного секторов политической системы, что нашло выражение в несовпадении периодов их становления. Подробное освещение получили политико-правовые основы взаимодействия субъектов политической системы постсоветской России на республиканском уровне. Впервые в региональной историографии нашли комплексное отражение механизмы и результаты общественно-государственных отношений, в том числе в социальной сфере⁹.

* В данном случае от лат. *actor* (исполнитель) – физическое или юридическое лицо, совершающее политическое действие.

Исследование, проведенное на основе современных методов, введение в научный оборот нового массива источников позволяют создать целостное представление о региональной составляющей транзитного общества, обозначить основные возможные тенденции ее дальнейшей эволюции, определить место и роль различных сегментов «политического рынка» в осуществлении социальных преобразований.

Материалы и выводы, изложенные в монографии, имеют как фундаментальное, так и прикладное значение. Полезными для отечественных и зарубежных ученых могут оказаться характеристики политических институтов современной Удмуртии, чья внутренняя политика в рассматриваемый период не выходила за рамки общефедеральных принципов. Применение в качестве методологического основания ценностного и модернизационного подходов позволяет соотнести и апробировать различные концепции и методики при анализе российской действительности. Результативным может стать использование материалов работы при написании обобщающих трудов по отечественной истории, подготовке энциклопедий и иного рода справочных изданий. Материалы монографического исследования могут быть востребованы при разработке общих и специальных курсов для учащихся различного уровня образовательных учреждений и организаций, при реализации регионального компонента государственного стандарта образования.

Многие положения предполагают освоение их в сфере государственного и муниципального управления для определения характера, основного содержания, методов проведения внутренней политики России, политико-правового взаимодействия УР с федеральным центром и субъектами РФ. Особую значимость представляет использование выводов в деле сохранения гражданского согласия и осуществления добросовестного партнерства. Материалы монографии могут быть полезны представителям различных сегментов гражданского общества, экспертам, политтехнологам для совершенствования своих управленческих навыков, а также предотвращения или уменьшения политического риска.

Монографическое исследование является результатом более чем двадцатилетней работы автора по проблемам современной истории России и Удмуртии. Основные идеи, выводы и предложения по совершенствованию общественно-государственных отношений учитывались при анализе этнополитической ситуации в России в целом и ПФО, в частности, в рамках Центра по изучению и урегулированию конфликтов Института этнологии и антропологии РАН и его регионального отделения,

в работе государственных, муниципальных и общественных органов, круглых столов, конгрессов общественных объединений УР. Они получили апробацию при стажировке автора в Университете Центральной Флориды (2002 г.), осуществлявшейся в рамках гранта Государственного департамента США, в ходе которой проводились научно-образовательные и деловые консультации с преподавателями, студентами, государственными и муниципальными служащими штата Флорида. Значительная часть материалов монографии реализована в авторских учебных курсах, в том числе по истории государственности Удмуртии, преподаваемых в Удмуртском государственном университете и других учебных заведениях республики, а также в работе студенческих научных кружков «Государственность Удмуртии» и «Удмуртия в региональном пространстве России».

Структура монографии построена на основе проблемно-хронологического принципа. В первой главе освещены теоретико-методологические, историографические и источниковедческие аспекты социальной истории. Во второй главе рассмотрены изменения, произошедшие в основных элементах политической системы на завершающем этапе советской истории (1977–1993 гг.): номенклатурных учреждениях (Советы народных депутатов как политическая основа СССР, КПСС как ядро политической системы советского общества, профессиональные союзы как «школа коммунизма», Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (ВЛКСМ) как «боевой резерв партии»), а также кооперативных и других общественных объединениях и трудовых коллективах. В третьей главе проанализировано взаимодействие политических акторов в процессе проведения конституционной реформы в Удмуртии, завершившейся включением института президентства в систему органов государственной власти УР. Четвертая глава посвящена выявлению места и роли политических субъектов в становлении новой власти на постсоветском пространстве. В пятой, завершающей главе представлен социальный аспект взаимодействия политических институтов и обобщены результаты работы автора в общественных и государственных органах. В заключении изложены основные выводы относительно сущности, характера, облика современной политической системы РФ и ее региональной модели, обозначены пути продолжения исследования темы. В текст монографии включены список использованных источников и литературы, приложение «Итоги выборов в Государственную думу ФС РФ (1993–1999 гг.)», отражающее движение «политического капитала», а также список сокращений и аббревиатур.

В работе упущены некоторые подробности в описании исторических событий, непосредственными участниками и свидетелями которых являются ныне здравствующие лица, чья роль в политической жизни республики не поддается однозначной оценке.

Автор выражает искреннюю признательность своей супруге доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН Людмиле Николаевне Бехтеревой за моральную и организационную поддержку в процессе написания книги, коллегам – докторам и кандидатам исторических и юридических наук, другим специальностей, а также рецензентам за ценные замечания и предложения при подготовке рукописи, сотрудникам архивных, культурных учреждений, правоохранительных органов за помощь в выявлении и подборе источникового материала.

Особая благодарность – работникам государственных, муниципальных и общественных органов и организаций, гражданам Удмуртии, с которыми автора связывают многие годы совместной общественно-политической деятельности.

¹ Лапина Г. П. О роли общественных организаций в процессах саморазвития и саморегулирования социальных систем современного мира // Российский социально-политический вестник. 1998. № 3. С. 27.

² Сатаров Г. Гражданское общество – универсальный стабилизатор // Россия. 1997. № 5. С. 8–9.

³ Очередное использование термина «перестройка» началось с 1987 г., а в отношении совершенствования производственных отношений с весны 1985 г. применялось понятие «ускорение».

⁴ Диллигенский Г. Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. Осень 1997. С. 7.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

⁶ См., напр.: Бехтерев С. Л. Политическая система современной России: опыт исторического исследования (региональный аспект): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2004; Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.) // Регионы России. Хроника и руководители. Т. 7. Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Мордовия. Сапоро, 2000; Куликов К. И. Удмуртия – субъект России (1990-е годы).

Ижевск, 1999; *Маузуато К.* Введение. Некоторые критерии для сравнения политических режимов Татарстана, Удмуртии и Мордовии // Регионы России. Хроника и руководители. Т. 7... С. 3–4; *Фарукишин М. Х.* Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6. С. 67–79.

⁷ См., напр.: *Бехтерев С. Л.* Политическое развитие Удмуртии на завершающем этапе советской истории. Ижевск, 2004.

⁸ *Бехтерев С. Л.* Избирательные кампании как механизм толерантности политических элит // Современные социально-политические технологии в сфере формирования толерантного общественного сознания. Ижевск, 2002. С. 49–51; *его же.* Толерантность как механизм взаимодействия политических элит // Социальная толерантность и межкультурные коммуникации. Ижевск, 2003. С. 65–106.

⁹ *Бехтерев С. Л.* Общественно-государственные структуры как институт политической системы РФ // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003. С. 67–80; *его же.* Общество и государство: теория и практика взаимодействия в субъектах Российской Федерации // Гражданское общество и государственные институты в России: взгляд из провинции. Саранск, 2004. С. 53–63.

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1.1. Теория и методология познания социальной истории

Рассматривая модернизацию политических институтов региональной модели российского социума в соотношении категорий гражданского общества и правового государства как основных элементов политической системы, следует отметить определение гражданского общества, данное, в частности, доктором философских наук Э. В. Тадевосяном. Под таковым он понимает «общество развитых социально-экономических, политических и духовно-нравственных отношений, высокой общей и социально-политической культуры, социальной и политической активности граждан, отделенное и независимое от государства, строящее свои отношения с ним на основе признания приоритета общества и необходимости служения ему государства»¹.

Гражданское общество может интерпретироваться и как совокупность свободных, относительно независимых от государства граждан. Однако для этого нужны, по крайней мере, два условия: реальное наличие частной собственности, а также прав и свобод человека и гражданина, охраняемых и регулируемых государством. В российской действительности последней четверти XX в. данные условия не получили своего развития. Ни о каком экономически и политически свободном гражданине говорить не приходилось.

Но если рассматривать гражданское общество не только с позиции институционального подхода, но и в качестве социального, экономического,

культурного пространства, «в котором взаимодействуют свободные индивиды, реализующие частные интересы и осуществляющие индивидуальный выбор»², то оно действительно формировалось в ходе как социалистической демократизации 1977–1993 гг., так и радикальной либерально-демократической модернизации, очередной этап которой выходит за пределы XX в. Понимание гражданского общества как «социального пространства» представляется наиболее продуктивным для анализа исторической действительности России.

В свою очередь, и правовое государство имеет множество определений. Э. В. Тадевосяном, например, оно трактуется как «вид демократического государства, политический режим которого опирается на строгое соблюдение законности, правовых норм, закрепляющих естественные, неотъемлемые, всеобщие права и свободы человека и народов»³. Одно из популярных функциональных определений современного государства на основе принципа разделения властей, представленное в западной историографической традиции, рассматривает государство как политическое юридическое лицо, предназначенное для внесения порядка в общество посредством издания законов, исполнения законов и применения наказания за неисполнение законов на основе законов. Исходя из данной дефиниции, отечественной политической культурой был поставлен знак равенства между государством и порядком. Принцип же разделения властей не вполне приживается даже в начале XXI в.

Большое значение для осознания внутренних механизмов функционирования транзитного российского социума имеет категория «политическая система». В монографическом исследовании под таковой понимается «одна из подсистем общества (наряду с экономической, социальной, духовно-идеологической и др.), представляющая собой сложную, и в то же время упорядоченную, интегрированную и целостную совокупность политических субъектов, их статусов и ролей, институтов и организаций, политической культуры и политических отношений, осуществляющих политическую власть»⁴.

Говоря о субъектах общественно-политических отношений, следует особо подчеркнуть, что термины «политический», «политика» означают не только избирательный процесс как легитимную процедуру формирования выборных государственных, муниципальных, общественных органов. В данном случае политика – это механизм взаимодействия власти и общества с целью проведения, с одной стороны, государственной политики в тех или иных сферах общества, таких как социальная, национальная,

молодежная и т.п., а с другой – реализация законных интересов и прав граждан и их объединений, в том числе и на участие в осуществлении государственной политики.

Субъектами отношений в рамках политической системы выступают общественные и государственные органы. Общественность может пониматься в самом широком смысле как совокупность субъектов негосударственного сектора. Негосударственные объединения граждан в свою очередь подразделяются на коммерческие (т.н. «второй сектор» или бизнес), некоммерческие (т.н. «третий сектор»), в том числе общественные объединения (политические партии, профсоюзы и др.) и религиозные организации. Среди структур гражданского общества последние занимают особое место. Общественные объединения характеризуют как объединения людей на основе добровольного выбора, а не принуждения, и с опорой на авторитет морали, а не власти. Они защищают права и свободы социальных субъектов от диктата государства, но одновременно являются своеобразным «охранительным барьером», оберегающим как весь социум, так и политические институты от эгоистических устремлений и воздействий самих социальных субъектов. С помощью общественных объединений можно реализовать разнообразные формы давления (мирные, ненасильственные) на властные структуры.

Общественные объединения – важнейшая составная часть политической системы. Их роль и масштабы деятельности в 1990-е гг. постоянно возрастали, что обуславливалось формированием демократических основ российского правового государства. Так, по состоянию на 1 января 1997 г. в РФ официальное признание получили 2 701 партия (в том числе 88 – российские), 2 262 массовых общественных движения (в том числе 88 – федеральные). Всего же за шесть лет (1991–1996 гг.) Министерством юстиции (МЮ) РФ зарегистрированы 3 214 общественных объединений, а органами юстиции субъектов РФ – 54 861.

По состоянию на 1 января 2001 г. МЮ УР утверждены уставы 930 общественных объединений. Большинство из них созданы в девяностые годы XX в. В своем развитии общественно-партийное строительство в Удмуртии прошло в основном те же этапы и формы, что и в России в целом. Однако политический процесс в республике имеет свои особенности. Главная из них – менталитет значительного большинства граждан, характеризующийся относительным консерватизмом мышления, свойственного населению оборонно-промышленного края с его постоянной зависимостью от центральных органов власти и управления. Отсюда –

неадекватность восприятия периферией новаций, предлагаемых центром, и запаздывание политических процессов.

Учитывая поливариативность понимания объединений граждан, в монографии общественное объединение рассматривается в том правовом определении, какое дано в Федеральном Законе (ФЗ) «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г., где таковым признается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения⁵. Кроме термина «общественное объединение» используется термин «общественная организация», употребляемый в данном случае как синоним. Хотя в правовом смысле в соответствии с упомянутым ФЗ правильной было бы называть общественной организацией одну из организационно-правовых форм общественного объединения, т.к. это понятие более узкое. Но с учетом того, что в работе отдельные организационно-правовые формы общественных объединений не анализируются детально, можно считать такое допущение оправданным.

К государственным органам, расположенным на территории субъекта РФ, в данном случае УР, относятся региональные представительства органов государственной власти РФ, законодательные (представительные), исполнительные и судебные органы государственной власти субъекта РФ. К государственным органам собственно субъекта РФ тесно примыкают органы местного самоуправления, хотя их природа, сущность, характер, полномочия и предметы ведения до сих пор не выяснены окончательно.

Поскольку социально-политическое развитие России и ее регионов во второй половине 1980-х – 1990-е гг. проходило в рамках общих процессов, характерных для мирового сообщества рубежа XIX–XX вв., то описание этого исторического явления, его интерпретация невозможны без обращения к методологическому наследию того времени.

Авторами целостной философской концепции русского исторического процесса стали авторитетные представители «юридической школы» – Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, А. Д. Градовский. Их вклад в научные разработки состоял в постановке проблемы соотношения общества и государства, создании теоретических основ русского конституционализма.

Рубеж XIX–XX вв. явил качественно новый этап в развитии общества и гуманитарной науки в частности. Его отличительными чертами стали резко возросшее участие граждан в политической жизни, обусловившее преобразования властного механизма и небывалые коммуникационные

средства, создавшие совершенно иную ситуацию во взаимоотношениях масс и власти. Возникла необходимость новых способов легитимации власти, которая теперь апеллировала не только к божественному или идеологическому освящению, наследственным или партийно-номенклатурным привилегиям, но и к волеизъявлению масс. Появились специфические приемы завоевания и удержания политической власти, одним из которых стало создание массовых партий, борющихся за влияние на избирателей. Сформировались условия чрезвычайно эффективного воздействия власти на общественное сознание⁶. Уже в конце XIX в. многие мыслители констатировали неэффективность существующих теорий для объяснения политической реальности. К началу XXI в. очевидной оказалась их дальновидность в самой постановке проблемы соотношения демократии и тирании.

Выход на политическую арену широких слоев населения поставил общество перед кризисом традиционных воззрений. Обнаружилось противоречие между огромным влиянием масс на политический процесс, с одной стороны, и низким уровнем их общей и в особенности политической культуры, с другой. Ученые, осмысливая перспективы развития гражданского общества в России, также отмечали характерную для него низкую политическую культуру. Б. Н. Чичерин разделял право и нравственность. В. С. Соловьев стремился к их единству через рассмотрение права как реализованной нравственности. Л. Н. Толстой подменял право нравственностью. Интересна в данном отношении концепция Л. И. Петражицкого, чьи научные взгляды были тесно связаны с политическими (он являлся членом ЦК партии кадетов). Исходя из того, что право регулирует не интересы людей, а их поступки, ученый считал возможным воздействие на общество с помощью права. Такие взгляды были направлены против правового нигилизма, характерного для многих политических деятелей того времени⁷.

Кредо одного из теоретиков российского либерализма Б. А. Кистяковского, начинавшего свое творчество с позиций социалистического радикализма, явился поиск синтеза демократии и социалистического идеала, марксизма и кантианства. Рассматривая право как общественный идеал, он выступал за рационализацию социальных отношений путем постепенных преобразований в рамках законности и в этом смысле разделял веберовский подход к проблеме модернизации и европеизации России.

Одним из важнейших открытий Макса Вебера стала теория рационализации. Можно констатировать известное сходство воззрений германского ученого и русских славянофилов на западную цивилизацию,

проявляющееся в тезисе о дегуманизирующем значении всякого рода формальных отношений.

Первым ученым, избравшим предметом изучения политические партии, явился отечественный социолог М. Я. Острогорский. Будучи депутатом Государственной Думы Российской империи от кадетов, исследователь непосредственно изучал политические институты Западной Европы и США, что позволило ему собрать сравнительно-исторический материал о функционировании западной демократии вообще и роли политических партий и их лидеров в частности. Его фундаментальный труд «Демократия и политические партии», изданный в 1898 г. во Франции, имел успех благодаря тому, что автор увидел проблему там, где другие считали всё решенным. Представлению о демократии как статическом общественном образовании, характеризующимся рядом устойчивых признаков, ученый противопоставил ее динамичную модель, интерпретировать которую можно лишь путем анализа социального поведения масс и индивидов, представляющих их формальных политических институтов, находящихся за пределами правительственной сферы, прежде всего партий, борющихся за власть⁸.

В современной научной литературе отсутствует единство взглядов на методологию описания и объяснения трансформационных процессов, происходивших в жизни советского социума СССР, РФ и ее субъектов во второй половине 1980-х – 1990-е гг. В большинстве случаев теоретические обобщения укладываются в рамки двух основных теорий – модернизации и цивилизации; менее востребованы марксистский и мир-системный подход Иммануэля Валлерстайна. Теория модернизации разделяет все общества на традиционные и современные, а трансформация первых во вторые рассматривается как основа общественно-исторического прогресса. При этом традиционные общества основываются на устойчивых нормах и традициях, господстве государства над обществом, а коллектива и группы – над личностью. Они слабовосприимчивы к переменам. Современные общества, напротив, инновационные, динамично обновляющиеся.

В новейшей литературе, по мнению, в частности, И. В. Побережникова, понятие «модернизация» употребляется в различных смыслах: для обозначения широкого многовекового перехода от традиционности к современности (хронологически совпадающего с переходом от Средневековья к Новому и Новейшему времени); многовариантного процесса, в ходе которого отставшие догоняют ушедших вперед; для объяснения усилий, предпринимаемых странами третьего мира с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; для описания трансформаций,

переживаемых постсоциалистическими странами; для характеристики преобразований, совершенствований, реформ, внедрения инноваций, осуществляемых в уже современных обществах в ответ на новые вызовы⁹.

В современной исследовательской традиции сложился ряд научных центров, успешно осваивающих модернизационный концепт. Среди них стоит выделить уральскую школу под руководством академика В. В. Алексеева¹⁰, разрабатывающую конкретно-проблемную методологию изучения российских модернизаций, акцентируя внимание на соотношении страновой и региональной динамики, эндогенных и экзогенных факторов модернизации, цивилизационного своеобразия российских модернизаций¹¹.

Однако для анализа развития России, особенно в советскую эпоху, применение одной только этой теории весьма затруднительно, т.к., например, советская «супериндустриализация» ставила целью догнать и перегнать Запад экономически, развиваясь на антизападной общественно-политической основе¹². Помимо этого, ограниченное использование модернизационного подхода обусловлено «деевропеизацией» современной мировой системы, ставшей характерной для ее послевоенного состояния.

Другой методологический подход оперирует таким фундаментальным понятием как «цивилизация», под которой понимается совокупность однотипных обществ (или отдельное общество), обнаруживающих на протяжении своей истории устойчивые экономические, социокультурные, политические характеристики. Россия удовлетворяет этому критерию, и обществоведы признают ее самостоятельной цивилизацией¹³. Вместе с тем ряд исследователей отмечают неправомерность «тотального увлечения» цивилизационной теорией, ее автоматического перенесения в российскую среду в силу «неотжданности реальных, исторически вызревших в нашей стране процессов»¹⁴.

Возникает вполне закономерный вопрос – каково соотношение этих двух основных теорий для описания российской действительности? Первичной представляется «цивилизация». Ведь «перестройка», например английского общества по образцу американского или французского по подобию германского, лишена всякого здравого смысла. Каждое национальное суверенное государство развивается на своей «почве». Реальное знакомство с жизнью граждан стран «рыночной демократии» показывает, что последние в некоторых случаях оказываются более «традиционными», нежели развивающиеся страны. И только в современной России до сих пор не утихают споры, что лучше для россиянина – американские, итальянские или какие-либо иные ценности? Вместе с тем исторический

опыт показывает, что со времен воцарения Дома Романовых Россия стремилась преодолеть азиатское начало и стать преимущественно европейской державой. Объяснить этот феномен вне модернизационного подхода не представляется возможным.

Иными словами, если модернизация объясняет общую тенденцию перехода традиционных социальных систем к современным, то цивилизация (почва) уточняет локальные модификации этого процесса. Поэтому методологическим основанием данного исследования является сочетание цивилизационной и модернизационной теорий, характерное для большинства современных научных работ.

Тем не менее невозможно полностью отказаться от формационной теории, ибо даже позднесоветская реформация с 1977 г. проходила под знаком обновления социалистического общества. Мир-системная теория американского историка, социолога и экономиста Иммануэля Валлерстайна более относится к анализу международных отношений. Поэтому ее познавательные возможности могут создать лишь общее представление о месте России в современной «американской гегемонии», цикл которой начался, по его мнению, с 1914 г. и продолжается по сей день¹⁵.

Среди фундаментальных трудов по теоретическим аспектам политических систем выделяется работа профессора политологии Университета Сан-Диего (США) Чарльза Эндрейна «Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования»¹⁶. Предметом его анализа выступили политические системы как стран Востока (Китай, Южная Корея), так и Западной и Восточной Европы (Великобритания, Швеция, Россия). При этом механизм их функционирования рассматривается в строго временных и историко-культурных границах. В результате компаративного анализа Ч. Эндрейн выделил четыре типа политических систем (бюрократический, авторитарный, согласительный и мобилизационный) и обозначил параметры каждого из них.

Современные общественные науки оперируют различными методологическими подходами при описании политических и иных социальных процессов. Весьма продуктивным является применение концепции институционализма, разработанной в трудах Толкотта Парсонса, Бронислава Малиновского, В. В. Радаева и др.¹⁷ Ее суть состоит в следующих посылах: во-первых, общество рассматривается через призму социальных организаций, созданных для упорядочения общественного поведения людей; во-вторых, в организациях решающая роль принадлежит нормам,

посредством которых ее участники регулируют социальное поведение; в-третьих, при их изучении ведущее значение придается исполняемым ими функциям в обществе, в том числе, в контексте взаимосвязей с иными социальными институтами; в-четвертых, социальные институты эволюционируют в соответствии с объемом и спецификой решаемых ими задач. Хотя институциональная концепция сформулирована в границах социологической теории, ее адаптация к историческим исследованиям, по мнению С. А. Дианова, возможна в тех случаях, когда предметом изучения является деятельность определенной организации в составе государственной власти, либо шире – внутри политической системы; когда в распоряжении историка находятся источники, позволяющие понять действующие в ней нормы и функции¹⁸. Соглашаясь с его позицией, можно заключить, что исследование модернизации институтов регионального социума в переходный период российской государственности на примере УР такой шанс представляет.

В академических кругах активно обсуждается проблема механизмов социальной саморегуляции. Считается, что человечество находится на том этапе развития, когда возможности государственных институтов в организации жизни общества утрачивают перспективу в ряде сфер. Эффективность их деятельности снижается по причине усиления самодовлеющей роли своекорыстных интересов, оторванных от непосредственных функций ввиду тенденций бюрократизации и шаблонизации, а также присущих ограничений для развития встречной инициативы со стороны общества, личности. Для обоснования этой позиции основными, наиболее активно используемыми учеными, являются концепции «упадка» государства, «замещения» выполняемых им функций интернациональными институтами, городами-регионами и «самоуправляющимися структурами». Вместе с тем наиболее перспективна конвергенция государственно-центристской и социоцентристской школ.

Для изучения функционирования политической системы Удмуртии эффективной представляется методология трех уровней анализа (индивидуальный, государственный, системный), разработанная Кеннетом Волтцем¹⁹. Индивидуальный уровень анализа использован для решения вопроса политического лидерства в республике и его влияния на трансформационные процессы. На государственном уровне анализа исследованы исторические, политические, экономические и идеологические аспекты модернизации «позднесоветского» регионального сообщества.

На системном уровне анализа рассмотрены отношения центр – регион, оказавшие влияние на характер, темпы, методы радикальных либерально-демократических реформ.

Наряду с традиционными концептами, в работе использован ряд апробированных историками современных, более частных теорий (социальная история, история повседневности), внимание в которых акцентировано на проблемах места и роли личности, социальных групп в историческом процессе, повседневной жизни, быте, сознании. Их применение позволило «оживить» многие локальные аспекты модернизации на всем протяжении рассматриваемого периода.

Весьма продуктивным может оказаться использование синергетического подхода*, связанного с творчеством бельгийского ученого российского происхождения Ильи Пригожина и немецкого физика Германа Хакена. В синергетике идея эволюционного подхода сочетается с многовариантностью исторического процесса и многомерностью истории. Ключевыми ее понятиями стали бифуркация** как точка ветвления процесса, являющаяся отправной для новой линии эволюции; аттрактор как новый канал эволюции; флуктуация*** как противоречие в обществе. Яркий исторический пример представляет собой социальная революция (модернизация), означающая коренную перестройку общественного организма²⁰. Таких бифуркаций в описываемый исторический период было несколько: 1977 г. – начало «развертывания социалистической демократии» (бифуркация) на фоне нарастания противоречий в советском обществе (флуктуация) и переход от социалистического государства рабочих и крестьян к социалистическому общенародному государству (аттрактор); 1985 г. – начало «перестройки»; 1990 г. – «парад суверенитетов»; декабрь 1991 г. – крушение СССР и т.д. На практике оказалось, что этот диалектический способ познания имеет универсальный характер и применим не только в естественных науках, но и при постижении закономерностей развития общества.

Одним из основополагающих принципов, реализованных в монографии, является принцип историзма, подразумевающий изучение диалектики явления (каким образом оно возникло, как развивалось, как происходила его трансформация). Историзм обязывает при оценке тех

* От греч. *synergeia* – совместное, согласованное действие.

** От лат. *bifurcus* – раздвоенный.

*** От лат. *fluctuatio* – колебание.

или иных событий, их участников учитывать конкретно-исторические возможности и реалии общественного развития описываемого периода²¹. Помимо этого, необходимо принимать во внимание исторический характер политической системы, определяемый взаимообусловленностью законодательной деятельности государства и уровнем развития гражданских институтов.

Не менее значим принцип объективности, познавательные возможности которого оцениваются в различных плоскостях. С одной стороны, он предполагает нахождение и раскрытие причинно-следственных связей, характеризующих то или иное историческое явление. В данной связи в работе исследуются внешние и внутренние факторы, обусловившие складывание и эволюцию в конкретных временных рамках политических институтов регионального социума в общероссийском контексте. С другой стороны, сущностной чертой данного принципа выступает научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к историческому источнику и факту вне зависимости от историографической традиции. В соответствии с этим предпринята попытка всестороннего источниковедческого анализа для получения новых достоверных знаний о предмете исследования. Вместе с тем недопустимо игнорировать исследовательский опыт, накопленный в предшествующих трудах.

С принципом объективности тесно связан принцип всесторонности, предусматривающий изучение явления во всем многообразии его проявления. В связи с этим, в книге рассмотрены различные стороны общественно-государственных отношений, складывавшихся в ходе трансформационных изменений жизнедеятельности регионального социума.

Наконец, четвертый основной принцип, неизбежно проявляющийся в любом, в том числе и данном исследовании, – это принцип социального подхода (его вернее назвать принципом социальной ориентированности. – С. Б.). В современных условиях, как полагают Ш. М. Мунчаев и В. М. Устинов, российские историки принцип партийности (марксистско-ленинский метод) стали называть принципом социального подхода, подразумевая под ним проявление определенных социальных и классовых интересов и отношений²². Часть ученых называет его принципом «государственного патриотизма». Нетрудно заметить, что он предусматривает одновременное соблюдение субъективности и историзма. Поэтому автор старался избегать идеологической заданности в оценках основных собы-

тий современного этапа модернизации общественных отношений в России в контексте рассматриваемой темы.

В рамках одной конкретной монографии невозможно перечислить и подробно охарактеризовать все методы как способы получения новых знаний об объекте и предмете анализа. К проведению исследования привлекались как общенаучные, так и специально-исторические методы. Использование методов первой группы (анализ–синтез, индукция–дедукция, экстраполяция) способствовало вычленению и детальному анализу наиболее существенных, субстанциальных характеристик рассматриваемого явления, определению общего и особенного в институционализации транзитного общества как на общесоюзном (общероссийском), так и региональном (локальном) уровнях. Применение методов второй группы (проблемно-хронологический, идеографический, ретроспективный, сопоставительный, системный) содействовало обоснованию критериев и формированию периодизации модернизационных изменений, последовательному описанию всех фактов, характеризующих эволюцию политических институтов регионального сообщества. Количественные методики облегчили изучение, обработку, обобщение статистических данных. Сочетание различных научно-исследовательских принципов и методов позволило избежать однозначных оценок при изучении исторического опыта формирования новых ценностных ориентаций современного российского общества.

При написании монографии, представляющей собой преимущественно историческое исследование, использованы социологические методы, в частности, контент-анализ материалов печати, метод включенного наблюдения, связанный с участием автора в общественно-политической жизни республики, опытом работы в Аппарате Государственного Совета (ГС) УР, обсуждением социально-политических проблем в процессе преподавания в вузах и научного обмена.

¹ Словарь-справочник по социологии и политологии. М., 1996.

² Мухаев Р. Т. Политология. М., 2011. С. 270.

³ Словарь-справочник по социологии и политологии...

⁴ Там же.

⁵ Об общественных объединениях: Федеральный Закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Российская газета. 1995. 25 мая.

⁶ Медушевский А. Н. Обзор «Становление политической социологии в России» // Общественные науки в России. Реферативный журнал. «История». Серия 5. № 2. М., 1993. С. 8.

⁷ Там же. С. 10–11.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Побережников И. В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 3.

¹⁰ Алексеев В. В. Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Индустриальное наследие: материалы Международной научной конференции. Саранск, 2005. С. 27–33; Алексеев В. В., Алексеева Е. В. Распад СССР в контексте текущей модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5 и др.

¹¹ Побережников И. В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации... С. 10.

¹² Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001. С. 4–5.

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ См., напр.: Смирнова С. К. Этнополитическое развитие Удмуртии в контексте современных трансформационных процессов в Российской Федерации: Дис. ...д-ра полит. наук. М., 2003. С. 30.

¹⁵ Дергачев В. А., Вардомский Л. Б. Регионоведение. М., 2004. С. 19.

¹⁶ Эндрейн Чарльз Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. Пер. с англ. М., 2000.

¹⁷ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000; *его же*. Система современных обществ. М., 1998; Малиновский Б. Научная теория культуры. М., 2005; Радаев В. В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 3. С. 5–26.

¹⁸ Дианов С. А. Развитие местных органов Главлита на Урале в 1922–1938 гг.: структура, функции, кадры: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Ижевск, 2012. С. 13.

¹⁹ Waltz Kenneth. Man, the State, and War, New York: Colombia University Press, 1959.

²⁰ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2007. М., 2008. С. 6–7.

²¹ Согрин В. В. Политическая история современной России... С. 9.

²² Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России. М., 2006. С. 9.

1.2. Историография современной российской модернизации

Несмотря на относительную продолжительность трансформации позднесоветского общества, историография этой темы еще окончательно не устоялась. О ее периодизации можно говорить лишь с известной долей условности. Представляется целесообразным выделение двух основных этапов в ее развитии с учетом регионального аспекта. Первый из них – 1977–1993 гг., границы которого обусловлены социалистической модернизацией и ее результатами. Следует согласиться с признанием рядом авторов того факта, что истории перестройки в отечественной историографии не вполне повезло. А. С. Барсенков, например, объясняет это «методологическим шоком» у ученых-гуманитариев, вызванным в 1985–1991 гг. стремительным изменением общественно-политической ситуации, резкой сменой идеологием, нарастанием конфликтного потенциала общества как следствия борьбы за власть между отдельными составляющими политической элиты. Значительное количество изданий отражало различное толкование политики перестройки и ее этапов.

Сложной оставалась историографическая ситуация после 1991 г. Заметное сокращение финансирования науки привело к ослаблению интенсивности исследований, в том числе по современной отечественной истории. Внедрение нового идеологического монизма взамен марксистского сохранило в общественных науках такие негативные черты, как внутренняя политическая цензура и конъюнктура. В то же время возникшие «независимые» исследовательские структуры, стимулируя научный интерес, одновременно вели к упрощенной и иногда непрофессиональной трактовке действительности тех лет¹.

Критические замечания А. С. Барсенкова относительно состояния отечественной историографии во многом справедливы. В данный период первоначально сохранялось преобладающее влияние марксистско-ленинской методологии при описании социальных процессов, анализом которых по-прежнему занималась историко-партийная наука. По образному выражению И. Д. Ковальченко, доминировало «...теоретико-методологическое иждивенчество, то есть упование на то, что наиболее принципиальные оценки прошлого и подходы к нему будут даны не самими историками, а выражены в партийных и государственных документах»². Поэтому большинство публикаций было выполнено

в рамках идеологической схемы, согласно которой для исследователя первостепенным являлось отражение руководящей роли коммунистической партии. В качестве доказательств успешности руководства следовало брать удобные показатели социального развития, происходившие процессы рисовать по восходящей линии, а существовавшие острые и неразрешенные проблемы отодвигать на второй план. Если недостатки все же указывались, то не иначе как с точки зрения трудностей социально-экономического роста, непринципиальных и имеющих частный характер³.

В рамках первого этапа основной упор советские обществоведы и историки делали на разработку проблем идеологии, идейно-политического воспитания⁴. Теоретико-методологической основой данных трудов являлась концепция развитого социализма с обоснованием идеи бескризисной эволюции советского общества⁵. В центре исследовательского внимания оставались социальные характеристики советского рабочего класса. В многочисленных монографиях отмечались, как правило, лишь положительные изменения в жизни различных его отрядов⁶. Тем не менее, как заметил В. Н. Казьмин⁷, в общих рамках социальной истории появились новые научные направления, для которых стал характерным проблемный показ духовной сферы позднесоветского общества⁸.

Заслуга исследователей второй половины 1970-х – первой половины 1980-х гг. состоит в том, что они собрали значительный фактический материал, проводили социологические исследования, определили тенденции и перспективы эволюции советского социума.

С 1985 г., с началом перестройки ключевой темой стала проблема альтернативности общественного развития. В первые годы ее проведения закономерность социалистического выбора не оспаривалась⁹. Однако по мере изменения политической ситуации социалистические ориентиры, идеология марксизма-ленинизма становятся главным предметом дискуссий¹⁰. Одни обществоведы считали возможным трансформацию государственно-бюрократического социализма в гуманно-демократическую модель общества¹¹, другие – отрицали возможность реализовать на практике марксистские идеи государственного устройства¹².

На фоне этих дискуссий стало меняться само содержание историографии, прежде всего, с точки зрения понимания места и роли государства в социально-экономическом развитии общества, содержания его функций, системы гарантий прав человека. Декларировавшиеся требования «больше демократии», «продать экономике человеческое лицо», «развивать

самостоятельность, самоуправление» воспринимались учеными как конкретная программа действий. В работах Б. В. Архипова, Ф. М. Бородинна, И. А. Глебова, Т. И. Заславской, К. И. Миккульского, Л. И. Пияшевой, Г. Я. Ракитской, В. З. Роговина и др. активно обсуждались альтернативные проекты социально-экономического развития общества, вопросы демократизации системы государственного управления, место и роль «человеческого фактора» в преобразованиях¹³. Значительный пласт литературы посвящен проблемам социальной инфраструктуры, изучавшейся С. И. Борзиловым, С. Г. Важениным, Ж. Т. Тощенко, Б. Н. Хомелянским, А. Ю. Шариповым, С. А. Шмель¹⁴. Несмотря на разные авторские позиции, их объединяла мысль о том, что никакие реформы, финансовые вложения, а равно директивы и призывы не дадут эффекта, если процессы перестройки не будут затрагивать интересов человека, его жизненной среды.

Историография этого этапа пополнялась коллективными трудами, издававшимися, в частности, под единой рубрикой «Гласность. Демократия. Социализм»¹⁵. Многие из них носили междисциплинарный характер, шел поиск путей реализации политики перестройки, построения правового цивилизованного государства. Например, по инициативе Академии наук СССР в середине 1980-х гг. была разработана комплексная программа научных исследований «Человек, научно-технический прогресс, общественные отношения: ускорение», рассчитанная до 2000-х гг. Общий замысел объединил представителей самых различных отраслей науки – гуманитарных, естественных, технических¹⁶. В рамках программы вышли такие монографии, как «Новый социальный механизм», «Человек. Наука. Производство», «Общественные отношения сегодня»¹⁷.

Среди других академических изданий выделяется монография «На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе» (М., 1990 г.), подготовленная в Институте марксизма-ленинизма. В историко-социологических очерках Л. Н. Пономарев и В. В. Шинкаренко проанализировали изменения, произошедшие в Советах, КПСС, общественных организациях, трудовых коллективах с апреля 1985 г. в свете решений партийных съездов¹⁸.

Разноплановой по характеру, содержанию и оценкам явилась историография «неформального движения»¹⁹. Если А. В. Громов и О. С. Кузин, опираясь на программные документы объединений, оценивали самостоятельные движения через призму «актива перестройки»²⁰, то В. Н. Березовский ставил задачей своих исследований²¹ изучение формирования

правового механизма включения политических партий в систему принятия важнейших государственных решений, процесса их институционализации и связанного с этим участия в репродуцировании корпуса политиков и государственных деятелей. В соответствии с этой целевой установкой объектами изучения стали общественно-политические формирования, государственные решения в области функционирования политической системы. В работах М. В. Малютина рассмотрены основные этапы и идеологии различных неформальных организаций, включая и национально-патриотические движения²².

Интерес общественности ко многим аспектам перестройки стимулировался учебными и научными учреждениями КПСС. В этом плане показательны материалы круглого стола «Партия и новые общественно-политические движения: проблемы диалога»²³, состоявшегося 24 января 1990 г. в рамках подготовки к XXVIII съезду КПСС. В нем приняли участие научные сотрудники Института марксизма-ленинизма и Академии общественных наук при ЦК КПСС, работники партийного аппарата, представители более 15 неформальных организаций разных направлений. Подобные научно-популярные издания закладывали основу для будущего академического осмысления процессов демократизации советского общества.

Противоречивые события и результаты перестройки отражались в трудах политической элиты страны того периода²⁴. В ряде работ преимущественно партийных функционеров КПСС доминировало категорическое неприятие реформ М. С. Горбачева и его самого как эффективного политика²⁵.

На региональном уровне исследовательское внимание в рамках первого периода привлекли динамика общественного движения²⁶, эволюция советского государственного управления²⁷, перестройка производственной сферы в Удмуртии²⁸. Заметным событием в научной жизни республики стал выход в 1990 г. сборника работ ученых и общественных деятелей о проблемах межнациональных отношений²⁹ как отклик на итоги сентябрьского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС, посвященного данной проблеме.

Второй этап в отечественной историографии транзитного общества связывается с исчерпанием в 1993 г. советской традиции, а также усвоением либерально-демократических ценностей. Он продолжается до настоящего времени.

В центре авторского внимания по-прежнему оказались перестроенные процессы, дальнейшее осмысление которых также происходило

в остро полемическом тоне. Ее «прорабы», раскрывая смысл, задачи и содержание «социалистической реформации», пытались оправдаться в глазах широкой общественности³⁰. Консервативная часть бывшего руководства СССР оставалась на позициях неприятия преобразований³¹. Данные работы, с учетом их специфического характера, могут рассматриваться одновременно и как источники для изучения исторического процесса конца 1980-х гг.

Проблемное изложение основных событий периода перестройки характерно и для ряда академических изданий. Заслуживает внимания, хотя и небесспорная, позиция историка И. Я. Фроянова³² в оценках политики М. С. Горбачева, в которых он следует озвученной Р. А. Медведевым концепции «сдачи позиций». Согласно мнению первого, практика реформирования политических отношений и экономики имела целью развал СССР и крушение социалистической системы. Б. Н. Ельцин продолжил курс на строительство капитализма, способствуя созданию условий для разграбления страны Западом. Авторитаризм М. С. Горбачева явился подготовительным этапом установления диктаторских методов властвования, характерных для Б. Н. Ельцина.

Одну из первых попыток оценить место и роль советской цивилизации в истории нашей страны и мирового сообщества на рубеже 1990-х – 2000-х гг. предпринял С. Г. Кара-Мурза. Из его изданий³³ выделяется книга «Советская цивилизация»³⁴, второй том которой посвящен периоду от «Великой Победы» до начала XXI в. Его позиция также характеризуется неприятием современной «Смуты» и обвинениями в адрес «верхушки КПСС», передавшей власть «радикальной антисоветской группировке из рядов своей же номенклатуры», выполнившей «грязную и явно преступную часть работы по уничтожению СССР и Советского государства»³⁵.

Научный интерес представляет двухтомная «Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация», подготовленная докторами исторических наук С. В. Кулешовым, О. В. Волобуевым, В. В. Журавлевым и В. В. Шелохаевым³⁶. Второй том книги охватил политическую историю страны с 1917 г. до середины 1995 г. На основе документального материала показаны становление, функционирование и крах тоталитарной системы. Две заключительные главы рассматривают пределы внутрисистемной реформации, проведенной М. С. Горбачевым, и радикальную модернизацию времен Б. Н. Ельцина.

Необычным по жанру явилось также двухтомное издание «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал»³⁷ под общей

редакцией Ю. Н. Афанасьева, в котором ученые и общественные деятели совместно с зарубежными коллегами попытались осмыслить историческое прошлое России на основе новейших данных и архивных источников. Заключительный том включил период с середины 1940-х гг. до начала 1990-х гг.; от превращения СССР во вторую сверхдержаву мира до распада социалистического лагеря, самоликвидации КПСС, развала Советского Союза, завершения холодной войны. Комплексно показана взаимосвязь событий, характеризующих процессы гипертрофированного развития во всех союзных республиках ВПК, местной номенклатуры, теневой экономики, усиления центробежных сил. Значительное внимание уделено возрождению рабочего движения, взрыванию социального протеста в широких слоях населения. В целом книга характеризуется резкой критикой и неприятием политики перестройки.

Среди обширного круга исторических публикаций, вышедших в этот период³⁸, следует отметить обобщающие труды В. В. Согрина и А. С. Барсенкова³⁹. Они провели подробный анализ методологии и историографии проблемы, предложили периодизацию начального этапа современной российской истории, системно изложили основные события рассматриваемой эпохи, показали место и роль основных политических акторов.

Так, В. В. Согрин делит современный период российской истории на четыре стадии: три завершенных и одна незавершенная, начавшаяся с приходом к власти В. В. Путина. Главным критерием такого членения выступили результаты модернизации российского общества, которые могли позволить России ликвидировать отставание от экономически развитых стран. Первая из них (1985–1986 гг.), т.н. «ускорение», не затронув основ советского строя, усугубила и без того сложное социально-экономическое положение страны. Вторая стадия (1987–1991 гг.), новая стратегия преобразований, предусматривала политическую демократизацию и введение товарно-рыночного (хозрасчетного) социализма. Результатом ее осуществления стал экономический кризис и укоренение политической демократизации (плюрализм, многопартийность, департизация Советов). Третья стадия, начавшаяся с крахом СССР и коммунистического режима, совпавшая с президентством Б. Н. Ельцина, означала для России проведение радикальных либерально-рыночных экономических реформ, имевших неоднозначные и драматические последствия. Острые противоречия третьей стадии модернизации реанимировали «почвенническое» начало российской цивилизации, идею сильного государства, воплощенную в «феномене Путина»⁴⁰.

Активизация исследований трансформации современного российского общества произошла в середине первого десятилетия XXI в., когда политическая элита страны занялась поиском новых идеологических оснований государственно-правового строительства. Очередной импульс изучению переходного состояния отечественной государственности, в том числе и его регионального аспекта, придали мероприятия, посвященные десятилетию принятия Конституции РФ. В 2004 г. был издан сборник «Конституция Российской Федерации: стабильность и развитие общества», основу которого составили материалы тематической научно-практической конференции, организованной Президиумом РАН⁴¹. 20 января того же года в Москве на базе Академии труда и социальных отношений состоялась научно-практическая конференция «Концепция социального государства Российской Федерации» и международный круглый стол «Социальное государство: опыт, проблемы». Исходя из мировой практики и итогов развития страны в последнее десятилетие XX в., ведущими учеными были уточнены признаки и механизмы достижения социального государства, понимаемого как «правовое демократическое государство, которое провозглашает высшей ценностью человека и создает условия для обеспечения достойной жизни, свободного развития и самореализации творческого (трудового) потенциала личности»⁴².

В 2004 г. вышел сборник работ, посвященный 60-летию известного ученого А. И. Уткина. В завершающей издании статье «Основной фактор крушения Российской и советской империй» В. В. Шелохаев отметил особую роль личности в историческом развитии Российского государства. Он, в частности, писал, что «в отечественной истории личность носителя власти, начиная с Ивана Грозного, имеет глобальную и определенную роль, заменяя и вытесняя на периферию другие факторы. В этом-то и заключается специфика и особенность России. Отсюда следует общий вывод, что императорская Россия и советская империя потерпели крушение, прежде всего, из-за личностного фактора. Поэтому отбор и выбор политического лидера в России приобретает особое значение. От того или иного выбора зависит будущее страны»⁴³. С этим выводом можно согласиться лишь отчасти, т.к. роль личности велика в развитии любого государства: У. Черчилля и М. Тэтчер, например, для Великобритании, Наполеона для Франции, Р. Рейгана для США, С. Хусейна для Ирака и т.д. Многие имена выдающихся политиков мира стали нарицательными («тэтчеризм», «рейганомика» и т.п.).

В изданной в 2005 г. коллективной монографии «История России: конец или новое начало?» представлено современное либеральное понимание российской истории с древнейших времен до наших дней. По замыслу авторов идеологически книга направлена, прежде всего, против отечественных «почвенников», против «их понимания «государственности» как реанимации авторитарной политической традиции». Ученые также заявили, что «их попытки обосновать необходимость такой реанимации выглядят в наших глазах и внеисторичными, и внесовременными... Они внеисторичны, потому что догосударственная культура крестьянской России, питавшая прежние проекты самобытного «особого пути», перемолота коммунистической индустриализацией и урбанизацией. Они внесовременны, потому что не содержат ответов на вызовы информационной эпохи»⁴⁴. Данная группа обществоведов убеждена в том, что стратегической альтернативой нынешней ситуативной государственности может быть только современная правовая государственность либерально-демократического типа, подконтрольная гражданскому обществу. Стоит заметить, что эта идея нацелена на долгосрочную перспективу, ибо гражданское общество в России находится в зачаточном состоянии и не в силах пока выполнять контрольную функцию.

Эволюция общественно-политических отношений в Удмуртии второй половины 1970-х – 1990-х гг. стала объектом исследований в меньшей степени. Лишь на рубеже XX–XXI вв. появились работы, обобщающие становление новых политических институтов в контексте реформирования России 1990-х гг. Одним из первых к региональным проблемам трансформации обратился кандидат философских наук Б. П. Басов⁴⁵. В своей работе «Трудное время перемен (Россия в 1991–1994 гг.)» на основе обширного фактического материала он предпринял попытку проанализировать исторический фон реформ, приведших общество к глубокому системному кризису, рассмотреть некоторые аспекты формирования новой власти, проследить динамику этнических процессов, определить место республики в социально-экономическом и политическом развитии РФ. Вместе с тем региональный аспект требовал более развернутого описания и глубокого изучения.

Особое место среди исследователей современной политической истории Удмуртии занимает доктор исторических наук К. И. Куликов. Он актуализировал задачу осмысления первых результатов трансформационных процессов и попытался решить ее в содружестве с этнологами⁴⁶. Его труд «Удмуртия – субъект России (1990-е годы)»⁴⁷ посвящен,

главным образом, постсоветскому этапу развития. В центре внимания автора – этнополитические процессы, межнациональные отношения и государственное обустройство России и Удмуртии; в меньшей степени освещены социально-экономические и культурные проблемы. Введение в научный оборот оперативных документов государственных и общественных органов РФ и УР позволило К. И. Куликову обобщить результаты процессов демократизации и перестройки, их влияние на развитие общественно-политических и национальных движений, показать пагубность либеральных реформ для исторических судеб не только удмуртского, но и других народов республики.

Историографическая ситуация в Удмуртии изменилась с выходом в рамках международного исследовательского проекта «Этничность, конфликт и согласие» программы ЮНЕСКО MOST (Management of Social Transformations) первого монографического издания «Удмуртская Республика. Модель этнологического мониторинга»⁴⁸. В нем, ставшем своего рода паспортом региона, отражено состояние географических факторов, демографии и миграции, охарактеризованы в исторической динамике власть, государство и политика, экономика и социальная сфера, культура, образование, информация, контакты и стереотипы населения, внешняя среда жизнедеятельности УР как государства в составе РФ. К достоинствам книги следует отнести карты, таблицы, интерактивную матрицу, фиксирующую позитивную и негативную динамику развития общественных процессов и позволяющую обеспечить сбалансированные решения в области преодоления конфликтов.

Актуальной для гуманитарной науки стала совместная работа И. В. Егорова и Кимитаки Мацузато, профессора Центра славянских исследований при университете Хоккайдо «Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)»⁴⁹, выполненная в рамках проекта «Сравнительный анализ элиты шести средневожских национальных республик Российской Федерации» под эгидой Министерства образования, науки, спорта и культуры Японии. В ней анализируется установление и функционирование в Удмуртии парламентской системы как результат горбачевской «десантной политики», ослабившей позиции обкома КПСС и облегчившей переход власти от партии к Верховному Совету (ВС) УР. Другой спецификой республики, в отличие, например, от таких прогрессивных регионов, как Москва и Свердловская область, стало длительное отсутствие нового ядра власти, заместившей роль партийной вертикали под эгидой губернатора (президента)⁵⁰.

Философское осмысление этапов модернизации восточных финнов (коми, марийцы, мордва и удмурты) отчасти реализовано в монографии И. К. Калинина⁵¹, чья теоретико-методологическая позиция противостоит как марксизму, так и методологическому индивидуализму западной школы обществознания (Карл Поппер, Фридрих Хайек), которой придерживается ряд отечественных ученых. Процесс модернизации восточных финнов автор разделил на три этапа: первый начался с середины XIX в. (появление коми интеллигенции), а для марийцев, мордвы и удмуртов – с конца XIX в.; второй – с февраля 1917 г. и создания национально-территориальных автономий. Характерной чертой третьего, современного этапа («возрождение»), начавшегося в конце 1980-х гг., стала конфронтация индивидуализма и национализма, что способствовало распаду СССР и суверенизации республик. Либеральные реформы дискредитировали идеи демократии и существенно подорвали социальную базу демократических организаций, а также национального движения. Их итоги, по мнению И. К. Калинина, оказались удручающими: индивидуализм, поощренный новой государственной властью, стал для восточно-финских народов таким же «врагом», как и социалистический тоталитаризм⁵².

Очередную попытку системного анализа перемен, произошедших в политической, экономической и культурной жизни УР в 1990–2000 гг., предпринял авторский коллектив (работники государственных и муниципальных органов УР, историки и этнологи) учебно-методического пособия «Удмуртия в годы реформ»⁵³. Наряду с очевидными достоинствами (междисциплинарный подход к изучаемому периоду, комплексный характер документов), издание может вызвать неоднозначное отношение к ряду положений. Так, по оценке авторов, опыт переосмысления страной и республикой своего исторического развития имел положительным результатом возвращение в русло общечеловеческого развития⁵⁴, что достаточно спорно. Изложение современной истории начинается лишь с 1990 г., когда со всей очевидностью выявились пределы внутрисистемной реформации. При этом конечный этап советской истории рассматривается в рамках первого пятилетия 1990-х гг., что существенно затрудняет анализ перехода страны к рыночным базовым ценностным ориентациям. Видимо, поэтому не получили освещения причины и предпосылки реформ.

Политические отношения в Удмуртии в 1990-е гг. стали самостоятельным объектом исследования С. Н. Уварова. В ряде работ⁵⁵ он раскрыл свое видение исторических условий политических преобразований, проанализировал основные их этапы, рассмотрел влияние трансформа-

ционных процессов на социально-экономическое развитие республики. На региональном материале нашла подтверждение гипотеза о том, что одной из определяющих причин реформ стала бюрократизация всех звеньев советской политической системы. Переход власти от партии к государственным органам (первый этап политических реформ, 1988–1991 гг.) облегчался вытеснением в результате выборов партийных чиновников. Второй этап (1991–1994 гг.) характеризовался противостоянием законодательной и исполнительной власти, закончившимся принятием Конституции Удмуртии как парламентской республики, отразившей компромисс между основными элитными группами. Третий период (1995–2000 гг.) определен как построение «вертикали власти», завершивший эволюцию властных полномочий исполнительной власти. Проследивая взаимосвязь социально-экономического развития Удмуртии и изменений в политической системе, С. Н. Уваров сделал обоснованный вывод о том, что реформы создали предпосылки для разгосударствления экономики и прихода к власти радикальных «рыночников», слияния в конечном итоге власти и бизнеса, и образования элиты, проводящей охранительную политику. Позитивно оценивая результаты исследования, следует отметить определенный субъективизм в рассмотрении характера, методов и результатов реформ, данных через призму политических симпатий.

К обобщающим исследовательским работам следует отнести издание «Удмуртия в зеркале двадцатого столетия»⁵⁶. Статьи, представляющие собой хронику событий политического, социально-экономического и культурного плана, подготовлены сотрудниками Центрального государственного архива УР (ЦГА УР) и Центра документации новейшей истории УР (ЦДНИ УР). Особая ценность труда выражена в том, что он составлен на архивных документах с привлечением материалов республиканских СМИ. При этом основные факты истории СССР и России даны в контексте их отражения в Удмуртии.

Не осталась без внимания научной общественности и опубликованная в 2004 г. монография С. Л. Бехтерева «Политическое развитие Удмуртии на завершающем этапе советской истории». Книга стала первым академическим исследованием становления новых общественно-политических отношений в Удмуртии как одном из типичных регионов Советского Союза во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. В названной работе были последовательно рассмотрены «перестройка» производственной сферы как первый этап «развертывания социалистической демократии»; эволюция государственного управления; изменения

в партийно-политической деятельности КПСС; динамика общественного движения. В монографии получили освещение различные аспекты развития УР в начальный период либеральных преобразований, направление которого в значительной степени определялось завершением реформирования органов советской власти, дальнейшей дифференциацией участников политического процесса.

Творческие наработки региональных историков создали условия для подготовки и выхода в свет в 2005 г. фундаментальной «Истории Удмуртии: XX век», особая глава которой посвящена политическим и социально-экономическим трансформациям Удмуртии во второй половине 1980-х – 1990-х гг. На основе обширного корпуса новых источников был сделан главный вывод о том, что к 2000 г. в республике «сложился тип хозяйствования и управления, характерный для так называемых «транзитных стран», или государств «переходного состояния»⁵⁷.

В обзорных и словарных статьях энциклопедии «Удмуртская Республика», выдержавшей два издания (2000, 2008 гг.), содержатся обобщенные данные об эволюции государственного строя, общественно-партийном строительстве, а также биографические материалы о представителях политической, культурной, деловой элиты республики. Несмотря на высокое качество, необходимо учитывать специфический характер этих работ, фиксирующих лишь определенный этап в развитии локального сообщества.

В следующей группе исследований центрального и регионального уровней продолжена традиция рассмотрения институтов советской политической системы периода перестройки. Здесь также выделяются как обобщающие, так и посвященные отдельным проблемам труды. В работах правоведов освещены изменения конституционного строя СССР и РСФСР, показаны некоторые аспекты деятельности съездов народных депутатов, союзного и российского Верховных Советов⁵⁸. Неоднозначна оценка места и роли КПСС в реформах 1985–1991 гг.⁵⁹

Принятие в 1993 г. Конституции РФ активизировало дальнейшую разработку социальных проблем. В этом плане содержательны труды таких ученых и политиков, как В. Д. Дзодзиев, А. В. Корнев, Л. С. Мамут, В. П. Милецкий, Г. А. Николаев, Б. В. Ракитский, Ю. В. Скоков, В. А. Торлопов⁶⁰. Некоторые из них считали, что можно говорить только о переходе к социальному государству, а в конституционном положении видеть пока лишь программную установку. Как полагает, в частности, Я. В. Шабанов, в центре внимания оказался вопрос о серьезном расхождении между рисовавшимися реформаторами перспективами

страны, предстоящими положительными переменами и реальной ситуацией. В этой связи заговорили о цене, которую вынуждено было платить российское общество за форсированное вхождение в рынок (Л. А. Гордон, И. Е. Заславский, В. И. Жуков, Э. В. Клопов, А. Я. Лифшиц, А. С. Морозов, С. Ю. Наумов)⁶¹. Ряд исследователей критиковал избранный курс социально-экономического развития, усматривая основную причину глубоких деформаций в резком ослаблении позиции государства в социальной сфере. Так, по мнению Е. Е. Жоголевой, позитивные изменения сдерживались отсутствием тактической линии со стороны государства. Оно отказалось не только от изживших себя командно-административных методов управления экономикой, социальными процессами, но и от необходимости их регулирования. Отсюда возникли спонтанность в принятии решений, слабое прогнозирование, высокие социальные издержки реформ⁶².

Значительным стимулом в дальнейшем освоении социальной истории выступили научные чтения памяти академика И. Д. Ковальченко, результаты которых опубликованы в 2000 г.⁶³ Наиболее интересны в плане изучения содержания модернизационного процесса наработки в сфере социальной защиты населения, осуществленные Г. С. Еськовым, Э. Г. Зайнышевым, К. В. Кузьминым, П. Н. Лебедевым, Л. В. Пановой, Н. Л. Русиновой, Б. А. Сутыриным и др.⁶⁴ Объектом внимания становились такие категории, как молодежь, инвалиды, пенсионеры, другие малозащищенные слои населения. Были проанализированы действовавшие механизмы социальной помощи и поддержки; давалась оценка принятым целевым программам, изучались результаты их практической реализации. Характеризуя в целом эту часть историографии, Я. В. Шабанов отметил две основные позиции, которых придерживались исследователи. Одни полагали, что систему социальной защиты необходимо расширять, и это является прямым делом государства, общественных институтов. Другие же считали, что усилия должны быть направлены на создание условий для реализации каждым человеком своего трудового, творческого потенциала, при этом сужая сферу государственной благотворительности⁶⁵. Как свидетельствует авторский опыт, эти дискуссии получили отражение и в практике органов социальной защиты населения УР.

В 1990-е гг. появились работы, анализирующие возникновение, организационное становление партий и движений, эволюцию их идеологических позиций и собственно политическую деятельность⁶⁶. В данный период, по свидетельству В. Н. Казмина⁶⁷, сформировались региональные

научные центры по изучению многопартийности в России: в Поволжье (Г. И. Тафаев и Г. Н. Крайнов), г. Омске (С. В. Новиков и др.), г. Новосибирске (В. В. Демидов, А. Г. Осипов, В. И. Козодой и др.). Здесь регулярно стали проходить научные конференции по данной проблематике⁶⁸.

Весьма плодотворными оказались результаты исследований уральских партологов. Так, в октябре 1995 г. под эгидой экспертно-аналитического центра Независимого общественно-политического объединения «Возрождение» был выпущен первый в регионе справочник, включивший информацию о более чем 200 политических партиях, движениях, группах и объединениях Свердловской, Пермской, Челябинской, Оренбургской областей и УР. В 1995–1996 гг. подобные издания публиковались по отдельным областям Уральского экономического района. Наконец, в 1998 г. сотрудниками Уральского информационно-аналитического центра изучения региональной политики «Урал-эксперт» (руководитель – Н. Г. Привалов) был издан обновленный справочник «Основные общественные и другие некоммерческие организации Урала»⁶⁹.

История современной политической системы получила отражение в научном творчестве доктора исторических наук Г. В. Мерзляковой. В центре ее исследовательского внимания оказались, прежде всего, проблемы женского движения в России и Удмуртии⁷⁰, изучаемые, в том числе, в рамках федеральной целевой программы «Женщины России: проблемы адаптации и развития в новых социально-экономических условиях». Наиболее значимыми представляются выводы, подтверждающие мнение лидеров женского движения о снижении социального статуса женщин в эпоху рыночных отношений, что объективно заставляет их формулировать собственные интересы и реализовывать их через политические институты.

Исследовательское внимание ученых во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. по-прежнему привлекали изменения в партийно-политической деятельности Удмуртского обкома КПСС в перестроечный период⁷¹, динамика общественного движения⁷². Относительно новыми историографическими сюжетами стали источниковедческий аспект современной региональной политической истории⁷³, историко-правовые вопросы советской политической системы⁷⁴, общие и частные проблемы эволюции государственности Удмуртии в составе России⁷⁵, осуществление конституционной реформы в республике⁷⁶, становление органов местного самоуправления⁷⁷, региональный избирательный процесс⁷⁸, развитие правового статуса общественных объединений⁷⁹, социальные

и экономические аспекты новых общественно-государственных отношений⁸⁰.

К концу первого десятилетия 2000-х гг. вызрели условия для научного осмысления состояния властной системы послевоенного периода, в рамках которого произошло крушение СССР и возникли конституционно-правовые основания современного Российского государства. Этой проблеме посвящены, в частности, две монографии Р. Г. Пихоя⁸¹, в 1990–1995 гг. возглавлявшего Государственную архивную службу РФ. Его оригинальная концепция строится на утверждении, что реальная власть в СССР принадлежала не только КПСС, а распределялась между четырьмя ведомствами: ЦК КПСС, Советом Министров, КГБ и Министерством обороны. Помимо этого, в состав властной элиты входили также представители высшего звена политического руководства на местах: секретари обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик и т.д.⁸² Кроме того, автор использует привычный термин «эпоха застоя», но связывает его начало не с приходом к власти Л. И. Брежнева, а с рубежом 1960-х – 1970-х гг. Он подчеркивает, что во второй половине 1960-х гг. советская экономика развивалась еще достаточно динамично, был дан старт реформе А. Н. Косыгина, и консервативные тенденции в политике не проявились в полной мере. Тем не менее вопрос о допустимых пределах реформирования всегда оставался крайне болезненным для советского руководства. Закономерным итогом брежневской эпохи стал системный кризис советского государства в начале 1980-х гг., в конечном итоге предопределивший распад Советского Союза.

Актуальны замечания Р. Г. Пихоя относительно 1991 г., ставшего водоразделом между «двумя историями одной страны», во многом непохожими одна на другую. Они были развиты в коллективных монографиях «История современной России. Кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х – 1991 гг.» и «История современной России. Десятилетие либеральных реформ: 1991–1999 гг.», подготовленных в соавторстве с С. В. Журавлевым и А. К. Соколовым и вышедших соответственно в 2008 и 2011 гг.⁸³ Детальный анализ начального периода реформ позволил ученым сделать вывод о том, что их следствием явились нарастание политического противостояния и трагедия осени 1993 г. В свою очередь, крушение советского режима привело к необратимым изменениям в российском обществе и государстве. Однако, ликвидировав прежнюю систему государственного управления, основанную на всевластии советов, Б. Н. Ельцин и его сторонники

выбрали противоположную крайность: в новой Конституции РФ 1993 г. избыточными полномочиями оказался наделен Президент. Характерными чертами социальной жизни середины – второй половины 1990-х гг. стали депрессия, усталость общества, усугублявшиеся экономическими трудностями, ростом преступности, чеченской войной, политической борьбой в эшелонах власти, закончившейся уходом в отставку Б. Н. Ельцина. Немало проблем остается и в настоящее время. Небезосновательна тревога авторов относительно сохраняющейся зависимости российской экономики от экспорта сырья и др. Проблемы, затронутые в монографиях Р. Г. Пихоя и его коллег, актуальны и для УР.

1991 г. как последний год существования СССР стал объектом анализа известного исследователя новейшей истории России Н. А. Зеньковича, занимавшего крупные посты в ЦК КПСС, ГД и СФ ФС РФ. Его высокий политический статус дал возможность на основе недоступных широкому кругу ученых источников (личный архив автора, оригиналы документов ГКЧП и др.) воссоздать реальную картину распада Советского Союза, оценить его последствия для будущего развития страны и мирового сообщества⁸⁴.

Среди изданий, посвященных проблеме преемственности между советской и постсоветской эпохами, следует выделить коллективную монографию «Советское наследство». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России», опубликованную в 2010 г. В книге показана судьба и неоднозначная роль советских социальных, экономических и культурных традиций в меняющейся институциональной среде перестроечного и переходного периодов⁸⁵.

В это же время стали появляться работы по такому относительно новому сюжету современной российской политической истории, как оппозиция. Одна из них – коллективная монография Ю. Н. Дорожкина, Л. М. Мусиной и С. Н. Шкеля «Политическая оппозиция постсоветской России: этапы и особенности становления»⁸⁶. Книга охватывает период с 1985 по 2005 гг. и подробно описывает стадиальность процесса, анализирует конкретные исторические условия, специфику политической борьбы на каждом этапе эволюции оппозиции в нашей стране. Работа отличается новизной подходов, однако с некоторыми выводами можно поспорить. Так, дискуссионным является утверждение авторов о том, что в 1985–1991 гг. наиболее сильными оппозиционными группами выступали не столько политические образования демократического (общественного) характера, сколько элитные группировки, вышедшие из партийной

номенклатуры. В Удмуртии, например, наблюдалось заметное влияние как раз демократической составляющей общественного движения. Его представители смогли стать депутатами ВС УАССР последнего созыва, а также местных органов власти. Напротив, актуален вывод коллег о слабости в 1993–1999 гг. тех общественных партий, которые создавались инициативными группами. Они не имели никаких шансов на выживание. Тем не менее, полагают авторы, именно в эти годы в России сложилась и институционализировалась политическая оппозиция парламентского типа, без особого труда нейтрализованная властью из-за своей незрелости.

Проблема существования оппозиции в современной России привлекла внимание и отечественных правоведов. В частности, С. В. Васильева попыталась проанализировать такие, ставшие реальностью явления, как инакомыслие, альтернативные общественные мнения и др. Автор особо подчеркнула, что политическая оппозиция – это одновременно право и обязанность общественно-политических сил и национальное достояние демократического государства⁸⁷. Рассматривая оппозицию в общетеоретическом плане, С. В. Васильева сделала конкретные выводы относительно постсоветской России. С одной стороны, она признала ее существование и в нашей стране, но с другой – констатировала отсутствие в федеральном законодательстве формальных критериев институционализации оппозиции. Это обстоятельство, по ее мнению, до сих пор не позволяет определить круг субъектов, которых следует наделить статусом политической оппозиции. Выходом из создавшегося положения может стать принятие закона о гарантиях оппозиционной деятельности (о политической оппозиции), способствующего должному развитию политической конкуренции.

Обширную группу публикаций составили исследования российской элиты. В работах представлены современные теории элит⁸⁸, проанализированы некоторые аспекты формирования и взаимоотношения властных структур центра и периферии, характерные для России 1990-х гг.⁸⁹

Существует ряд моделей описания формирования новой российской элиты. Первая – «революционная» смена элит, осуществленная в процессе перехода от тоталитаризма к демократии. Наибольшее распространение подобные воззрения получили на начальном этапе реформ, в период демократического романтизма (начало 1990-х гг.). Представители другого направления считают, что принципиальной смены элит не произошло, сменились лишь декорации с коммунистических на псевдодемократические. В 1991 г. на смену отстраненному от власти первому эшелону

номенклатуры пришли руководители более низких рангов. Третьим направлением отмечается, что произошла трансформация бывшей партийно-советской элиты в новую постсоветскую (политическую и экономическую элиты)⁹⁰. Как заметил В. Я. Гельман, подобная трактовка восходит к интерпретации элит советского периода как «номенклатуры» в духе Милована Джиласа и М. С. Восленского, ставшей наиболее распространенной в науке и публицистике⁹¹.

Наибольшую известность в академических кругах получила монография руководителя сектора изучения элиты Института социологии РАН О. В. Крыштановской «Анатомия Российской элиты»⁹², подводящая итоги ее 15-летней работы по данной проблематике. В книге на основе авторской концепции двух типов обществ – экономического и политического – проведен сравнительный анализ четырех поколений элит: «брежневской», «горбачевской», «ельцинской» и «путинской». Особый интерес представляет наблюдение О. В. Крыштановской относительно ситуации во власти, сложившейся с приходом к руководству страной В. В. Путина. Этот факт, по ее мнению, стал облегчением для российской элиты. Началась стабилизация и реставрация моноцентрического устройства государства. Одновременно происходит процесс «советизации» политических отношений, означающий, что «демократизация сдает вспять», а реформы свертываются⁹³.

В данной связи интересны наблюдения российских юристов относительно воздействия национальной и политической элит на правовую систему государства, отраженные, в частности, в коллективной монографии В. В. Богатырева и И. В. Дунаевой⁹⁴. В своих посылах авторы исходят из того, что право должно являться мерой поведения для всех членов общества. Однако, российская политическая практика показывает, что элита, формируя правовую систему, создает для себя некоторые ниши, благодаря которым выработанные ею нормы на нее саму не распространяются. В качестве примера ими приводятся депутатская и судебная неприкосновенность, сложный механизм смещения с поста Президента РФ и т.д. Поэтому там, где образуется правовой вакуум, не только возникает почва для злоупотреблений и коррупции, но и ставится под угрозу возможность воплощения демократии. Этот вывод, основанный на политических реалиях 1990-х гг., актуален и для сегодняшнего дня.

Научную и практическую значимость приобрело изучение региональной составляющей элитообразования⁹⁵. Определенный интерес вызывает процесс формирования новой политической элиты в регионах Поволжья

и Урала, усилившийся после образования в 2000 г. ПФО, с включением в него ряда субъектов, ранее тяготевших к «Большому Уралу» (например Удмуртия, Пермская область (край))⁹⁶.

В трудах А. Б. Бучкина и Л. Д. Фирулевой⁹⁷ нашли отражение результаты политической реформы конца 1980-х гг., одним из которых стало преобладание в современной административной системе тех управленцев, которые, наряду с признанием необходимости перемен, сохранили номенклатурные «правила игры». Напротив, контрэлиты, родившаяся из демократического вызова масс, оказалась способной заменить традиционалиста-управленца лишь отчасти.

Ряд научных работ С. Л. Бехтерева и Л. Н. Ерохиной посвящен конкретно-региональному аспекту формирования нового облика республиканской элиты. Если для исследований первого автора объектом анализа явилась толерантность как механизм взаимодействия политических элит, ее место и роль в сохранении и (или) изменении властных отношений⁹⁸, то Л. Н. Ерохина изучает комплекс проблем, связанных с функционированием органов государственной власти в УР. В центре исследований этого автора, осуществленных при поддержке Института «Открытое общество», – соотношение элиты, общества и СМИ как трех сторон информационно-политического треугольника, в котором две последние отличаются ярко выраженной эмоциональностью в изложении своих политических представлений, тогда как политическая элита Удмуртии, представляя саму себя на страницах газет, тяготеет к официальной, сдержанности и некоторой обезличенности⁹⁹. Ценным наблюдением Л. Н. Ерохиной является стремление республиканской элиты к закрытому, авторитарному, хроно- и логоцентричному типу власти, детерминированное тем обстоятельством, что ведущие региональные политики за время своей карьеры, начатой еще в советские времена, чаще назначались, нежели избирались на свои должности¹⁰⁰.

Проблемы транзитного состояния российского общества и государства получили развитие в исследованиях других гуманитарных направлений. И хотя многие из них посвящены первому десятилетию XXI в., эмпирическую базу составили результаты модернизации второй половины 1970-х – 1990-х гг.

Теоретико-методологические аспекты транзитологии рассматриваются в трудах Н. Н. Лебедевой и К. А. Туманянц, В. В. Согрина, А. Н. Яковлева, сотрудников Центра этнополитических исследований Государственного университета – Высшей школы экономики¹⁰¹, современные механизмы

осуществления власти – В. И. и С. В. Василенко, В. Я. Гельмана, Л. В. Карнаушенко, М. Н. Коновалова, В. В. Лобанова, В. Б. Пастухова, Е. В. Штурбы¹⁰², реализация социальной политики – Т. Ю. Сидориной, Я. В. Шабанова¹⁰³, этнонациональные аспекты демократизации – Л. М. Дробижевой¹⁰⁴, эволюция региональной политики РФ – В. В. Кистанова, О. В. Кузнецовой¹⁰⁵, историческая общность судеб современной России и СССР – В. Л. Каганского¹⁰⁶, итоги перестройки – О. А. Анохиной, Н. А. Косолапова, Ю. А. Левады, А. В. Шубина¹⁰⁷, динамика нормативно-ценностной системы российского общества – Л. А. Седова, Н. Е. Тихоновой¹⁰⁸, современные характеристики партийной системы – Ю. Г. Коргунюка¹⁰⁹ и т.д.

Наиболее часто встречающимися в научной литературе тематически сюжетами являются конституционно-правовые предпосылки эволюции государственного строя РФ¹¹⁰. Так, А. Н. Медушевский размышляет о современном российском конституционализме с позиции адекватности отражения в Законе, обладающем высшей юридической силой, содержания переходного состояния всего мирового сообщества¹¹¹. Далее, Т. М. Прякина пытается интерпретировать доктринальные положения ныне действующей Конституции РФ¹¹². В центре исследовательского внимания В. А. Лебедева и В. В. Киреева оказались ценности суверенной демократии как конституционной идеи России¹¹³. На основе сравнительного анализа функционирования Советского и Российского государств В. Е. Сафоновым разрабатывается проблема становления современной отечественной государственности в контексте теорий федерализма¹¹⁴. В одной из работ К. В. Старостенко рассмотрены главные условия реализации принципа политического многообразия (ст. 13 Конституции РФ), одним из которых является существование многопартийности¹¹⁵. По мнению автора, она имеет свои особенности, выраженные, в частности, в непреодоленных еще эгоистических интересах отдельных деятелей и групп. Тем не менее, именно партии как субъекты политики могут не только стабилизировать социально-экономическое положение России, но и укрепить ее федеративные устои, усилив объединительные тенденции отечественной государственности.

Остродискуссионной остается проблема природы и функционирования современного российского федерализма, имеющая непосредственное отношение к теме постсоветских трансформаций. Например, Н. И. Грачев и Н. А. Эрмялиева изучают вопросы теории и конституционно-регулирующего суверенитета федеративного государства¹¹⁶, Н. М. Чепурнова и В. В. Пономарев раскрывают конституционно-правовой механизм

преодоления юридических коллизий в федеративных отношениях¹¹⁷, В. А. Смаков анализирует теорию и практику разграничений полномочий между федеральным центром и регионами¹¹⁸.

Ряд изданий посвящен функционированию аппарата полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах. По мнению, в частности, К. В. Черкасова, становление и развитие этого института прошло два этапа: август 1991 г. – декабрь 1993 г., связанный с изменением основ конституционного строя в России; декабрь 1993 г. – май 2000 г., обусловленный активными поисками верховной властью эффективной модели отношений с субъектами федерации. Третий этап, начавшийся с мая 2000 г., характеризуется укреплением президентской и исполнительной вертикали власти в территориальном разрезе и продолжается до настоящего времени¹¹⁹.

Среди работ, посвященных современному российскому федерализму, выделяются труды уральских и поволжских (казанских) политологов и правоведов. Первый из них – фундаментальная монография «Федерализм и централизация», подводящая итог десятилетнего исследования федеративных процессов в России, начатого учеными Института философии и права Уральского отделения РАН в 1998 г.¹²⁰ Практическая значимость книги выражена, как справедливо отметили в предисловии ее авторы, в предостережении от крайностей радикального федерализма. Анализируя динамику российского федерализма конца XX – начала XXI вв., эволюцию правовых основ этого процесса, централизацию власти и место в ней институтов российской политики, а также позиционирование российских регионов в контексте федеративных трансформаций, ученые сделали главный вывод о том, что федерализм не превратился еще в практику повседневности и не стал отдельным пластом политической культуры гражданского общества.

Книга М. Х. Фарукшина и А. Х. Фарукшина «Субъекты федераций: сравнительное исследование», изданная в 2009 г., представляет собой политолого-юридический труд, развивающий их фундаментальные разработки вопросов государственного устройства¹²¹. В результате компаративного анализа статуса субъектов семи крупнейших федераций (Австралия, Бельгия, Канада, США, ФРГ, Швейцария и Россия)¹²² авторы пришли к ряду методологических и практических выводов (хотя и не бесспорных), имеющих принципиальное значение для развития отечественного федерализма. Во-первых, ими были выделены 13 важнейших элементов статуса субъектов федерации: от права на сохранение своего статуса

и права на его гарантии до права на гражданство и конституционно-правовую ответственность¹²³. Во-вторых, в федерации существуют две власти – федеративная и «автономная власть» ее субъекта¹²⁴. В-третьих, на положение субъектов влияет способ создания федерации. По сравнению с зарубежными, полагают авторы, более ограничены в своих правах и возможностях субъекты РФ¹²⁵. В-четвертых, при определении конституционно-правового статуса субъектов федерации исследователи настаивают на гражданстве субъекта федерации, включая Россию. Последний вывод носит дискуссионный характер, т.к., по замечанию одного из ведущих государствоведов В. Е. Чиркина, российское законодательство субъектное гражданство исключает. Интересны наблюдения авторов монографии относительно проблемы разграничения предметов ведения в РФ. В российской литературе рассматриваются пять его моделей, различаются дуалистический, кооперативный и конкурентный методы (подходы). По мнению М. Х. и А. Х. Фарукшиных, наиболее конфликтным является конституционное положение о совместных предметах ведения и полномочиях. В целом, проблемы, затронутые уральскими и казанскими конституционалистами, находят свое выражение и в правоприменительных практиках современности.

Многоаспектной темой является избирательное право и избирательный процесс в реформируемой России и ее регионах. С позиций ценностного подхода реализацию конституционного права граждан избирать и быть избранными в органы власти анализируют Н. С. Бондарь и А. А. Джагарян¹²⁶. Теории и политической практике выборов кампаний посвящены работы Ю. А. Дмитриева и В. Б. Израелян, А. В. Иванченко и А. Е. Любарева, Е. Е. Скосаренко, В. Л. Шейниса и др.¹²⁷ В ряде изданий подведены итоги реформирования местного звена управления¹²⁸. Проблемы отечественной элитологии развиваются в современных трудах Л. Д. Гудкова и Б. В. Дубина, Р. Х. Симоняна, сотрудников Аналитического Центра Юрия Левады¹²⁹ и др.

Значительные результаты в изучении трансформационных процессов 1985–2000 гг. связаны с этноисторией. Наиболее ценным представляется опыт исторического финноугроведения, накопленный научными сообществами Удмуртии, республик Коми, Мордовия и Марий Эл. В статьях и обобщающих монографических изданиях детально и всесторонне рассмотрены проблемы адаптации финноугорских народов к условиям реформ, осуществлен анализ современной политической, социально-экономической ситуации, этнополитических процессов, межнациональных отношений¹³⁰.

Объектом исследования М. Н. Губогло и С. К. Смирновой стало этнополитическое развитие УР в последнем десятилетии XX в. в трех измерениях: во времени, в пространстве и через призму мобилизованной этничности и формирующейся идентичности¹³¹. Анализируемые процессы, по мнению авторов, укладываются в три этапа, выделенные на основе функционирования институтов государственной власти и укрепления статуса республики как полноценного участника федеративных отношений. Первый из них (1990–1995 гг.) включает суверенизацию Удмуртии, формирование новых органов государственной власти и местного самоуправления парламентской республики. Несмотря на негативные последствия социально-экономических преобразований (спад объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, кризис социальной сферы), этому периоду присущи рост национального самосознания этнических групп, новые формы национального движения, создание системы государственного регулирования вопросов национального развития и межнационального сотрудничества. Второй этап (1995–2000 гг.) определен как поиск оптимальных форм системы государственного управления. Третий, современный этап начался с 2000 г., когда Удмуртия стала парламентско-президентской республикой. В политической сфере данный период характеризуется приведением Конституции УР и других законодательных актов в соответствие с законодательством РФ, проведением выборов высшего должностного лица республики. Включение института президентства в систему органов государственной власти, как считает С. К. Смирнова, стимулировало положительные тенденции в социально-экономическом и этнокультурном развитии. Вместе с тем дискуссионным остается вопрос обозначения 1990-х гг. как первого постсоветского десятилетия, ибо переход страны к рыночным реформам осуществлялся прежней партийно-хозяйственной номенклатурой в политико-правовых границах социалистических отношений.

В дальнейшем ими, совместно с другими учеными-этнологами, изучались такие стороны феномена Удмуртии, как становление государственного суверенитета в сферах законодательной и исполнительной власти¹³², совершенствование идейно-организационных основ удмуртского национального движения и отражение данной проблемы в материалах научных конференций и «круглых столов»¹³³, роль СМИ в этнополитической мобилизации¹³⁴, хроника этнополитической жизни республики в 1988–2004 гг.¹³⁵, статусные характеристики удмуртской диаспоры и преодоление инфантилизма¹³⁶.

Силами научных сотрудников Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (прежде всего, кандидатов исторических наук Г. К. Шкляева и Л. С. Христолюбовой) и Удмуртского государственного университета (главным образом, доктора исторических наук В. Е. Владыкина, кандидатов исторических наук В. С. Воронцова и Т. Н. Ефремовой) подготовлены и опубликованы материалы этносоциологических исследований¹³⁷. С большей регулярностью этнологические мониторинги¹³⁸ в Удмуртии стали проводиться с принятием в 1998 г. ГС УР Концепции государственной национальной политики.

Отмечая необходимость использования трудов этнологов для получения объективной и достоверной картины трансформационных процессов, протекавших в общественной и государственной жизни Удмуртии последней четверти XX в., следует учитывать их особенности, обусловленные специфическим предметным полем, преимущественно прикладным и оперативным характером результатов исследований, более ориентированных на их практическое применение. Кроме того, значительная часть работ этнологов относится к более позднему в хронологическом отношении периоду.

Особую группу научных работ по выделенной проблематике формируют диссертационные исследования, динамика, количественные и качественные характеристики которых детально анализировались в материалах Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования (МО) РФ¹³⁹. Особенно активно различные аспекты современного транзитного российского социума стали отражаться в диссертациях по историческим специальностям со второй половины 1990-х гг. В центре внимания исследователей оказались узловые проблемы переходного периода: общественно-политическое развитие страны в условиях кризиса советской и российской экономической систем¹⁴⁰, вопросы становления российского федерализма с позиций анализа его исторических истоков¹⁴¹, опыт решения социальных проблем при переходе к рыночной экономике¹⁴², история становления и идеология политических партий и движений в России¹⁴³, формирование государственной национальной политики в конце 1980-х – 1990-е гг.¹⁴⁴ Значительный интерес вызывает диссертация Л. Н. Доброхотова «Власть и общество в России в условиях системной трансформации, 1985–1998 гг.»¹⁴⁵, где осуществлен комплексный анализ общественно-государственных отношений, позволивший вычлнить этапы политического развития и в рамках каждого из них выявить общее и особенное во взаимодействии власти и общества¹⁴⁶.

Особенность диссертаций по истории современной России заключается в том, что большинство из них строится на междисциплинарной основе с сильно выраженными политологическими, социологическими и иными аспектами, что не случайно¹⁴⁷. Как отметил, в частности, Я. А. Пляйс, доктор исторических наук, профессор, заместитель Председателя экспертного Совета по политологии ВАК МО РФ, основные темы общей и прикладной политологии находятся в поле зрения не только политологов, но и ученых других гуманитарных наук, в том числе истории¹⁴⁸.

В ряде диссертаций по политическим наукам получил отражение феномен политики. В данном плане характерна работа Ю. С. Коноплина «Политическое в теории и истории политической науки» (1997 г.), в которой предложена оригинальная периодизация истории политической науки с учетом антропологической парадигмы¹⁴⁹. Обосновав своеобразие проявления политической составляющей в полисной организации жизни древних греков, исследователь пришел к выводу о наличии в истоках политической науки двух тенденций в объяснении природы политики: политики, ограниченной рамками преимущественно государственного управления (идея Платона) и политики как естественной среды бытия, в которой свободные граждане решают вопросы своего жизнеустройства на основе выбора (идея Аристотеля).

В освоении теории политических и партийных систем выделяется докторская диссертация М. Г. Анохина «Динамика политической системы в условиях переходного периода» (1996 г.)¹⁵⁰. Она посвящена проблеме приближения теории изменяющихся структур к рассмотрению социальной эволюции в условиях слома «старого» и формирования «нового» качества российского общества. Принципиальное значение для изучения регионального аспекта модернизации современной России имеют выявленные М. Г. Анохиным факторы достижения устойчивости политической системы: совокупная деятельность институтов, формирование демократических отношений, становление и развитие гражданского общества, изменение сознания, культуры и менталитета граждан, утверждение реального плюрализма в лице функционирующей многопартийности, применение эффективных современных политических технологий¹⁵¹.

Такие темы, как «политическая власть» и «политические режимы» оказались в центре внимания диссертационных исследований Д. В. Гончарова, В. В. Крамника, В. П. Макаренко, Н. А. Сахарова¹⁵². Вопросы институционализации многопартийности в современной России раскрыты

в кандидатской диссертации С. Е. Заславского¹⁵³. Наибольший интерес в рамках исследуемой темы представляет диссертация Р. Т. Мухаева «Содержание и возможности политического реформаторства» (1992 г.)¹⁵⁴, посвященная решению одной из фундаментальных проблем современности – модернизации посттоталитарных обществ. Формулируя тенденции модернизации политической системы, он отдал приоритет следующим из них: опережению становления новой структуры власти по сравнению с изменением ценностных ориентаций и стандартов политической деятельности; появлению новой элиты на основе защиты идеи национального государства, свободы предпринимательства; паллиативности конкретных моделей как синтеза новых и традиционных форм участия в политике; отсутствию явного доминирования одной политической силы и, как следствие, образованию коалиций для решения конкретных проблем. Особо актуальны выводы Р. Т. Мухаева для описания трансформационных процессов в Удмуртии, чья политическая история длительное время протекала в условиях парламентской республики.

Тематическими сюжетами диссертаций исторического направления последних лет стали пространственно-временные аспекты модернизации¹⁵⁵, социальная политика Российского государства и ее приоритеты в 1990-х – начале 2000-х гг.¹⁵⁶, формирование и реализация Концепции национальной безопасности РФ в 1992–2004 гг.¹⁵⁷, исторический опыт отечественной реформы государственного управления¹⁵⁸, эволюция идейно-политической ситуации в России в 1971–1991 гг. в контексте отношений центра и периферии¹⁵⁹ и др.

Исключительно значима в этом плане работа В. В. Калмыкова «Социальная политика у условиях трансформации общественно-политической системы и экономической реформы в России в 1991–2005 годы»¹⁶⁰, в которой с позиций общей теории раскрываются место и роль государства в социальном развитии общества. Анализируя социально-экономические процессы, ученый пришел к выводу, что в России на этапе модернизации благодаря демократизации общественной жизни, многообразию форм собственности, складыванию системы сотрудничества и взаимной ответственности появилась возможность построения социально ориентированной экономики. Соглашаясь со многими положениями автора, следует заметить, что череда общемировых структурных кризисов существенно затрудняет реализацию этой задачи.

Не меньший интерес вызывает диссертация К. А. Найденева «Социальная политика Российской Федерации в условиях системной трансфор-

мации (1985–1999 гг.)», где проведен комплексный анализ государственной социальной политики второй половины 1980-х гг., периода перестройки и в условиях реформ 1990-х гг. Выявив общие и особенные характеристики, автор отметил, что во всех случаях ее ослабление обернулось серьезными издержками практически во всех сферах общественной жизни¹⁶¹.

Политологи сосредоточили свое исследовательское внимание на проблемах современного понимания гражданского общества и перспектив его реализации в России¹⁶², консолидирующих факторов российского общества¹⁶³, институциональных, структурно-функциональных и социокультурных составляющих трансформации отечественной политической системы¹⁶⁴, политико-институциональной организации и практики функционирования российского федерализма¹⁶⁵, национальной и региональной безопасности как политической стратегии современной России¹⁶⁶, функционирования институтов региональной политической власти¹⁶⁷, политических практик местного самоуправления в контексте модернизационного и цивилизационного подходов¹⁶⁸, партийно-идеологического фактора политической трансформации¹⁶⁹, специфики российского избирательного процесса¹⁷⁰.

В диссертациях отечественных правоведов рассматриваются теоретико-методологические аспекты возникновения, становления и развития формы Российского демократического правового социального государства¹⁷¹, конституционно-правовые основы отечественного федерализма¹⁷², вопросы взаимодействия органов государственной власти, структур гражданского общества и местного самоуправления в РФ¹⁷³, институционализации избирательного процесса в политической системе современной России¹⁷⁴ и т.д.

Среди региональных работ по историческим дисциплинам выделяется диссертация О. В. Красильниковой, посвященная историко-политическому анализу избирательных кампаний в Республике Татарстан в 1990-е гг.¹⁷⁵ Исследовательское внимание историков и политологов Татарстана привлекли такие темы, как типология политических режимов¹⁷⁶, региональные элиты в российском политическом процессе¹⁷⁷, трансформация местного самоуправления¹⁷⁸, развитие российского федерализма в условиях социально-политической трансформации конца XX – начала XXI вв.¹⁷⁹

Докторская диссертация Г. И. Тафаева посвящена проблемам многопартийности в республиках Поволжья и Приуралья. Однако некоторые выявленные им закономерности, по справедливому мнению В. Н. Казь-

мина¹⁸⁰, имеют общий характер. К ним следует отнести процесс возникновения первых протопартийных структур в конце 1980-х гг., стремление части КПСС, диссидентов провести модернизацию государственного социализма¹⁸¹.

Фундаментальным характером отличается диссертация В. А. Андреева¹⁸², рассмотревшего результаты эволюции государственного строительства в Среднем Поволжье с 1985 г. по 2008 г. на материалах, главным образом, трех республик: Марий Эл, Мордовии и Чувашии. В диссертации Н. П. Крюкова на примере Нижнего Поволжья обобщен исторический опыт социальной поддержки населения России в 90-е гг. XX в.¹⁸³ В начале 2000-х гг. появился ряд актуальных диссертационных работ по истории становления и развития местного самоуправления в УР¹⁸⁴. Научные обобщения и выводы, отраженные в региональных исследованиях, позволяют провести компаративный анализ эволюции политических систем национально-государственных образований на постсоветском пространстве.

Не ослабевает интерес к современному этапу российской модернизации со стороны зарубежных исследователей¹⁸⁵. Если в начале 1990-х гг. приветствовался сам факт перестройки и демократических преобразований в стране, то в дальнейшем акцент сместился на анализ политических и социально-экономических вопросов того времени¹⁸⁶. Неоднозначную оценку получили место и роль М. С. Горбачева в преобразованиях. Одни считали его политиком, разрушившим тоталитарное государство, другие – человеком, стремившимся лишь улучшить советскую систему¹⁸⁷.

Из работ начала 2000-х гг. стоит выделить книгу Маршалла По «Русский момент в мировой истории»¹⁸⁸. Его авторская трактовка общего хода русской истории основывается на посыле, что Россия возникла на территории, где ранее не было цивилизаций, а современные ей были географически слишком удалены. Поэтому российская элита сумела выработать свой собственный механизм модернизации, отличный от европейского, и достигла серьезных успехов в экономическом, культурном и военном отношениях. С раннего Нового времени и возник т.н. «русский момент» в мировой истории, внезапно закончившийся в 1991 г., когда «правлящий класс России отказался от многовекового проекта идти своей дорогой»¹⁸⁹. На смену самовластью пришла эволюция демократии, открылась публичная сфера, командная экономика была вытеснена «хаотической смесью бандитизма и капитализма», а вооруженные силы утратили свое прежнее могущество¹⁹⁰.

Другая работа – книга британского историка Стивена Ловелла «Советский Союз: очень короткое введение»¹⁹¹, делящегося своими размышлениями относительно «замечательной стабильности» Советского Союза, который, при наличии исключительно сильных внутренних противоречий и несмотря на постоянное присутствие внешней угрозы, просуществовал столь долгое время. Одну из главных причин поражения консервативной части руководства СССР в августе 1991 г. Ловелл связывает с постепенным появлением в послевоенные годы современного массового общества – городской цивилизации с общедоступной (благодаря СМИ) массовой культурой. Подобно советскому обществу в целом, представлявшему собой конгломерат групп и индивидов со своими личными интересами, КПСС также стала «рыхлой и раздробленной», из-за чего в 1991 г. путчисты не смогли получить поддержку элиты. Интересны наблюдения автора об экономических причинах краха СССР: «Советский строй закончил тем же, с чего начинался в 1917 г.: очередями за продуктами»¹⁹².

В целом изучение общественной (системной) трансформации в России и ее регионах, одним из результатов которой стала новая иерархия политических институтов, отличается методологическим плюрализмом, комплексным характером, междисциплинарным подходом и разноплановыми оценками исторического развития страны и республики (от положительных до отрицательных), обусловленными, очевидно, различными ценностными ориентациями исследователей, использованием разнохарактерных источников. В любом случае, односторонне-восторженное либо однозначно-негативное отношение к результатам реформ противоречит диалектическому подходу. Все это вкупе с неравномерностью в изучении составляющих политического процесса оставляет значительное пространство для научного осмысления современного этапа российской модернизации и актуализирует ее региональный и локальный аспекты.

¹ Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю. 1985–1991 гг. М., 2002. С. 12–13.

² Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. Кн. 2. М., 1989. С. 170.

³ Шабанов Я. В. Социальная политика Российского государства и ее приоритеты (1990–2000-е гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2011. С. 4.

⁴ Байкова В. Г. Идеологическая работа КПСС в условиях развитого социализма. Некоторые вопросы теории и практики. М., 1977; Идеино-воспитательная

работа КПСС: Историография проблемы. Л., 1986; Мостовой С. Н. Ленинские принципы идейно-воспитательной работы. М., 1977; Ненашев М. Ф. Идеино-воспитательная работа КПСС. Особенности, опыт, проблемы. М., 1980; Партийное строительство. Научные основы партийной работы. Т. 1–2. М., 1985; Развитой социализм: проблемы теории и практики. М., 1979 и др.

⁵ Касьяненко В. И. Развитой социализм: историография и методология проблемы. М., 1976; *его же*. Советский образ жизни: проблемы исследования. М., 1982 и др.

⁶ Ворожейкин И. Е., Сенявский С. Л. Рабочий класс – ведущая сила советского общества. Вопросы методологии и историографии. М., 1977; Крухмалев А. Е. Рабочий класс СССР. М., 1978; Рыбин А. И. Изменения социальной структуры советского рабочего класса в условиях развитого социализма. М., 1979; Смирнов В. А. Социальная активность советских рабочих. Некоторые методологические и социологические проблемы. М., 1979 и др.

⁷ Казьмин В. Н. Идеино-политическая ситуация в России в 1971–1991 гг. (Центр и регионы Западной Сибири): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2010. С. 9–10.

⁸ Аитов Н. А. Советский рабочий. М., 1981; Бляхман Л. С., Шкаратан О. И., Тощенко Ж. Т. Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М., 1980; Гордон Л. А., Клопов Э. В., Оников Л. А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977 и др.

⁹ Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987 и др.

¹⁰ Если по совести. Сборник статей. М., 1988; Личное мнение. Сборник писательской публицистики. М., 1987; Позиция. Литературная полемика. М., 1988 и др.

¹¹ Бутенко А. П. Современный социализм. М., 1989.

¹² Социализм: между прошлым и будущим. М., 1989.

¹³ См., напр.: Архипов Б. В., Бербешкина З. А., Голубев В. И. Социальная политика КПСС на современном этапе. М., 1988; Бородкин Ф. М. Социальная политика: власть и перестройка // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М., 1989; Заславская Т. И. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Обратного хода нет. М., 1989; Микульский К. И., Роговин В. З., Шаталин С. С. Социальная политика КПСС. М., 1987; Пияшева Л. И. Контуры радикальной социальной реформы // Постигание...; Ракитский Б. В., Ракитская Г. Я. Стратегия и тактика перестройки. М., 1990; Стратегия обновления. Новый социальный механизм: Сборник. М., 1990 и др.

¹⁴ См., напр.: Борзилов С. И. Социальная сфера и самоуправление. Саратов, 1989; Важенин С. Г. Социальная инфраструктура народнохозяйственного

комплекса. М., 1984; *Тощенко Ж. Т.* Социальная инфраструктура и ее роль в эффективном функционировании общественного производства // Управление социальными процессами в новых условиях хозяйствования. М., 1987; *его же.* Совершенствование социальной инфраструктуры коллектива // Управление трудовым коллективом. Киев, 1989; *Хомелянский Б. Н.* Социалистическое воспроизводство: (Воспроизводственный потенциал социальной инфраструктуры). М., 1989; *Шарипов А. Ю.* Социальная инфраструктура в концепции ускорения. Новосибирск, 1990; *Шмель С. А.* Социальная сфера общества и личность. М., 1988 и др.

¹⁵ См., напр.: В человеческом измерении. М., 1989; Иного не дано М., 1988; Погружение в трясину: (Анатомия застоя). М., 1991; Постигание...; СССР: демографический диагноз. М., 1990 и др.

¹⁶ *Шабанов Я. В.* Социальная политика Российского государства... С. 16.

¹⁷ См., напр.: Стратегия обновления...

¹⁸ *Пономарев Л. Н., Шинкаренко В. В.* В чьих руках колесо истории?: Историко-социологические очерки. М., 1989.

¹⁹ *Добрынин В., Сулова Е., Ювкин М.* Самодеятельные инициативные организации: проблемы и перспективы развития. М., 1990; *Левичева В.* Анатомия неформального движения // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4; Неформальная волна. Сборник научных трудов. М., 1990; Неформальные объединения молодежи и идеологическая борьба. М., 1988; Неформалы: Кто они? Куда зовут? М., 1990; Неформалы: социальные инициативы. М., 1990; *Фадин А.* Неформалы и власть // Вестник АН СССР. 1989. № 10 и др.

²⁰ *Громов А. В., Кузин О. С.* Неформалы: кто есть кто? М., 1990.

²¹ См., напр.: *Березовский В. Н.* Российская многопартийность в конце 20 века: процесс возникновения (1987–1991 гг.): Автореф. дис. (научного доклада) ... канд. ист. наук. М., 1993; Неформальная Россия: О «неформальных» политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника) / Сост., авт. вступ. ст. и науч. ред. В. Березовский, Н. Кротов. М., 1990.

²² *Малютин М. В.* Неформалы в перестройке: Опыт и перспективы // Иного не дано. М., 1988; *его же.* Перед принятием решения. М., 1990.

²³ *Партия и новые общественно-политические движения: проблемы диалога.* М., 1990.

²⁴ См., напр.: *Горбачев М. С.* Августовский путч. Причины и следствия. М., 1991; *его же.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1988.

²⁵ См., напр.: *Лигачев Е. К.* Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992; *Лукьянов А.* Переворот мнимый и настоящий. М., 1993; *Рыжков Н. И.* Перестройка. История предательства. М., 1992.

²⁶ *Бехтерев С. Л.* Особенности менталитета населения Удмуртской Республики и его влияние на развитие современных политических процессов // Актуальные проблемы политического и социально-экономического развития страны. Казань, 1993. С. 25–26; *Бехтерев С. Л., Сергеев В. И., Трофимченко В. Н., Храмов А. А.* Современные политические процессы в Удмуртской Республике // Политические партии: теория и практика. Чебоксары. 1993. Вып. 3. С. 80–89; *Мерзлякова Г. В.* Женские советы: опыт их работы, проблемы // Пропагандист и агитатор. Журнал отдела пропаганды и агитации Удмуртского обкома КПСС. 1986. № 10.

²⁷ См., напр.: *Ахметов Г.* Дальнейшее совершенствование советской избирательной системы // Пропагандист и агитатор. 1987. № 8; *его же.* На основе широкой демократии // Пропагандист и агитатор. 1989. № 2; *Войтович В.* В семье советских республик // Пропагандист и агитатор. 1986. № 23; *его же.* Выражая волю народа. Об изменениях в Конституции СССР и Законе о выборах народных депутатов // Пропагандист и агитатор. 1989. № 1.

²⁸ См., напр.: *Воронцов Н.* Трудовой коллектив. Что он может // Пропагандист и агитатор. 1986. № 1; *Колеватова В.* Основа перестройки в экономике // Пропагандист и агитатор. 1987. № 15.

²⁹ Понимать друг друга: О проблемах межнациональных отношений в Удмуртской АССР. Ижевск, 1990.

³⁰ См., напр.: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Кн.: 1–2. М., 1995; *Яковлев А. Н.* Горькая чаша. Большевизм и Реформация России. Ярославль, 1994 и др.

³¹ *Зюганов Г. А.* География победы: Основы российской геополитики. М., 1997; *Крючков В. А.* Личное дело. М., 1997; *Лигачев Е. К.* Предостережение. М., 1999; Перестройка: замыслы, результаты и поражения, уроки. М., 2005; *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. М., 1995; *Широнин В. С.* КГБ–ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997; *его же.* Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М., 1996 и др.

³² *Фроянов И. Я.* Погружение в бездну. Россия на исходе XX века. СПб., 1999.

³³ *Кара-Мурза С. Г.* Евроцентризм как скрытая идеология перестройки. М., 1996; *его же.* Интеллигенция на пепелище России. М., 1997; *его же.* Истмат: проблема Восток – Запад. М., 2001 и др.

³⁴ *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М., 2002; *его же.* Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. М., 2002.

³⁵ *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. Книга первая... С. 5.

³⁶ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: В 2 т. Т. 2. М., 1996.

³⁷ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1997.

³⁸ Геллер М. Российские заметки. 1980–1990 гг. М., 2001; Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М., 1991; Шаблинский И. Г. Пределы власти. Борьба за конституционную реформу. 1989–1995 гг. М., 1996; Шубин А. В. Истоки перестройки. 1978–1984 гг. М., 1997; *его же*. От застоя к реформам. СССР в 1971–1985 гг. М., 2001 и др.

³⁹ Барсенков А. С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991. М., 2001; *его же*. Введение в современную российскую историю...; Согрин В. В. Политическая история современной России...

⁴⁰ Согрин В. В. Политическая история современной России... С. 251–254.

⁴¹ Конституция Российской Федерации: стабильность и развитие общества. М., 2004.

⁴² Концепция социального государства Российской Федерации: материалы науч.-практ. конференции «Концепция социального государства Российской Федерации» и международного круглого стола «Социальное государство: опыт, проблемы», 20 января 2004 года. М., 2004.

⁴³ Тысячелетняя история России: проблемы, противоречия и перспективы развития. М., 2004. С. 374.

⁴⁴ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005. С. 15, 694.

⁴⁵ Басов Б. П. Трудное время перемен (Россия в 1991–1994 гг.). Ижевск, 1995.

⁴⁶ См., напр.: Куликов К. И., Христолюбова Л. С. Этнополитическая ситуация в Удмуртской Республике в 1993 г. // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 73. М., 1994.

⁴⁷ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России...

⁴⁸ Крылова А., Бехтерев С., Бехтерева Л. Удмуртская Республика. Модель этнологического мониторинга. М., 2000.

⁴⁹ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 267–471.

⁵⁰ Там же. С. 372.

⁵¹ Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.

⁵² Там же. С. 94.

⁵³ Удмуртия в годы реформ: 1990–2001 / Учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 2002.

⁵⁴ Там же. С. 6.

⁵⁵ Уваров С. Н. Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003; *его же*. Нарастание негативных явлений в Удмуртской областной организации КПСС накануне радикальных политических реформ // Перспективы развития регионов России в XXI веке: Материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов / ИжГСХА. Т. I. Ижевск, 2002. С. 403–407; *его же*. Основные причины уменьшения численности Удмуртской партийной организации в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века // Аграрная наука – состояние и проблемы: Труды региональной научно-практической конференции. Т. II. Ижевск, 2002. С. 264–269; *его же*. Результаты политических реформ 90-х гг. XX века в Удмуртии // Перспективы развития регионов России в XXI веке... С. 281–294.

⁵⁶ Удмуртия в зеркале двадцатого столетия. 1901–2000 гг. Историческая хроника. Ижевск, 2002.

⁵⁷ История Удмуртии: XX век. Ижевск, 2005. С. 505.

⁵⁸ Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997; Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2002; Лукьянова Е. А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). М., 2000; Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России. М., 1994.

⁵⁹ КПСС: взлет и крушение. Компартия России: начало биографии. Современный этап коммунистического движения в России. М., 1999; Оников Л. А. КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996.

⁶⁰ См., напр.: Время собирать камни: Сильное государство – гарантия прав человека, прав народов. Сб. науч. тр. М., 1996; Дзодзиев В. Проблемы становления демократического государства в России. М., 1996; Корнев А. В. Развитие идеи социального государства в истории правовых учений // Социальное государство: мировой опыт и реалии России. М., 2001; Мамут Л. С. Государство в ценностном измерении. М., 1998; Милецкий В. П. Социальное государство. Эволюция. Теория и практика. СПб., 1998; Николаев Г. А. Сущность и основные признаки социального государства // Социальное государство: мировой опыт и реалии России. М., 2001; Ракитский Б. В. Роль государства в социальной политике. М., 1999; Торлопов В. А. Социальное государство в России: идеалы, реалии, перспективы. СПб., 1999 и др.

⁶¹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. В 2 т. М., 2000–2001; Жуков В. И. Социально-экономическая ситуация и социальная политика // Защитить человека. М., 1994; Заславский И. Е. Труд, занятия, безработица. М., 1992; Лифшиц А. Экономическая реформа в России и ее цена. М., 1994; Морозов А. С. Социальная и социально-политическая

ситуация в России в первой половине 1990-х годов. М., 1997; *Наумов С. Ю.* Формирование и реализация социальной политики в условиях коренной модернизации общественно-политической системы. 80–90-е годы XX столетия. Саратов, 1998.

⁶² См., напр.: *Жоголева Е. Е.* Методология разработки приоритетов аграрной политики России. М., 1996. С. 13, 21.

⁶³ См. подробно: Проблемы источниковедения и историографии. Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 2000.

⁶⁴ *Еськов Г. С.* Твои права, человек. М., 1993; *Зайнышев Э. Г.* Взаимосвязь социальной политики и социальной работы. М., 1994; *Кузьмин К. В., Лебедев П. Н., Панова Л. В., Русина Н. Л.* Социальная политика в условиях кризиса. СПб., 1996; *Попова М. Б.* Социальная дифференциация и бедность населения. Петрозаводск, 1998; Социальная защита человека: региональные модели. М., 1995; *Сутырин Б. А.* История социальной работы за рубежом и в России. Екатеринбург, 2003 и др.

⁶⁵ *Шабанов Я. В.* Социальная политика Российского государства... С. 21.

⁶⁶ См., напр.: *Абрамов В. Н.* Многопартийность в постсоветской России: тенденции, проблемы, общественные потребности. М., 1997; *Андреев А. Л.* Политический спектр России. Структура. Идеология. Основные субъекты. М., 1996; *Быстренко В. И.* История политических партий в России. М., 1998; *Ворожцов А. Г.* Россия перед выбором. Казань, 1995; *Зотова З. М.* Политические партии России: Организация и деятельность. М., 2001; *Коргунок Ю. Г.* Современная российская многопартийность. М., 1999; *Коргунок Ю. Г., Заславский С. Е.* Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие). М., 1996; *Краснов В. Н.* Система многопартийности в современной России (очерк истории). М., 1995; Общероссийские избирательные объединения накануне выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва: Справочник. М., 1999; Партийная система в 1989–1993 годах: опыт становления. М., 1994; *Понов А. М.* Становление многопартийности: история и идеология. Ярославль, 1997 и др.

⁶⁷ *Казьмин В. Н.* Идеино-политическая ситуация в России в 1971–1991 гг... С. 22.

⁶⁸ См., напр.: Институционализация многопартийности и модернизация российского общества (материалы Международной научно-практической конференции). Чебоксары, 2000; Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: Опыт уходящего тысячелетия. Омск, 2000 и др.

⁶⁹ Основные общественные и другие некоммерческие организации Урала. Справочник. Т. 1. Свердловская область. Екатеринбург, 1998.

⁷⁰ См., напр.: *Мерзлякова Г. В.* Женские общественные движения: история и опыт // Социально-политическое развитие России: проблемы, поиски, решения. Ижевск, 1999. С. 123–131.

⁷¹ *Бехтерев С. Л.* Статус Удмуртской организации КПСС в позднесоветской политической системе (историко-юридический аспект) // Вестник Удмуртского университета. Серия 2. Экономика и право. 2011. Выпуск 4. С. 100–105; *Луцикова С. Л.* Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003. С. 3–8.

⁷² *Александрова Л. А.* Деятельность федерации профсоюзов Удмуртской Республики по защите прав и интересов трудящихся в условиях социально-экономической нестабильности 1990-х годов // XX век в истории России. Сборник статей. Ижевск, 2009. С. 280–292; *ее же.* К проблеме реформирования профсоюзов Удмуртии // Россия и Удмуртия: история и современность. Ижевск, 2008. С. 706–715; *Бехтерев С. Л.* Предпринимательство в Удмуртии (некоммерческие объединения) // Свое дело. 1998. № 4; *Луцикова С. Л.* Из истории становления многопартийности в Удмуртии // Современные социально-политические технологии в сфере развития межрегиональных связей: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции 2 февраля 2001 года. Ижевск, 2002. С. 89–90; *ее же.* Основные особенности становления региональной многопартийной системы (на примере Урало-Поволжского региона) // Современные социально-политические технологии: сущность, многообразие форм и внедрение. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции 4–5 февраля 1999 года. Ижевск, 1999. С. 101–103.

⁷³ См., напр.: *Бехтерев С. Л.* Место документов ЦДНИ УР в системе источников по изучению современной политической истории // История Удмуртии XX века в документах ЦДНИ УР. Ижевск, 2004. С. 87–92; *Дерюшев А. Б.* Документы ЦДНИ УР как источник для изучения истории Удмуртии XX века // Там же. С. 3–7; *Ушакова Е. М.* История Удмуртии XX века в документальных публикациях ЦДНИ УР // Там же. С. 8–12.

⁷⁴ *Бехтерев С. Л.* Эволюция конституционных основ советской политической системы (1920-е – 1980-е гг.) // История государства и права. 2011. № 20. С. 2–4.

⁷⁵ *Бехтерев С. Л.* Государственность Удмуртии в контексте мировой истории: общее и особенное // Государственное и муниципальное управление: теория, история, практика: материалы I Международ. науч.-практ. конф., 23 апр. 2010 г. Ижевск, 2010. С. 35–48; *его же.* Эволюция политико-правового статуса Удмуртской Республики в составе Приволжского федерального округа // Наука Удмуртии. 2010. № 10. С. 20–30; *его же.* Политико-правовой статус Удмуртской Республики в системе федеративных отношений современной России // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscaba, 9-14. 2010. Pars II: Summaria acroasium in sectionibus. Piliscaba. 2010. S. 276–277; *Войтович В. Ю.* Государственное

строительство в Удмуртии: основные вехи. Ижевск, 2006; *его же*. Государственность Удмуртии. История и современность. Ижевск, 2003; *его же*. Конституционное строительство в Удмуртии: этапы развития. Ижевск, 2009; *Тронин А. А.* Проблемы российского федерализма и Удмуртия // XX век в истории России. Сборник статей. Ижевск, 2009. С. 336–349.

⁷⁶ См., напр.: *Бехтерев С. Л.* Институты политической системы в процессе суверенизации субъектов Российской Федерации (на примере Удмуртской Республики) // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 6. С. 36–51; *его же*. Конституционная реформа в Удмуртской Республике (1990–2000 гг.) // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001. С. 34–45; *его же*. Основные этапы эволюции государственно-правовой системы Удмуртии в 1990-х – начале 2000-х гг. // Конституционное строительство в Удмуртии: этапы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 23 апреля 2009 года. Ижевск, 2009. С. 29–36; *его же*. Становление института президентства в Удмуртской Республике // Регионология. 2003. № 4. 2004. № 1. С. 26–33; *Бехтерев С. Л., Крылова А. С.* Итоги президентских выборов // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. М., 2000. Сентябрь-октябрь. С. 40; *их же*. На пути к президентству // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. М., 2000. Май-июнь. С. 53–62; *Бехтерев С. Л., Овчинников Г. П.* Выборы первого Президента Удмуртской Республики // ЧиновникЪ. 2001. № 5(11). С. 8–19; *Куликов К. И.* Объективная и субъективная обусловленность конституционной реформы в России // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001. С. 6–34; *Пономарев К. А.* Трансформация Удмуртии из парламентской республики в президентскую // Там же. С. 46–50.

⁷⁷ *Бехтерев С. Л.* Официальные символы города Ижевска: правовой статус и историко-культурная интерпретация // Местное самоуправление – основа управления обществом: Сб. статей. Ижевск, 2008. С. 84–95; *его же*. Эволюция политико-административного статуса Ижевска // Российский город в исторической ретроспективе: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 250-летию г. Ижевска. Ижевск, 2010. С. 115–123; *Войтович В. Ю., Иванова А. А.* Местное самоуправление в Удмуртии. Ижевск, 2010; *Ефремова Т. Н., Замостьянова Т. В.* Некоторые аспекты теорий местного самоуправления // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск, 2001. С. 57–59; *Зубкова О. Г.* Местное самоуправление в городах Удмуртской Республики в период 1994–2003 гг. Ижевск, 2010; *ее же*. Некоторые проблемы становления местного самоуправления в Удмуртской Республике (1993–1994 гг.) // Россия и Удмуртия: история и современность. Ижевск, 2008. С. 716–725; *Кручинская М. В.* Местные Советы Удмуртии в контексте реформ (1985–1993 гг.). Ижевск, 2008; *ее же*. Реформа местной власти в начале 1990-х гг.: политико-правовой аспект // XX век в истории России. Сборник статей. Ижевск, 2009. С. 292–305.

⁷⁸ *Бехтерев С. Л.* Избирательные кампании в Российской Федерации и региональное партийное строительство (1990-е гг.) // Современные социально-политические технологии: проблемы теории и общественной практики. Сборник науч. ст. Ижевск, 2005. С. 19–24; *его же*. Республика накануне выборов // Свое дело. 1999. С. 3–4; *его же*. Удмуртское национальное движение и региональный избирательный процесс в 1990-е годы // История, современное состояние, перспективы развития языков и культуры финно-угорских народов. Сыктывкар, 2005.

⁷⁹ См., напр.: *Бехтерев С. Л.* Правовой статус партийных организаций в позднесоветской политической системе // Международная научная конференция «75 лет высшему образованию в Удмуртии». Материалы конференции. Ч. 1. Гуманитарные науки. Ижевск, 2006. С. 71–73; *его же*. Эволюция организационно-правовых форм объединений граждан в позднесоветской политической системе: региональный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 6. Ч. 1. С. 26–29.

⁸⁰ *Бехтерев С. Л.* Концепция социального государства и ее реализация в Удмуртской Республике // Наука Удмуртии. 2007. № 6. С. 110–126; *его же*. Общественно-государственные структуры как институт политической системы РФ // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003; *его же*. Правовые основы общественно-государственных отношений в современной России // Шестая Российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Материалы докладов. Ижевск, 2004; *Королев С. В.* Социальная помощь и поддержка населения в России в 90-х годах // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск, 2001. С. 63–65; *Лецинский А. С.* Некоторые аспекты деятельности Госкомитета Удмуртской Республики по делам молодежи по реализации международного молодежного сотрудничества // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы). Ижевск, 2003. С. 183–190; *его же*. Правовые основы реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации и Удмуртской Республике // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003. С. 198–206; *Формула успеха: Сохранять лучшее из традиций, не стоять на месте, думать о будущем: К 90-летию образования Союза потребительских обществ Удмуртской Республики.* Ижевск, 2011.

⁸¹ *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть: Сорок лет после войны, 1945–1985. М., 2007; *его же*. Москва. Кремль. Власть: Две истории одной страны: Россия на изломе тысячелетий, 1985–2005. М., 2007.

⁸² *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть: Сорок лет после войны... С. 14.

⁸³ *Журавлев С. В., Соколов А. К., Пихоя Р. Г.* История современной России. Десятилетие либеральных реформ: 1991–1999 гг. М., 2011; *Пихоя Р. Г.*

Соколов А. К. История современной России. Кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х – 1991 гг. М., 2008.

⁸⁴ Зенькович Н. А. СССР. Конец проекта. М., 2009.

⁸⁵ «Советское наследство». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России. М., 2010.

⁸⁶ Дорожкин Ю. Н., Мусина Л. М., Шкель С. Н. Политическая оппозиция постсоветской России: этапы и особенности становления. Уфа, 2007.

⁸⁷ Васильева С. В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М., 2010.

⁸⁸ Самсонова Т. Н. Концепция правящего класса Г. Моски // Социс. 1994. № 10. С. 186.

⁸⁹ Афанасьев М. Н. Клиентализм и российская государственность. М., 1997; Ашин Г. К. Смена элит // Общественные науки и современность (ОНС). 1995. № 1. С. 40–51; Буртин Ю. Новый строй: о номенклатурном капитализме. Статьи, диалоги, интервью. Харьков, 1995; Гаман О. В. Региональные элиты современной России как субъекты политического процесса // Вестник МГУ. Серия 18. 1995. № 4; Гельман В. Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999; Дискан И. Е. Россия: трансформационные элиты. М., 1995; Крыштановская О. В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социс. 2003. № 11. С. 3–13; Куколев И. Трансформация политических элит в России // ОНС. 1997. № 4. С. 82–91; Магомедов А. К. Политические элиты российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4. С. 72–79; Малютин М. «Новая» элита в новой России // ОНС. 1992. № 2. С. 36–45; Охотский Г. Политическая элита. М, 1993; Понделков А. Элита. Ростовна-Дону, 1995; Пугачев В. Субъекты политики: личность, элита, лидерство. М., 1993; Работяжев Н. К вопросу о генезисе и сущности номенклатурного капитализма в России // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2. С. 38–51; Рывкина Р. В. Влияние новой правящей элиты на ход и результаты экономических реформ // Социс. 1995. № 11. С. 35–42; Чешков М. А. «Вечно живая» номенклатура? // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6. С. 32–43.

⁹⁰ Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // ОНС. 1995. № 1. С. 51–65.

⁹¹ Гельман В. Я. Трансформация в России... С. 67.

⁹² Крыштановская О. Анатомия Российской элиты. М., 2005.

⁹³ Там же. С. 375–376.

⁹⁴ Богатырев В. В., Дунаева И. В. Воздействие национальной и политической элит на правовую систему России. Владимир, 2009.

⁹⁵ Александров В. Краснодарский край: экономика, партии, лидеры // Власть. 1993. № 7. С. 39–47; Бадковский Д. В. Политический процесс в Орловской области

(Набросок с натуры) // Кентавр. 1995. № 2. С. 65–71; Бородулина Н. Белгородская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1995. № 12. С. 37–42; Журавлев А. Н. Псковская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 4. С. 46–51; Колосов В. А., Стрелецкий В. Н. Калмыкия – Хальмг Тангч: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 1. С. 24–33; Коцценко А. Приморский край: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 7. С. 28–35; Тарасов Ю. С. Правящая элита Якутии: штрихи к портрету // Полис. 1993. № 2. С. 171–173.

⁹⁶ Колосов В. А. Курганская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 2. С. 79–84; Петров Н. В. Нижегородская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 3. С. 41–47; Туровский Р. Республика Коми: экономика, партии, лидеры // Власть. 1995. № 10. С. 56–62; Фарушкин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6. С. 67–79.

⁹⁷ См., напр.: Фирулева Л. Д., Бучкин А. Б. Постсоветская политическая элита (формирование, облик, эволюция) // Социально-политическое развитие России: проблемы, поиски, решения. Ижевск, 1999. С. 50–65; Фирулева Л. Д. Некоторые показательные тенденции развития региональных политических элит // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы). Ижевск, 2003. С. 200–204.

⁹⁸ См., напр.: Бехтерев С. Л. Современные теории элит и процессы элитообразования в постсоветской России // Государственное и муниципальное строительство в России (на примере Удмуртии). Ижевск, 2006. С. 41–62; *его же*. Толерантность как механизм взаимодействия политических элит // Социальная толерантность и межкультурные коммуникации. Ижевск, 2003. С. 65–106.

⁹⁹ Ерохина Л. Н. Политическое лидерство и региональная пресса в Удмуртии. 1991–1999 гг. // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003. С. 83.

¹⁰⁰ Ерохина Л. Н. Формирование облика государственной власти в Удмуртской Республике в 1995 – пер. пол. 1998 г. (По материалам местной печати) // Российская государственность: уровни власти. Теория и практика современного государственного строительства. Ижевск, 2001. С. 118.

¹⁰¹ См., напр.: Лебедева Н. Н., Туманянц К. А. Препятствия модернизации в современной России // ОНС. 2012. № 1; Паин Э. А. Исторический «бег по кругу» (Попытка объяснения причин политических срывов модернизационных процессов в России) // ОНС. 2008. № 4; Согрин В. В. 1985–2005 гг.: перипетии историографического плюрализма // ОНС. 2005. № 1; Яковлев А. Н. Реформация в России // ОНС. 2005. № 2.

¹⁰² Василенко В. И., Василенко С. В. Влияние гражданского общества на безопасность России в условиях глобализации. М., 2007; Гельман В. Я. Динамика субнационального авторитаризма (Россия в сравнительной перспективе) // ОНС. 2009. № 3; *его же*. От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей

власти)? (Трансформация российской партийной системы) // ОНС. 2006. № 1; *Карнаушенко Л. В.* Исторический опыт реформирования системы государственного управления Российской Федерации (1993–2004 гг.). Краснодар, 2009; *Коновалов М. Н.* Административные реформы и эффективность российской власти. Ростов-на-Дону, 2007; *Лобанов В. В.* Современные административные реформы. М., 2007; *Пастухов В. Б.* Россия в поисках «нового времени» (циклы российской власти) // ОНС. 2012. № 1; *Штурба Е. В.* Формирование и реализация концепции национальной безопасности Российской Федерации в 1992–2004 гг. М., 2008.

¹⁰³ *Сидорина Т. Ю.* Два века социальной политики. М., 2005; *Шабанов Я. В.* Социальная политика государства в 1990-е годы: проблемы, решения, результаты. Саратов, 2008; *его же.* Социальная политика Российского государства и ее приоритеты на этапе системной трансформации общества (1990–2000-е гг.). Саратов, 2011.

¹⁰⁴ *Дробижева Л. М.* Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России // ОНС. 2005. № 2.

¹⁰⁵ *Кистанов В. В.* Федеральные округа России: важный шаг в укреплении государства. М., 2000; *Кузнецова О. В.* Региональная политика в России в постсоветское время: история развития // ОНС. 2005. № 2.

¹⁰⁶ *Качанский В. Л.* Россия – СССР сегодня? Статья 1. Сходство // ОНС. 2005. № 2.

¹⁰⁷ См., напр.: *Анохина О. А.* Перестройка: содержание, итоги. Омск, 2011; *Косолапов Н. А.* Что это было? (Размышления о перестройке в свете ее когнитивных итогов) // ОНС. 2005. № 1; *Левада Ю. А.* Неюбилейные размышления о перестройке // ОНС. 2005. № 6; *Шубин А. В.* Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989). М., 2006.

¹⁰⁸ *Седов Л. А.* Традиционные черты российской политической культуры в их современном преломлении // ОНС. 2006. № 3; *Тихонова Н. Е.* Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995–2010 годы) // ОНС. 2011. № 4.

¹⁰⁹ *Коргунок Ю. Г.* Становление партийной системы в современной России. М., 2007.

¹¹⁰ См., напр.: *Мамут Л. С.* Конституционные основы современной российской государственности // ОНС. 2008. № 4.

¹¹¹ *Медушевский А. Н.* Размышления о современном российском конституционализме. М., 2007.

¹¹² *Пряхина Т. М.* Конституционная доктрина Российской Федерации. М., 2006.

¹¹³ *Лебедев В. А., Киреев В. В.* Суверенная демократия как конституционная идея современной России. Челябинск, 2007.

¹¹⁴ *Сафонов В. Е.* Федерализм в государственном строе России: конституционно-правовые аспекты. Саратов, 2004.

¹¹⁵ *Старостенко К. В.* Конституционно-политическое многообразие: сущность и проблемы реализации в Российской Федерации. СПб., 2008.

¹¹⁶ *Грачев Н. И., Эрмялиева Н. А.* Суверенитет федеративного государства: проблемы теории и конституционного регулирования. Волгоград, 2007.

¹¹⁷ *Чепурнова Н. М., Пономарев В. В.* Юридические коллизии в федеративных отношениях в Российской Федерации: конституционно-правовой механизм преодоления. Ростов-на-Дону, 2006.

¹¹⁸ *Смаков В. А.* Теория и практика разграничения полномочий между федеральным центром и регионами. СПб., 2004.

¹¹⁹ *Черкасов К. В.* Становление и развитие института полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах. Саратов, 2006.

¹²⁰ Федерализм и централизация. Екатеринбург, 2007.

¹²¹ *Фарукишин М. Х., Фарукишин А. Х.* Субъекты федераций: сравнительное исследование. Казань, 2009.

¹²² Там же. С. 47.

¹²³ Там же. С. 49–50.

¹²⁴ Там же. С. 41.

¹²⁵ Там же. С. 49.

¹²⁶ *Бондарь Н. С., Джагарян А. А.* Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М., 2005.

¹²⁷ См., напр.: *Дмитриев Ю. А., Израелян В. Б.* Избирательное право и процесс в Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2004; *Иванченко А. В., Любарев А. Е.* Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006; *Скосаренко Е. Е.* Избирательная система России: мифы и политическая реальность. М., 2007; *Шейнис В. Л.* Превращения избирательной системы в России // ОНС. 2008. № 6.

¹²⁸ См., напр.: *Кружков А. В.* Реформа местного самоуправления в Российской Федерации: политические итоги. М., 2003.

¹²⁹ См., напр.: *Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левада Ю. А.* «Проблема элиты» в сегодняшней России. Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007; *Левада Ю. А.* Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // ОНС. 2007. № 6; *Симонян Р. Х.* Элита или все-таки номенклатура? (Размышления о российском правящем слое) // ОНС. 2009. № 2; Элита в «вертикальном» обществе («Круглый стол») // ОНС. 2008. № 3.

¹³⁰ См., напр.: *Власть и общество: XX век* // Научные труды НИИГН при Правительстве РМ. Т. 1 (112) / Отв. ред., сост. В. А. Юрченков. Саранск, 2002;

Дерябин В. С. Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 102. М., 1997; История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. Сыктывкар, 2004; Марийский мир: Проблемы национального, социально-экономического и культурного развития марийского народа. Йошкар-Ола, 2000; Марийцы: проблемы социального и национально-культурного развития / отв. ред. Н. С. Попов. Йошкар-Ола, 2000; *Напалков А. Д.* От Верховного Совета к Государственному Совету Республики Коми. Сыктывкар, 2001; *его же.* Представительные органы государственной власти Республики Коми: опыт конкретно-исторического анализа. Сыктывкар, 1998; *Попов А. А., Нестерова Н. А.* Национальный вопрос в Республике Коми в конце XX века (историческое исследование). Сыктывкар, 2000; *Юрченков В. А.* Мордовский народ: прошлое и настоящее. Саранск, 1999; *Таскаев М.* Коми национальные политические объединения в XX веке // *Congressus nonus internationalis Fenno-Ugristarum 7–13.8 2000. Tartu. Pars III. Tartu, 2000. S. 208–209.*

¹³¹ *Губогло М. Н., Смирнова С. К.* Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2001; *Смирнова С. К.* Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.–Ижевск, 2002.

¹³² *Смирнова С. К., Губогло М. Н.* Феномен Удмуртии. Т. 2. Постижение суверенности: становление государственности Удмуртской Республики. Кн. 1. Сфера законодательной власти. Кн. 2. Сфера исполнительной власти. М.–Ижевск, 2002.

¹³³ *Смирнова С. К., Губогло М. Н.* Феномен Удмуртии. Т. 3. Идеология и технология этнической мобилизации. Кн. 1. Удмуртское национальное движение. Надежды. Возможности. Реалии. М.–Ижевск, 2002; *их же.* Феномен Удмуртии. Т. 3. Идеология и технология этнической мобилизации. Кн. 2. Удмуртское национальное движение и финно-угорское сообщество. М.–Ижевск, 2003; *их же.* Феномен Удмуртии. Т. 5. Нацестроительство и межэтнические отношения. Материалы научно-практических конференций и «круглых столов». М.–Ижевск, 2003.

¹³⁴ *Смирнова С. К., Губогло М. Н.* Феномен Удмуртии. Т. 6. «Как слово наше отзовется...». М.–Ижевск, 2008.

¹³⁵ *Смирнова С. К., Губогло М. Н.* Феномен Удмуртии. Т. 7. Хроника этнополитической жизни. 1988–2004. М.–Ижевск, 2008.

¹³⁶ *Смирнова С. К., Губогло М. Н.* Феномен Удмуртии. Т. 8. Удмуртская диаспора. М.–Ижевск, 2008; *Губогло М. Н., Смирнова С. К.* Феномен Удмуртии. Т. 9. Траектория деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. М.–Ижевск, 2006.

¹³⁷ См., напр.: Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Удмуртской Республике (сборник информационно-аналитических материалов). Ижевск, 2000.

¹³⁸ См., напр.: *Бехтерев С. Л., Крылова А. С.* От выживания – к развитию // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 6. Приволжское отделение. М., 2001. 1–15 февраля. С. 23–25; *их же.* Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 7. Приволжское отделение. М., 2001. 16–28 февраля. С. 29–31; *их же.* Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 8. Приволжское отделение. М., 2001. 1–15 марта. С. 44–48.

¹³⁹ См., напр.: Бюллетень Высшей Аттестационной Комиссии Министерства образования РФ. М., 2001. № 5. С. 20–21; 2003. № 4. С. 8; Бюллетень Государственного Высшего Аттестационного Комитета РФ. М., 1998. № 2. С. 22; 1999. № 2; 2000. № 1. С. 16; 2001. № 1. С. 17.

¹⁴⁰ *Уэва Т. В.* Общественно-политическое развитие Российской Федерации (80–90-е годы XX столетия): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1998.

¹⁴¹ *Аяцков Д. Ф.* Исторические истоки современного российского федерализма и процесс его становления в условиях трансформации социально-экономической системы России в 90-е годы XX века: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Саратов 1999.

¹⁴² *Ерохин Ю. С.* Технология социальной работы: история и современность: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 2002; *Лебедев А. А.* Региональная социальная политика: проблемы формирования и реализации в Российской Федерации (на материалах областей Центрального Федерального округа): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. Орел, 2004; *Льговской В. А.* Разработка и реализация государственной социальной политики Российской Федерации в 90-е гг. XX в.: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 2003; *Таранцов М. А.* Исторический опыт реализации молодежной политики государства и общества в условиях смены общественно-политической системы и социально-экономических реформ (конец 1980-х – 1990-е годы): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1998.

¹⁴³ *Елисеева Г. Н.* Проблемы представительной власти в деятельности политических партий в современной России (1985–1992 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1992; *Козлов С. Д.* Деятельность политических партий по утверждению социальной справедливости в советском обществе: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1991; *Попов А. М.* Политические партии и движения в России: история становления и идеология, 1985–1995 гг.: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Ярославль, 1997; *Фролова Н. А.* Становление политических партий России в 1985–1993 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1993 и др.

¹⁴⁴ *Нестерова Н. А.* Государственная национальная политики в Республике Коми в конце 1980-х – 1990-е годы: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Сыктывкар, 2000.

¹⁴⁵ *Доброхотов Л. Н.* Власть и общество в России в условиях системной трансформации, 1985–1998 гг.: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1999.

¹⁴⁶ Бюллетень Высшей Аттестационной Комиссии Министерства образования РФ. М., 2001. № 5. С. 20–21.

¹⁴⁷ Бюллетень Государственного Высшего Аттестационного Комитета РФ. М., 2001. № 1. С. 17.

¹⁴⁸ *Пляйс Я. А.* Основные направления исследований политической науки в современной России // Бюллетень Государственного Высшего Аттестационного Комитета РФ. М., 2001. № 1. С. 31–44.

¹⁴⁹ *Коноплин Ю. С.* Политическое в теории и истории политической науки (антропологический подход): Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 1997.

¹⁵⁰ *Анохин М. Г.* Динамика политической системы в условиях переходного периода: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 1996.

¹⁵¹ *Пляйс Я. А.* Основные направления исследований политической науки в современной России... С. 34.

¹⁵² *Гончаров Д. В.* Демократия и участие: опыт политического анализа (на материале англо-американской политологической литературы 50–70-х гг.): Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. СПб., 1997; *Крамник В. В.* Технология власти: Политико-психологические механизмы: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. СПб., 1995; *Макаренко В. П.* Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. СПб., 1996; *Сахаров Н. А.* Институт президентства в современном мире: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 1994.

¹⁵³ *Заславский С. Е.* Институционализация многопартийности в современной России: Генезис. Механизмы формирования, перспективы: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. М., 1995.

¹⁵⁴ *Мухаев Р. Т.* Содержание и возможности политического реформаторства: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 1992.

¹⁵⁵ *Побережников И. В.* Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации...

¹⁵⁶ *Шабанов Я. В.* Социальная политика Российского государства...

¹⁵⁷ *Штурба Е. В.* Формирование и реализация Концепции национальной безопасности Российской Федерации в 1992–2004 гг.: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 2009.

¹⁵⁸ *Баянов А. В.* Съезд народных депутатов СССР (1989–1991 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2009; *Еремина О. С.* Исторический опыт реформирования государства и общества в СССР и России в конце XX – начале XXI века: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Пятигорск, 2009; *Карнаушенко Л. В.* Исторический опыт реформы государственного управления Российской Федерации (1993–2004 гг.): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 2010.

¹⁵⁹ *Казьмин В. Н.* Идеино-политическая ситуация в России в 1971–1991 гг. ...

¹⁶⁰ *Калмыков В. В.* Социальная политика в условиях трансформации общественно-политической системы и экономической реформы в России в 1991–2005 годы: Автореф. дис. ...д-ра. ист. наук. М., 2007.

¹⁶¹ *Найденов К. А.* Социальная политика Российской Федерации в условиях системной трансформации (1985–1999 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2007.

¹⁶² *Баранов Н. А.* Эволюция современной демократии: политический опыт России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. СПб., 2009; *Гайнутдинова Л. А.* Гражданское общество в условиях глобализации (анализ современных политологических концепций): Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. СПб., 2010; *Галкина Е. В.* Гражданское общество в политическом пространстве современной России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Краснодар, 2010; *Доманов В. Г.* Гражданское общество: современный концепт и перспективы его реализации в России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010; *Молокова М. А.* Гражданское общество как фактор политической модернизации: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Ярославль, 2011.

¹⁶³ См., напр.: *Бондар А. В.* Укрепление институтов государства как фактор консолидации российского общества: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Саратов, 2009.

¹⁶⁴ *Агеев Г. В.* Трансформация политической системы Российской Федерации в современных условиях: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. М., 2009; *Бродовская Е. В.* Трансформация политической системы современного российского общества: институциональные и социокультурные составляющие: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Тула, 2008; *Горький И. Г.* Трансформация постсоветской политической системы: проблемы структурной и функциональной адекватности: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Саратов, 2007; *Гришинова Е. Е.* Политическая система Российской Федерации: теория и практика формирования, тенденции развития: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2010; *Михалева Г. М.* Формирование российской многопартийности в контексте трансформационных процессов: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2011.

¹⁶⁵ *Жидких В. А.* Российский федерализм: эволюция, проблемы и перспективы развития: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2009; *Родионова А. К.* Федерализм: политико-институциональная организация и практика функционирования: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Чита, 2009.

¹⁶⁶ См., напр.: *Юрченко И. В.* Национальная и региональная безопасность как политическая стратегия современной России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Ставрополь, 2009.

¹⁶⁷ *Баранов А. В.* Актеры региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействия: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Волго-

град, 2007; *Бирюков С. В.* Региональная политическая власть: институты, структуры, механизмы: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2009; *Кудашова Ю. В.* Позиционирование региона в политическом пространстве современной России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2011; *Суханов В. М.* Региональная политическая идентичность в России: теоретический анализ состояния и перспективы: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Саратов, 2009.

¹⁶⁸ *Голубева Т. Г.* Модернизационный и цивилизационный подходы к местному самоуправлению в политической теории и политической практике: сравнительный анализ, пути синтеза: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010; *Нечаев В. Д.* Институциональная организация местного самоуправления в постсоветской России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2008; *Трофимова И. Н.* Институциональное развитие местного самоуправления в Российской Федерации: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2011.

¹⁶⁹ *Головченко В. И.* Партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Саратов, 2009; *Корзунюк Ю. Г.* Становление партийной системы в современной России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2009; *Спаский А. Н.* Партийно-государственные группы на этапе политической трансформации в СССР, 1982–1991 гг.: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2007; *Старостенко К. В.* Политическое многообразие в Российской Федерации: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2009; *Черняховский С. Ф.* Коммунистическая оппозиция в современной России: генезис, противоречивость, перспективы: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2007.

¹⁷⁰ *Ахременко А. С.* Электоральное пространство: теоретико-методологические проблемы: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2009; *Пранова М. И.* Избирательная кампания в системе политической культуры современного российского общества: состояние и перспективы развития: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2008; *Чувиллина Н. Б.* Этапы и тенденции развития региональных электоральных процессов в постсоветской России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Краснодар, 2011.

¹⁷¹ *Арзамаскин Н. Н.* Теоретико-методологические основания возникновения, становления и развития формы Российского государства: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2008; *Осейчук В. И.* Конституционно-правовые проблемы строительства в России демократического правового социального государства: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Тюмень, 2009.

¹⁷² *Волкова Л. П.* Правовые основы разграничения полномочий между органами исполнительной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Саратов, 2009; *Глигич-Золотарева М. В.* Конституционно-правовые основы российского федерализма: проблемы теории, методологии и практики: Авто-

реф. дис. ...д-ра юрид. наук. Тюмень, 2009; *Заметина Т. В.* Федерализм в системе конституционного строя России: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Саратов, 2010; *Ким Ю. В.* Федеративная государственность: сущность, генезис, проблемы развития (теоретико-методологические основы): Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Тюмень, 2009; *Пастухова Н. Б.* Суверенитет и федеративная организация Российского государства в условиях глобализации: конституционно-правовые аспекты: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2010; *Платонов В. М.* Разграничение предметов ведения между федерацией и ее субъектами как принцип российского федерализма: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2010; *Тхабисимова Л. А.* Региональная система организации институтов государственной власти в России: политико-правовой анализ: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007; *Шаклеин Н. И.* Конституционно-правовой статус федерального и региональных парламентов Российской Федерации и проблемы его совершенствования: сравнительно-правовое исследование: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2011.

¹⁷³ *Гриб В. В.* Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2011; *Грудцына Л. Ю.* Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2009; *Кожневников О. А.* Право некоммерческих организаций в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008; *Липчанская М. А.* Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: конституционно-правовое исследование: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Саратов, 2012; *Пешин Н. Л.* Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели и практики взаимоотношений: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2007; *Тимофеев Н. С.* Местное самоуправление в России: основы и пределы (конституционно-правовые аспекты): Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2008; *Чепунов О. И.* Системное взаимодействие органов государственной власти в Российской Федерации: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2011.

¹⁷⁴ См., напр.: *Егоров С. Н.* Институционализация избирательного процесса в политической системе Российской Федерации: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2012.

¹⁷⁵ *Красильникова О. В.* Избирательные кампании в Республике Татарстан (1990–2000 гг.): историко-политический анализ: Дис. ...канд. ист. наук. Казань, 2002.

¹⁷⁶ *Зазнаев О. И.* Типология политических режимов: Дис. ...канд. полит. наук. Казань, 1993.

¹⁷⁷ *Магомедов А. К.* Региональные элиты и региональная идеология в современной России: сравнительный анализ (на примере республик и областей

Поволжья): Дис. ...д-ра полит. наук. Казань, 1999; *Спирин И. А.* Место и роль региональных элит в российском политическом процессе: Дис. ...канд. полит. наук. Казань, 1999.

¹⁷⁸ *Носаненко Г. Ю.* Трансформация местного самоуправления в российском обществе: Дис. ...канд. полит. наук. Казань, 2001.

¹⁷⁹ *Хакимов Р. С.* Развитие российского федерализма в условиях социально-политической трансформации конца XX – начала XXI вв. (историко-политологический анализ): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Казань, 2009.

¹⁸⁰ *Казьмин В. Н.* Идеино-политическая ситуация в России в 1971–1991 гг. ... С. 22.

¹⁸¹ *Тафаев Г. И.* Региональная многопартийность в условиях трансформации российского общества: проблемы формирования и функционирования (на материалах республик Поволжья и Приуралья в 80–90-х гг.): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1995. С. 40.

¹⁸² *Андреев В. В.* Эволюция национально-государственного строительства в республиках Среднего Поволжья в 1985–2008 гг.: исторический опыт и уроки: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Самара, 2010.

¹⁸³ *Крюков Н. П.* Исторический опыт социальной поддержки населения России и его использование в 90-е гг. XX в. (На материалах Нижнего Поволжья): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Саратов, 2003.

¹⁸⁴ *Зубкова О. Г.* Местное самоуправление в городах Удмуртской Республики в период 1994–2003 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск, 2008; *Немтырева А. В.* История становления и развития местного самоуправления в России в период 1986–2008 годов (на примере Удмуртии): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск, 2010; *Ярных М. В.* Местные советы Удмуртии в период реформирования: 1985–1993 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск, 2006.

¹⁸⁵ См., напр.: *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М., 1994; *Хоскинг Дж.* История Советского Союза. 1917–1991. М., 1995.

¹⁸⁶ *Казьмин В. Н.* Идеино-политическая ситуация в России в 1971–1991 гг. ... С. 17.

¹⁸⁷ *Brown A.* The Gorbachev factor. Oxford University press, 1996; *Daniels R. V.* Russia Transformation of a crumbling system. Oxford, N.Y. 1998; *White S.* Gorbachev in power. Cambridge University Press, 1990 и др.

¹⁸⁸ *Рое М.* The Russian moment in world history. Princeton, 2003.

¹⁸⁹ Там же. Р. 6.

¹⁹⁰ Там же. Р. 74.

¹⁹¹ *Lovell S.* The Soviet Union: A very short introduction. Oxford, 2009.

¹⁹² Там же. Р. 94, 75.

1.3. Источники изучения регионального социума

Источниковые возможности изучения регионального сообщества и его институтов в переходный период российской государственности определяются, прежде всего, открытым, формально демократическим характером функционирования основных политических институтов общества. Поэтому констатируется преобладание опубликованных источников. Их можно ранжировать следующим образом.

К первой группе источников следует отнести официальные документы. Их, в свою очередь, можно разделить на три подгруппы. В *первой подгруппе* выделяются материалы «государственного сектора» общества – государственных органов СССР, РСФСР (РФ) и УАССР (УР). Прежде всего, это – законодательные и иные нормативные акты, определившие направления демократизации общественно-политической жизни на завершающем этапе советской истории, заложившие новые политико-правовые основы функционирования политической системы в эпоху рыночных преобразований. Таковые представлены, во-первых, союзной, союзно-республиканской и автономно-республиканскими конституциями, а также декларациями и основными законами созданных в результате распада Советского Союза суверенных республик, отразившими статус институтов политической системы, их иерархию и соподчиненность¹.

Использованы документы и материалы Президиума ВС УАССР периода до 1990 г. (ф. Р-620, ЦГА УР) и Ведомственного архива ГС УР (ВАГС УР).

Во-вторых, в данную подгруппу включаются советские, федеральные и региональные законодательные акты, отражающие правоотношения отдельных видов политических субъектов (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении положения о добровольных обществах и союзах» от 10 июля 1932 г., Закон СССР «Об общественных объединениях» от 9 октября 1990 г., ФЗ «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. и др.)², регулирующие общественно-государственные отношения, возникающие при осуществлении избирательного процесса³ или проведении социальной политики (федеральные законы «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 26 июня 1995 г.⁴; «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11 августа 1995 г.⁵; «О профсоюзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г.⁶; «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г.⁷; «О свободе совести и религиозных объединениях»

от 26 сентября 1997 г.⁸; законы УР «О культуре»⁹, «О народном образовании»¹⁰, «О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике»¹¹, «О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики»¹², Постановление ГС УР «О Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики»¹³ и другие правовые акты).

Сюда же следует отнести указы и распоряжения Президента РФ, постановления Совета Министров (СМ) (Правительства) УР, органов местного самоуправления, касающиеся конституирования гражданского общества, а также постановления избирательных комиссий разного уровня о результатах выборов в государственные и муниципальные органы, опросов и референдумов.

подавляющее большинство документов этой подгруппы опубликовано. В отдельных случаях привлечены материалы Текущего архива Аппарата ГС УР.

К данной подгруппе примыкают выступления представителей российской и республиканской элиты, отражающие взгляды руководителей государства на политические процессы, направления и результаты эволюции властных отношений, в том числе: ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию (ФС), доклады высшего должностного лица УР о положении в республике и др. Большой исследовательский интерес могут вызвать выступления кандидатов на замещение должностей Председателя ГС УР и постоянных комиссий ГС УР. В последнем случае тексты выступлений публиковались и публикуются ограниченным тиражом и малоизвестны историкам.

Вторую подгруппу первой группы составляют документы КПСС – материалы съездов, конференций и пленумов¹⁴, иных рабочих органов, статьи, речи, интервью официальных представителей партийных учреждений. Выделение данного типа источников определяется особым местом партийной номенклатуры в структурных преобразованиях. Сюда же можно отнести и материалы Удмуртской республиканской организации ВЛКСМ, наряду с советскими, партийными и профсоюзными структурами обладавшей особым номенклатурным статусом.

Важную роль в изучении эволюции политической системы играют материалы XXVII и XXVIII съездов КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции (28 июня – 1 июля 1988 г.), определившей основные направления политической реформы, текст последней редакции Программы КПСС.

На региональном уровне этот тип источников представлен материалами Удмуртского обкома (рескома) КПСС (КПРФ), раскрывающими

осуществление перестройки на местах, изменения в партийно-политической деятельности коммунистов республики. Значительный интерес представляют информационные, как правило, ежеквартальные материалы о работе бюро и секретариата Удмуртского обкома КПСС в период с конца 1980-х гг. до начала 1991 г.¹⁵

Большой пласт партийных и комсомольских источников отложился в ЦДНИ УР (бывший Партийный архив Удмуртского рескома Компартии РСФСР). Они сосредоточены, главным образом, в Ф. 16 «Удмуртский республиканский комитет КП РСФСР, г. Ижевск», а также в Ф. 92 «Удмуртский республиканский комитет ВЛКСМ и Удмуртская Федерация молодежных организаций Российского Союза Молодежи, г. Ижевск». Протоколы конференций, пленумов, собраний актива республиканской партийной организации, заседаний бюро и секретариата Удмуртского рескома КП РСФСР, иные виды документов отражают деятельность коммунистов республики в сферах организационно-партийной, агитационно-пропагандистской, идеологической работы, отраслях народного хозяйства, образования и науки, здравоохранения и социального обеспечения, сфере национальной политики и межнациональных отношений. Поэтому в партийных фондах содержится немало информационных документов органов государственной власти, министерств и ведомств, предприятий и организаций. Особого внимания заслуживают материалы, раскрывающие взаимоотношения коммунистов республики и деятелей неформальных организаций.

Другое важное обстоятельство, существенно усиливающее историко-ведческую значимость фондов комитетов КПСС и ВЛКСМ – наличие в них значительного количества документов личного происхождения (личные дела по учету кадров, персональные дела, учетные карточки, анкеты, характеристики, лицевые счета и др.). Это позволяет получить информацию о жизненном пути, трудовой и общественной биографии многих общественных и политических деятелей. К сожалению, использование этой группы документов ограничено для пользователей действующим законодательством в области архивного дела¹⁶.

Третью подгруппу первой группы формируют документы и материалы общественных и политических объединений и их лидеров¹⁷, которые отражают динамику общественного движения. Как правило, материалы данной подгруппы опубликованы и в силу этого доступны исследователям. Однако для выяснения полной картины общественного движения необходимо привлечение документов, отложившихся в архивохранилищах.

Так, в списке источников комплектования ЦДНИ УР числятся около ста различных организаций. Это – политические партии и массовые движения, общественные объединения национальной, экологической, патриотической, благотворительной направленности, детские и молодежные организации, редакции ряда газет и журналов, учрежденных объединениями граждан. Большая часть из них находится на особом режиме хранения. Хотя по сравнению с документами комитетов КПСС и ВЛКСМ эти документы и обладают более низким источниковым потенциалом, но также могут активно использоваться исследователями. Некоторые из них представляют особую историческую ценность, как, например, материалы I Всесоюзного съезда удмуртов (1991 г.), I Всероссийского съезда финно-угорских народов (1992 г.) и др.¹⁸

В монографическом исследовании использованы следующие фонды ЦДНИ УР: Ф. 26 «Удмуртская общественная республиканская организация ветеранов (пенсионеров) войны и труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, г. Ижевск», Ф. 47 «Союз женщин Удмуртской Республики, г. Ижевск». В них наглядно показан процесс освобождения названных организаций от партийного влияния, формирования новых организационно-идеологических основ их деятельности, нашедших отражение в уставных документах, что объективно повышало интерес граждан к этим структурам, расширяло их социальный состав.

Ликвидация господства КПСС в государственной и общественной сферах, либерализация советского законодательства вызвали к жизни новые партийные образования, деятельность которых отражена в фондах Удмуртской региональной организации движения «Демократическая Россия» (УРО Движения ДР) и редакции газеты «Демократическая Удмуртия», республиканских отделений Конституционно-демократической партии (партии Народной Свободы) (КДП (ПНС), партии «Демократический выбор России», Российской социал-демократической народной партии (РСДНП), Либерально-демократической партии России (ЛДПР), КПРФ и редакции газеты «Трибуна» социалистического толка. Документы этих объединений свидетельствуют о значительном разнообразии идеологий, организационно-правовых форм, характерных для либерального общества, о результатах их работы в сфере государственного строительства, в формировании институтов представительной власти и т.п.

На завершающем этапе советской истории и в период рыночных преобразований заметную роль в государственной и общественной жизни стали играть национально-культурные формирования. Неотъемлемой

частью регионального сообщества стали Всеудмуртская Ассоциация «Удмурт кенеш» («Удмуртский совет») и Всероссийская Ассоциация финно-угорских народов, (объединенный фонд 34 ЦДНИ УР), Удмуртская молодежная общественно-политическая организация (УМОПО) «Шунды» («Солнце») и Молодежная Ассоциация финно-угорских народов (объединенный фонд 70 ЦДНИ УР), Татарский общественный центр (ТОЦ) Удмуртии (Ф. 42 ЦДНИ УР), Общество русской культуры УР (Ф. 134 ЦДНИ УР) и др. Перечисленные фонды, также открытые для академических исследований, отражают эволюцию идейно-организационных форм работы по мере реализации национальной политики.

Четвертую подгруппу первой группы образуют документы, отложившиеся в результате официальных контактов представителей политической элиты федерального центра и республики. Наибольшее внимание уделено переписке по поводу осуществления административной реформы на местах, в частности, в период конституционного кризиса 1996–1999 гг. в Удмуртии, результаты которого повлияли на государственное строительство в России в целом¹⁹. Выделяется ряд материалов, отразивших процесс становления в регионах общественно-государственных систем во второй половине 1990-х гг.²⁰ Документы данной подгруппы содержатся в фондах Текущего архива Аппарата ГС УР.

Пятую подгруппу первой группы составляют документы, содержащие переписку общественных формирований с представителями государственных и муниципальных органов по вопросам совершенствования механизма управления в республике (преобразование структур исполнительной власти, рекомендации тех или иных лиц на замещение высоких государственных должностей и т.п.)²¹. Они также находятся в текущих архивах аппаратов ГС и Правительства УР.

Незаменимым источником изучения формирования новой системы общественно-государственных отношений являются коллекции материалов, иллюстрирующих проведение избирательных кампаний. В данном случае, в монографии использована подобная коллекция ЦДНИ УР, сосредоточенная в Ф. 74 «Агитационно-пропагандистские документы кампаний по выборам Президента Российской Федерации, депутатов федеральных и республиканских органов государственной власти и местного самоуправления, о проведении всенародных референдумов».

Ко второй группе исторических источников следует отнести мемуары. Если на общероссийском уровне этот тип источников представлен довольно широко, то на региональном уровне его составляют пока,

главным образом, единичные воспоминания политических и общественных деятелей того времени. Особый интерес представляет сборник «Ветераны Удмуртии»²², в котором содержатся воспоминания М. Е. Зыкова, бывшего долгое время (с 1990 г.) председателем Республиканского Совета ветеранов; членов его Президиума Л. П. Емельянова, П. Т. Русских, Ю. К. Шибанова; А. М. Пономарева (заместитель председателя Республиканского Комитета ветеранов войны), руководителей районных, городских и производственных ветеранских организаций: Б. Г. Аминова, Л. Н. Долгачевой, Н. Е. Левицкого, С. П. Дегтева (г. Ижевск, Ленинский, Октябрьский, Первомайский районы города), Н. А. Бочкарева (Ижевский городской комитет ветеранов войны), Ю. Н. Забродина (г. Воткинск), В. П. Погадаева (г. Сарапул), Ф. К. Медведева, Г. П. Константинова (г. Глазов, Глазовский район), И. И. Шабалина, С. П. Зорина (г. Можга, Можгинский район), Г. Р. Чиркова (п. Балезино), Д. И. Иванова (с. Алнаши), Г. Н. Булдакова (п. Яр), В. П. Вахрушева (с. Якшур-Бодья), Г. С. Владыкина (с. Юкаменское), Н. Л. Вахрушевой (с. Завьялово), А. С. Мельникова (с. Каракулино), Н. А. Ворожцова (с. Селты), А. В. Пицкова (АО «Буммаш»)²³.

В воспоминаниях доктора экономических наук, первого Президента Всеудмуртской Ассоциации «Удмурт кенеш» М. И. Шишкина²⁴ содержатся материалы о противоречивом становлении удмуртского национального движения в начале 1990-х гг. В небольшой по объему брошюре С. Г. Щукина, в 1990–1995 гг. депутата и Председателя постоянной комиссии ВС УР, описываются события, связанные с обретением суверенитета УР первой половины 1990-х гг.²⁵

В работе М. К. Кокорина²⁶, депутата ГС УР первых трех созывов, известного правозащитника, приводятся материалы парламентской комиссии по рассмотрению деятельности Удмуртской продовольственной корпорации, приобретшей скандальный характер. Брошюра стала продолжением его книги «Власть воров «в законе», в основу которой легли сообщения работников милиции о вхождении во власть «авторитетов» из числа судимых за различные правонарушения. В ней описывались «события, связанные с ломкой прежних «экономических» принципов уголовного мира и формированием в нем преступных сообществ, которые не только налаживали контакты с государственным чиновничеством в представительных и исполнительных органах власти, а также на предприятиях, но и усиленно рассматривали варианты продвижения в эту сферу своих кандидатов»²⁷.

В 2009 г. в республиканском издательстве «Удмуртия» были опубликованы воспоминания доктора исторических наук, профессора, видного

политического и общественного деятеля К. А. Пономарева²⁸. Первая часть книги освещает период становления его как личности. Во вторую вошли статьи, выступления и интервью автора, посвященные проблемам развития Удмуртии в годы реформ 1990-х гг.

Мемуаристика получила отражение и на страницах юбилейного издания «Формула успеха», вышедшего в 2011 г. к 90-летию образования Союза потребительских обществ УР²⁹. Своими воспоминаниями о формировании и развитии кооперативных организаций республики поделились руководители различных звеньев Удмуртпотребсоюза: К. А. Гуляев, Р. М. Каримов, Л. М. Домнин, Т. А. Носова, В. И. Ирисов, В. И. Ворожцова, Т. Е. Вылегжанина, В. К. Адьякимов и др.

Большинство исследователей выделяют **в третью самостоятельную группу** такой вид источников, как материалы прессы. Признавая их бесспорную важность для раскрытия новых тенденций в государственной и общественной жизни, заметим, что, как правило, печатные издания отражают позицию субъектов политических отношений. Поэтому их можно рассматривать и в рамках первой группы источников.

Во-первых, это печатные издания, главным образом, газеты, учрежденные государственными и муниципальными органами или с их участием. В них публикуются официальные документы (законы и иные нормативные акты, выступления руководителей страны, республики, муниципальных образований). Для РФ таким официальным изданием стала «Российская газета», для УР – газеты «Удмуртская правда» и «Известия Удмуртской Республики».

Во-вторых, это печатные органы общественных объединений, в том числе политических партий, например «Вестник обкома КПСС» – орган Удмуртского обкома КПСС, на страницах которого публиковали свои официальные документы и общественные формирования ветеранов, женщин, национально-культурные организации³⁰. Демократические силы республики имели свой печатный орган – газету «Демократическая Удмуртия»³¹. Широкую известность получили также газеты «Трибуна» и «Долг», издаваемые с 1990 г. и 1991 г. соответственно.

В-третьих, это печатные издания, которые можно лишь условно назвать «независимыми». На их страницах также нашли отражение официальные позиции представителей различных групп республиканской властной элиты: политической, хозяйственной (бизнес-элиты), культурной, научной. Однако основную массу публикаций составляют опять же условно «аналитические» статьи, в которых политические

процессы предстают в искаженном свете, ибо их авторы принадлежали к различным группам, борющимся за власть. Так, например, позицию «государственников» традиционно отражали такие газеты, как «Инфо-Панорама», «Неделя Удмуртии», «Московский комсомолец в Ижевске», позицию «самоуправленцев» – «АиФ Удмуртии», «Ижевск-экспресс» и др. Вместе с тем стоит отметить, что по мере изменения соотношения сил в высших эшелонах власти позиции изданий могли меняться. Поэтому газетная публикация, являясь к тому же наименее насыщенным достоверной информацией источником, требует весьма критического отношения и обязательного сопоставления с другими материалами.

Четвертую группу источников формируют данные социологических исследований, проводившихся в рассматриваемый период различными структурами (научными, общественными, государственными). В них отражено отношение определенных слоев населения, представителей элиты к реформам. В работе использованы результаты опросов различных категорий граждан, организованных Советом по изучению и формированию общественного мнения при Удмуртском обкоме КПСС: о реализации Постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» и роли в этом Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость (ВДОБТ) (апрель–май 1987 г.)³²; о политической культуре актива трудовых коллективов ряда предприятий и учреждений (1988 г.)³³; об отношении делегатов XXXIX Удмуртской областной отчетно-выборной партконференции к проектам Платформы ЦК КПСС, новой редакции Устава КПСС и внутрипартийной перестройке (июнь 1990 г.)³⁴.

Данные исследования, проведенного научно-исследовательским центром Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ (Москва, 1987 г.), позволяют судить об интересе и участии молодых граждан в неформальных организациях³⁵. Опрос, осуществленный в 1990 г. Всесоюзным центром изучения общественного мнения и пресс-центром Удмуртского областного совета Федерации профсоюзов, выявил критические взгляды респондентов на формальную роль профсоюзов в защите интересов трудящихся³⁶. В материалах исследования, организованного по инициативе Удмуртской межсоюзной конференции профсоюзов (конец 1990 г.), отражено противоречивое, зачастую негативное отношение граждан республики к принятию «Декларации о государственном суверенитете Удмуртской Республики»³⁷. Опросы, проведенные в июле 2000 г. Коалицией общественных объединений «Единство ради созидания», дают представление

о симпатиях избирателей к кандидатам на выборную в то время должность Президента УР³⁸.

Для подтверждения репрезентативности полученных данных этот вид источников также требует обязательного сопоставления со всем комплексом иных материалов, так как в некоторых случаях проводились т.н. «заказные исследования», не имевшие ничего общего с реальной ситуацией.

Особое место в ряду опубликованных источников занимают сборники документов, выпускаемые архивными учреждениями под эгидой Комитета по делам архивов при Правительстве УР. Они не формируют отдельную группу источников, но являются важнейшим исследовательским резервом. Так, универсальный характер носит изданная в 2007 г. двухтомная «Хрестоматия по истории Удмуртии», последний том которой посвящен важнейшим этапам исторического развития края в новейшее время (1917–2007 гг.)³⁹. В нем, в частности, представлены данные о результатах работы добровольных народных дружин республики (1981 г.); состоянии и развитии потребкооперации в УАССР (1985 г.); работе по преодолению пьянства и алкоголизма (1986 г.); проведении избирательных кампаний различного уровня; деятельности общественных, в том числе национально-культурных объединений и т.п. Особый интерес вызывают справка Удмуртского обкома КПСС в ЦК партии от 20 апреля 1987 г. с грифом «секретно» об обстановке, сложившейся в республике в связи с переименованием г. Ижевска в г. Устинов, стимулировавшей протестное движение, и другие документы. Информационная насыщенность характерна и для сборника «Ижевск: документы и материалы», вышедшего к 250-летию юбилею столицы Удмуртии, и других подобных изданий⁴⁰.

Биографические данные о политической, деловой, научной элите Удмуртии содержатся в ряде справочников, выпущенных в начале 2000-х гг.⁴¹

В монографии использованы также документальные материалы авторской коллекции, отложившиеся во второй половине 1980-х – начале 2000-х гг., в период активной общественной работы, государственной службы в должности главного специалиста отдела общественно-политического анализа Аппарата ГС УР, Полномочного представителя ГС УР в Общественной палате УР.

Таким образом, разнохарактерные источники обладают большими репрезентативными возможностями и при сопоставлении друг с другом позволяют создать объективную картину исторического процесса социальных трансформаций.

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617; Конституция (Основной Закон) Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики. Ижевск, 1990; Конституция Российской Федерации...; Декларация о государственном суверенитете Удмуртской Республики: Постановление ВС УАССР от 20 сентября 1990 г. № 83-ХІІ // Вестник обкома КПСС. 1990. № 19; Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995; Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000.

² Об общественных объединениях: Закон СССР от 9 октября 1990 г. № 1708-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. 17 октября. № 42. Ст. 839; Об общественных объединениях: Федеральный Закон...

³ Закон Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики о выборах народных депутатов Верховного Совета Удмуртской АССР. Ижевск, 1989; Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный Закон. М., 1999; О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный Закон. М., 1999.

⁴ Собрание законодательства (СЗ) РФ. 1995. № 27. Ст. 2503.

⁵ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

⁶ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.

⁷ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

⁸ СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

⁹ О культуре: Закон УР от 29 октября 1996 г. № 310-І // Известия Удмуртской Республики. 1996. 19 декабря.

¹⁰ О народном образовании: Закон УР от 19 декабря 1995 г. № 130-І // Удмуртская правда. 1996. 31 января.

¹¹ О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике: Закон УР от 22 октября 1997 г. № 493-І // Удмуртская правда. 1997. 26 ноября.

¹² О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики: Закон УР от 30 мая 1995 г. № 50-І.

¹³ О Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики: Постановление Государственного Совета УР от 6 февраля 1998 г. № 584-І // Известия Удмуртской Республики. 1998. 21 апреля.

¹⁴ См., напр.: XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стеногр. отчет. М., 1986. Т. 1–3; XXVIII съезд Коммунистической партии Советского

Союза. Стеногр. отчет. М., 1991. Т. 1, 2; Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986; XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стеногр. отчет. В 2 т. М., 1988.

¹⁵ См., напр.: О работе бюро и секретариата обкома КПСС в июле–сентябре 1990 г. // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21.

¹⁶ Дерюшев А. Б. Документы ЦДНИ УР как источник для изучения истории Удмуртии XX века // История Удмуртии XX века в документах ЦДНИ УР. Ижевск, 2004. С. 4–5.

¹⁷ Даешь... полмиллиона? (интервью с О. Ю. Поповым, первым секретарем Удмуртского республиканского комитета ВЛКСМ) // Огни Прикамья. 1991. № 3; Климантова Г. Союз женщин Удмуртии // Вестник. 1991. № 4; Устав Союза женщин Удмуртской АССР // Вестник. 1991. № 4; Независимость профсоюзов – в консолидации. Интервью с председателем облсовпрофа А. М. Фоминовым // Вестник обкома КПСС. 1990. № 9; Материалы Первого Всесоюзного съезда удмуртов. 22–23 ноября 1991 г. Ижевск, 1992; Татарский Общественный Центр Удмуртии: этапы становления (из дневника президиума ТОЦ-Удм.). Ижевск, 1998.

¹⁸ Дерюшев А. Б. Документы ЦДНИ УР как источник для изучения истории Удмуртии XX века... С. 5.

¹⁹ См., напр.: Ответ Н. И. Морозовой, старшего советника юстиции, начальника отдела по надзору за законностью правовых актов Генеральной прокуратуры РФ А. И. Салтыкову, Мэру г. Ижевска от 14 мая 1996 г. № 7/5-1-803-96 // Текущий архив Аппарата ГС УР; Ответ В. М. Походина, государственного советника юстиции 2 класса, Прокурора УР А. И. Салтыкову, Главе администрации г. Ижевска от 17 мая 1996 г. № 7-14-96 // Текущий архив Аппарата ГС УР; Решение Совета Ассоциации экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона «О внесении изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации по вопросам местного самоуправления» от 16 октября 1996 г. // Текущий архив Аппарата ГС УР.

²⁰ См., напр.: Обращение Председателя Политического консультативного Совета при Президенте РФ И. П. Рыбкина к Председателю ГС УР А. А. Волкову от 23 сентября 1996 А7-2-50/03 // Текущий архив Аппарата ГС УР, вх. № 4814, 26.09.96.

²¹ См., напр.: Ответ М. А. Григорьева, Руководителя Аппарата Правительства УР на письмо б/н от 20.01.1999 Председателя заседания Секретариата Общественной Палаты УР Кудрина А. С. от 4 февраля 1999 г. № 7-154-242 // Текущий архив Аппарата Правительства УР.

²² Ветераны Удмуртии (Выпуск второй). Сборник материалов, посвященных истории и опыту работы ветеранских организаций республики. Ижевск, 1997.

²³ Данные на 1997 г.

²⁴ *Шишкин М. И.* Два года в «Кенеше». Ижевск, 1995.

²⁵ *Шукин С.* Власть в законе. Б. м., б. г.

²⁶ *Кокорин М. К.* По сроку давности... Удмуртская продовольственная корпорация: материалы депутатской комиссии. Ижевск, 1988.

²⁷ Там же. С. 3.

²⁸ *Пономарев К. А.* Личность в истории. Ижевск, 2009.

²⁹ *Формула успеха...* Ижевск, 2011.

³⁰ Возвращаясь к истокам. Интервью с председателем Общества удмуртской культуры К. А. Пономаревым. Программа и устав Общества // Вестник обкома КПСС. 1990. № 10; Заявление о задачах советов ветеранов Удмуртской Республики в связи с переходом экономики на рыночные отношения // Вестник. 1991. № 3.

³¹ Заявление о намерениях руководителей политических партий и общественно-политических организаций Удмуртской Республики // Демократическая Удмуртия, еженедельная газета демократических сил Удмуртии. 1991. 14 ноября.

³² Утверждение трезвости – долг каждого // Пропагандист и агитатор. 1987. № 14. С. 5.

³³ *Розенберг А.* Политическая культура в зеркале общественного мнения // Пропагандист и агитатор. 1988. № 9. С. 7–8.

³⁴ *Пырегов О.* Точки зрения различны // Вестник обкома КПСС. 1990. № 14. С. 9–11.

³⁵ *Сыресин В.* О неформальных объединениях молодежи // Пропагандист и агитатор. 1988. № 13. С. 31.

³⁶ *Козловская А., Скуковская И.* Если честно признаться // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21. С. 20–21.

³⁷ *Козлова А.* Мнение о Декларации // Вестник. 1991. № 3. С. 16.

³⁸ Результаты авторского исследования. 2012. Июль.

³⁹ Хрестоматия по истории Удмуртии. В 2 томах. Том 2. Документы и материалы. 1917–2007. Ижевск, 2007.

⁴⁰ Ижевск: документы и материалы, 1760–2010. Ижевск, 2010; Камбарка: документы, материалы. 1741–2002. Ижевск, 2004; Можга: Документы, материалы. 1835–2005. Ижевск, 2006 и др.

⁴¹ Кто есть кто в Удмуртии. Ижевск, 2011; Кто есть кто в Удмуртии. Справочник. Ижевск, 2006; Съезд Советов. Верховный Совет Удмуртской АССР. Государственный Совет Удмуртской Республики. Из истории представительных органов власти Удмуртии. Ижевск, 2005.

Глава 2

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (1977–1993 гг.)

2.1. Конституционные основы политической системы СССР и главные направления ее демократизации

Особое место в жизнедеятельности социума занимает его правовая база, оказывающая влияние на состояние политической культуры и формирующая уровень правосознания государственных и общественных институтов. Она получила освещение в трудах обществоведов, в том числе на региональном уровне. Однако поскольку политико-правовые основы, зафиксировавшие определенный этап в развитии советского общества, стали одной из исходных ступеней перестройки, вполне оправданной представляется краткая характеристика ведущих направлений социалистической реформации.

С середины 1970-х гг. Удмуртия продолжала развиваться в системе отношений, сформировавшихся в СССР под влиянием модернизации, очередной этап которой начался в стране в первой четверти XX в. В силу сложности и многообразия противоречий того времени, конкретной расстановки общественных сил, специфики общей культуры населения политические процессы приобрели революционный, «взрывной» характер. В годы Гражданской войны определяющей тенденцией стало противоборство «белой» и «красной» диктатур, когда была существенно подорвана, а в период системного кризиса первой половины 1920-х гг. ликвидирована многопартийная система. В результате в теории и на практике реализовалась модель государственного социализма и установилось господство

коммунистической партии. Еще в октябре 1921 г., спустя всего несколько месяцев после X съезда РКП(б), принявшего решение о переходе к новой экономической политике, ответственный партийный работник, впоследствии видный советский историк Н. Н. Попов следующим образом охарактеризовал сложившуюся к тому времени ситуацию: «Вся история политической борьбы партий за последние годы сводилась к тому, что мы, коммунистическая партия, в жестокой борьбе подавляли другие партии, втягивая, однако, известные их элементы в себя. И не только борьбой на фронте, не только тем аппаратом, который находился в нашем распоряжении, но еще всей силой нашей экономической мощи... пролетарского государства коммунистическая партия делала невозможным существование других партий. Там, где государство сосредоточило в своих руках все средства, там, где государство определяет собой экономическую, политическую, идейную и культурную жизнь и у власти стоит определенная партия – там для других партий нет места»¹.

Спецификой большевистского варианта советской политической системы стало восхождение на вершину властной пирамиды не профессиональных чиновников, а представителей общественной организации – РКП(б) – ВКП(б). Самодержавие Романовых сменилось самодержавием одной политической партии. Однако ее статус определялся лишь частичной легальностью и легитимностью. Так, в ст. 130 Конституции РСФСР было зафиксировано, что «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции добровольно объединяются в КПСС, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»².

На всем протяжении своего существования коммунистическая партия, не будучи никогда зарегистрированной в советский период, вынуждена была постоянно апеллировать, с одной стороны, к народу, государственным и общественным органам, а с другой – совершенствовать правовой статус политической системы. Подобный вид политической системы, имеющей строго временные и историко-культурные рамки, считается элитистским мобилизационным³. Он был типичен в основном для сталинской эпохи. Сталинизм означал культ личности и контролируемое участие масс в политической жизни, которое значительно активизировалось по сравнению с царской Россией. Вместе с тем централизованная государственная бюрократия принимала решения посредством элитарных репрессивных структур.

После Второй мировой войны усилились бюрократические авторитарные черты, присущие советской системе в целом. Мобилизационные кампании по индустриализации, разгрому фашистской Германии и послевоенному восстановлению страны политически изматывали не только рядовых граждан, но и правящую верхушку КПСС. За годы правления И. В. Сталина репрессии породили падение легитимности и деинституционализацию политической системы. Поэтому после его кончины ведущая роль в политическом процессе закрепилась за руководителями, инженерами, техниками, экономистами, службой безопасности и профессиональной военной администрацией, которые оказали существенное давление на идеологов⁴. В политико-правовых актах обнаружилось стремление к большей системности. Новые черты постсталинской модели общества были отражены в Основном законе. В Конституции Союза ССР, принятой 7 октября 1977 г., СССР объявлялся социалистическим общенародным государством, выражающим волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны⁵.

Конституция и советские законы формально гарантировали гражданам СССР социально-экономические, политические и личные права и свободы. Во-первых, они имели право участвовать в управлении государственными и общественными делами, обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения. Это право обеспечивалось возможностью избирать и быть избранными в Советы народных депутатов и другие выборные государственные органы, принимать участие во всенародных обсуждениях и голосованиях, народном контроле, работе общественных организаций, государственных органов и органов общественной самодеятельности, в собраниях трудовых коллективов и по месту жительства.

Во-вторых, советские граждане обладали правом объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самодеятельности, удовлетворению их многообразных интересов⁶. Вместе с тем основные политические свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, а также свобода научного, технического и художественного творчества гарантировались только в соответствии с классовыми интересами и в целях укрепления и совершенствования социалистического строя.

Организация и деятельность советского государства осуществлялась на основе принципа демократического централизма (выборность всех

органов государственной власти снизу доверху, подотчетность их народу, обязательность решений вышестоящих органов для нижестоящих).

Политическую основу СССР составили советы народных депутатов, через которые народ, хотя и формально, осуществлял государственную власть. Советы образовывали единую государственную систему сверху донизу. В нее входили: ВС СССР, Советы союзных и автономных республик, краев и областей, автономных областей и округов, районные, городские, районные в городах, поселковые и сельские Советы⁷. Все иные государственные органы были подконтрольны и подотчетны Советам. Выборы депутатов производились на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Гражданам СССР и общественным организациям гарантировались свободное и всестороннее обсуждение политических, деловых и личных качеств кандидатов, право агитации на собраниях, в печати, по телевидению и радио. Проведение выборов обеспечивали избирательные комиссии, формировавшиеся из представителей общественных организаций, трудовых коллективов и собраний военнослужащих⁸. Право выдвижения кандидатов принадлежало КПСС, профсоюзам, ВЛКСМ, кооперативным и другим общественным организациям, трудовым коллективам, собраниям военнослужащих по воинским частям.

Ст. 6 Конституции СССР определяла особое место в политической системе коммунистической партии. КПСС провозглашалась руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций. Наряду с Советами народных депутатов и КПСС в политическую систему входили профессиональные союзы, ВЛКСМ, кооперативные и другие общественные организации, которые в соответствии со своими уставными задачами участвовали в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов. В данном случае Конституция социалистического общенародного государства не только сохранила преемственность ранее действовавших положений о роли общественных организаций в политической системе советского общества, но и значительно расширила их полномочия.

Тем не менее в условиях командно-административной системы и демократического централизма объединения граждан находились под своеобразным патронатом государства. Даже в период «развитого социализма» их политико-правовой статус определялся, помимо Конституции СССР, нормативными актами, разработанными еще в сталинскую эпоху.

Вплоть до принятия 9 октября 1990 г. Закона СССР «Об общественных объединениях» все прежние и вновь возникавшие организации действовали согласно Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении положения о добровольных обществах и союзах» от 10 июля 1932 г. Оно было принято, как отмечалось в документе, «в целях дальнейшего развертывания деятельности добровольных обществ и союзов и усиления их участия в социалистическом строительстве на основе широкого вовлечения в эти общества и союзы трудящихся масс»⁹. По мнению ряда ученых, это «Положение...» являлось единственным, в котором давались характеристики и признаки общественных организаций¹⁰.

Оно унифицировало деятельность общественных объединений и подчиняло их интересам ВКП(б) – КПСС. Добровольные общества и их союзы не были свободны в выборе своих целей. Они обязывались ставить своей задачей только активное участие в социалистическом строительстве СССР и содействие укреплению обороны страны. В то же время добровольные общества не могли защищать правовые и экономические интересы своих членов. Объединения должны были осуществлять свою деятельность в соответствии с планом народного хозяйства и социально-культурного строительства, практически участвуя в выполнении очередных задач советской власти по соответствующим отраслям. Их научно-исследовательская работа проводилась только «на основе марксистско-ленинского метода».

«Положение...» имело так называемый «разрешительный» характер. Соответствующий орган рассматривал целесообразность организации того или иного общества, персональный состав учредителей, пользуясь правом отвода отдельных лиц из их числа, согласовывал вопрос о создании общества с ведомствами и общественными организациями. Уставы добровольных обществ в зависимости от сферы территориальной деятельности утверждались президиумами ЦИКов, исполкомами или городскими советами. Добровольное общество считалось организованным и пользовалось правом юридического лица только со дня утверждения устава.

Наблюдение и контроль за обществами возлагались на орган, утвердивший устав. Государственные органы имели право давать объединениям обязательные для них указания. В случае нарушения законодательства или «общей политики советской власти», отклонения от уставных целей и задач, регистрирующий орган мог отводить как отдельных членов общества, так и членов их органов управления, досрочно распускать выборные

органы вплоть до ликвидации общества. Связь добровольных обществ и их союзов с массами, контроль трудящихся над деятельностью обществ и союзов осуществлялись путем заслушивания их отчетных докладов секциями исполкомов советов, на собраниях рабочих и колхозников, а также путем установления шефства фабрик и заводов над обществами и союзами.

Объединения прекращали свою деятельность по двум основаниям: по постановлению общего собрания (собрания уполномоченных) и по распоряжению органа, утвердившего устав. Все имущество передавалось государственным учреждениям или общественным организациям.

В целом, несмотря на определенные декларированные демократические процедуры, советская правовая система охраняла главенствующее положение в обществе единственной в СССР политической организации – ВКП(б) – КПСС. В тоталитарном государстве были невозможны открытое выражение гражданской инициативы и свободное развитие общественных организаций. По верному замечанию исследователей¹¹, в перечне общественных формирований отсутствовали такие, которые преследовали бы политические цели. Формулировка «общественные организации», закрепленная в Конституции СССР 1977 г., означала, что какие-либо новые элементы политической системы, не подпадающие под данное определение (типа «народный фронт», «общественное движение»), автоматически оценивались как неконституционные. Любое объединение, по отношению к которому появлялись подозрения в нелояльности властям, могло быть тотчас ими распущено безо всяких законных на то оснований.

Вместе с тем советское законодательство, регулировавшее общественные отношения, не было лишено ряда положительных моментов. В частности, Положение о добровольных обществах и союзах предусматривало определенную гарантированную помощь государства общественным объединениям в случае их регистрации.

Существенным элементом советской политической системы являлись трудовые коллективы. Они могли участвовать в обсуждении и решении государственных и общественных дел, подготовке и расстановке кадров, обсуждении и решении вопросов управления предприятиями и учреждениями, улучшения условий труда и быта, использования средств, предназначенных для развития производства, а также на социально-культурные мероприятия и материальное поощрение. Именно трудовые коллективы должны были развивать социалистическое соревнование, способствовать

распространению передовых методов работы, укреплению трудовой дисциплины, воспитывать своих членов в духе коммунистической нравственности, заботиться о повышении их политической сознательности, культуры и профессиональной квалификации. Однако реально, наряду с остальными элементами системы, они рассматривались партийно-политическим руководством, главным образом, как «приводные ремни» от коммунистической партии к массам. Первоначально предполагалось, что через общественные органы партия будет знать об интересах различных социальных групп. Но с 1930-х гг. различные формы общественной активности стали пониматься лишь как инструменты по выполнению заданий партии¹².

К середине 1970-х гг. некоторые архаичные формы общественно-государственной жизни, не соответствовавшие интересам новой советской номенклатуры, подверглись пересмотру. Конституция 1977 г. определила основным направлением эволюции политической системы советского общества дальнейшее развертывание социалистической демократии: все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление народного контроля, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения¹³. Аналогичные нормы содержала и последняя Конституция УАССР, принятая в 1978 г.

Реализация этой целевой установки на практике породила три взаимосвязанных процесса: политизацию формальных институтов (профсоюзы, ВЛКСМ, кооперативные и другие общественные организации, трудовые коллективы); фактическую, а затем и юридическую ликвидацию господства КПСС; формирование общественно-политических движений и первых партий самых различных направлений. Новые нетипичные для советского строя отношения были легализованы в ряде законодательных актов. Так, Законом СССР от 14 марта 1990 г. № 1360 «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР»¹⁴ из преамбулы Конституции было исключено положение о возрастании руководящей роли коммунистической партии как авангарда всего народа. Другие политические партии, общественные организации и массовые движения получили возможность наравне с КПСС участвовать в выработке политики государства, управления государственными и общественными делами (ст. 6 в редакции 1990 г.).

Принципиальные изменения претерпела и ст. 51, закрепившая право граждан на объединение в политические партии, общественные организации, участие в массовых движениях. Такие же новеллы были внесены 16 июня 1990 г. и в ст. 6 Конституции РСФСР¹⁵.

Ликвидация господства КПСС, переход от однопартийной системы к многопартийной потребовали учреждения правовой базы, позволяющей гражданам в законном порядке реализовывать свое право защищать интересы через участие в общественном объединении. Новые изменения, произошедшие в советской политической системе, нашли отражение в Законе СССР «Об общественных объединениях» от 9 октября 1990 г.¹⁶ Он базировался на Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ), признававшей право на объединение неотъемлемым правом человека и гражданина. ВДПЧ, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. (СССР и другие социалистические страны при голосовании воздержались), стала наиболее известным документом в международной гуманитарной сфере, впервые закрепившим приоритет интересов и прав человека и гражданина над интересами государства¹⁷. Хотя она носит лишь рекомендательный характер, но обладает значительным морально-политическим эффектом. На подобного рода декларации и резолюции ООН и ряда других международных организаций опираются политические движения. Они служат предметом и источником научных дискуссий и концепций и нередко ложатся в основу договорных актов, закрепляющих соответствующие положения уже в качестве обязательных для соблюдения норм.

Советское государство, хотя и декларированно заинтересованное в развитии творческой инициативы, социальной и политической активности граждан, их участия в управлении государством и обществом, гарантировало гражданам СССР свободу создания общественных объединений. Под таковым стало пониматься добровольное формирование, возникшее в результате свободного волеизъявления граждан, объединившихся на основе общности интересов. Общественными объединениями признавались политические партии, массовые движения, профсоюзы, женские, ветеранские, инвалидные, молодежные и детские организации, научные, технические, культурно-просветительские, физкультурно-спортивные и иные добровольные общества, творческие союзы, землячества, фонды, ассоциации и другие объединения граждан. Между тем действие закона не распространялось на кооперативные и иные организации, преследующие коммерческие цели, на религиозные

организации, органы территориального общественного самоуправления и общественной самодеятельности (народные дружины, товарищеские суды и т.п.).

Существенным достижением Закона являлось то обстоятельство, что общественные объединения создавались в целях реализации и защиты гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод. Статус целей носил открытый характер.

Гарантом выполнения уставных задач объединений выступало государство. Особое внимание уделялось молодежным и детским организациям. Им оказывалась материальная и финансовая поддержка. Государство обеспечивало проведение по отношению к ним льготной налоговой политики, предоставляло детским организациям право пользоваться помещениями школ, внешкольных учреждений, клубами, дворцами и домами культуры, спортивными и иными сооружениями бесплатно или на льготных условиях. Устанавливались принципы взаимного невмешательства государственных и общественных органов в дела друг друга и согласования интересов.

Общественные объединения могли действовать без регистрации. Они наделялись правом участия в формировании и выработке решений органов государственной власти и управления, законодательной инициативы, представления и защиты законных интересов своих членов (участников) в государственных и общественных органах, учреждения собственных СМИ, реализации иных полномочий, предусмотренных действующим законодательством. Однако осуществлять свою деятельность они могли только во внерабочее время своих членов (участников) и за счет средств самих объединений.

Оговаривался новый порядок регистрации объединений. Отныне регистрировать их уставы должны были органы юстиции СССР.

До 1990 г. в российской правоприменительной практике не существовало понятий «политическая партия», «политическое общественное объединение» или понятий, родственных им. Возникновение первых политических партий, массовых движений, изменение места и роли профсоюзов потребовало законодательного оформления их статуса. Согласно Закону, политической партией стало считаться общественное объединение, выражающее политическую волю своих членов, ставящее основными задачами участие в формировании органов государственной власти и управления, а также в осуществлении власти через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов. Партии должны были

иметь программные документы, публикуемые для всеобщего сведения. Все они становились равными перед законом, имели право выдвигать кандидатов в народные депутаты, в том числе единым списком, вести предвыборную агитацию, оформлять группы своих сторонников – депутатов в соответствующих Советах.

Массовыми общественными движениями признавались общественные объединения, преследующие политические цели и не имеющие фиксированного членства.

Профсоюзами являлись общественные объединения, представляющие и защищающие интересы своих членов в области производства, социально-экономической и культурной областях во взаимоотношениях с государственными органами, хозяйственными организациями, кооперативными и иными общественными объединениями. Признавался принцип их равенства перед законом.

Государству запрещалось финансировать деятельность политических партий и массовых общественных движений, преследующих политические цели, за исключением случаев финансирования избирательных кампаний в соответствии с законодательством о выборах народных депутатов.

Устанавливалась минимальная численность общесоюзной политической партии и профессионального союза – не менее пяти тысяч граждан СССР. Политическая партия и профсоюз не могли образовываться другими общественными объединениями. В уставах политических партий не предусматривалось членство в них иностранных граждан и лиц без гражданства. Допускалось создание молодежных организаций при партиях. Их членами становились граждане, достигшие 18-летнего возраста.

Политические партии и профсоюзы имели только фиксированное индивидуальное членство. Особо оговаривалось, что в деятельности политических партий и профсоюзов, в отличие от иных общественных объединений, не могли принимать участие коллективные члены: трудовые коллективы предприятий, учреждений, организаций, объединения граждан.

Политические партии и массовые общественные движения, преследующие политические цели, были не вправе получать финансовую и иную материальную помощь от иностранных государств, организаций и граждан. Кроме того, они обязывались ежегодно публиковать свои бюджеты для всеобщего сведения.

Принятие Закона СССР «Об общественных объединениях», несмотря на его известную ограниченность, стимулировало развитие обществен-

ного движения. Процесс правового обеспечения деятельности политических объединений получил развитие в Декларации прав и свобод человека (принята Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г.¹⁸) и Декларации прав и свобод человека и гражданина (принята Постановлением ВС РСФСР 22 ноября 1991 г.¹⁹). После распада СССР и перехода его правомочий к РСФСР (РФ) последние изменения в Конституцию РФ политического характера вносились седьмым Съездом народных депутатов России 9 декабря 1992 г.²⁰ Либерально-демократические политико-правовые основы российской политической системы были заложены Конституцией РФ и ФЗ «Об общественных объединениях», а также иными нормативными актами, принятыми уже в постсоветскую эпоху.

¹ Попов Н. Н. О мелкобуржуазных партиях. Доклад, прочитанный секретарем Харьковского губкома РКП(б) тов. Н. Н. Поповым 19 октября 1921 г. на собрании ответственных работников Харьковской организации. Харьков, 1921. С. 4.

² Цит. по: Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений правительства РСФСР. Т. 12. М., 1969. С. 667.

³ Чарльз Ф. Эндрейн. Сравнительный анализ политических систем... С. 117.

⁴ Там же. С. 120–121.

⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик...

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений Правительства РСФСР... С. 667.

¹⁰ Громов А. В., Кузин О. С. Неформалы: кто есть кто?... С. 14.

¹¹ См., напр.: Уваров С. Н. Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века... С. 28.

¹² Там же. С. 28–29.

¹³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик...

¹⁴ Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР: Закон СССР от 14 марта 1990 г.

№ 1360-I // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 12. Ст. 189.

¹⁵ Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР: Закон РСФСР от 16 июня 1990 г. № 38-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации (РФ) и Верховного Совета РФ. 1991. № 3. Ст. 25.

¹⁶ Об общественных объединениях: Закон СССР от 9 октября 1990 г. № 1708-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 17 октября 1990 г. № 42. Ст. 839.

¹⁷ Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН «Всеобщая Декларация прав человека» 10 декабря 1948 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. М., 1989. С. 413–419.

¹⁸ Декларация прав и свобод человека (принята Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. № 2393-I) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 37. Ст. 1083.

¹⁹ О Декларации прав и свобод человека и гражданина: Постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-I // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1991. № 52. Ст. 1865.

²⁰ Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России: Закон РФ от 9 декабря 1992 г. № 4061-I // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 2. Ст. 55.

2.2. Трансформация институтов политической системы

2.2.1. Советы народных депутатов – политическая основа СССР

Советы как органы государственной власти выполняли, прежде всего, представительные функции и отражали социальную и политическую структуры. Так, в составе ВС СССР, избранного в марте 1984 г., насчитывалось 35,2 % рабочих, 16,1 % колхозников, 32,8 % женщин, 22 % лиц в возрасте до 30 лет, депутатов 63 национальностей, 71,5 % членов и кандидатов в члены КПСС¹. Удмуртию в ВС СССР представляли 16 депутатов. В ВС УАССР, высшем органе государственной власти автономной республики, избранном 24 февраля 1985 г., из 200 депутатов рабочие составили 39,5 %, колхозники – 11,5 %, женщины – 39,5 %, депутаты в возрасте до 30 лет – 26,5 %, беспартийные – 31 %².

В 1986 г. в республике насчитывалось 12 580 депутатов Советов всех уровней. При их исполкомах было организовано 80 внештатных отделов, в которых в качестве инструкторов на общественных началах работали 1 569 человек. В деятельности постоянных комиссий участвовали 176 199 активистов³. Определенные возможности для привлечения населения к работе Советов были заложены в использовании различных форм непосредственной демократии, в частности, всенародных обсуждений важнейших вопросов государственной жизни и проектов общесоюзных законов. Кроме того, трудящиеся, как правило, активно участвовали в подготовке решений местных Советов и в их предварительном обсуждении.

Специфика Удмуртии внесла определенный национальный колорит в систему местных советов. Еще в дореволюционный период у удмуртов возник орган самоуправления деревенской общины – «кенеш» («совет») и как институт сохранился в перестроечные времена. Так, по материалам Президиума ВС УАССР, в 1985 г. было проведено 5 276 сходов. В 1987 г. в одном только Балезинском районе их состоялось 240; обсуждены вопросы и приняты по ним решения: о благоустройстве деревень – 131, о соблюдении социалистической законности и правопорядка – 28, о воспитательной работе среди молодежи – 45, о строительстве индивидуальных домов, подсобном хозяйстве, отчеты депутатов сельсоветов и т.д.⁴ По рекомендации Президиума ВС УАССР в каждом селении следовало проводить сходы ежеквартально.

Характерным направлением советской работы являлось выполнение наказов избирателей. Так, в июне 1986 г. на заседании Президиума ВС УАССР был рассмотрен ход их реализации; отмечалось, что на 1 июня 1986 г. выполнены 16 из 90 наказов, данных депутатам ВС СССР, два из 59 – ВС РСФСР и 19 из 190 – УАССР. Не реализованы в срок 13 наказов депутатам ВС СССР и по два – ВС РСФСР и УАССР, в том числе 10 – предприятиями и организациями Госагропрома, по два – Министерством культуры, объединением «Сельхозхимия», трестом «Западуралспецстрой». Не все наказания выполнялись качественно и в срок в Кизнерском, Можгинском, Завьяловском, Киясовском, Сарапульском и Сюмсинском районах. Они вскрыли много недостатков в обслуживании населения. Об этом свидетельствовали также десятки жалоб и заявлений граждан, поступавших в местные, республиканские и центральные органы. Не уменьшался поток писем, в которых критиковалась работа магазинов и предприятий бытового обслуживания. Поэтому одной из важнейших задач в деятельности Советов становилось повышение уровня культуры

всех сторон жизнедеятельности людей: производственной, социальной, семейно-бытовой. В связи с этим 3-я сессия ВС УАССР объявила о начале «похода» за большую культуру. Это движение должно было стать главным в деятельности всех Советов народных депутатов в годы 12-й пятилетки.

Обращая внимание на провозглашенный демократический принцип формирования советов, стоит отметить, что реально он носил декларативный характер. Начиная с 1930-х гг. политическое руководство пошло по пути организации выборов в Советы всех уровней по принципу: один кандидат – один депутат. Поскольку выдвижение кандидатов оказалось монополизировано в руках партийных комитетов, выборы фактически оборачивались назначением депутатов⁵. Данное обстоятельство существенно ограничивало возможность демократичного обсуждения и решения проблем.

По мнению М. В. Ярных, взаимосвязь местных советских и партийных органов проявлялась в дублировании управленческих структур на всех уровнях власти с практикой прямой подотчетности отраслевых отделов Советов соответствующим отделам парткомов. К тому же Советы не могли вести самостоятельной кадровой политики, каковая также оставалась прерогативой КПСС⁶.

Основные направления развития советской системы традиционно определялись, в первую очередь, партийными документами. 25 июля 1986 г. ЦК КПСС, Президиум ВС СССР и СМ СССР приняли Постановление «О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС». В этом документе четко прослеживались две основные линии. Комплекс мер был направлен, с одной стороны, на обеспечение каждым Советом развития экономики и социально-культурной сферы на своей территории. С другой, органы власти на местах призывались активно и последовательно проводить курс на дальнейшее развитие демократических начал в своей деятельности, совершенствовать методы и стиль работы, углублять социалистическое самоуправление народа.

Однако в большинстве случаев подобные решения фактически являлись декларацией. Самостоятельная реализация народнохозяйственных задач в значительной степени затруднялась тем, что большое количество предприятий Удмуртии, особенно оборонных, находились в союзном и союзно-республиканском подчинении. Из 1 млрд. 200 млн. руб., ежегодно

осваиваемых 140 организациями, по линии местных Советов выделялось только 94 млн. руб. Значительные средства расписывались по отраслям Госпланом, а расходная часть бюджета республики – Министерством финансов РСФСР⁷.

На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС основной стратегии реформ объявлялась демократизация всех сфер советского общества. Еще в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии (февраль 1986 г.) было отмечено: «Настало время внести необходимые коррективы и в нашу избирательную практику. Здесь накопилось немало вопросов, требующих своего решения». М. С. Горбачев назвал совершенствование избирательной системы принципиальным направлением демократизации общественной жизни. В соответствии с провозглашенным лозунгом «Больше демократии!» предлагалось ввести альтернативные, на основе соперничества нескольких претендентов, выборы депутатов всех уровней.

Президиум ВС РСФСР 26 февраля 1987 г. принял Постановление «О проведении в порядке эксперимента выборов в местные Советы народных депутатов РСФСР по многомандатным избирательным округам». Они образовывались исполкомами соответствующих Советов на всей их территории путем объединения существовавших округов в пределах общей численности. Округа могли быть сформированы в границах отдельных населенных пунктов и их составных частей (микрорайонов, кварталов, улиц). Число выдвинутых кандидатов в таких округах должно было превысить число мандатов по избирательному округу. При выдвижении кандидатов органами общественных организаций, трудовыми коллективами, собраниями граждан проводились окружные предвыборные совещания. Представители на них избирались одновременно с выдвижением кандидата. Окружное совещание обсуждало выдвинутые кандидатуры, принимало решение об их поддержке, либо по согласованию с выдвинувшими кандидатами организациями вносило изменения в список, который затем одобрялся и представлялся в окружную избирательную комиссию. Если все кандидаты выдвигались одним органом или трудовым коллективом, то окружное совещание не проводилось.

Кандидаты заносятся в единый избирательный бюллетень. Избранными по многомандатному округу считались кандидаты, получившие больше половины голосов избирателей. Если число избранных депутатов оказывалось больше, чем число мандатов по округу, то депутаты, получившие меньшее число голосов, считались резервными, и им выдавалось

соответствующее удостоверение. Последние участвовали в работе Советов с правом совещательного голоса, пользовались депутатской неприкосновенностью и другими правами.

В целом по РСФСР было образовано 9 393 многомандатных округа, 92 % из них – трех- и пятимандатные⁸. Аналогичные решения приняли другие союзные (без областного деления), автономные республики, края, области. В УАССР выборы в Советы по многомандатным округам проводились в Можгинском районе. Всего в УАССР в 25 районных, шести городских, четырех районных в городе, 280 поселковых и сельских Советах предстояло избрать 12 600 народных депутатов. Выборы в местные Советы УАССР прошли 21 июня 1987 г. Из более чем 24 000 обсуждавшихся кандидатур было выдвинуто 12 726. В частности, в Можгинском районе на 495 мандатов был включен в бюллетени 621 кандидат⁹. Избранными депутатами местных Советов оказались 12 598 человек, из них 60,8 % – впервые; 62,8 % являлись представителями рабочих и крестьян. Удельный вес женщин повысился до 44,8 %, молодежи – до 34,7 %¹⁰. За кандидатов в депутаты отдали свои голоса более 99 % избирателей.

Несмотря на попытки демократизации советской избирательной системы, во второй половине 1980-х гг. наблюдается усиление власти исполнительных органов в ущерб представительным. Исполком и его председатель руководили работой Совета, подготовкой перечня вопросов, выносимых на обсуждение сессий Советов и проектов решений. Так как исполком руководил деятельностью депутатов, в общественной науке под местным органом Советской власти понималась совокупность собственно Совета, состоящего из избранных народом депутатов, и исполкома. Помимо всего прочего, среди депутатов Советов значительный процент составляли работники исполкомов. Так, в ВС УАССР (1985 г.) 15,5 % депутатов одновременно являлись руководящими партийными работниками, 19,5 % – работниками исполкомов, 9 % – руководителями министерств и ведомств, 5 % – предприятий и организаций¹¹.

Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС отметил, что перестройка переходит в этап практических действий. Его важнейшим мероприятием стала XIX партконференция (июнь–июль 1988 г.), объявившая политической целью передачу власти от партии Советам. Первым шагом в этом направлении стало выдвижение идеи построения правового государства – единственно возможного ненасильственного способа перехода от тоталитарной формы правления к демократической. Первоочередной задачей политической реформы становилось разграничение функций

партийных и советских органов, проведение демократических выборов народных депутатов, формирование новых структур власти¹².

Вместе с тем конференция не смогла придать процессам перестройки необратимый характер. Не нашли поддержки у большинства делегатов предложения Б. Н. Ельцина избирать высшее государственное и партийное руководство путем всеобщих, прямых и тайных выборов. Данное требование было преждевременным в условиях сохранения особого статуса КПСС, ибо влекло за собой возможность «светской», президентской власти. Поэтому конференция предложила новую структуру высших органов – Съезд народных депутатов и ВС СССР. Стремление сохранить контроль партаппарата за государственным строительством было выражено в изложенном в докладе М. С. Горбачева предложении избирать на съезд треть народных депутатов от общественных организаций, включая КПСС, комсомол, профсоюзы, минуя народное голосование, а также совместить посты первых секретарей партийных комитетов всех уровней, начиная с Генерального секретаря, с учреждаемыми постами председателей Советов¹³.

Первым мероприятием по осуществлению политической реформы стало принятие внеочередной 12-й сессией ВС СССР 1 декабря 1988 г. законов об изменениях и дополнениях Конституции и о выборах народных депутатов. Согласно законодательным актам, во-первых, менялась структура органов государственной власти. Создавались совершенно новые образования – Съезд народных депутатов СССР, съезды народных депутатов союзных и автономных республик. Именно Съезд народных депутатов СССР становился высшим органом государственной власти.

Во-вторых, менялись функции ВС СССР, который избирался из состава Съезда народных депутатов СССР. Он превращался в постоянно действующий законодательный, распорядительный и контрольный орган государственной власти страны. Часть депутатов работала на постоянной основе. В законах были созданы предпосылки для повышения активности и самостоятельности двух палат ВС СССР, сделаны шаги к преодолению их дублирования. Совет Союза СССР представлял территориальное самоуправление, а Совет Национальностей отражал федеративную природу СССР. Президиумы ВС СССР, ССР, АССР становились рабочими органами верховных Советов, не избирались, а образовывались по должностному признаку. Они формировались и в местных Советах. В-третьих, более четко проводились разграничения между законодательной и исполнительной властью. Лица, входившие

в состав органов управления СМ СССР, ССР, АССР, исполнительных комитетов местных Советов, за исключением председателей этих органов, а также руководители ведомств, отделов и управлений исполкомов местных Советов не могли быть депутатами Совета, которому они подчинялись. Судьи и государственные арбитры не имели права быть депутатами Совета, на территории которого они осуществляли свои функции. Важной гарантией демократизма стало ограничение срока полномочий должностных лиц, назначаемых Советами. Они не могли занимать свои должности более двух сроков подряд¹⁴.

В-четвертых, Законом предусматривалось избрание депутатов не только от территориальных и национально-территориальных округов, но и от различных общественных организаций. Исключались разрядки сверху, командно-административные методы подбора кандидатов. Право их выдвижения предоставлялось трудовым коллективам, общественным организациям, трудящимся по месту жительства. Впервые кандидату вменялось в обязанность выступить с изложением своей программы, не противоречащей Конституции СССР, советским законам.

Вводились следующие нормы представительства в Съезд народных депутатов СССР от общественных организаций: от КПСС, профсоюзов и кооперативных организаций – по 100 депутатов; от ВЛКСМ, женских советов, ветеранов войны и труда, объединений научных работников, творческих союзов – по 75 и еще 75 – от других общественных организаций, созданных в установленном порядке и имеющих общесоюзные органы.

Обязательным становилось проведение окружных предвыборных собраний (прежние совещания) для обсуждения выдвинутых по округу кандидатов и представления для регистрации в окружную избирательную комиссию. Принципиально новым здесь явилось то, что участники собраний делегировались трудовыми коллективами, органами общественных объединений, собраниями избирателей по месту жительства и военнослужащих, выдвинувшими кандидатов в депутаты СССР, по нормам окружной избирательной комиссии. Не менее половины участников собрания должны были составить избиратели данного округа. Если по округу выдвигалось не более двух кандидатов, окружное собрание не проводилось. Также новым избирательным законом были предусмотрены выборы в одномандатных избирательных округах, где выдвигалось несколько кандидатов. Избранным считался кандидат, получивший больше половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании (ранее было записано – «всех избирателей округа»).

Согласно Закону об изменениях и дополнениях Конституции СССР, состав народных депутатов страны определялся в количестве 2 250 человек, из которых 750 избирались по территориальным и 750 – по национально-территориальным округам. Еще 750 депутатов избирались от общественных организаций на съездах, конференциях или пленумах их руководящих органов.

Особо подчеркивалась необходимость обеспечения гласности при проведении выборов. На заседаниях избирательных комиссий, в том числе при регистрации кандидатов в депутаты, подсчете голосов на участке, определении результатов выборов по округу могли участвовать наряду с представителями общественности доверенные лица кандидата, чего раньше не было предусмотрено. Средствам массовой информации гарантировался беспрепятственный доступ на все собрания и заседания, связанные с выборами. Вводились новшества и в сроки агитации. Согласно союзному закону, агитация в день выборов не допускалась (в ранее действовавшем законе была другая редакция – «проведение агитации в день выборов в помещении для голосования не допускается»).

ВС СССР постановлением от 1 декабря 1988 г. назначил выборы народных депутатов СССР на 26 марта 1989 г. Образовывалось 750 территориальных округов из расчета 257,3 тыс. избирателей на один округ. Как и прежде, в УАССР были сформированы четыре округа (раньше они назывались избирательными округами по выборам в Совет Союза). Национально-территориальные округа образовывались из расчета: 32 от каждой союзной республики, 11 – автономной, 5 – от автономной области и 1 – от автономного округа (раньше они назывались округами по выборам в Совет Национальностей). УАССР наряду с Кировской и Костромской областями вошла в Кировский национально-территориальный округ РСФСР. Каждый избиратель Удмуртии получил три бюллетеня: по выборам народных депутатов СССР по территориальному округу, по национально-территориальному округу РСФСР и по национально-территориальному округу УАССР. Президиум ВС УАССР образовал окружные избирательные комиссии по 15 избирательным округам (по 4 территориальным и 11 национально-территориальным)¹⁵.

Выборы в высший орган власти в 1989 г. породили раскол в рядах сторонников перестройки. Очень быстро выделилось радикальное направление, начавшее оспаривать власть у высшего руководства страны и лично М. С. Горбачева. В большинстве союзных республик образо-

вались народные фронты, требовавшие большей самостоятельности регионов и реформирования советской федерации. Одновременно другая часть радикалов настаивала на решительном углублении и расширении экономических и политических реформ, проводимых центральным правительством. Общей платформой двух течений в радикальном движении стало признание идей частной собственности, политического плюрализма и многопартийности. Уже в ходе избирательной кампании радикалы широко обсуждали вопросы дальнейшего экономического и политического развития. В прошедших 26 марта 1989 г. выборах народных депутатов СССР приняло участие 172 млн. человек, или 89,6 % всех избирателей, включенных в списки. В РСФСР в голосовании участвовало 87 %, в УАССР – 87,9 % избирателей (934 260 человек). В процессе проведения выборов впервые не было погони за процентами явки, а агитаторы не ходили по квартирам.

Избирательная кампания вызвала беспрецедентную гражданскую активность. В России благодаря общественной поддержке в числе народных депутатов оказались многие демократические лидеры, в том числе А. Д. Сахаров, Ю. Н. Афанасьев, Д. С. Лихачев. Впервые народными депутатами были избраны семь религиозных деятелей. Депутатский корпус представляли практически все группы и слои населения. Увеличилось представительство более молодых и радикально настроенных депутатов. Так, Б. Н. Ельцин получил 85 % голосов избирателей Москвы, в то время как многие высокопоставленные партийные и государственные чиновники Москвы, Ленинграда, Свердловска и др. потерпели неожиданное для них поражение.

Выбирая народных депутатов СССР от 105 тыс. первичных партийных организаций КПСС, предварительно было предложено 31,5 тыс. кандидатур, окончательно представлено в ЦК КПСС 207. Январский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС рекомендовал из них 100 человек, которые и были зарегистрированы избирательной комиссией, а мартовский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС избрал их народными депутатами¹⁶.

В прежнем ВС СССР депутаты-коммунисты составляли 71,4 % всех депутатов, а в 1989 г. – 87,6 %. В Удмуртии из 27 зарегистрированных кандидатов в народные депутаты СССР 78 % являлись коммунистами¹⁷. В целом на окружных предвыборных собраниях присутствовала реальная состязательность кандидатов. На первом этапе было выдвинуто 68 кандидатов, или около 4–5 на округ. На каждом собрании выступило в среднем по 18 человек. После проведения собраний кандидатов осталось 28.

Среди 16 народных депутатов СССР от УАССР каждый второй оказался рабочим или колхозником, 14 человек – членами КПСС, трое – удмуртами, 11 – русскими, один – латышом и один – евреем. Высшее образование имели девять депутатов, остальные – среднее или среднее специальное. Два народных депутата СССР – представители Удмуртии – были избраны от общественных организаций: от профсоюзов – В. Л. Телегин, от ВЛКСМ – В. К. Булатов.

Как отмечают исследователи И. В. Егоров и К. Мацузато, несмотря на кризис, назревший в руководстве республики, оно могло перенести выборы без серьезного для себя ущерба. Об этом свидетельствовала безальтернативная победа первого секретаря обкома КПСС П. С. Грищенко в Игринском избирательном округе № 664. Главным неожиданным событием выборов народных депутатов СССР стало избрание по Индустриальному национально-территориальному округу № 658 Н. Н. Энгвера, ведущего научного сотрудника Физико-технического института Уральского отделения АН СССР (г. Ижевск). В своей предвыборной кампании он активно и резко полемизировал с П. С. Грищенко, выступал с яркой антиобкомовской критикой¹⁸.

Непривычными для республики оказались выборы в Сарапульском и Воткинском национально-территориальных округах: здесь было зарегистрировано по два кандидата. Ни одному из них 26 марта не удалось набрать более половины голосов избирателей. Поэтому в соответствии с законом 14 мая здесь прошли повторные выборы. На этот раз в Воткинском округе в бюллетени было внесено уже четыре фамилии, в Сарапульском – три. Но и второй тур не принес результата. 21 мая в этих округах состоялось последнее голосование. В бюллетени были внесены уже только две фамилии – тех кандидатов, которые в день повторных выборов набрали наибольшее количество голосов.

В ходе организации выборов выявилось несовершенство законодательства. Многие избиратели и сами депутаты, прошедшие через окружные собрания, высказались за их отмену, а сами выборы предложили проводить в два тура (в первом голосовать за всех выдвинутых кандидатов, а в следующем – только за двух, набравших наибольшее количество голосов). Далее, при выдвижении кандидатов не было реализовано предоставленное законом право выдвигать кандидатов по месту жительства. Правда, две таких попытки предпринимались в Устиновском районе г. Ижевска, но оба раза на собрания приходили менее 500 человек, поэтому они оказались неправомочными. Всего при проведении выборов

народных депутатов СССР от граждан республики поступили замечания и предложения по 23 статьям закона о выборах, которые направлялись на рассмотрение в Президиум ВС РСФСР и впоследствии были учтены в российском законодательстве¹⁹.

Съездом народных депутатов СССР в ВС от Удмуртии были избраны: в Совет Союза – Н. М. Копысов, регулировщик Ижевского радиозавода (член постоянной Комиссии по вопросам транспорта, связи, информатики); в Совет национальностей – С. Н. Данилов, животновод-арендатор совхоза «Шафеевский» Юкаменского района, В. В. Коробкин, начальник отдела Ижевского мотозавода (член постоянной Комиссии по товарам народного потребления, торговле, коммунально-бытовым и другим услугам населению), В. К. Мурашов, бригадир колхоза им. Ленина Селтинского района и Н. Н. Энгвер (член постоянной Комиссии социального и экономического развития союзных и автономных республик)²⁰. Депутат от УАССР С. Д. Сунцов работал в постоянной Комиссии развития промышленности, энергетики, техники и технологии. В. Л. Телегин был избран в состав Комитета по вопросам работы Советов народных депутатов, развития управления и самоуправления, а А. З. Ястребов – экологии и рационального использования природных ресурсов.

I Съезд народных депутатов СССР (май – июнь 1989 г.) сформировал двухпалатный ВС СССР, избрал М. С. Горбачева Председателем ВС СССР и принял решение о необходимости разработки новой Конституции. Относительно свободные выборы 1989 г. привели к переходу инициативы политического реформирования от КПСС к депутатам. Российские парламентарии выдвинули идею построения правового государства, гарантом которого должен был выступить его глава. Принципиально новым шагом в развитии советского парламентаризма стало создание демократически ориентированными депутатами независимой Межрегиональной депутатской группы (МДГ), призванной выполнять роль конструктивной оппозиции. На съезде завершился первый этап реформирования представительных органов государственной власти.

Требовалось формирование новых высших органов власти союзных и автономных республик. Внеочередная 12-я сессия ВС УАССР 11-го созыва 30–31 октября 1989 г. приняла Законы УАССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Удмуртской АССР», «О выборах народных депутатов Верховного Совета Удмуртской АССР» и «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов Удмуртской АССР».

Принятию законов предшествовала значительная организационная работа. Соответствующие законопроекты были опубликованы в печати, проведено свыше 3 100 собраний, на которых присутствовало около 190 тыс. граждан. Проекты законов обсуждались на сессиях местных Советов, заседаниях клубов избирателей, общественными объединениями. В республике был проведен единый политдень, организовано более 50 публикаций и выступлений на радио и по телевидению.

Всего поступило более одной тысячи предложений и замечаний по всем трем законопроектам, уточнения и дополнения коснулись большинства их статей²¹. Изменялись или полностью отменялись 20 из 46 статей Закона об изменениях и дополнениях Конституции УАССР; 33 из 56 – Закона о выборах народных депутатов ВС УАССР; 35 из 59 – Закона о выборах народных депутатов местных Советов, то есть из первоначального варианта утверждалось менее половины статей законов²².

Одним из принципиальных положений, внесенных в Конституцию, стал отказ от формирования Съезда народных депутатов республики. Вместо него избирался ВС УАССР, состоявший, как и ранее, из 200 депутатов и являвшийся представительным органом. Менялся порядок формирования Президиума ВС УАССР. С него снималась законодательная функция и возлагалась организация работы ВС, подготовки и проведения его сессий, координация деятельности постоянных комиссий, содействие народным депутатам в осуществлении их функций.

В законопроектах предусматривалось проведение окружных предвыборных собраний. Однако многие граждане высказались за их отмену. Законодателями это было учтено. Отклонялось предложение избирать депутатов от общественных объединений. Тем не менее, им предоставлялось право выдвигать своих кандидатов, а избираться они должны были на альтернативной основе по территориальным округам. Такое же право, согласно ст. 32 Закона о выборах депутатов ВС республики, закреплялось за трудовыми коллективами, коллективами средних специальных и высших учебных заведений, насчитывавшими менее 100 человек, на совместных собраниях (конференциях) с другими трудовыми коллективами. При этом общая численность их участников должна была составлять не менее 100 человек. Для проведения собраний по месту жительства, органов общественной самодеятельности требовалась поддержка не менее 100 избирателей данного округа (для местных Советов – не менее 30). Собрание считалось правомочным, если на нем присутствовали не менее 200 избирателей.

В законы была включена норма, запрещающая кандидату, не избранному в одном округе, баллотироваться при повторных выборах, а кандидату, зарегистрированному в одном округе, быть представленным к регистрации в другом.

Учитывая многочисленные пожелания, в законах было заложено принципиальное новшество – возможность проведения выборов без образования избирательных округов по единому списку на всей территории сельского или поселкового Совета, если избиралось не более 20 депутатов в соответствующий Совет. В Конституции УАССР закреплялся принцип участия кандидатов в предвыборной кампании на равных основаниях. Расходы, связанные с подготовкой и проведением выборов, производились за счет государственных средств. ВС решил сохранить существовавший порядок подсчета голосов избирателей. Бюллетени, в которых оставались незачеркнутыми более одной кандидатуры, признавались недействительными.

Некоторые избиратели в ходе обсуждения законопроектов высказывали озабоченность тем, что в условиях альтернативных выборов в ВС УАССР численный состав лиц коренной (в данном случае – титульной) национальности мог уменьшиться. Предлагалось создание национальных округов и двухпалатного ВС. Однако эти предложения сессией ВС приняты не были. Дело в том, что создание механизма, гарантировавшего национальное представительство в органах власти, закреплялось в Платформе КПСС по национальному вопросу. Конституционной комиссии, образованной на I Съезде народных депутатов СССР, давалось поручение выработать такой механизм, который бы не противоречил другим статьям Конституции.

Создание национальных округов, где баллотировались только представители коренной национальности, могло привести к ограничению прав других национальностей. Это противоречило бы ст. 2 Закона о выборах народных депутатов УАССР («Какие-либо прямые или косвенные ограничения избирательных прав граждан Удмуртской АССР в зависимости от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии... запрещаются»), ст. 3 (о равных условиях выборов), ст. 6 (о предоставлении равных прав гражданам РСФСР и других союзных республик пользоваться на территории УАССР правом избирать и быть избранным наравне с гражданами УАССР), а также ст. 81 Конституции УАССР (о предоставлении равных прав всем гражданам)²³. Что касает-

ся двухпалатной системы, то ни в Конституции СССР, ни в Конституции РСФСР не закреплялось положение, согласно которому по национально-территориальным округам могли выдвигаться и избираться только представители тех или иных национальностей. На сессии ВС РСФСР депутаты пытались найти механизм представительства, но разумные, юридически грамотные подходы, сохраняющие равноправие избирателей, так и не были найдены.

Выборы 1990 г. охватили все звенья Советов. В УАССР ожидалось выборы в 11 округах по выборам в ВС РСФСР, 200 – в ВС УАССР, 12 600 – в местные Советы²⁴.

Народными депутатами РСФСР от УАССР были избраны 13 человек. Из них 12 (92,3 %) являлись членами КПСС, один – беспартийным. Три члена КПСС (А. М. Голишников, председатель Увинского районного суда; И. Ю. Еремин, корреспондент газеты «Удмуртская правда» и В. Н. Подпригора, первый заместитель председателя исполкома Можгинского горсовета) придерживались демократической ориентации. Четыре депутата от УАССР представляли интересы руководства республики и районов, три – сельскохозяйственных предприятий (совхозов и колхозов), по два – директората, интеллигенции (врачей и учителей), по одному – рабочих государственных предприятий и журналистского корпуса²⁵.

Представители партийного аппарата КПСС не смогли стать народными депутатами РСФСР. Показательным следует считать поражение в Устиновском территориальном округе первого секретаря Ижевского горкома КПСС Н. И. Сапожникова («за» проголосовало 13,2 % избирателей, «против» – 76,2 %); в Камском национально-территориальном – второго секретаря обкома КПСС Л. Н. Булгакова («за» – 11 %, «против» – 80,8 %). Не были избраны депутатами РСФСР также М. И. Шишкин, заведующий сектором НИУ «Содружество» Института экономики УрО РАН, работавший в 1978–1982 гг. вторым секретарем Удмуртского обкома КПСС; А. М. Фоминов, председатель республиканского совета профсоюзов²⁶.

Выборы в ВС УАССР проходили в несколько туров. После голосования 4 и 18 марта 1990 г. было избрано 175 из 200 депутатов. По данным мандатной комиссии, приводимым в исследовании И. В. Егорова и К. Мацзато, 106 человек представляли русских, 49 – удмуртов, семь – татар, четыре – белорусов, три – украинцев, по одному – евреев, башкир, марийцев, армян, чувашей и удинов. В составе избранных депутатов на момент первой сессии были 11 женщин (девять в возрасте до 30 лет, три из которых – комсомолки); 149 человек – члены и кандидаты в члены КПСС, 23 депутата –

беспартийные. Высшее и незаконченное высшее образование имели 158 депутатов, среднее и среднее специальное – 17.

Состав вновь избранного ВС УР по роду занятий выглядел следующим образом: работники Советов – 50 человек, руководители предприятий и объединений – 34, инженерно-технические работники и служащие – 30, работники социально-культурной сферы – 28, руководители колхозов и совхозов – 17, работники общественных организаций – 11, научные работники – восемь, рабочие – семь, сотрудники правоохранительных органов и военнослужащие – семь, работники СМИ – четыре, колхозники и рабочие совхозов – два, студенты – один, пенсионеры – один человек²⁷. Номенклатурная составляющая характеризовалась советскими (15 человек), партийными (23), профсоюзными (шесть), комсомольскими (один) функционерами.

Данная характеристика показала общесоюзную тенденцию на первых свободных, демократических выборах: увеличение доли коммунистов и людей с высшим образованием, с одной стороны, а с другой – катастрофическое уменьшение доли женщин, рабочих и крестьян. Политический состав ВС УАССР трудно оценить однозначно. По мнению И. В. Егорова и К. Мацузато, умеренно националистическая удмуртская фракция составляла почти 50 депутатов. Число депутатов, поддерживавших промосковских демократов, колебалось от 20 до 32 в зависимости от решавшегося вопроса. Такое число можно считать «умеренной» демократичностью, если речь шла об областях и краях российских регионов, но по меркам национальных республик в те времена это был очень демократический показатель²⁸.

На организационной сессии ВС УАССР 14 апреля 1990 г. состоялись выборы его Председателя. П. С. Грищенко не выдвинул свою кандидатуру. Поэтому в республике возможность осуществления горбачевской политики совмещения должностей первого секретаря и главы представительного органа изначально исключалась. В бюллетень для тайного голосования были внесены кандидатуры Г. Н. Дмитриева, Председателя СМ УАССР, Ю. Н. Русских, заведующего отделом по вопросам работы Советов секретариата ВС УАССР, В. К. Тубылова, директора Асановского совхоза-техникума, В. Ф. Шишкина, начальника цеха № 364 ПО «Ижмаш»²⁹. Большинство голосов получил В. К. Тубылов³⁰. Его кандидатура устраивала как партийно-хозяйственную номенклатуру, так и демократов. На пост Председателя СМ УАССР В. К. Тубылов предложил Г. Н. Дмитриева, работавшего в этой должности с 1987 г., но его кандидатура не была

принята сессией. Во второй раз новый Председатель ВС УАССР рекомендовал Н. Е. Миронова, директора 13-го государственного подшипникового завода (ГПЗ-13) Министерства автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения СССР. По итогам голосования последний был избран Председателем СМ УАССР³¹.

Параллельно с политико-правовой реформой советской представительной системы повсеместно осуществлялось реформирование исполнительной власти. В 1988–1989 гг. при разработке основных направлений совершенствования управления народным хозяйством УАССР СМ республики стремился найти оптимальный вариант, позволявший в полной мере реализовать программные положения по радикальной реформе хозяйственного механизма, повышения роли Советов в обеспечении комплексного экономического и социального развития, ускорения темпов роста и повышения эффективности промышленного производства, совершенствования территориального, отраслевого и программно-целевого планирования и управления.

Структура СМ УАССР, сформированная в 1989 г., наглядно демонстрирует функционирование государственного механизма в условиях планово-директивного руководства, его достоинства и недостатки. Ее детальный анализ позволяет более полно представить основные функции исполнительной власти на этапе освобождения партийных органов КПСС от экономической деятельности.

В соответствии с генеральной схемой управления народным хозяйством, одобренной ВС УАССР 24 марта 1988 г., осуществлялась перестройка министерств, исполкомов Советов, переход на преимущественно двухзвенную систему управления, передача на места значительной части функций. В системе исполнительной власти были сформированы пять комплексов: агропромышленный, промышленно-торговый, коммунальный, социальный и строительный. При СМ республики создавался Экономический Совет как совещательный консультативно-экспертный орган. В его состав входили руководители отраслевых комплексов, плановых, финансовых, статистических, ценообразовательных и других органов с участием представителей общественных организаций, академической, вузовской и отраслевой науки³².

Согласно Постановлению СМ УАССР от 24 февраля 1989 г. № 48 «О распределении обязанностей между Председателем Совета Министров, его заместителями и членами президиума Совета Министров Удмуртской АССР», Председатель СМ УАССР по должности являлся

руководителем Экономического Совета, осуществлял общее руководство работой СМ и его президиума, вел вопросы Управления делами СМ, обороны, правоохранительных и финансовых органов, возглавлял межведомственную комиссию при СМ УАССР по экономному и рациональному использованию материальных и природных ресурсов, осуществлял контроль за выполнением программы «Дороги».

Первый заместитель Председателя СМ – председатель Совета агропромышленного комплекса (Ю. С. Загайнов) осуществлял общее руководство предприятиями и организациями по производству и переработке продукции сельского хозяйства, входившими в Государственный агропромышленный комплекс, и контролировал выполнение Продовольственной программы.

Первый заместитель Председателя СМ – председатель Совета промышленно-торгового комплекса (В. А. Соловьев) руководил соответствующими предприятиями и организациями, а также комиссиями: чрезвычайной, наблюдательной, по производству и поставке товаров народного потребления. Он же вел вопросы внешнеэкономических связей, союзной, союзно-республиканской промышленности и отраслевых научно-исследовательских институтов, удмуртских управлений банков СССР, осуществлял контроль за реализацией программы «Товары и услуги».

Заместитель Председателя СМ – председатель Совета социального комплекса (З. Я. Боткина) курировала вопросы министерств и государственных комитетов: народного образования, культуры, социального обеспечения, здравоохранения, Гостелерадио, Госкомиздата, управлений по охране государственных тайн в печати, архивного, отдела ЗАГС, уполномоченного Совета по делам религий, вузов и средних специальных учебных заведений; возглавляла комиссии: по делам несовершеннолетних, назначению персональных пенсий, борьбе с пьянством, чрезвычайную противоэпидемическую, по проведению реформы общеобразовательной и профессиональной школы, по государственным премиям; осуществляла контроль за выполнением программ «Культура», «Забота», «Здоровье».

Заместитель Председателя СМ – председатель Совета коммунального комплекса (В. И. Катков) организовывал работу предприятий топливно-энергетического и коммунального комплексов; координировал вопросы, связанные с деятельностью организаций по воспроизводству, переработке леса, расположенных на территории республики, независимо от их

ведомственной подчиненности; курировал общества: спасения на водах, пожарного, собаководов-любителей, охраны природы; возглавлял комиссии: по контролю за соблюдением установленных режимов и лимитов потребления электроэнергии и газа, по топливоснабжению, газификации; контролировал программу «Газификация».

Заместитель Председателя СМ – председатель Совета строительного комплекса (А. В. Гомоюнов) решал вопросы автомобильного, железнодорожного, воздушного, водного транспорта; координировал сферы капитального строительства и строительной индустрии, возглавлял комиссии: по борьбе с паводками, травматизму, безопасности движения, эффективному использованию студенческих строительных отрядов; обеспечивал контроль за программой «Стройматериалы».

Заместитель Председателя СМ – председатель Государственной плановой комиссии (В. М. Еговкин) осуществлял руководство Госпланом УАССР, планирование комплексного экономического и социально-культурного развития республики во взаимодействии с предприятиями союзного и союзно-республиканского подчинения, министерствами и ведомствами, исполкомами местных Советов, реализацией комплексных и отраслевых программ экономического и социального развития; возглавлял комиссии: по размещению новых и расширению действующих промышленных предприятий на территории республики, по совершенствованию управления, планирования и хозяйственного механизма; занимался территориальным распределением материальных ресурсов, контролировал выполнение программы «Жилье».

Член Президиума СМ Н. Г. Пушин руководил Министерством финансов УАССР; вел вопросы финансирования народного хозяйства, управления Госстраха; возглавлял Совет по координации контрольно-ревизионной комиссии, комиссию по кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности. Членом Президиума СМ являлся также управляющий делами СМ УАССР Е. В. Жижин.

Существенные изменения произошли и в структуре Управления делами СМ УАССР. Образовывались новые отделы: по работе исполнительных органов Советов (вместо организационно-инструкторского отдела); промышленно-торгового комплекса (вместо отдела промышленности, торговли и бытового обслуживания населения (начальник – М. Д. Журавлев); коммунального комплекса (вместо отдела жилищно-коммунального хозяйства и связи (начальник – В. И. Богомолов); строительного комплекса (вместо отдела строительства и строительной индустрии) (начальник –

Р. А. Минин); социального комплекса (вместо отдела социально-культурных учреждений) (начальник – Г. И. Климантова); сектор контроля и приема граждан (вместо приемной по личным вопросам и сектора информации и контроля) (заведующий – А. В. Хайдаров).

Одновременно намечалось сокращение аппарата управления в целом по республике, включая органы управления союзного подчинения, на 2 488 единиц, или на 23,1 %, в том числе на республиканском уровне – 645, из них 418 единиц, или 34,2 % в министерствах и ведомствах, 215 – в органах хозяйственного управления, 365, или 15,4 % – в районном и городском звеньях. На 20 ноября 1988 г. было упразднено 1 365 должностей, в том числе в министерствах и ведомствах – 386, хозяйственных органах – 188. В целом по республике общая численность аппарата СМ сокращалась на 12 человек и в середине 1989 г. составила 63 единицы, в том числе ответственных работников – 43³³.

Труднее поддавался реформированию низовой аппарат. К 1 августа 1987 г. в УАССР было сосредоточено около 11 тыс. управленцев. По Постановлению СМ УАССР в течение года требовалось сократить его численность на 23,1 %. Однако этот план оказалось достаточно сложно выполнить. Местные органы послали контрольные цифры в Москву, получили одобрение и довели информацию до организаций. В свою очередь, заручившись поддержкой соответствующих центральных ведомств, местные учреждения упорно отстаивали свои интересы. Шли письма и телеграммы из Главлита СССР, Министерства рыбного хозяйства СССР, ОСВОДа РСФСР, Главнечерноземелиководхоза и др. Прочную оборону держали вычислительные центры, ОРСы предприятий, мотивируя свою позицию переходом на хозрасчетные отношения. Не согласились уменьшить аппарат животноводческие товарищества, Союз писателей, общество «Знание», ВДОАМ, общество кролиководов и звероводов-любителей, опираясь на тезис независимости от государственной власти.

Весьма болезненно проходила реорганизация системы республиканских министерств и ведомств. После создания территориально-производственных объединений (ТПО), как указывалось в справке Госкомтруда УАССР, удельный вес аппарата управления в численности промышленного персонала снизился с 14,1 % до 12,6 %. Вместе с тем расходы на содержание штатов увеличились на 98,7 тыс. руб. За счет реорганизации структур ТПО обособленный аппарат управления увеличился на 115 должностей. Практически во всех ТПО наблюдался

рост численности персонала. В итоге к 1 августа 1988 г. выполнение планового задания составило 60 %³⁴.

Дальнейшее реформирование исполнительной власти было осуществлено III внеочередным Съездом народных депутатов СССР (март 1990 г.). Помимо редакции 6-й статьи Конституции, закреплявшей особый статус КПСС, центральным на съезде стал вопрос о президентстве. Руководство страны, столкнувшись с кризисом доверия, видело выход в получении дополнительных властных полномочий, в том числе в установлении института президентства. Большинство депутатов поддержало эту идею. Съезд учредил пост Президента СССР, внеся необходимые поправки в Конституцию, в соответствии с которыми Президент становился главой государства и наделялся широкими полномочиями. Согласно Конституции, его выборы должны были проходить всенародно. Вместе с тем избрание первого (и последнего) Президента СССР произошло непосредственно на самом съезде 15 марта 1990 г. Единственным реальным кандидатом на президентский пост стал М. С. Горбачев, за которого было подано почти 60 % голосов депутатов. Одновременно он оставался Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Функционирование новых институтов власти разворачивалось в противоречивых условиях. С одной стороны, КПСС, начав перестройку, вынужденно отказалась от монополии на власть. Вносились соответствующие изменения в Конституции СССР, РСФСР и автономных республик. Вступил в силу Закон СССР «Об общественных объединениях», юридически закрепивший политический плюрализм и многопартийность, которые стали реальностью и в Удмуртии. СССР ратифицировал все основные международно-правовые акты о правах человека. Принимались важнейшие законы: о СМИ, свободе совести и религиозных объединениях, профсоюзах, праве граждан обжаловать в суде неправомерные действия органов управления и должностных лиц, порядке рассмотрения коллективных трудовых споров, организации и проведения собраний, шествий, митингов и демонстраций и т.д. Политическое руководство СССР провозгласило, что строит правовое государство, где должны обеспечиваться верховенство закона, принципы разделения властей (законодательной, исполнительной и судебной), взаимной ответственности гражданина и государства.

С другой стороны, переход от авторитарной (командно-административной) системы к демократической осуществлялся на фоне продолжавшегося кризиса. В Политическом заявлении объединенного Пленума ЦК и ЦКК КПСС от 31 января 1991 г. подчеркивалось, что

общественный кризис в стране достиг опасной черты, за которой возможны разрушительные социальные потрясения. Увеличивалось число регионов, где противостояние политических партий приняло формы социальной и межнациональной конфронтации, а ситуация нередко выходила из-под контроля органов власти, оборачивалась проявлениями анархии и кровопролитием. Демократические процессы, считало партийное руководство, поставлены на грань срыва. Возросла угроза жизни и безопасности людей. Участники Пленума высказались за немедленное восстановление конституционного порядка в стране, прекращение «войны законов»³⁵, гражданский мир и общенациональное согласие.

Чрезвычайно важными оказались вопросы защиты законности. В феврале 1991 г. в Москве прошло заседание расширенной коллегии Прокуратуры СССР, в котором принял участие Президент СССР М. С. Горбачев. Он твердо заявил, что альтернативы демократии и гласности нет, но и развиваться они должны на основе строжайшего соблюдения законов. Отвечая на вопрос, как действовать правоохранительным органам при нынешней «войне законов», М. С. Горбачев пояснил, что есть опорные документы, принятые на IV Съезде народных депутатов СССР, которые требуют до заключения Союзного договора безусловно выполнять Конституцию СССР и союзные законы, и в стране должна быть одна диктатура – диктатура закона.

Не избежала «войны законов» и Удмуртия. Например, Декларацией Октябрьского районного Совета народных депутатов (г. Ижевск) от 25 сентября 1990 г. было объявлено верховенство районных решений по отношению к вышестоящим органам. Ижевский горсовет это решение не отменил. ВС УАССР и его Президиум также не пресекали подобные попытки. Только вмешательство прокуратуры остановило центробежный процесс³⁶. Вопреки Конституциям РСФСР и УАССР в ряде районов были упразднены исполкомы. Зачастую президиумы Советов вмешивались в оперативно-хозяйственную деятельность исполкомов, что было запрещено законодательством РФ. Участились факты принятия Советами решений, противоречащих законодательству. Так, в конце 1990 г. Ижевский горсовет в нарушение Закона РСФСР «О государственной бюджетной системе РСФСР в 1991 году» самостоятельно принял решение о повышении с 1 января 1991 г. тарифа на проезд в городском пассажирском транспорте до 10 коп., тогда как такое право предоставлялось республикам, входившим в состав РСФСР, и лишь с 1 марта 1991 г. Прокурор республики опротестовал данное решение. Однако, несмотря на очевидность грубого

нарушения законодательства РСФСР, Постановлением СМ УАССР эта «инициатива» была поддержана, и новые тарифы утверждены с 15 января 1991 г. по всей республике.

Правительством Удмуртии регулярно нарушались права профсоюзов при издании законов, затрагивающих социальные свободы граждан. Всего в 1990 г. органами прокуратуры было проведено 48 проверок соблюдения законности в деятельности местных Советов, выявлено 46 незаконных правовых актов, внесено 36 протестов, 40 представлений об устранении выявленных нарушений³⁷. В целом, анализ решений, принимавшихся местными Советами в тот период, свидетельствует о том, что основной причиной конфликтов являлась низкая правовая культура как депутатов, так и руководителей Советов и их органов, а зачастую и правовой нигилизм, неуважение к закону.

На рубеже 1980-х – 1990-х гг. предпринимались попытки введения начал местного самоуправления. Экскурс в этимологию термина «муниципальный» позволяет определить условия его функционирования. Само слово, зачастую являющееся синонимом слова «местный», латинского происхождения. В Римской империи *municipium* первоначально означал статус города, имевшего привилегию самоуправления (т.е. жители сами избирали должностных лиц), а не управлявшегося императорскими чиновниками. В свою очередь слово «*municipium*» происходит от двух слов: «*munis*» (ноша, бремя) и «*capio*», «*recipio*» (принимаю на себя, беру). Образно говоря, жители добровольно брали на себя некоторую «ношу» по управлению собственными делами³⁸. Позднее этот термин был распространен и на сельские общины, но в любом случае являлся признаком, прежде всего, городской культуры. Исходя из данных посылов, для возникновения и естественного функционирования муниципального самоуправления нужны, по крайней мере, четыре главных условия: определение его территориальных границ; избираемость должностных лиц жителями данной территории; их независимость от государственной власти в решении местных вопросов; строгая дифференциация функций самоуправления, исходя из возможностей общин (экономических, демографических и др.). При отсутствии хотя бы одного из условий местное самоуправление либо превращается в фикцию, либо становится продолжением государственного управления на местах (т.е. местным управлением).

В литературе, посвященной историко-правовым исследованиям отечественного местного самоуправления, существуют две противоположные

точки зрения. Согласно первой, Россия не имела сколько-нибудь серьезного опыта местного самоуправления. Вторая точка зрения состоит в том, что российский вариант его эволюции, при всех своих особенностях, не выходит (за исключением советского этапа) за рамки общеисторического процесса³⁹. Исследование, проведенное на примере Удмуртии, позволяет принять вторую из этих позиций.

Отечественный опыт муниципального развития действительно очень самобытен. Насколько Россия была «негородской» цивилизацией, свидетельствует тот факт, что в 1892 г., накануне проведения городской контрреформы, совокупный бюджет всех городов империи был в два раза меньше, чем таковой Парижа⁴⁰. По Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в четырех уездных городах Вятской губернии (Сарапул, Глазов, Малмыж, Елабуга), составивших в 1920 г. основу нового государственного образования – Вотской автономной области, проживало 37 836 жителей или 2,8 % населения. В то же время доля городского населения Российской империи составляла 12,9 %, что свидетельствовало о значительном замедлении процесса урбанизации в крае⁴¹. Эти и другие обстоятельства неизбежно порождали определенные коллизии между земскими и городскими органами самоуправления.

Советская же государственность не знала принципа разделения властей. Поэтому и местные Советы являлись продолжением государственного управления, а не самоуправления на подведомственных им территориях, т.е. функционировали на основах демократического централизма. «Разгосударствление» местных органов власти в Удмуртии, как и в целом по стране, началось только в рамках реформируемой позднесоветской политической системы. 9 апреля 1990 г. был принят Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР»⁴². Его важнейшим содержанием стало определение местного самоуправления как части социалистического самоуправления народа; понимание местного самоуправления только как территориального; утверждение коммунальной собственности в качестве основы местного хозяйства; декларирование ликвидации «двойного подчинения» исполнительных органов местного самоуправления. Однако этот закон оказалось трудно реализовать в условиях «парада суверенитетов» бывших союзных республик, а также автономий, входивших в состав РСФСР.

В ходе распада СССР с проблемой сохранения территориальной целостности столкнулось и руководство России, всемерно поощрявшее сепаратизм союзных республик. Поэтому 9 июля 1991 г. был принят

Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР», отразивший ряд общемировых стандартов местного самоуправления. Полномочия Совета как представительного органа власти и как органа местной администрации разводились. Как союзный, так и российский законы исходили из возможности постепенной трансформации местных Советов в органы местного самоуправления.

Муниципальное законодательство оказалось труднореализуемо в УАССР, а впоследствии УР в силу преобладания здесь (до 85 %) общесоюзной и союзно-республиканской собственности. В начале 1991 г. в гг. Глазове, Воткинске, Камбарском и Сьюмсинском районах Удмуртским отделом Института экономики УрО АН СССР были проведены исследования о возможностях их развития в условиях самоуправления и самофинансирования⁴³.

Оказалось, что становление рыночных отношений наталкивалось на парадоксальную ситуацию и тяжелейшую социальную проблему – дефицит товарной массы, в первую очередь продовольствия, в то время как при рыночной экономике имеет место дефицит денег, а не товаров. Расчеты показали, что ни один из исследованных городов и даже сельских районов не способен обеспечить себя продуктами питания. Уровень удовлетворения основными продовольственными продуктами характеризовался следующими данными (см. таблицу 1):

Таблица 1
Уровень удовлетворения населения городов и районов УР продовольственными продуктами за счет внутренних источников (1991 г.) (в %)⁴⁴

Продукция	г. Глазов	г. Воткинск	Камбарский р-н	Сьюмсинский р-н
Мясопродукты	26,7	28,9	47	47
Молокопродукты	50	53,2	92	49
Картофель	30,5	61,7	111	95
Фрукты и ягоды	–	–	3,5	27
Овощи	7,6	34,7	71	44
Рыба	–	–	4	0,7

В этих условиях формирование рынка продовольствия оказывалось возможным только с предоставлением субъектам хозяйствования полной свободы действий в сферах производства и сбыта продукции, выборе поставщиков и покупателей, распоряжения произведенной продукцией

и установления цен на нее, организации финансов и поведения на финансовом рынке. При существовавшем состоянии развития АПК республики можно было производить достаточные объемы продуктов питания для удовлетворения потребностей населения (за исключением производства пищевкусового сырья).

Складывалась критическая ситуация с обеспечением граждан продовольственными товарами. В целом, его фактический уровень к уровню нормативных потребностей с учетом собственного производства, завоза и вывоза составил около 50 %. В основной своей массе эти товарные ресурсы поступали из централизованных фондов. Ни о каком самообеспечении не могло быть и речи. Одной из острых проблем развития городов и районов, как и республики в целом, оставалась слабая материально-техническая база сферы обслуживания.

Наиболее сложные проблемы развития связывались с формированием местных бюджетов, которые должны были стать основным источником развития административно-территориальных единиц. Как показали расчеты ученых, финансовый потенциал г. Глазова оказался более чем в три раза выше аналогичных показателей по рассматривавшимся районам. Сохранялась и существовавшая разница в размерах вкладывавшихся средств. Вложения в городах в 1,6–1,7 раза превысили аналогичные показатели по сельским районам, в том числе в 1,2–1,3 раза на развитие социальной сферы. Зачастую интересы сельских районов ущемлялись по линии местных Советов.

Проведенный анализ показал, что одной из причин сложившегося положения явилась слабая производственно-экономическая база как районов, так и городов. Важнейшим направлением работы местных Советов должно было стать формирование экономического фундамента местного самоуправления, позволившего бы обеспечить основные социальные и экономические потребности населения подведомственных территорий и в целом комплексное развитие регионов. Как известно, в соответствии с Законом СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» его образовывали природные ресурсы, коммунальная и иная собственность, служившие источником получения доходов Советов. Вместе с тем Закон не определил полномочия местных Советов в отношении природных ресурсов, что серьезным образом подрывало возможности их развития.

Недостатки экономической самостоятельности территорий компенсировались законодательными и иными нормативно-правовыми актами.

Соответствующие изменения вносились в Конституцию СССР 1977 г., конституции РСФСР и УАССР 1978 г. Постановлением ВС УР от 12 марта 1992 г. «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике» Советам предлагалось привести в соответствие с законодательством структуру представительных и исполнительных органов, наделить полномочиями главы местной администрации председателя исполкома. Однако на практике реализация этого нормативного акта повлекла совмещение полномочий, отсутствие четкого разграничения предметов ведения. Наряду с местными Советами в ряде поселковых и сельских Советов функционировали малые Советы, решавшие вопросы оперативного характера. ВС и СМ УАССР, как и прежде, являлись вышестоящими органами и осуществляли контрольные и координационные полномочия по отношению к местным советам и исполкомам⁴⁵. Все это наглядно демонстрирует переходный характер местного управления.

Кризис прежних политических институтов, суверенизация бывших союзных и автономных республик, появление формирований, оппозиционных КПСС, развитие национально-демократического движения заставили руководство страны определиться по вопросу о дальнейшем направлении политических реформ, о судьбе советской системы. 17 марта 1991 г. состоялся референдум о сохранении СССР. В нем приняло участие 74,26 % избирателей УР (по РФ – 75,2 %), из них ответили «да» – 76,02 % (по России – 71,39 %), «нет» – 22,01 %. Одновременно участники референдума решали вопрос о введении поста Президента РСФСР. Положительно высказалось 67,16 % избирателей УР (по РФ – 69,85 %), против – 30,54 %. В выборах Президента РФ 12 июня 1991 г. участвовало в голосовании 74,39 % избирателей (по РФ – 75,2 %), Б. Н. Ельцин набрал 51,87 % голосов⁴⁶.

Дата всенародного голосования по кандидатурам на пост Президента РФ стала Днем независимости России. Становление российской государственности проходило на фоне резкого ухудшения экономической ситуации, утраты правительством контроля над экономическими и политическими процессами, возрастания недоверия к союзным властным структурам со стороны населения. Начался фактический распад СССР.

Возросшая популярность Президента РФ, подписавшего 20 июля 1991 г. Указ о департизации в РСФСР государственных учреждений, и намеченное на 20 августа подписание нового союзного договора вынудили консерваторов ввести чрезвычайное положение в стране. Для оперативного управления образовывался неконституционный Государственный

комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) во главе с вице-президентом Г. И. Янаевым. Его постановления в ряде регионов, главным образом в РСФСР, вводился режим чрезвычайного положения. Запрещались митинги, манифестации, забастовки. Приостанавливались деятельность партий и организаций, выпуск газет, устанавливался контроль над СМИ. В обращении «К советскому народу» ГКЧП объявил себя истинным защитником демократии и реформ, обещал в кратчайшие сроки удовлетворить основные требования всех слоев общества – от пенсионеров до предпринимателей. В течение 1991–1992 гг. всем желающим горожанам обещалось предоставить земельные участки.

Одновременно в своем обращении к гражданам России 19 августа 1991 г. Президент РСФСР Б. Н. Ельцин, Председатель СМ РСФСР И. С. Силаев и Председатель ВС республики Р. И. Хасбулатов призвали население поддержать законно избранные органы власти и использовать в борьбе с заговорщиками различные формы гражданского протеста. Указом Президента РСФСР деятельность ГКЧП признавалась незаконной, а его приказы на территории республики – не подлежащими исполнению. Все органы исполнительной власти Союза СССР, действовавшие на территории России, перешли в непосредственное подчинение российского Президента. Позиция руководства была поддержана властями Москвы, Ленинграда, Свердловска, Воронежа и многих других городов. 21 августа 1991 г. сессия ВС РСФСР отменила чрезвычайное положение на всей территории республики. Заговорщики были арестованы и преданы суду.

В обстановке политического кризиса Президиум ВС УР 19 августа принял постановление о взятии всех полномочий государственной власти внутри республики на себя. 20 августа В. К. Тубылов, его первый заместитель Ю. Ф. Кедров и Председатель СМ УР Н. Е. Миронов создали в ВС собрание представителей общественных движений и партий, выразивших свое отношение к происходящему. Демократы в лице сопредседателя «Движения за демократию» В. Н. Скрынника призвали следовать распоряжениям российских органов власти. Второй секретарь рескома КП РСФСР М. А. Козлов не взял на себя ответственность выступать от имени рескома, поскольку пленум был назначен только на 31 августа. Председатель ВС УР отметил, что сейчас удмуртское правительство исполняет лишь постановления официальных властей. «Мы были, есть и остаемся в России», – заключил В. К. Тубылов. В тот же день Президиум ВС УР признал законным опубликование в газете «Известия Удмуртской

Республики» указов Президента России. 22 августа свое негативное отношение к ГКЧП выразила внеочередная сессия ВС УР⁴⁷.

Одновременно Удмуртский обком КПСС, поддержав ВС УАССР, в своей шифротелеграмме № 689/Ш в ЦК КПСС одобрил первые шаги ГКЧП. Активную позицию занял Ижевский горсовет, принявший 21 августа на своей сессии решение, осуждающее действия ГКЧП, при пяти «против» (представители ОФТ) и 22 воздержавшихся (в большинстве – коммунистическая фракция)⁴⁸.

Поражение консервативной части политического руководства страны в августе 1991 г. в целом усилило обозначившиеся центробежные тенденции в государственном устройстве. В декабре 1991 г. главами России, Украины и Белоруссии был подписан договор о ликвидации СССР и создании Содружества независимых государств, подтвержденный на встрече глав 11 бывших союзных республик в г. Алматы. 25 декабря 1991 г. Президент СССР М. С. Горбачев подал в отставку. Завершился «перестроечный» этап реформирования страны.

С распадом СССР начался новый период в существовании России как независимого государства и УР как суверенного государства в составе РФ. Предстояло создать новые органы государственной власти, выработать Конституцию. Между российским руководством и номенклатурой возникло согласие. За новой элитой закреплялись органы исполнительной власти, прежняя действовала в Советах и хозяйственных структурах. До весны 1992 г. серьезного противостояния между этими группами не было, что позволило начать либеральную экономическую реформу. Она предусматривала осуществление «шокоterapiи», включившей введение свободных цен с января 1992 г., либерализацию торговли, широкую и быструю приватизацию жилья и государственных предприятий, экономическую стабилизацию в течение года с последующим подъемом производства. Реализация реформы связывалась с именем вице-премьера Е. Т. Гайдара.

Реформа начала проводиться в условиях усиления экономического кризиса. Усугубили ситуацию серьезные просчеты, допущенные в ходе приватизации, крах финансовой системы, курс на конверсию оборонных предприятий. Либерализация цен значительно снизила платежеспособность потребителей и сузила внутренний рынок.

Произошло катастрофическое падение жизненного уровня населения. Прогнозируемое пятикратное повышение цен на деле обернулось их ростом в 100 и более раз, в результате чего большинство населения

оказалось за чертой бедности. Исследования, проведенные в первой половине 1990-х гг., фиксировали, прежде всего, шоковое состояние бывших советских граждан, для большинства которых суверенизация, анархизация, приватизация, «безработизация» и другие «завоевания» переходного периода стали критериями ухудшения жизни.

Особенно губительно отразились начальные мероприятия реформаторов на социально-экономическом развитии Удмуртии. В целом по промышленности республики объем производства в 1994 г. составил лишь 48,4 % от уровня 1985 г., в том числе в машиностроении – 34,9 %, в черной металлургии – 35,6 %, в химической промышленности – 23,6 %. Резкое снижение оборонного заказа, огромные затраты на перепрофилирование производств, переподготовку кадров, содержание социальной инфраструктуры при ограниченном бюджетном финансировании и отсутствии налоговых и кредитных льгот привели к значительному ухудшению экономического положения предприятий, поставили их перед необходимостью снижения инвестиций как в производственную, так и в социальную сферу. Так, дотации на содержание социальной инфраструктуры в 1992 г. составили лишь 23 %, а в 1993 г. – 15 %⁴⁹.

И радикалы, и коммунисты посчитали, что Россия «строит капитализм». Весьма точную оценку реформ дал Б. Н. Ельцин: «Главное, что я хочу сказать тем, кто повсюду кричит, будто Россия идет к капитализму: ни к какому капитализму мы Россию не ведем. Россия к этому просто неспособна. Она не будет ни в социализме, ни в капитализме»⁵⁰.

Между тем внутриэлитное согласие оказалось непрочным. В России возникло двоевластие в лице исполнительной и законодательной власти. На протяжении 1992 г. между ними происходили трения. Кризисную ситуацию попытался разрешить 26 марта 1993 г. IX (внеочередной) Съезд народных депутатов России, назначивший на 25 апреля проведение референдума по четырем основным экономическим и политическим вопросам. На референдуме голосовали 60,97 % избирателей УР (по РФ – 64,18 %). За доверие Президенту РФ высказались 55,92 % (по РФ – 58,7 %), социально-экономическую политику, осуществляемую с 1992 г., одобрили 48,99 % (по РФ – 53,0 %). Предложения о досрочных перевыборах Президента и парламента России не получили положительного решения⁵¹.

Противостояние законодательной и исполнительной власти РФ закончилось низложением Советов в октябре 1993 г. по инициативе президентской стороны. 22 сентября 1993 г. совместный Президиум ВС и СМ УР

признал Указ Президента РФ № 1400 от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» неконституционным и принял на себя всю полноту власти на территории Удмуртии. 18-я (внеочередная) сессия ВС УР 22 сентября подтвердила решение, принятое Президиумом ВС и СМ. В тот же день положения Указа осудила сессия Ижевского горсовета. После обострения обстановки в Москве 3–4 октября 1993 г. Президиум ВС УР выступил с заявлением, что «трагические события» стали возможны в результате противоправных действий конфликтующих сторон, не сумевших разрешить политическое противостояние методами взаимных уступок. 7 октября 1993 г. 19-я сессия ВС УР приняла решение о досрочных выборах в «высшие органы государственной власти и управления, органы местного самоуправления», но только одновременно с выборами Президента России⁵².

В данной связи необходимо отметить, что Президент РФ 8 октября 1993 г. направил руководителям 41 субъекта Федерации, объявивших не действующим на их территории Указ № 1400, телеграмму с требованием в трехдневный срок вернуться к своим решениям. В их числе были семь республик: Мордовия, Башкирия, Бурятия, Кабардино-Балкария, Коми, Удмуртия и Карелия. Но только две последних отменили свое решение⁵³. Тем не менее, такая неустойчивая позиция республиканского руководства надолго определила специфическое отношение «ельцинского центра» к Удмуртии.

События октября 1993 г. знаменовали завершение реформирования советских органов государственной власти в центре и на местах. Были созданы предпосылки для политико-правового оформления новых властных отношений.

¹ Ильиных Е. Закон нашей жизни // Пропагандист и агитатор. 1986. № 17. С. 7.

² Войтович В. В семье советских республик... С. 17.

³ Мошкин Н. Власть, открытая для всех // Пропагандист и агитатор. 1986. № 11. С. 6.

⁴ Шибанов К. Кенеш – орган самоуправления удмуртской деревни // Пропагандист и агитатор. 1988. № 12. С. 27.

⁵ Уваров С. Н. Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века... С. 16.

⁶ Ярных М. В. Местные Советы Удмуртии: конец 1970-х – 1980-е гг. (по документам ЦГА УР и ЦДНИ УР) // История Удмуртии XX века в документах ЦДНИ УР. Ижевск, 2004. С. 69–73.

⁷ Уваров С. Н. Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века... С. 17–18.

⁸ Пономарев Л. Н., Шинкаренко В. В. В чьих руках колесо истории?... С. 181.

⁹ Нестеренко Н. Торжество социалистической демократии // Пропагандист и агитатор. 1987. № 17. С. 3.

¹⁰ Томищ В. Второй этап перестройки: задачи и проблемы // Пропагандист и агитатор. 1988. № 6. С. 9.

¹¹ ЦГА УР. Ф. Р-620. Оп. 5. Д. 2008. Л. 12.

¹² XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза... С. 49.

¹³ Последнее предложение было востребовано в Удмуртии. Так, в начале 1989 г. в г. Глазове президиум Совета возглавил М. А. Козлов, первый секретарь Глазовского горкома КПСС. В него были избраны 19 человек: председатели постоянных комиссий, руководитель городского комитета народного контроля, секретарь исполкома горсовета и секретарь заводского комитета комсомола, а также председатель исполкома Совета. Горком партии сохранил за собой идеологическую и кадровую часть работы, а президиум горсовета получил определенную экономическую и социальную самостоятельность. В результате секретарь горкома КПСС стал подотчетным и перед коммунистами, и перед всеми горожанами. Опыт г. Глазова был взят на вооружение в Ленинском районе г. Ижевска, где президиум возглавил секретарь райкома КПСС В. А. Славнов. См.: Артамонов А. Эксперимент, или первые «ласточки» // Пропагандист и агитатор. 1989. № 13. С. 7–10.

¹⁴ Войтович В. Выражая волю народа... С. 8–9.

¹⁵ Ахметов Г. На основе широкой демократии... С. 5.

¹⁶ Сообщение Избирательной комиссии по выборам народных депутатов СССР от КПСС «О результатах выборов народных депутатов СССР от Коммунистической партии Советского Союза» // Удмуртская правда. 1989. 21 марта.

¹⁷ Томищ В. Кредит доверия // Пропагандист и агитатор. 1989. № 9. С. 3.

¹⁸ Будучи избранным депутатом СССР, Н. Н. Энгвер стал членом МДГ и активно участвовал в создании Ассоциации политклубов Удмуртии, первой массовой антиобкомовской политической организации. См.: Егоров И., Маузузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 276.

¹⁹ Ильиных Е. Учимся демократии // Пропагандист и агитатор. 1989. № 13. С. 2–6.

²⁰ Избраны в Верховный Совет // Пропагандист и агитатор. 1989. № 13. С. 6.

²¹ К полномочию Советов (Беседа с председателем Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР А. И. Тубыловым) // Пропагандист и агитатор. 1989. № 23. С. 3.

²² Там же.

²³ О выборах народных депутатов Верховного Совета Удмуртской АССР: Закон Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики // Удмуртская правда. 1989. 11 ноября.

²⁴ Тубылов А. Демократия – в действии // Пропагандист и агитатор. 1989. № 14. С. 2–3.

²⁵ Удмуртская правда. 1990. 20 марта.

²⁶ Егоров И., Маузузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 288.

²⁷ ВАГС УР. Оп. 5. Д. 2196. Л. 1.

²⁸ Егоров И., Маузузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 288.

²⁹ Удмуртская правда. 1990. 15 апреля.

³⁰ В. К. Тубылов работал первым секретарем Малопургинского райкома КПСС, но был освобожден от должности в 1986 г. Он являлся наиболее компромиссной кандидатурой Председателя ВС УАССР. Тубылова оценивали как руководителя, знающего местные условия. Его неудачная карьера при П. С. Грищенко создала ему имидж пострадавшего от коммунистического произвола. В. К. Тубылова поддерживали демократическая фракция, депутаты-удмурты, депутаты-хозяйственники, молодые депутаты и «болото», состоящее из «случайных» депутатов. Победу В. К. Тубылова на выборах Председателя ВС можно расценить как «возвращение утраченной территории» удмуртской национальной элитой. В дальнейшем он должен был лавировать между различными группами парламента и для собственного авторитета поднимать значимость ВС. См.: Егоров И., Маузузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 289.

³¹ Подобное компромиссное решение кадрового вопроса после поражения обкомовского руководства наблюдалось, в частности, в Свердловской области. Председателем областного Совета стал не первый секретарь обкома КПСС, а другая номенклатурная фигура, пользующаяся относительным доверием даже среди демократов, а пост главы исполнительной власти был отдан одному из хозяйственников. Однако между Удмуртией и Свердловской областью наблюдаются два различия. Первое, В. К. Тубылов был менее значимой фигурой в номенклатуре, чем свердловский В. М. Власов, являвшийся председателем облисполкома до избрания председателем облсовета. Это способствовало быстрому избавлению ВС УР от партийной опеки. Второе, В. М. Власов был освобожден от должности уже в июне 1990 г., после его критики Б. Н. Ельцина. Вся власть области сосредоточилась в руках «хозяйственника» – Председателя облисполкома Э. Э. Росселя, который

стал председателем облсовета в ноябре 1990 г. В Удмуртии же В. К. Тубылов оставался на должности до 1995 г., и при этом его авторитет всегда превосходил авторитет Н. Е. Миронова. См.: *Егоров И., Маузуато К.* Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 289–290.

³² *Шульга П.* Не ради смены вывески // Пропагандист и агитатор. 1989. № 1. С. 14.

³³ *Толчин В.* О структуре аппарата Совета Министров УАССР // Пропагандист и агитатор. 1989. № 12. С. 14.

³⁴ *Мусская И.* Сокращение... с увеличением // Пропагандист и агитатор. 1989. № 19. С. 19.

³⁵ Как отмечается в справочных изданиях, сам термин «война законов» появился в российской правовой публицистике с 1990-х гг. Первоначально он обозначал принятие РСФСР и другими союзными республиками законов, прямо противоречивших законодательству СССР. После его распада то же самое явление наблюдалось и в России. По данным МЮ РФ, к 1999 г. каждый третий законодательный акт, принятый в субъектах РФ, противоречил федеральному законодательству. К этому добавим, что «война законов» проявлялась не только во взаимоотношениях федерального центра и субъектов РФ, но и на субрегиональном уровне.

³⁶ *Ахметов Г.* Демократия и законность // Вестник. 1991. № 8. С. 10.

³⁷ Там же. С. 11.

³⁸ *Цейтлин Р. С.* История государственного управления и муниципального самоуправления в России. М., 2006. С. 11–12.

³⁹ *Войтович В. Ю., Иванова А. А.* Местное самоуправление в Удмуртии... С. 273.

⁴⁰ *Нардова В. А.* Самодержавие и городские думы России в конце XIX – нач. XX в. СПб., 1994. С. 145; *Цейтлин Р. С.* История государственного управления и муниципального самоуправления в России... С. 66.

⁴¹ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С. 332–333.

⁴² Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 29. Ст. 1010.

⁴³ *Оситов А., Загуменнов В., Кочуров Н.* Местное самоуправление: варианты и возможности // Огни Прикамья. 1991. № 4. С. 11.

⁴⁴ Там же. С. 11.

⁴⁵ *Войтович В. Ю., Иванова А. А.* Местное самоуправление в Удмуртии... С. 58–59.

⁴⁶ *Егоров И., Маузуато К.* Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 293.

⁴⁷ За эту «нерасторопность» Президиум и лично В. К. Тубылов часто критиковались представителями демократической фракции. Однако после октября

1993 г. многие из них стали расценивать действия Председателя Президиума ВС УР как чрезвычайно мудрые и осторожные. См.: *Егоров И., Маузуато К.* Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 294.

⁴⁸ Там же. С. 294–295.

⁴⁹ Удмуртия в годы реформ... С. 28.

⁵⁰ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: В 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 671.

⁵¹ Там же. С. 688; Удмуртия в годы реформ... С. 29–30.

⁵² *Егоров И., Маузуато К.* Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 300–302; *Куликов К. И.* Удмуртия – субъект России... С. 22–26; Удмуртия в годы реформ... С. 16–17.

⁵³ Представительная власть нуждается в реформировании. Интервью Начальника Управления по работе с территориями Администрации Президента РФ Н. Медведева // Удмуртская правда. 1993. 12 октября.

2.2.2. КПСС – ядро политической системы советского общества

В позднесоветский период до 1985 г. КПСС продолжала существовать как жесткая, вертикально интегрированная управленческая система. Одновременно ЦК КПСС оставался главным субъектом, санкционировавшим все организационные изменения на местах.

Структурная организация Удмуртского обкома КПСС на протяжении 1970-х – первой половины 1980-х гг. постоянно совершенствовалась, усложнялась и расширялась. Она подразделялась на две части: руководящие органы (бюро обкома); секретариат обкома и его аппарат, в составе которого выделялись 11 отделов (общий; финансово-хозяйственный; организационно-партийной работы с секторами учета руководящих кадров, партийной статистики и единого партбилета; пропаганды и агитации с сектором печати; науки и учебных заведений; оборонной промышленности; промышленно-транспортный; строительства и городского хозяйства; легкой промышленности и торговли; сельскохозяйственный; административных органов) и партийная комиссия. Постановлением ЦК КПСС от 10 марта 1981 г. подвергся реорганизации отдел легкой промышленности и торговли. На его базе были образованы два отдела: торговли и бытового обслуживания, а также легкой и пищевой промышленности.

31 декабря 1981 г. Удмуртский обком направил в ЦК КПСС ходатайство о создании отдела культуры. Такое разрешение было получено 12 августа 1982 г.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС «О реорганизации отделов, занимающихся в ЦК коммунистических партий союзных республик, крайкомах и обкомах партии вопросами сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности» 8 августа 1983 г. произошли реорганизация и изменение штатов и функций двух отделов обкома. Они получили названия «отдел сельского хозяйства и пищевой промышленности» и «отдел легкой промышленности и товаров народного потребления». В таком виде аппарат Удмуртского обкома КПСС просуществовал до 1985 г.¹

С избранием в марте 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачева начался последний этап в существовании коммунистической партии как ядра политической системы советского общества, ее руководящей и направляющей силы. Перестройка партийной работы шла по двум основным направлениям: укрепление личной власти Генерального секретаря, в том числе через своих представителей на местах, и изменение основ партийно-политической деятельности. 13 декабря 1985 г. П. С. Грищенко, представитель нового партийного руководства, возглавил Удмуртскую областную организацию, сменив на этом посту В. К. Марисова.

Приход к власти в УАССР П. С. Грищенко, бывшего второго секретаря Челябинского обкома КПСС, являлся продолжением сформировавшейся еще с начала 1920-х гг. традиции посылки центром «наместников». Она стала основной формой сохранения господства центра в оборонно-промышленном крае, известном своими антибольшевистскими выступлениями в годы Гражданской войны. В отличие, например, от Татарстана, где, начиная с 1960 г. все первые секретари обкома КПСС являлись выходцами из рядов региональной номенклатуры², из 16 предшественников П. С. Грищенко, только двое – С. П. Барышников и В. К. Фокин – были местными кадрами.

В. К. Марисов, проработав в должности первого секретаря Удмуртского обкома КПСС 22 года, по характеристике И. В. Егорова и К. Мацузато, оставил после себя немало легендарного: от неформального названия одного из ижевских гастрономов («марисовский») до репутации гаранта устоявшихся отношений внутри местной номенклатуры, т.е. стабильности и преемственности при карьерном продвижении, баланса между элитарными группами (по осям «город – село», «промышленники – аграрии», «юг – север», «русские – удмурты» и т.п.), устойчивых связей с союзными

ведомствами. Напротив, П. С. Грищенко, возглавив обком прежнего состава, оказался человеком чуждым республиканской номенклатуре. Назначение первым секретарем Удмуртского обкома КПСС человека «со стороны» вызвало активное отторжение этой фигуры партийно-советской аристократией. Отношение к нему формировалось при постоянном сравнении с предшественником, причем не в пользу Петра Семеновича. Любые попытки представить его в прессе руководителем «нового типа», простым, деловым и демократичным не имели успеха. Если В. К. Марисова многие считали жестким руководителем («суров, но справедлив»), то П. С. Грищенко часто представлялся грубым, но не сильным.

Крайне неэффективная кадровая политика при слабом знании местных традиций не могла привести к крупным личным политическим победам. Она лишь вызывала раздражение как в среде удмуртской национальной номенклатуры, так и в директорском корпусе ВПК, чей статус был сравним с таковым первого секретаря. Для адаптации П. С. Грищенко требовались большая толерантность, гибкость и дипломатичность. Разительным был и контраст между хозяйственником В. К. Марисовым и политиком П. С. Грищенко. Так, оппонентам последнего не нравилось, что первый секретарь редко вникает в дела заводов и районных партийных организаций. Одним из наиболее веских упреков в его адрес, высказанных в июне 1990 г. на XXXIX республиканской партконференции, стало невнимание к проблемам сельского хозяйства, а также пренебрежительное отношение к национальным вопросам.

П. С. Грищенко, в свою очередь, старался ослабить влияние наиболее видных республиканских политиков³. Его появление в руководящих органах Удмуртии пресекло возможность карьерного роста некоторых крупных региональных чиновников, таких, как В. А. Соловьев, будущий заместитель Председателя СМ УР в начале 1990-х гг., Ю. П. Кудяшев, Председатель СМ УАССР в 1978–1987 гг., способных претендовать на место первого секретаря и дальнейшее служебное продвижение⁴. В конечном счете П. С. Грищенко разрушил баланс сил групп республиканской элиты. В результате к 1990 г. оформились две основные противоборствующие группы: промышленная, смыкающаяся с Ижевским горкомом КПСС (КП РСФСР), и удмуртская (национальная). Помимо этого, ослабление ключевой политической фигуры в регионе привело в движение «второй эшелон» местной номенклатуры, заставив его искать нового руководителя⁵.

Крайне неубедительная победа П. С. Грищенко и относительное поражение партийного руководства республики на выборах народных

депутатов весной 1990 г. привели к изменению состава выборных органов республиканской организации КПСС. 8–9 июня 1990 г. состоялся первый этап XXXIX областной отчетно-выборной партконференции. Самой драматичной ее частью стали выборы первого секретаря Удмуртского обкома КПСС, которые впервые проводились конференцией, а не пленумом⁶. Снял свою кандидатуру А. М. Фоминов, председатель Удмуртского областного совета профсоюзов. Совершенно неожиданно в список для голосования был включен В. Я. Шульц, начальник сборочного цеха Ижевского радиозавода. В своем выступлении последний отметил: «Время послушных партийных чиновников, которые умели одно делать хорошо – организовывать планы мероприятий по выполнению очередных ценных указаний, – это время прошло. Нужны трибуны, способные убеждать, которые не боятся ходить в народ, с ним разговаривать, не боятся новых веяний»⁷. Так возник «феномен Шульца». Однако Владимир Яковлевич впоследствии взял самоотвод⁸.

В итоге голосование состоялось по четырем кандидатурам. За П. С. Грищенко ратовали те, кто отдавал предпочтение его стилю руководства, заслугам перед республикой, в частности, в строительстве дорог, помощи некоторым сельским районам. Сторонниками Н. И. Сапожникова, первого секретаря Ижевского горкома КПСС, оказались делегаты, видевшие в нем яркого представителя той партийной когорты, который и в теории силен, и опыт работы есть, и «отдельно взятого человека» понять может. В молодом секретаре обкома КПСС по промышленности М. А. Козлове люди видели новизну подходов ко многим проблемам. За М. И. Шишкина голосовали приверженцы сложившегося стиля работы. Отдав предпочтение Н. И. Сапожникову, большинство делегатов выразили тем самым свое неприятие административно-командных методов руководства.

Полная смена состава обкома не стала исключением для областных организаций КПСС. Как справедливо отмечают И. В. Егоров и К. Мацузато, специфика Удмуртии заключалась в том, что П. С. Грищенко не ушел на пенсию самостоятельно, в отличие, например, от В. Г. Афонина (Самарская область) и редких уцелевших брежневских «феодалов» типа свердловского Л. Ф. Бобыкина и закарпатского Г. И. Бандровского. Даже после поражения своего лидера республиканская партийная конференция выражала достаточно большое доверие П. С. Грищенко. Приход к власти нового руководства обкома КПСС во главе с первым секретарем горкома столицы республики в ходе отчетно-выборной кампании лета–осени 1990 г., как и его последующее избрание в качестве первого секретаря рескома

КПРФ стал характерным и для ряда урбанизированных регионов СССР, например Свердловской области (В. Д. Кадочников). В критический для КПСС момент на первый план выдвинулись руководители, более приспособленные к эпохе массовой политики (неудивительно, что в урбанизированных регионах таковыми являлись партийные руководители именно их столиц), и региональная организация КПРФ часто формировалась вокруг них. Весьма примечательно, что горбачевский лозунг о необходимости изменения стиля руководства в сторону более «западного» образца осуществлялся в ходе распада КПСС. Однако в отличие, например, от подобного ему выдвиженца, первого секретаря КП РСФСР в Самарской области В. С. Романова, представлявшего антигорбачевскую левую внутривнутрипартийную оппозицию в 1990–1991 гг., Н. И. Сапожников не предпринимал особо активных мер против ослабления партийной организации. Это вредило его репутации в среде левых радикалов республики. Тем не менее, Н. И. Сапожников, особенно со второй половины 1990-х гг., являлся одним из видных коммунистических лидеров федерального уровня⁹.

В годы горбачевского правления значительным изменениям подверглась внутренняя жизнь коммунистической партии. 23 апреля 1985 г. состоялся Пленум ЦК КПСС. Он постановил созвать XXVII съезд КПСС 25 февраля 1986 г. и утвердил следующий порядок его работы: отчет ЦК КПСС и задачи партии; отчет Центральной ревизионной комиссии; о новой редакции Программы КПСС; об изменениях в Уставе КПСС; об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986–1990 гг. и на перспективу до 2000 г.; выборы центральных органов партии.

Смысл предлагавшихся изменений в партийные документы был сформулирован в докладе М. С. Горбачева на октябрьском (1985 г.) Пленуме ЦК. Они, с одной стороны, должны были расширить внутривнутрипартийную демократию, развить инициативу и активность коммунистов, а с другой – повысить их ответственность за судьбу общих дел. В вводной части проекта Устава отмечалось, что партия является высшей формой общественно-политической организации, формирует генеральную перспективу, руководствуется своей Программой, где определены задачи всестороннего совершенствования социализма на основе ускорения социально-экономического развития страны. Здесь же четко фиксировалась его обусловленность программными задачами, раскрывалась роль КПСС как руководящей и направляющей силы советского общества. Особо подчеркивалось, что КПСС, став партией всего народа, оставалась

по своей сущности и идеологии партией рабочего класса. В социальном составе КПСС рабочие занимали ведущее место. Так, численность Удмуртской областной партийной организации в 1985 г. составляла 97 534 человека, в том числе 43 390 рабочих (44,5 %). В составе горкомов и райкомов КПСС в Удмуртии насчитывалось 787 рабочих¹⁰.

Во введении Проекта Устава подтверждалось, что КПСС – ядро советского общества. Вводился совершенно новый раздел «Партия и государственные, общественные организации». Партийное руководство организациями должно было носить политический характер и осуществлялось через работающих в них коммунистов. Недопустимыми признавались практика подмены, смешения функций и параллелизм в работе. Проект Устава значительно расширял функции первичной партийной организации: «Она является политическим ядром трудового коллектива, ведет работу непосредственно среди трудящихся, сплачивает их вокруг партии, организует на выполнение задач коммунистического строительства, принимает активное участие в проведении кадровой политики партии». В 1985 г. в Удмуртской областной партийной организации насчитывалось 2 138 первичных, 2 180 цеховых партийных организаций и 5 650 групп¹¹.

Заметным событием внутрипартийной жизни стал XXVII съезд КПСС. Одной из стратегий провозглашалась открытость в деятельности политического руководства страны. В выступлении М. С. Горбачева впервые прозвучал термин «гласность», означавший первоначально обновление скомпрометированной официальной идеологии. Политика гласности осуществлялась под лозунгами «Больше демократии, больше социализма!», «Назад, к Ленину!» и т.д.

Руководствуясь решениями съезда, июньского (1986 г.) Пленума ЦК, Удмуртский обком КПСС поставил главной задачей повышение качества партийной работы, поворот парткомов и первичных организаций к людям. Под его руководством было разработано 11 комплексных программ социально-экономического и культурного развития республики: шефской помощи колхозам и совхозам, «Культура», «Здоровье» и др. Партийная организация взяла курс на проведение целенаправленной, комплексной работы с кадрами, улучшение их состава и подготовку резерва. Только в 1986 г. кадровым вопросам было посвящено 54 % всех постановлений Удмуртского обкома КПСС¹².

В 1986 г. заметно оживилась деятельность Устиновского горкома, Балезинского, Глазовского, Селтинского, Шарканского и Якшур-Бодьинского

райкомов партии. Наметился отход от подмены советских и хозяйственных органов. На руководящие должности более активно стала выдвигаться перспективная молодежь. В практику партийных органов вошли аттестация руководителей, собеседования по внедрению передового опыта. Так, аттестация руководителей и специалистов хозяйств по вопросам интенсификации, хозрасчета и коллективного подряда, проведенная Шарканским райкомом партии, помогла проанализировать их состав, выяснить компетентность, соответствие занимаемой должности и определить направления дальнейшего использования. Молодежь здесь составила 32,4 % номенклатурных кадров района, средний возраст руководителей хозяйств – 32 года, стаж секретарей сельских парторганизаций – четыре года¹³. Вместе с тем имелись серьезные упущения в работе с кадрами, подготовке резерва в Граховском, Камбарском, Сарапульском, Юкаменском и Ярском райкомах партии. Некоторые райкомы воспитательную работу с хозяйственниками подменили администрированием.

Актуальной задачей для областной партийной организации стала перестройка идеологической деятельности, особенно на производстве. Одним из инициаторов новых форм идейно-воспитательной работы руководства с коллективом выступило производственное объединение «Ижмаш». По инициативе парткома администрация и общественные организации стали проводить цеховые общественные приемы. Состав участвующих в них руководителей определялся парткомом. Вошли в практику тематические общественные приемы для различных категорий заводчан: выпускников профтехучилищ, молодых специалистов и т.д. Под руководством парткома действовали советы по работе с семьей, цеховые семейные клубы.

Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС наметил пути и формы углубления социалистической демократии в целом и внутрипартийной – в частности. Важным аспектом демократических преобразований назывались осуществление всех форм контроля, особенно «снизу», соблюдение отчетности, обеспечение гласности, развитие критики и самокритики, использование всех резервов дальнейшего расширения социальной базы демократии – молодежи, женщин, беспартийных, массовых общественных организаций. Мартовский (1987 г.) Пленум Удмуртского обкома КПСС обсудил итоги январского Пленума ЦК и наметил задачи областной партийной организации по перестройке политической сферы. Однако, учитывая важную роль областной организации КПСС в формировании

и реализации экономической политики, внимание обращалось на необходимость усиления партийного влияния в хозяйственной жизни республики. 1987 г., второй год 12-й пятилетки, для промышленности Удмуртии начался неудовлетворительно. В январе план по реализации продукции с учетом договорных поставок был выполнен лишь на 97,7 %, на 2,9 % невыполнен – по повышению производительности труда. Большое отставание наблюдалось в производственном объединении «Ижмаш», Воткинском заводе радиотехнологического оснащения, Сарапульском заводе им. Дзержинского, Глазовском заводе «Химмаш», Камбарском машиностроительном заводе, предприятиях Министерства местной промышленности и некоторых других. Оказался невыполненным план по розничному товарообороту. Многие агропромышленные объединения были не подготовлены к весенне-полевым работам. Не все районы выполнили обязательства по продаже государству продуктов животноводства. В числе отстающих значились Граховский, Кизнерский, Каракулинский, Балезинский, Дебесский, Кезский районы.

Отстающим коллективам мешали не какие-то объективные причины, как считали участники Пленума, а упущения в использовании производственных мощностей, в организации труда, отсутствие должной борьбы за дисциплину и порядок. На первое место вновь ставился кадровый вопрос. Во всех организациях было предложено обсудить Постановление бюро обкома КПСС «О деятельности партийной организации и хозяйственных руководителей производственного объединения «Ижмаш» по повышению эффективности работы в двенадцатой пятилетке», т.к. застойные тенденции были присущи не только этому коллективу. Бюро обкома, в частности, отметило, что партком предприятия во главе с секретарем Ю. И. Лобовым, генеральный директор В. С. Тарасов слабо мобилизуют коллектив на активный поиск резервов повышения эффективности производства. Не отвечало современным требованиям качество продукции. Большая часть хозяйственных руководителей не критически оценивала достигнутый уровень, имевшиеся проблемы пытались оправдать только объективными причинами. Несвоевременно решались кадровые вопросы, на руководящие должности мало выдвигались молодежь, женщины. Бюро обкома потребовало от партийного комитета, администрации создать в коллективе обстановку творческого, заинтересованного участия коммунистов, комсомольцев, всех работников в перестройке, решительно искоренять иждивенчество, привычку

довольствоваться средними результатами, усилить влияние «человеческого фактора».

Пленум также указал на необходимость решительно освобождаться от приспособленцев, карьеристов, компрометирующих звание коммуниста. В этом отношении принимались строгие меры против тех, кто нарушал партийную и государственную дисциплину, халатно относился к выполнению своего служебного и партийного долга. Так, были освобождены с занимаемых постов министр жилищно-коммунального хозяйства УАССР А. И. Лепихин, председатель исполкома Увинского районного Совета народных депутатов И. И. Лисицын, второй секретарь Граховского райкома КПСС Н. М. Колесников, секретарь Юкаменского райкома КПСС К. У. Ибрагимов и многие другие. Всего в 1987 г. за различные проступки были наказаны в партийном порядке 378 руководителей, 24 человека привлечены к уголовной и 79 к административной ответственности¹⁴.

Немало кадровых проблем накопилось в непроизводственной сфере. В 1987 г. в УАССР насчитывалось более 1 370 пропагандистов; в Университете марксизма-ленинизма при Устиновском горкоме КПСС в 1986–1987 учебном году обучались 1 585 человек, среди них 140 руководителей партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов, 943 ИТР, 82 преподавателя школ, техникумов, профтехучилищ, 58 работников учреждений культуры. Однако теоретический уровень знаний руководителей оставался невысоким. Среди работников обкома, секретарей и заведующих отделами горкомов и райкомов КПСС только 30 % имели высшее политическое образование¹⁵.

Пленум Удмуртского обкома КПСС обязал партийные, советские, профсоюзные, комсомольские органы, комитет народного контроля анализировать ход перестройки, повышать их ответственность за достижение высоких конечных результатов и утвердил программу работы Удмуртского обкома КПСС с руководящими кадрами на 1987–1990 гг.¹⁶

Период с апреля 1985 г. по январь 1988 г. был начальным, первым этапом перестройки. Важнейшим мероприятием данного периода должна была стать XIX партконференция. Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС определил дату ее проведения – 28 июня 1988 г. – и повестку дня: о ходе реализации решений XXVII съезда КПСС; основных итогах первой половины 12-й пятилетки и задачах партийных организаций по углублению процесса перестройки; о мерах по дальнейшей демократизации жизни партии и общества.

Второй этап перестройки должны были осуществить «свежие силы». В качестве положительного примера на январском (1988 г.) Пленуме Удмуртского обкома КПСС отмечалось, что из 15 сменившихся первых секретарей горкомов и райкомов КПСС более половины имели возраст до 40 лет¹⁷. В 1988 г. в Удмуртской областной парторганизации насчитывалось 100 784 коммуниста, или каждый десятый взрослый гражданин республики. Они были объединены в 2 195 первичных, 2 309 цеховых партийных организации и 5 737 партийных групп. С 1985 г. численность областной организации возросла более чем на 3 000 человек, увеличилось почти на 900 число первичных, цеховых организаций и партгрупп. 80 % коммунистов были заняты в сфере материального производства. 29,5 % составили люди с высшим и незаконченным высшим образованием (в 1985 г. – 27,9 %). Всего высшее и среднее (полное и неполное) образование имели 91,5 % коммунистов. Удельный вес рабочих в Удмуртской парторганизации оказался выше, чем в целом по КПСС – 45,3 % (в 1985 г. – 44,5 %). Он имел тенденцию к дальнейшему росту. В организации был немалый процент женщин (34,9 %); среди секретарей первичных парторганизаций они составляли 42,6 %. Республиканская парторганизация объединяла представителей 60 национальностей (среди них русских – 62,8 %, удмуртов – 26,7 %; удмурты возглавляли 30,5 % первичных парторганизаций)¹⁸.

Перед партийным руководством встала задача определить готовность коммунистов республики к продолжению демократических преобразований в КПСС. С этой целью в 1988 г. Совет по изучению и формированию общественного мнения при Удмуртском обкоме КПСС¹⁹ провел социологическое исследование политической культуры членов трудовых коллективов Ижевского радиозавода, объединений «Удмуртнефть», «Удмуртагропромстрой», Ижевской швейной фабрики, колхоза «Россия» и совхоза «Сюгаильский» Можгинского района, слушателей Университета марксизма-ленинизма. Оно показало, что уровень политической культуры, особенно партийного, профсоюзного и комсомольского актива, хозяйственных руководителей не отвечал задачам идеологического обеспечения перестройки. На вопрос «Как, на Ваш взгляд, идет перестройка на вашем предприятии?» ответы распределились следующим образом: считали, что на предприятии ведется активная работа по перестройке – 5,1 %, работа ведется, но результаты пока не видны – 44,4 %, реально к перестройке пока не приступили – 35,1 %, затруднились ответить – 15,4 %. Особенно примечательной в этом отношении представлялась точка

зрения руководителей предприятий и объединений, на которых возлагалась персональная ответственность за решение задач перестройки. Лишь 15 % из них заявили, что на предприятии развернулась целенаправленная работа по перестройке. Каждый четвертый из числа опрошенных хозяйственных руководителей признал, что работа в этой области только начинается, точнее – они готовятся к ней приступить.

Об уровне работы администраций, партийной, профсоюзной, комсомольской и других общественных организаций в тот период дают представление следующие ответы. Лишь один из десяти опрошенных выразил удовлетворение изменениями в деятельности администрации, около 9 % – партийной организации, немногим более 8 % – профсоюзной, около 5 % – комсомольской организации и менее 7 % – органов самоуправления трудового коллектива. Считали авторитет своей партийной организации достаточно высоким лишь 15 %, низким – 25 %, профсоюзной – соответственно 11 % и 30,6 %. Особенно показательным в этом отношении оказалось положение в комсомольских организациях, где только 3,2 % опрошенных указали на их высокий престиж. Более 50 % респондентов считали, что существенных изменений в стиле и практике вышеназванных институтов не произошло²⁰.

Особый интерес представляет анализ общественного мнения относительно факторов торможения перестройки. Среди основных указывались отсутствие или недостаточность организационных, производственно-технических и социально-экономических условий, слабая активность членов трудового коллектива, недостаточная заинтересованность работников в перестройке, безынициативность администрации и управленческого аппарата, бесхозяйственность, отсутствие надлежащей гласности, проявление показухи, парадности.

В соответствии с Уставом КПСС и решениями XIX Всесоюзной партконференции, июльский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС принял Постановление «Об отчетах и выборах в партийных организациях». Данная акция была призвана способствовать активизации партийных масс, повышению роли и ответственности партийных организаций и комитетов, утверждению в их деятельности политических методов руководства. В ходе кампании в целом по стране 160,6 тыс. секретарей первичных партийных организаций, или 37,2 %, оказались избранными впервые. Среди членов партийных организаций районного, городского, окружного звена этот показатель составил 62 %, областного и краевого – 58,6 %. В областные и краевые комитеты партии избрано 62 новых секретаря,

а к руководству окружными, городскими и районными комитетами пришли 1 433 новых секретаря. Восемь секретарей областных и краевых комитетов, 1 117 секретарей горкомов и райкомов партии, половина секретарей цеховых и первичных парторганизаций были избраны на альтернативной основе.

В партийных организациях Удмуртии сменилось 27,4 % партгруппиров, 44,7 % секретарей цеховых, 40,1 % – первичных партийных организаций и более 25 % – городских и районных комитетов КПСС. Каждый третий партгруппиров, каждый второй секретарь первичной партийной организации заняли свои должности на альтернативной основе. Всего же с учетом мнения трудовых коллективов избрано свыше 3 000 членов выборных органов. Признана неудовлетворительной работа 119 партгруппиров, 48 бюро и комитетов, не был избран 61 секретарь первичной партийной организации, секретари Камбарского и Базинского РК КПСС. Всего в областной партийной организации произошла смена 26 секретарей горкомов и райкомов партии²¹.

16–17 декабря 1988 г. состоялась XXXVIII отчетно-выборная конференция Удмуртской областной парторганизации. Секретариат обкома КПСС, как и прежде, был избран из пяти человек: П. С. Грищенко (первый секретарь), Л. Н. Булгаков (второй секретарь), Г. Н. Васильева, А. Н. Ковин и В. К. Чистяков.

В соответствии с решениями XIX партконференции с целью более интенсивного использования политических методов руководства, освобождения партийного актива от прямой хозяйственной деятельности осуществлялась реорганизация партийных органов. Партийный аппарат сокращался, отраслевые отделы упразднялись. Так, аппарат ЦК КПСС был сокращен на 40 %, областных и краевых комитетов – на 30 %, городских и районных комитетов в городах – на 10–20 %. Согласно решениям Пленума обкома КПСС (10 декабря 1988 г.), численность аппарата Удмуртского обкома сокращалась со 104 до 74 человек, или на 30 %. Высвободившиеся работники заняли должности в партийных и советских структурах, народном хозяйстве²². Всего в Удмуртском обкоме КПСС было создано восемь отделов²³.

Первый из них – отдел организационно-партийной и кадровой работы (17 человек, заведующий А. М. Фоминов, член бюро обкома КПСС) – сосредоточивался на вопросах внутривнутрипартийной жизни (прием в партию, взаимодействие с выборным активом, коммунистами в Советах, выборных органах комсомола и профсоюзов).

Второй – идеологический отдел (16 человек, заведующий Ю. И. Копысов) – определял основной задачей формирование у трудящихся марксистско-ленинского мировоззрения, политической и духовной культуры, развитие сферы досуга на основе широкого внедрения в практику работы системы изучения, прогнозирования и управления общественным мнением различных категорий населения республики.

Третий – социально-экономический отдел (семь человек, заведующий А. М. Лужбин) – был организован на основе ранее существовавших отраслевых отделов: промышленно-транспортного, строительства, товаров народного потребления и легкой промышленности, торговли и бытового обслуживания населения, экономического отдела. На него в качестве одной из основных задач возлагались анализ и выработка главных направлений социально-экономического развития республики, научно-технического прогресса, оздоровления экологической обстановки; сохранялись контроль за реализацией целевых комплексных программ, организация экономической учебы. Особое место заняла работа с экономическими органами Удмуртии. Как ни странно, но именно этот участок ранее меньше всего находился в поле зрения аппарата обкома. Разные отделы курировали разные организации. В результате в обкоме партии не было целостной картины о деятельности Госплана УАССР, Минфина УАССР и республиканских банков, Госкомтруда, Госкомцен, Госкомстата и других комитетов. Следовательно, отсутствовал и анализ планов социально-экономического развития, финансов и денежного обращения. Главной трудностью в работе отдела являлось то обстоятельство, что сюда по-прежнему поступали письма и обращения о помощи в выделении транспорта, материальных ресурсов, отгрузке продукции по договорам. Эти сугубо хозяйственные вопросы в условиях перехода на политические методы руководства, разграничения функций партийных, советских и хозяйственных органов решались теперь на основе соответствующих нормативных документов²⁴.

Четвертый отдел – аграрный (заведующий А. А. Соколов) – был создан на базе отдела сельского хозяйства и пищевой промышленности, в котором из 12 человек осталось шесть. В его задачи вошли перестройка экономических отношений на селе, внедрение хозрасчета, подряда, развитие аренды, определение перспектив развития отраслей агропромышленного комплекса на научной основе, партийно-политическое обеспечение выполнения Продовольственной программы, ускорение технического перевооружения агропромышленного комплекса, социальное переустройство села.

Учитывая специфику развития экономики Удмуртии, сохранялся пятый – отдел машиностроения (три человека, заведующий М. И. Кузнецов).

Шестой – государственно-правовой отдел (заведующий Н. В. Кадров) – образовывался на базе ранее существовавшего отдела административных органов и сокращался с четырех до трех человек. Все сотрудники имели высшее юридическое образование и практический опыт. В период формирования социалистического правового государства основные задачи отдела виделись в обеспечении партийно-политического руководства деятельностью правоохранительных органов по поддержанию правопорядка, укреплению социалистической законности и охране прав граждан. Одним из конкретных направлений его работы являлась реализация принятого в феврале 1989 г. бюро обкома КПСС «Комплексного плана основных мероприятий партийных, государственных, правоохранительных органов, общественных организаций по профилактике правонарушений и обеспечению соблюдения законности в республике на 1989–1990 годы». Совместно с политотделом и парткомом МВД УАССР было изучено положение дел в первичных и цеховых парторганизациях. Результаты рассматривались на одном из заседаний отдела и коллегии МВД УАССР с приглашением начальников городских и районных отделов внутренних дел. На нем отмечалось, что политотдел МВД УАССР еще не принял исчерпывающих мер по повышению активности партийных организаций, усилению авангардной роли коммунистов, улучшению морально-психологического климата в милицейских коллективах. В целях координации деятельности правоохранительных органов при первом секретаре обкома КПСС еще с начала 1986 г. действовала рабочая группа. На ее заседаниях ежемесячно обсуждались вопросы предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних, борьбы с кражами личной и государственной собственности, обеспечения безопасности дорожного движения, заслушивались отчеты руководителей министерств, ведомств, предприятий и организаций, секретарей парткомов и комитетов ВЛКСМ. Значительная работа велась отделом и по реализации конкретной программы действий по перестройке правового воспитания населения, организации юридического всеобуча, выработанной XIX партконференцией²⁵.

Обеспечивали деятельность аппарата обкома КПСС общий отдел (четыре человека, заведующий Г. Н. Прозоров) и управление делами вместо финансово-хозяйственного отдела (пять человек, управляющий В. В. Годин). До образования контрольно-ревизионной комиссии прежними

оставались функции комиссии партийного контроля при обкоме КПСС (председатель Н. Г. Курганов).

В аппарате отделов обкома появилась новая должность консультанта – высококвалифицированного специалиста с опытом партийной, хозяйственной деятельности. В аппарате обкома КПСС работали два инспектора. В их обязанности входило изучение практики функционирования парткомов на местах.

Одновременно менялась структура аппаратов горкомов и райкомов КПСС. Так, в Ижевском горкоме партии численность работников уменьшилась на 15 % за счет ликвидации отраслевых отделов; был создан социально-экономический отдел. Штаты районных и остальных городских комитетов партии оставались без изменения. В их структуре определялись организационный, идеологический, общий отделы. В горкомках и райкомках КПСС сохранялись парткомиссии. Всего в аппаратах городских и районных комитетов партии были упразднены 39 промышленно-транспортных, отраслевых, сельскохозяйственных и иных отделов, а за счет освобожденных ставок укреплены организационный и идеологический отделы²⁶.

Несмотря на определенную реорганизацию партийного аппарата в центре, общая обстановка на местах оставалась довольно консервативной. Партия по-прежнему осуществляла всю полноту политической и административно-хозяйственной власти, что не соответствовало заявлениям, декларированным XXVII съездом КПСС и XIX партконференцией. 18 июля 1989 г. на совещании ЦК КПСС было заявлено, что кризис прежних функций партии, точнее, партийного аппарата, возглавлявшего командно-административную систему старого стиля и методов работы, больше не подлежит сомнению. Десятилетиями партийный аппарат возвышался над всеми организациями, учреждениями, обществом в целом, контролировал всю его политическую, экономическую и духовную жизнь. Подменяя всё и вся, давая указания по всем вопросам, определяя, что и как делать, партия утрачивала живую непосредственную связь с массами, отмечал М. С. Горбачев на совещании в ЦК КПСС. В Постановлении Политбюро ЦК КПСС «О проведении отчетов и выборов в партийных организациях в 1989 году» говорилось о необходимости глубоких перемен в деятельности КПСС²⁷. Требовалось утвердить политические методы руководства, разграничить функции партийных, советских, хозяйственных органов, реализовать на этой основе задачи экономического и социального развития, углубить диалог с общественными организациями.

Отчетно-выборная кампания 1989 г. отличалась открытостью. Впервые в работе партийных собраний в УАССР приняло участие 7 244 беспартийных, 1 749 из них внесли конкретные предложения по вопросам реализации Продовольственной программы, расширения производства и повышения качества товаров народного потребления, сферы услуг, жилья. Участники собраний отмечали падение авторитета парторганизаций. Росло число добровольно сдавших партийные билеты, исключенных за неуплату партвзносов. Сократился прием в партию, особенно из числа рабочих и колхозников. Впервые за последние 35 лет численность Удмуртской областной парторганизации в 1989 г. сократилась на 874 человека (по сравнению с 1988 г.) и составила 99 910 человек²⁸.

В 1989 г. партийными органами республики был рассмотрен вопрос о реализации принятой Пленумом обкома КПСС (март 1987 г.) комплексной программы «Кадры-90». За 1987–1989 гг. произошли существенные изменения во многих направлениях данной работы. Номенклатура руководящих кадров, утверждаемых обкомом КПСС, ежегодно пересматривалась, с ноября 1987 г. по декабрь 1989 г. их количество сократилось с 1 579 до 702.

Значительно омолодился состав секретарей горкомов и райкомов партии: их количество в возрасте до 40 лет увеличилось на 7 % (каждый третий был не старше этого возраста). Три четверти секретарей горкомов и райкомов в 1989 г. занимали должности до трех лет. В то же время число работающих в этих должностях более десяти лет сократилось в три раза. Немаловажно, что среди данной категории партийных кадров было 20 женщин, почти каждый третий являлся представителем титульной национальности.

Если взять для анализа другую группу партийных работников – заведующих отделами горкомов и райкомов партии, то и здесь можно проследить динамику происходивших изменений, определявшихся программой «Кадры-90»: в общем количестве 103 человека за 1987–1988 гг. число женщин увеличилось на 12,8 % и составило в июне 1989 г. более 40 %, столько же удмуртов; почти 43 % имели высшее партийно-политическое образование (в 1986 г. – 30 %).

В соответствии с программой увеличилось число ответственных партийных, советских, комсомольских и идеологических работников, направлявшихся на учебу в Свердловскую высшую партийную школу, на переподготовку в ВПШ, на курсы повышения квалификации.

Вместе с тем в кадровой политике оставалось немало проблем. Так, в феврале 1989 г. на секретариате обкома КПСС отмечалось, что нет

положительных результатов в работе с резервом. Программой не была предусмотрена четкая система экономической и правовой подготовки кадров, отсутствовала должная координация по ее выполнению. Ухудшился общеобразовательный уровень среди инструкторов горкомов и райкомов КПСС. Партийными комитетами не принимались исчерпывающие меры по своевременному замещению вакантных должностей²⁹.

Результаты кадровой политики в Удмуртской организации КПСС представлены в таблице 2.

Таблица 2

Состав и сменяемость руководящих кадров Удмуртской организации КПСС (по состоянию на 1 января 1990 г.)³⁰

Показатели	Ответственные работники аппарата ОК КПСС				Ответственные работники горкомов, райкомов КПСС			
	на 1.02.1989 г.		на 1.01.1990 г.		на 1.02.1989 г.		на 1.01.1990 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Всего должностей	74	100	74	100	606	100	606	100
из них замещено работниками	72	97,3	73	98,6	552	91,1	584	96,4
в т.ч. женщинами	9	12,5	9	12,3	217	39,3	230	39,4
в т.ч. удмуртами	23	31,9	25	34,2	181	32,8	195	33,4
Состав работников по образованию								
Высшее	72	100	73	100	516	93,5	541	92,6
Партийно-политическое (высшее и н/высшее)	25	34,7	32	43,8	130	23,5	124	21,2
Специалистов народного хозяйства	48	66,7	46	63,0	281	50,9	295	50,5
Специалистов сельскохозяйственного производства	13	18,1	13	18,1	129	23,4	138	23,6
Имеющих незаконченное высшее образование	–	–	–	–	16	2,9	20	3,4
Имеющих среднее образование	–	–	–	–	20	3,6	23	3,9

Состав работников по возрасту								
до 30 лет	1	1,4	–	–	50	9,1	46	7,9
31–40 лет	30	41,7	29	39,7	284	51,4	292	50,0
41–50 лет	32	44,4	29	39,7	154	27,9	171	29,3
51–60 лет	9	12,5	15	20,5	64	11,6	74	12,7
Старше 60 лет	–	–	–	–	–	–	1	0,2
Стаж работы в занимаемой должности								
до 1 года	38	52,8	17	23,3	214	38,8	150	25,7
1–5 лет	31	43,1	53	72,6	266	48,2	362	62,0
6–10 лет	2	2,8	3	4,1	43	7,8	47	8,0
Свыше 10 лет	1	1,4	–	–	29	5,2	25	4,3
Сменяемость работников								
Всего	13	18,1	16	21,9	173	31,3	118	20,2
выдвинуто на «большую» работу	6	8,3	10	13,9	72	13,0	47	8,0
направлено для укрепления отстающих участков работы	–	–	1	1,4	21	3,8	13	2,2
направлено на аналогичную работу	–	–	2	2,7	7	1,3	7	1,2
направлено на учебу	–	–	1	1,4	5	0,9	6	1,0
освобождено как скомпрометировавших себя	–	–	–	–	6	1,1	–	–
освобождено по семейным обстоятельствам, в связи с болезнью или переходом на пенсию	4	5,6	2	2,7	20	3,6	16	2,7
освобождено по другим причинам	3	4,2	–	–	42	7,6	29	5,0

1990 г. прошел под знаком подготовки к очередному XXVIII съезду КПСС (июль 1990 г.), включившей обсуждение предсъездовских документов, проведение отчетно-выборной кампании. Участники мартовского (1990 г.) Пленума Удмуртского обкома КПСС определили в качестве

главной задачи партийных органов, каждого коммуниста осмысление и пропаганду проектов Платформы и Устава КПСС. Пленум подвел итоги выборов народных депутатов. Отмечалось, что партийные комитеты республики, руководствуясь тезисами областной партийной организации «За новые Советы», платформами городских и районных партийных организаций, в целом положительно решили задачу обновления Советов. Среди избранных в республике народных депутатов коммунисты составили в ВС РСФСР – 92,3 %, УАССР – 84 %, местных Советов – 41,8 %. Пленум обязал бюро обкома КПСС, горкомы, райкомы партии, первичные парторганизации вести поиск новых форм взаимодействия с депутатами-коммунистами и последовательно проводить в жизнь меры, намеченные в предвыборных платформах³¹.

Однако победа коммунистов оказалась относительной. К моменту выборов Удмуртская областная организация КПСС перестала существовать как монолит. Перестройка вызвала размежевание в партийных рядах. Пленумы обкома КПСС (апрель, май 1990 г.) рассмотрели Открытое письмо ЦК КПСС «За консолидацию на принципиальной основе». Согласившись с его выводами, участники пленумов выразили обеспокоенность действиями некоторых членов КПСС по расколу единства партии. Бюро обкома, горкомам и райкомам партии было поручено: не ограничивая свободу дискуссий, отмежеваться от членов КПСС, стоящих на антисоциалистических, антипартийных позициях; вместе с тем внимательно подходить к тем коммунистам, которые введены в заблуждение, не смогли правильно оценить происходящую в партии перестройку³².

Отчетно-выборная кампания 1990 г. отличалась широкой гласностью. Ее характер предопределила политическая ситуация в обществе, в частности, изменения 6-й статьи Конституции СССР, выборы народных депутатов. Она имела важное значение для переосмысления роли и места партии в обществе, возможностей низовых партийных звеньев, коллективного поиска новых форм работы. Неординарно проходили отчетно-выборные городские и районные партконференции. Наибольшей активностью отличались собрания и конференции в парторганизациях производственных объединений «Ижевский радиозавод», «Воткинский завод», «Чепецкий механический завод», трамвайно-троллейбусного управления и «Спецстроя-17», Граховской средней школы, колхозов «Дружба» Дебесского, «Путь к коммунизму» Глазовского, «Ленинский путь» Можгинского, совхозов им. Ленина Киясовского, «Зюзинский» Ярского районов. Многие выступавшие обращали внимание на снижение дисциплины среди

**Качественный состав выборных органов
Удмуртской республиканской организации КП РСФСР
(на начало 1991 г.)³⁶**

коммунистов, ответственности за состояние дел на местах, призывали разоблачать несправедливые нападки в целом на партию, поднимать ее авторитет. Так, коммунист Н. Д. Долматов, мастер Глазовского ремонтно-механического завода, отметил: «...нет связи Центрального Комитета с коммунистами, есть только указания, которые мы поддерживаем. За пять лет перестройки страна не сдвинулась с места, есть много разговоров, но нет дела»³³.

Шел активный поиск новых форм политической деятельности. Общественные структуры: советы секретарей, дискуссионные клубы и т.д. В Первомайском районе г. Ижевска, например, объединились коммунисты школьных партийных организаций; парторганизация совхоза «Можгинский» от производственно-территориального принципа строения перешла на территориальный.

В целом, областная партийная организация сделала шаг вперед в развитии внутрипартийной демократии. Впервые были проведены выборы делегатов на XXVIII съезд по округам; в партийных организациях избраны члены обкома КПСС, республиканской контрольно-ревизионной комиссии; более половины секретарей парторганизаций избраны собранием или конференцией, в том числе почти все первые секретари горкомов и райкомов; из двух и более кандидатур избран 51 % секретарей первичных, 68 % – цеховых парторганизаций. Лишь восемь из 20 первых секретарей райкомов были избраны без альтернативы³⁴. Всего в руководящих партийных органах всех уровней оказалось 19 944 коммуниста или каждый четвертый, состоявший на учете.

Вместе с тем не удалось преодолеть настроения ожиданий, иллюзии получить от вышестоящих органов исчерпывающие объяснения по всем вопросам. Отдельные секретари и партгруппы не были готовы действовать в условиях возмужавшей самостоятельности. В ряде мест собрания прошли с низкой явкой и активностью коммунистов. Несмотря на демократический характер большинства собраний и конференций, не удалось избежать столкновений групповых пристрастий. В арсенале представителей «старой гвардии» оказалось немало «домашних заготовок» и т.п.

Особую тревогу руководства вызывало резкое снижение в партийных органах представительства трудящихся (26 % от всех избранных). Значительной была их сменяемость. Так, среди секретарей первичных парторганизаций она составила 41 %, среди цеховых – 39 %; на 45 % обновился состав первых секретарей горкомов и райкомов³⁵. Качественный состав выборных партийных органов УАССР представлен в таблице 3.

Показатели	Всего	В % к общему количеству
Избрано секретарями первичных парторганизаций:	2051	
Женщин	794	38,7
Рабочих	115	5,6
Рядовых колхозников	59	2,9
Специалистов сельского хозяйства	135	6,6
Инженерно-технических работников	416	20,3
По образованию:		
С высшим	1094	53,3
С неполным высшим	89	1,9
Со средним	873	42,6
С неполным средним	42	2,0
С начальным	3	0,1
Имеют ученую степень	9	0,4
Избрано в состав парткомов:	1781	
В т.ч. рабочих	293	16,4
Рядовых колхозников	223	12,5
Женщин	510	28,6
Избрано в состав партийных бюро:	5318	
В т.ч. рабочих	723	13,6
Рядовых колхозников	336	6,3
Женщин	2033	38,0
Избрано в состав парткомов и партбюро цеховых организаций:	5526	
В т.ч. рабочих	1596	28,9
Рядовых колхозников	134	2,4
Женщин	1521	27,5
Избрано партгруппами:	2519	
В т.ч. рабочих	825	32,7
Рядовых колхозников	127	5,0
Женщин	890	35,3

Отчетно-выборная кампания 1990 г. подтвердила тенденцию сокращения рядов КПСС. Всего по стране в начале 1991 г. в партии состояло 14,2 млн. человек, на 2,4 млн. меньше, чем в 1989 г.³⁷ К 1 октября 1990 г. в составе Удмуртской организации находились 83 832 коммуниста, или на 16 078 меньше, чем на 1 января 1989 г. Если за весь 1989 г. исключено и выбыло из рядов КПСС 3 766 человек, то за девять месяцев 1990 г. их количество составило 11 439, в том числе 8 331 коммунист подал заявление о выходе из КПСС «из-за нежелания состоять в ее рядах». Это оказалось в шесть раз больше, чем за 1989 г.³⁸ Такие факты имели место практически во всех городских и районных партийных организациях, но особо многочисленными они были в районных парторганизациях г. Ижевска, Воткинской, Глазовской, Можгинской, Сарапульской городских, Воткинской, Игринской, Камбарской, Кезской, Малопургинской, Сарапульской, Увинской и Якшур-Бодьинской районных организациях. Среди лиц, заявивших о выходе из рядов КПСС, один процент составили кандидаты в члены КПСС и 12,8 % – молодые коммунисты с партстажем до пяти лет, 36 % – более 20 лет. Среди вышедших из партии 50,3 % являлись рабочими, 3,2 % – колхозниками, 34,1 % – служащими, 12,2 % – пенсионерами.

Одной из главных причин массового выхода из КПСС в 1989–1990 гг. стали результаты политики гласности, когда более информированное общество узнало негативные страницы в истории правящей партии. В массовом сознании, в том числе и в партийной среде, вновь поднялась волна критики тоталитарной системы, возобновились дискуссии о путях развития советского общества. На эту же проблему указывало и руководство Удмуртского обкома КПСС, усматривая причину кризиса партии и коммунистической идеологии в «очернительских нападках и обвинениях в адрес партии, резком снижении уровня партийной работы, отрицании и разрушении коммунистических идеалов»³⁹.

Вместе с тем анализ состава вышедших из Удмуртской организации КПСС показал, что 80,8 % расстались с партбилетом из-за нежелания выполнять партийные обязанности и уплачивать членские взносы с возросших заработков. Число коммунистов, не желающих платить партийные взносы, только в г. Ижевске за этот период увеличилось в 2,5 раза⁴⁰. В целом по СССР на 1 апреля 1990 г. имели задолженность по взносам 1,25 млн. человек, или 8,8 % состоящих на учете в КПСС⁴¹. Усугубляла ситуацию и крайне неэффективная социально-экономическая политика, сопровождавшаяся резким ухудшением материального положения граждан.

635 коммунистов Удмуртии, или 7,6 %, объяснили свой выход неудовлетворенностью решением жилищно-бытовых проблем, деятельностью администрации по решению производственных и социальных вопросов, работой первичной парторганизации, ходом перестройки, или совершили его в знак протеста против злоупотреблений служебным положением руководителей различных рангов, против преследований за критику и т.д. Что касается коммунистов-пенсионеров, то многие из них покинули КПСС по причине безразличия к их судьбе со стороны первичных парторганизаций, вышестоящих партийных комитетов, отсутствия конкретной помощи, ссылались на плохое состояние здоровья и физическую невозможность выполнять партийные обязанности⁴².

Сократился прием в Удмуртскую организацию КПСС: за девять месяцев 1990 г. коммунистами стали всего 118 человек. Резко обозначилась тенденция ослабления приема в партию рабочих. В 1989 г. из числа принятых кандидатами в члены КПСС рабочие составили 22,9 %, что привело к уменьшению их удельного веса в составе республиканской партийной организации с 28,8 до 26,8 %. Более 78 % парторганизаций предприятий промышленности, транспорта, связи и строительства прием в партию не вели вообще. Таким же положение оставалось и в 1990 г. Уменьшение притока молодежи в ряды КПСС привело к тому, что доля коммунистов-пенсионеров увеличилась с 18,8 % в 1988 г. до 21 % в 1990 г.⁴³

Итоги отчетов и выборов были рассмотрены на бюро Удмуртского рескома КП РСФСР. Оно рекомендовало горкомам и райкомам партии внимательно проанализировать все недостатки, замечания и предложения, высказанные участниками собраний, принять по ним соответствующие меры; обратить внимание на факты чрезмерного упрощения структуры парторганизаций, укрепление партийной дисциплины, повышение требовательности при приеме в партию, рассмотрение заявлений, связанных с выходом из нее; организовать учебу с вновь избранным партийным активом.

8–9 июня 1990 г. прошел первый этап XXXIX Удмуртской областной отчетно-выборной партконференции. Его главным событием стала смена лидера Удмуртского обкома КПСС, олицетворявшего собой определенный стиль политического руководства. В значительной степени этот факт был предопределен изменениями, происшедшими в сознании активной части партийцев-делегатов форума. Об этом позволяют судить материалы опроса, проведенного в мае–июне 1990 г., накануне конференции, во всех городах, а также в Воткинском, Завьяловском, Игринском, Кизнерском,

Увинском, Ярском районах республики с целью выяснения их отношения к проектам Платформы ЦК КПСС и Устава КПСС, перестройке в Удмуртской областной партийной организации. Среди 812 опрошенных коммунистов рабочие промышленных предприятий составили 25 %, рабочие совхозов и колхозники – 11,3 %, инженерно-технические работники – 24,3 %, работники науки, высшей и средней специальной школы – 2,3 %, школ и профтехучилищ – 5,5 %, культуры – 2,8 %, пенсионеры – 17 %, представители иных категорий – 12,4 %⁴⁴.

Одобрение большинства коммунистов получили предполагаемые меры по изменению отношения к собственности. На вопрос «Поддерживаете ли Вы политику партии по развитию кооперативной собственности на здоровой основе?» утвердительно ответили 66,6 %, отрицательно – 23,3 %, затруднились с ответом – 8,7 %; о допущении частного владения небольшими предприятиями в случае, если средства на это заработаны своим трудом – 65,5 %, 24,6 % и 8,6 % соответственно; о пользовании государственной собственностью на основе аренды – 78,2 %, 10 % и 11 %; о допущении групповой собственности на предприятия, учреждения службы быта и т.д. – 54,8 %, 24,9 % и 18,7 % соответственно⁴⁵.

Позитивно оценили коммунисты инициативы в сфере национальной политики. 92,5 % опрошенных поддержали расширение прав автономных республик, 91 % – право каждого народа на защиту родного языка и культуры, 98 % – сохранение русского языка как средства межнационального общения.

Произошли заметные изменения в сознании коммунистов по отношению к КПСС. Свою дальнейшую жизнь с пребыванием в партии связали 60 % респондентов, 6 % коммунистов были намерены выйти из партии и 33 % опрошенных ожидали решений XXVIII съезда КПСС, чтобы сделать выбор. Практически все коммунисты понимали необходимость продолжения перестройки партии. По мнению 63,1 % респондентов, ее ход зависел лично от каждого коммуниста; 60 % – от обкома партии; 35 % – от секретарей первичных парторганизаций; 34 % – от парткомов, партбюро.

В условиях перестройки стиля работы КПСС, изменения функций партийных, советских и профсоюзных органов 48 % опрошенных назвали в качестве основных сфер деятельности партии идеологическую, 23 % – воспитательную, 14 % – политическую. По мнению 30 % респондентов, советские органы должны были заниматься экономикой и хозяйственными вопросами, 17 % – решением социальных вопросов, 14 % –

законодательством, контролем за соблюдением законов. В функции же профсоюзных органов, по мнению 47 % опрошенных, должна была войти защита интересов трудящихся, 19 % – создание достойных условий жизни и труда, 8 % – решение социальных вопросов⁴⁶.

Одной из главных задач партии традиционно декларировалась защита человека труда. На вопрос «Кто, по Вашему мнению, лучше всего может защитить интересы «простого» человека в настоящее время?» респонденты ответили следующим образом: 24 % – СМИ, 20 % – советские органы, 16 % – профсоюзы, 14 % – партийные органы, 14 % – органы правопорядка, 11 % – народный суд, 9 % – самостоятельные объединения граждан, 5 % – народный контроль.

По отношению к реформе внутривнутрипартийной жизни 47 % опрошенных полагали необходимой коренную реорганизацию аппарата; 28 % считали возможным реорганизацию аппарата с ликвидацией части парткомов; 13 % – полностью отказаться от парткомов в нынешнем виде. 82 % высказались за прямые, тайные, альтернативные выборы первых секретарей парткомов. Разделились мнения коммунистов по отношению к принципу демократического централизма. С суждением о том, что каждый коммунист должен выполнять решение, принятое большинством, иначе не будет дисциплины, согласился 61 % опрошенных. 36 % считали, что парторганизация не должна требовать участия коммунистов в мероприятиях, с которыми они не согласны, 44 % – парторганизация вправе приостанавливать постановления вышестоящих партийных органов. К внутривнутрипартийным фракциям 59 % коммунистов высказались отрицательно, 37 % посчитали возможным их существование⁴⁷.

XXXIX отчетно-выборная партконференция завершилась 12 октября 1990 г. В соответствии с Уставом КПСС создавалась Удмуртская республиканская партийная организация Компартии РСФСР⁴⁸. На Октябрьском (1990 г.) Пленуме рескома были избраны секретари, члены бюро рескома партии, иные руководящие органы, утвержден состав постоянных комиссий из членов рескома, их руководителей; по поручению XXXIX партконференции доработан и принят текст Политического заявления.

Как и прежде, Секретариат бюро Удмуртского республиканского комитета КП РФ состоял из пяти человек (все – русские, из них двое – инженерно-технические работники, двое – специалисты сельского хозяйства и один – историк). Первый секретарь Н. И. Сапожников, помимо решения стратегических вопросов, осуществлял руководство общим отделом, управлением делами, образованной комиссией по межнациональным

отношениям. Секретарю Р. Г. Добровольскому поручался участок партийно-политической работы. Он курировал отделы партийных организаций, идеологический, общественно-политический и учебный центр и возглавлял комиссию по взаимодействию с партийными организациями. Второй секретарь М. А. Козлов сосредоточился на социально-экономической политике рескома, курировал отделы социально-экономического анализа, законодательных инициатив и правовых вопросов и возглавлял комиссию по социально-экономическим проблемам. Секретарь рескома Л. П. Порцева одновременно являлась заведующей идеологическим отделом и возглавляла соответствующую комиссию. Секретарь рескома В. К. Чистяков утверждался заведующим отделом социально-экономического анализа и председателем комиссии по аграрной политике. Председатель Государственного комитета УАССР по промышленности Е. В. Роганов возглавил финансово-хозяйственную комиссию.

В обязанности комиссий вменялись обобщение и распространение партийного опыта, выработка современных подходов к реализации политики партии в организационном строительстве, экономической и социальной сферах, идеологической деятельности, анализ хода выполнения постановлений ЦК и республиканского комитета, поддержка постоянной связи с горкома, райкомами и первичными партийными организациями, внесение предложений для рассмотрения на пленумах, бюро и секретариате рескома партии. За каждой комиссией закреплялись консультанты; создавались подкомиссии по различным направлениям⁴⁹.

Из 11 избранных членов Бюро шестеро были русскими, трое – удмуртами, двое – белорусами. Трое из них представляли профессорско-преподавательский состав гуманитарных кафедр, пятеро – промышленные профессии, по одному – сферы культуры, сельского хозяйства и военную специальность. В Бюро вошли четыре партийных функционера, три руководителя образовательных учреждений и их подразделений, директор промышленного предприятия, руководители животноводческого комплекса и художественного коллектива, один рабочий⁵⁰.

Для обеспечения деятельности рескома, бюро и комиссий создавались отделы: партийных организаций (заведующий Л. Д. Поварницин), социально-экономического анализа, идеологический, общий (заведующий Г. Н. Прозоров) и управление делами (управляющий В. В. Годин). Ликвидировались отделы: организационно-партийной и кадровой работы, социально-экономический, оборонной промышленности, аграрный, государственно-правовой, а также институт инспекторов⁵¹.

Впервые в республиканской партийной организации появились такие структурные подразделения, как общественно-политический и учебный центр (руководитель Ю. И. Копысов), созданный на базе Дома политического просвещения, университета марксизма-ленинизма, курсов повышения квалификации партийных, советских и идеологических кадров, а также производственно-финансовый центр. В дальнейшем планировалось, что они будут использовать хозрасчетные отношения, содействовать реализации общественно значимых программ развития народного хозяйства республики.

В функциях партаппарата происходил отход от командно-распорядительных принципов. Основной упор делался на непосредственное обеспечение деятельности выборных органов, разработку теоретических вопросов, пропаганду и агитацию. В рескоме число освобожденных партийных работников сократилось на 45 %, в горкомах и райкомах партии – на 50 % и составило соответственно 37 и 302. В первичных организациях вдвое было сокращено число освобожденных кадров. Из 1 357 должностей к февралю 1991 г. осталась 791⁵².

В партии создавались совершенно новые органы – контрольные комиссии. В состав Контрольной комиссии республиканской парторганизации были избраны 12 человек. В ее аппарате работали четыре человека, а в каждой городской и районной парторганизации – по одному. В ВС УАССР из числа депутатов-коммунистов сформировалась парламентская группа, а для оказания ей организационной помощи – отдел законодательных инициатив и правовых вопросов. В условиях многопартийности появилась необходимость создания при рескоме пресс-группы.

В Политическом заявлении XXXIX Удмуртской партийной конференции были изложены основные направления деятельности коммунистов республики. Конкретные меры по их реализации выработал январский (1991 г.) совместный Пленум Удмуртского рескома КП РФ и Контрольной комиссии. Коммунисты республики по-прежнему видели свое назначение в разработке, пропаганде и реализации программ улучшения социально-экономического положения населения. При проведении приватизации они выступили за приоритет коллективных форм собственности, создание системы социальной поддержки малоимущих граждан⁵³.

Партийные организации не могли мириться с тем, что начавшаяся конверсия предприятий ВПК лишила значительную часть трудящихся республики социальной защиты. Органы власти, считали они, должны изыскивать средства для обеспечения полной занятости и сохранения

уровня жизни, наращивания объемов производства за счет выпуска продукции мирного назначения. В конце 1990 г. по инициативе рескома КП РФ состоялось совещание с участием союзных министерств и ведомств. На нем было принято решение о необходимости разработки региональной программы «Конверсия Удмуртии».

Одним из острых в республике оставался вопрос снабжения населения продуктами питания. Его решение выдвинулось на нескольких уровнях: обеспечение граждан землей, стройматериалами, инвентарем; максимальное использование возможностей предприятий и организаций в строительстве теплиц, баз хранения, оказание помощи малым предприятиям и кооперативам, занимающимся производством продуктов питания, реконструкция пищевой и перерабатывающей промышленности.

Партийные организации поддержали инициативу ВС и Правительства республики, Ассоциации промышленных предприятий по обеспечению развития сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности и настаивали на предоставлении им налоговых льгот. Поддерживая колхозное и совхозное производство, коммунисты в то же время стремились содействовать становлению новых форм хозяйствования без распродажи земли. В аграрной политике они разделяли ту позицию, что социальное обустройство и развитие инфраструктуры села должно было обеспечиваться за счет государственных средств.

Важнейшая социальная проблема выдвинулась коммунистам в обеспечении населения жильем. Партийная организация выступила за его выделение и передачу, исходя из утвержденных норм, безвозмездно в личную собственность и продажу сверхнормативной площади; дифференцированный подход к стоимости жилья; разработку республиканской программы ликвидации ветхих и аварийных жилых зданий. Коммунисты настаивали на расширении помощи государства в обеспечении жильем инвалидов, ветеранов войны и труда, молодежи.

Партийное руководство высказалось за принятие Закона УАССР об охране здоровья и программы «Экология» и предложило до конца 1990 г. выделить в каждом городе, районе объекты особой экологической опасности, наметить неотложные природоохранные меры, в том числе по реконструкции или строительству очистных сооружений. Предусматривалось ввести льготный режим налогообложения и кредитования для предприятий, вкладывавших средства в охрану окружающей среды.

В области культуры, науки, образования, межнациональных отношений предлагалось разработать научно обоснованную концепцию их

развития; способствовать созданию фондов финансирования научных исследований; сотрудничать с научной и творческой интеллигенцией по повышению духовного потенциала общества; создать при партийных комитетах центры поддержки народного образования, культуры и здравоохранения. Реском партии предусмотрел расширение форм клубной и культурно-массовой работы в общественно-политическом и учебном центре; создание на базе конференц-зала рескома клуба творческой интеллигенции; восстановление музейного комплекса «Арсенал»; оказание практической помощи Обществу удмуртской культуры в проведении Всесоюзного съезда удмуртов и др.

Также республиканская партийная организация выступила за последовательное проведение в жизнь конституционного принципа равноправия граждан, против любых форм дискриминации; за содействие утверждению на территории Удмуртской АССР государственными русского и удмуртского языков, обеспечение принципа свободного развития всех языков и культур народов, проживающих в республике; расширение научных и культурных связей областей, республик Уральского, Волго-Вятского и других регионов.

В работах ряда авторов⁵⁴ одними из главных причин углубления кризиса КПСС и утраты монополии на власть называются крайняя непоследовательность и незавершенность реорганизации партии, проводимой с XIX Всесоюзной партконференции. Партийные организации якобы фактически существовали в условиях многопартийности, а инструкции, указания исходили от аппарата, который мыслил категориями однопартийной системы. Однако данное исследование не подтверждает этот тезис. Наоборот, именно в соответствии с решениями высшего органа – XXVIII съезда КПСС – на первое место выдвигалась задача обновления партии. Значительное место отводилось внутрипартийным вопросам и в деятельности Удмуртского рескома КПРФ. Растущая политизация общества ставила партийную организацию перед выбором: «либо быстро пойти вперед и повернуть активность трудящихся в русло конструктивных действий, либо смотреть со стороны, как то же самое, но в ином направлении сделают другие политические силы». Разговоры о деполитизации объявлялись «сказками для политически наивных людей»⁵⁵. По мнению коммунистов республики, речь шла о строительстве таких партийных отношений, которые ставили бы во главу угла развитие политической активности коммуниста. Другая сторона этого процесса заключалась в том, чтобы направить деятельность парторганизаций по укреплению связей с массами, на завоевание их доверия.

В основу деятельности Удмуртской организации закладывалась работа по обеспечению самостоятельности первичных организаций, их участие в выработке партийной политики, практической реализации власти партийных масс, обеспечению принципов равноправия членов партии, гарантии прав меньшинства. Постановка на учет, регулярные отчеты секретарей и членов партийных комитетов всех уровней, использование на практике права на отзыв должны были стать действенным средством ликвидации их отрыва от низовых организаций. Приветствовались предложения по созданию советов секретарей, дискуссионных клубов, теоретических семинаров и других форм объединения членов КПСС по интересам и проблемам.

В партийных документах нашла отражение идея внутрипартийной солидарности. Коммунисты республики считали неправомерным перекладывание ошибок политического руководства страны на плечи рядовых членов. Они должны были поддерживать партийное товарищество, защищать коммунистов и партийные кадры от проявления к ним несправедливости и дискриминационных действий. Особая забота требовалась по отношению к ветеранам партии. Предлагалось оказывать помощь молодым коммунистам. При партийных комитетах планировалось создать службы внимания, образовать специальный фонд социальной поддержки.

Выполняя решения партийных форумов по изменению форм и методов работы парткомов, в ноябре 1990 г. бюро приняло решение упразднить существовавшую ранее номенклатуру должностей. На этом заседании был рассмотрен и вопрос «О взаимодействии республиканской организации КП РСФСР с другими общественными объединениями». Образовывался координационный совет, который возглавил второй секретарь рескома КП РСФСР М. А. Козлов. Совету было предложено провести консультации с лидерами общественных объединений УР о принципах взаимодействия в деле достижения гражданского и национального согласия в республике, совместных путей выхода из кризиса⁵⁶.

Между тем в условиях многополюсного политического пространства ведущей тенденцией в отношениях КПСС с демократическим окружением выступало противостояние, сводившееся к огульной критике оппозиции. Об этом свидетельствует, например, ориентировка под грифом «Секретно», составленная в Удмуртском обкоме КПСС весной–летом 1990 г. на республиканское добровольное общество «Движение за демократию». Характеризуя состав ДзД, автор (или авторы) документа отмечали, что «среди членов организации есть люди экстремистского толка...

не имеющие своего мнения и слепо идущие за кем-либо, обиженные в свое время, профессиональные жалобщики...»⁵⁷. Весьма нелестные отзывы, не соответствующие действительности, зачастую наивные и нелепые, представители партийного аппарата давали формам и методам деятельности «дезодорантов» (так называли «движенцев» в партийных кругах. – С. Б.): «На многочисленных заседаниях актива и общих собраниях членов ДзД, которые, скорее всего, похожи на новгородское вече, обсуждаются вопросы, далекие от насущных проблем сегодняшнего дня... Особенности предвыборной тактики ДзД заключались в следующем:

1) Не торопиться выдвигать кандидатуру в том или ином округе. Терпеливо ждать, когда там выдвинется аппаратчик. Тогда выдвигать своего...

2) Любой ценой собрать компромат на аппаратчика любого ранга.

3) Активно поддерживать своего депутата (так в документе. – С. Б.) на предвыборных собраниях и «захлопывать» всех инакомыслящих...

Наблюдения показывают, что для организаторов «Движения» рядовые его члены являются лишь инструментом в удовлетворении своих политических амбиций и корыстных властолюбивых устремлений... Подталкивают их к гражданской конфронтации, действуя по принципу: «Чем хуже, тем лучше»⁵⁸.

Особую тревогу обкома КПСС вызывало то обстоятельство, что ДзД действительно тесно сотрудничало с уже заявившими о себе лидерами оппозиционных организаций (Экологический Союз, Клуб гражданской инициативы). По характеристике авторов, шла «тесная стыковка ДзД с кооператорами». Деятельность ДзД получила поддержку и бюро обкома ВЛКСМ. В целом, документ отразил уровень политической культуры представителей партии, не привыкшей к конкурентной борьбе парламентскими методами.

В декабре 1990 г. бюро утвердило состав республиканского Совета секретарей партийных организаций. Он создавался в целях укрепления связи первичных парторганизаций с рескомом КП РСФСР, демократизации их взаимоотношений и учета мнений широких масс коммунистов при выработке основополагающих партийных документов.

Одним из важнейших направлений провозглашались накопление и освоение опыта парламентской деятельности. В условиях однопартийной системы эти задачи не вставали. Поэтому, как показали выборы 1989–1990 гг., партийному руководству не удалось избежать ошибок (пассивность парткомов, использование устаревших агитационно-массовых

средств, «сталкивание лбами» коммунистов за обладание мандатом и т.д.). Требовалась переоценка работы по месту жительства населения, ибо на территорию перемещался центр политической борьбы в период избирательных кампаний. С возрастанием роли местных Советов, развитием органов самоуправления здесь все чаще ставились и решались волнующие жителей вопросы, в том числе социальные, экологические и др. В УАССР к 1991 г. насчитывалось 177 территориальных парторганов с количеством членов около 10 000. Однако, как подчеркивалось в партийных документах, в нынешнем состоянии они не могли стать опорой в борьбе за влияние среди населения⁵⁹. На основе нового Устава предлагалось перемещать из трудовых коллективов на работу по месту жительства опытных организаторов и пропагандистов, активнее идти на создание территориальных парторганов «нового типа» (объединяющих коммунистов, которые по роду своей служебной деятельности имеют постоянные контакты с населением – работники правоохранительных органов, торговли, службы быта, почтовой связи, культуры, детских дошкольных учреждений, служащие госучреждений, участковые врачи, учителя и др.). Вышеизложенное не дает оснований подтвердить мнение части исследователей о том, что «переход к политическим методам работы не предусматривал вывод парткомов за территорию предприятий и учреждений»⁶⁰.

Другая задача состояла в том, чтобы как можно плотнее состыковать партийную работу с влиянием на депутатов Советов всех уровней. Как сетовали партийные работники, формирование фракций в Советах «необоснованно затягивается». В УАССР в 1991 г. они были созданы лишь в половине районных и только в 24 сельских Советах из 277⁶¹. «Логика парламентских действий» заставляла подумать «о мостах», соединяющих фракции Советов с парторганов избирательных округов, о взаимодействии коммунистов при выдвижении кандидатов и проведении избирательной кампании. Следовало также сделать правилом оперативную апробацию проектов важнейших законодательных актов через коммунистические фракции в Советах и через первичные партийные организации – в трудовых коллективах. В этой связи определенные надежды возлагались на создаваемый в рескоме отдел по работе с Советами, призванный наладить постоянное взаимодействие между парткомом и депутатами-коммунистами. Предполагалось привлечь через этот отдел или соответствующую комиссию рескома к обеспечению парламентской деятельности ученых, специалистов народного хозяйства.

Необходимо было определить отношение партии к изменению положения общественных объединений, прежде всего своего кадрового резерва – ВЛКСМ. В названных документах было зафиксировано, что Удмуртская республиканская организация КП РСФСР сотрудничает с ВЛКСМ, другими молодежными организациями, поддерживает их инициативы по участию молодежи в разработке и принятии решений по ее проблемам; обеспечению социальных гарантий молодежи; предоставлению возможностей для добровольного труда школьников и студентов во внеучебное время.

Парторганизация республики не могла согласиться с требованием о запрещении деятельности партийных, комсомольских, пионерских и других общественных организаций в учебных заведениях. Парткомы обязывались занять четкую и последовательную позицию по проблемам мировоззренческой подготовки будущих специалистов, реформы преподавания общественных дисциплин. Эта работа должна была проводиться на основе рекомендаций советов по гуманитарному образованию, создаваемых в вузах. По данным вопросам в декабре 1990 г. состоялся семинар-совещание с секретарями парткомов, руководителями учебных заведений, преподавателями кафедр общественных наук. Намечалось создание при рескоме партии Совета ученых-обществоведов.

В январе 1991 г. бюро рескомов КП РСФСР и ВЛКСМ приняли двустороннее соглашение о принципах и формах взаимоотношений. Намечалось обсудить взаимноинтересующие проблемы на совместном пленуме рескомов партии и комсомола и четко сформулировать молодежную политику республиканской парторганизации. Целесообразным признавалось создание молодежной комиссии рескома КП РСФСР.

На повестку встал вопрос о формах партийно-политических действий в трудовых коллективах. Партия уже не должна была вмешиваться в распорядительную деятельность и нести ответственность за ее результаты. Партийная организация оставляла за собой право публично отмежеваться от принимаемых коллективом решений. В то же время она могла поддерживать решения администрации, отвечающие позиции коммунистов. В любом случае следовало выступать активной консолидирующей силой, избегая противоборства. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. появилась практика заключения договоров партийных организаций с администрацией или советами трудовых коллективов (СТК). Сдерживало ее отсутствие закона об общественных объединениях. После его появления этот процесс усилился. В таких договорах фиксировались обязательства партийных

организаций, связанные, прежде всего, с проведением воспитательной работы, изучением и обобщением общественного мнения. В свою очередь администрация или СТК обязывались предоставлять безвозмездно помещения, множительную технику, средства связи и др.

В отношениях с СТК, профсоюзами и комсомолом требовалось исходить из принципа уважения их самостоятельности, не допуская каких-либо указаний в их адрес. В то же время партийная организация была вправе высказать свою точку зрения по решениям, которые принимались этими органами, выносить на их рассмотрение через коммунистов альтернативные проекты. Парторганизациям предлагалось проявлять максимум заинтересованности в избрании коммунистов в различные общественные органы, освобождая их от других партийных обязанностей, а также создавать партийные группы в выборных органах в соответствии с нормами Устава КПСС. Смысл такой деятельности заключался в предотвращении «переполитизации» трудовых коллективов в условиях возникновения на производстве альтернативных КПСС объединений.

Значительная роль отводилась партийному влиянию в СМИ. Провозглашалось создание эффективной системы информирования трудящихся о работе парторганизаций, доведение до граждан позиции коммунистов по актуальным вопросам. Взаимоотношения с редакциями, по мнению партийного руководства, должны были строиться на принципах равноправия и сотрудничества, ответственности и профессиональной самостоятельности. Выдвигались требования последовательно проводить политическую линию КПСС и не публиковать «антипартийных» выступлений, особенно в подконтрольных изданиях. Секретари парткомов всех уровней, коммунисты и беспартийные приглашались к активному участию в осуществлении информационной политики партии. Укрепляя редакции журналистами с твердыми партийными убеждениями, предлагалось создавать благоприятные условия для творческой деятельности. В связи с повышением цен на газеты и журналы следовало за счет средств, оставляемых от сбора взносов в парторганизациях, поддержать партийные издания, распространять их среди членов своих организаций. Наконец, перед коммунистами, работающими в СМИ, ставилась задача активно включиться в формирование общественного мнения о Союзном договоре, частной собственности на землю и, возможно, о названии республики⁶². Практически в рескоме образовалась пресс-группа. Были достигнуты соглашения с ВС и СМ УАССР о соучредительстве республиканских газет «Удмуртская правда» и «Советской Удмуртия».

Планировалось, что с 1992 г. «Удмуртская правда» станет газетой республиканской партийной организации. Одновременно начала выходить газета коммунистов г. Ижевска «Трибуна». Было принято решение об издании нового общественно-политического журнала. На республиканском радио коммунисты смогли организовать собственную редакцию⁶³.

В целом, выработанные подходы партийной организации республики и конкретные шаги по их реализации соответствовали Заявлению XXVIII съезда КПСС «К гуманному, демократическому социализму». Коммунисты Удмуртии выступили за содействие политическими, организационными и идеологическими средствами скорейшему становлению и упрочению Советов как органов народовластия; активное использование права законодательной инициативы в интересах улучшения жизни людей, социальной защиты населения республики в условиях перехода к рынку, укрепления экономического суверенитета Удмуртии; сотрудничество со всеми партиями, идейно-политическими течениями и общественными движениями, стоящими на позициях социалистического выбора, гуманизма и демократии для достижения гражданского согласия.

Важнейшим событием в партийной жизни стал апрельский (1991 г.) Пленум Удмуртского рескома КП РСФСР. В его постановлении отмечалось, что обострение политической и социально-экономической ситуации в стране и партии, усиливавшаяся дезинтеграция народного хозяйства, «разгул антисоветизма», забастовочной и стачечной стихии, падение государственной и общественной дисциплины, резкое снижение жизненного уровня людей оказывали дестабилизирующее влияние на республику. В этих условиях главной политической задачей парторганизации провозглашалось проведение работы за скорейшее подписание Союзного договора. Пленум сосредоточил усилия коммунистов на выдвижении и обсуждении кандидатов на пост Президента РСФСР и потребовал от своего ЦК скорейшего созыва пленума. Его участники осудили стремление Кабинета министров СССР переложить тяжесть экономических просчетов переходного периода на трудящихся. Было принято решение обратиться к ВС и СМ УАССР, местным органам Советской власти с требованием изыскать дополнительные возможности по компенсации удара реформы ценообразования по малообеспеченным слоям населения. Участники пленума обратились к народным депутатам, хозяйственным руководителям, общественным организациям, признающим социалистический выбор, с призывом объединить усилия для стабилизации экономики, социальной

защиты трудящихся, укрепления дисциплины и порядка, выхода из кризисного состояния⁶⁴.

Вместе с тем демократизация партийной жизни не приостановила организационный распад. Продолжился массовый отток коммунистов, резко сократился прием в партию, снизилась доля рабочих, повысился средний возраст ее членов. Вскоре после событий августа 1991 г. деятельность КПСС в соответствии с Указом Президента РФ от 6 ноября 1991 г. была прекращена.

¹ Трофимов С. Ю. Изменение организационной структуры Удмуртского областного комитета КПСС в 1970–1985 гг. // История Удмуртии XX века в документах ЦДНИ УР. Ижевск, 2004. С. 73–77.

² Спирин И. А. Место и роль региональных элит в российском политическом процессе... С. 105.

³ В частности, Ю. П. Кудяшев, будучи основным претендентом на должность первого секретаря после П. С. Грищенко, мог рассматриваться как один из кандидатов на пост Президента республики. Однако случайный выстрел на охоте из его ружья стал смертельным для егеря и роковым для карьеры Ю. П. Кудяшева.

⁴ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 276.

⁵ Там же.

⁶ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 15076. Л. 1, 51.

⁷ Цит. по: Загуляева Н. Вопросов больше, чем ответов // Вестник обкома КПСС. 1990. № 14. С. 6.

⁸ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 15076. Л. 47–48.

⁹ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 291–292.

¹⁰ Томшич В. Устав – организационное оружие партии // Пропагандист и агитатор. 1985. № 22. С. 8.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Пахомова И. Кадровая политика в условиях перестройки // Пропагандист и агитатор. 1987. № 5. С. 5.

¹³ Там же. С. 6–7.

¹⁴ Фоминов А. Добиться крутого перелома // Пропагандист и агитатор. 1988. № 4. С. 5.

¹⁵ Томшич Т. Духовные основы перестройки // Пропагандист и агитатор. 1987. № 12. С. 4.

¹⁶ Время требует коренных перемен // Пропагандист и агитатор. 1987. № 7. С. 2–5.

¹⁷ Фоминов А. Добиться крутого перелома... С. 5.

¹⁸ Томшич В. Партия коммунистов: политическое обеспечение перестройки // Пропагандист и агитатор. 1988. № 7. С. 6–7.

¹⁹ Совет по изучению и формированию общественного мнения при Удмуртском обкоме КПСС был создан в конце 1986 г. как орган, координирующий изучение мнения населения и способствующий выработке рекомендаций с учетом предложений и замечаний трудящихся. Первоначально Совет состоял из 18 человек. Его председателем являлась секретарь обкома КПСС Г. Н. Васильева (см.: Щипакин Ю. Изучая мнение общественности // Пропагандист и агитатор. 1989. № 11. С. 22).

²⁰ Розенберг А. Политическая культура в зеркале общественного мнения // Пропагандист и агитатор. 1988. № 9. С. 7–8.

²¹ Томшич В. Кредит доверия // Пропагандист и агитатор. 1989. № 9. С. 2–3.

²² Фоминов А. О новой структуре партийного аппарата // Пропагандист и агитатор. 1989. № 3. С. 10–11.

²³ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14720. Л. 12, 20.

²⁴ Лужбин А., Соколов А., Кадров Н. В новых условиях – новые функции // Пропагандист и агитатор. 1989. № 19. С. 2–4.

²⁵ Там же. С. 6–8.

²⁶ Фоминов А. О новой структуре партийного аппарата... С. 11–12.

²⁷ Пахомова И. Новому обществу – обновленную партию // Пропагандист и агитатор. 1989. № 18. С. 5–6.

²⁸ Томшич В. Кредит доверия... С. 4.

²⁹ Как реализуем намеченное? // Вестник обкома КПСС. 1990. № 5. С. 6.

³⁰ Там же. С. 5–6.

³¹ О работе бюро и секретариата обкома КПСС за январь – март 1990 года // Вестник обкома КПСС. 1990. № 9. С. 6.

³² О деятельности бюро и секретариата обкома КПСС в апреле – июне 1990 года // Вестник обкома КПСС. 1990. № 15. С. 15.

³³ Гоголев Л. Что показали отчеты и выборы? // Вестник. 1991. № 3. С. 7.

³⁴ Гоголев Л. Нужна консолидация // Вестник обкома КПСС. 1990. № 14. С. 8.

³⁵ Там же. С. 6–8.

- ³⁶ Гоголев Л. Что показали отчеты и выборы?... С. 8–9.
- ³⁷ Государственный недоворот // Власть. 2001. № 33. С. 13; Луцикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. ... С. 4.
- ³⁸ Соколов В. Сумеет ли укрепить свои ряды? // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21. С. 5.
- ³⁹ Луцикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. ... С. 4; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 15246. Л. 3.
- ⁴⁰ Луцикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. ... С. 4; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 15145. Л. 23.
- ⁴¹ Луцикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. ... С. 4.
- ⁴² Соколов В. Сумеет ли укрепить свои ряды? ... С. 6.
- ⁴³ Там же. С. 7.
- ⁴⁴ Пырегов О. Точки зрения различны // Вестник обкома КПСС. 1990. № 14. С. 9.
- ⁴⁵ Там же. С. 9–10.
- ⁴⁶ Там же. С. 10–11.
- ⁴⁷ Там же. С. 11.
- ⁴⁸ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 15080. Л. 54.
- ⁴⁹ Антонов В. Реском: новая структура, новые функции // Вестник. 1991. № 3. С. 2.
- ⁵⁰ Там же. С. 3–4.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 2.
- ⁵³ Политическое заявление XXXIX Удмуртской партийной конференции (основные направления деятельности коммунистов республики) // Вестник обкома КПСС. 1990. № 22. С. 2.
- ⁵⁴ Бутенко А. П. Советская многопартийность: проблема формирования. М., 1991; Луцикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. ... С. 3–8.
- ⁵⁵ Авторитет партии укреплять делами. (Из материалов зональных совещаний секретарей первичных парторганизаций) // Вестник. 1991. № 1. С. 2.
- ⁵⁶ О деятельности бюро и секретариата рескома КП РСФСР за IV квартал 1990 года // Вестник. 1991. № 3. С. 5.
- ⁵⁷ Секретно. Информация о деятельности неформальной организации «Движение за демократию» // Бюллетень. Движение за демократию. 1990. Июль.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Авторитет партии укреплять делами... С. 4.

⁶⁰ Иванов В. Н. КПСС и власть: департизация органов государственной власти и управления на Южном Урале. Челябинск, 1999; Луцикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. ... С. 4.

⁶¹ Луцикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. ... С. 5.

⁶² Прозоров Г. Время действовать. По материалам совместного пленума республиканского комитета и контрольной комиссии Удмуртской партийной организации // Вестник. 1991. № 5. С. 5.

⁶³ Там же. С. 5.

⁶⁴ В трудный час (Пленум Удмуртского рескома КП РСФСР 22 апреля 1991 г.) // Огни Прикамья. 1991. № 1. С. 3–4.

2.2.3. Общественные объединения

В советской политической системе существовала четкая иерархия общественных объединений. Важнейшее место в ней занимали профсоюзы. Из года в год повторяя известные положения о том, что «профсоюзы – передаточный механизм от партии к массам», «школа коммунизма», самостоятельные профессиональные объединения трудящихся, созданные во имя защиты своих прав и интересов, оказались в подчинении командно-административной системы. В условиях перестройки возникла необходимость заново осмыслить задачи и функции профсоюзов с учетом мнения широкой общественности. С этой целью в 1989 г. руководство Удмуртского облсовпрофа (председатель В. М. Свиридов) провело встречи с профсоюзным активом, хозяйственными руководителями, собрания в первичных организациях, пленумы обкомов и райкомов отраслевых профсоюзов. В ходе мероприятий выяснилось, что в центре внимания общественности находилось развитие социальной сферы, выполнение жилищной программы, улучшение продовольственного снабжения, производство товаров народного потребления, повышение качества медицинского и бытового обслуживания. Все предложения были обобщены и вынесены на обсуждение Пленума облсовпрофа, который определил основными функциями профсоюзных органов социально-экономическую (защитную) и воспитательную.

VI пленум ВЦСПС (сентябрь 1989 г.) потребовал от всех профсоюзных органов поворота деятельности именно к усилению защиты прав и законных интересов трудящихся, прежде всего в вопросах оплаты, условий

и охраны труда, занятости, ценообразования, социальных нужд (жилье, общественное питание, бытовое обслуживание, оздоровление), экологической безопасности, реализации духовных интересов, профессионального, физического и нравственного совершенствования. Наряду с этим было заявлено, что в условиях дальнейшего развития производственной демократии, в соответствии с Законом о государственном предприятии, сейчас уже не профсоюзный комитет, а Совет трудового коллектива призван вместе с администрацией решать проблемы организации труда и производства, повышения качества продукции и услуг, экономного использования ресурсов, подготовки и повышения квалификации кадров, внедрения хозрасчета, развития бригадных форм, арендного и семейного подряда, организации социалистического соревнования. В то же время профсоюзные лидеры хорошо понимали, что для обеспечения социального развития необходимо создание надежной экономической базы. Поэтому важнейшей функцией профсоюзных комитетов провозглашалось участие во внедрении системы оплаты труда, повышении материального стимулирования, решении комплекса вопросов, связанных с переходом предприятий на самофинансирование.

Важное место в перечне задач заняла перестройка производственно-экономического образования. Только в 1988 г. через систему подготовки и переподготовки кадров в республике прошли обучение почти 50 % рабочих и служащих, более 16 % рабочих обучались в школах социалистического хозяйствования. Для профсоюзного актива при облсовпрофе был создан консультативный пункт.

Профкомы и президиум облсовпрофа принципиальнее стали подходить к рассмотрению случаев нарушения законов о труде. Активизировала свою деятельность техническая инспекция. К 1990 г. было обследовано около 1 800 предприятий и участков, запрещена эксплуатация свыше полутора тысяч различных машин и механизмов. По требованию профсоюзных органов 28 руководителей были освобождены от занимаемых должностей. В ходе осуществления республиканской целевой комплексной программы «Здоровье» за 1986–1989 гг. в народном хозяйстве были улучшены условия труда более чем 52 000 человек, 2 500 высвобождены с тяжелых физических работ; построено два стационарных и два арендованных загородных лагеря на 1 120 мест в смену. В 1988–1989 гг. облсовпрофом на строительство и реконструкцию пионерских лагерей было выделено около 500 тыс. руб.¹

Демократизация общественной жизни, расширение самостоятельности трудовых коллективов повлекли изменения в системе профсоюзных

органов. Переход на двухзвенную структуру (профком предприятия – ЦК профсоюза) позволил упразднить в Удмуртии шесть отраслевых обкомов. В большинстве профсоюзов были ликвидированы райкомы, совершенствовалась организация областного совета.

В 1989 г. завершилась очередная отчетно-выборная кампания профсоюзов. «Кабинетное» выдвижение на руководящие посты полностью себя скомпрометировало. Абсолютное большинство председателей профкомов и цехкомов было избрано на конкурсной основе.

Пленум Удмуртского областного Совета профсоюзов (октябрь 1989 г.) определил свою позицию по предстоящим выборам в Советы республики. В предвыборной программе профсоюзов было зафиксировано, что они полностью поддерживают платформу КПСС по национальной политике, выступают за равные гражданские, трудовые, политические права, социальную защищенность всех граждан.

Перестройка экономических и политических отношений заметно изменила состав, структуру и функции профсоюзов. Однако исторически сложившаяся традиция огосударствления этих органов, превращения их в придаток государственной и хозяйственной власти изживалась с большим трудом. В 1990 г. Всесоюзным центром изучения общественного мнения и пресс-центром Удмуртского областного совета Федерации профсоюзов был проведен опрос общественного мнения о роли профсоюзов в защите интересов трудящихся. Респондентам был задан, в частности, вопрос: «Возросла ли роль профсоюзов в защите прав трудящихся за последние три–пять лет?». Большинство ответов носило критический характер. В целом они распределились следующим образом (см. таблицу 4).

Таблица 4

Оценка роли профсоюзов в защите прав трудящихся Удмуртии (1985–1990 гг.) (в %)²

Оценка	Москва	Крупные города	Средние и малые города (в т.ч. г. Ижевск)
Эта роль возросла	20	25	37
Осталась без изменений	70	67	58
Снизилась	8	8	6

28 % опрошенных полагали, что активнее всего защищает их права СТК. Респонденты отметили ряд направлений, требующих пристального внимания профсоюзов, в том числе (в процентах): повышение качества

медицинского обслуживания (52,8); контроль за жилищным строительством и справедливым распределением жилья (53); улучшение условий труда работающих (67); контроль за организацией оплаты труда (43,4); забота о детях, развитие сети детских дошкольных учреждений (36); развитие сферы культуры, организация здорового образа жизни, отдыха (32); контроль за адаптацией молодых рабочих и т.д.³

Значительным событием стал Учредительный съезд профсоюзов России (март 1990 г.). Он утвердил основные принципы организационного строения и деятельности Федерации независимых профсоюзов РСФСР (ФНПР). В работе съезда приняли участие 15 делегатов из Удмуртии. Председатель Удмуртского облсовпрофа А. М. Фоминов был избран членом президиума совета ФНПР⁴. III внеочередная межсоюзная конференция (1991 г.) приняла решение об образовании Федерации профсоюзов Удмуртии в ее составе⁵.

ВЛКСМ, как элемент политической системы, считался «боевым резервом» КПСС. В СССР в 1985 г. он объединял свыше 42 млн. человек, насчитывая более 1,7 млн. комсомольских групп, цеховых и первичных организаций, около 4,6 тыс. районных, городских, областных и краевых организаций. Весьма значительным было партийное ядро в комсомоле. В 1985 г. в нем работали 1 548 тыс. членов и кандидатов в члены КПСС⁶. Взаимоотношения партии и комсомола строились на основе Устава КПСС, предусматривавшего руководство КПСС работой ВЛКСМ. Его идеологическую основу составляло единство целей. Главные принципы руководства (выработка генеральной линии, подбор и расстановка кадров, проверка исполнения политических директив) оставались неизменными.

К началу перестройки сложились эффективные формы политического руководства ВЛКСМ: партийное ядро в комсомоле, институт партприкрепленных, взаимное представительство в руководящих органах, проведение совместных собраний и активов, обсуждение вопросов комсомольской работы в партийных комитетах, проверка комсомольских организаций, совместная политечеба, встречи и беседы с коммунистами и т.д. По словам первого секретаря Удмуртского обкома ВЛКСМ С. В. Артахова, все положительные сдвиги в коммунистическом воспитании молодежи связывались с непосредственным руководством со стороны обкома КПСС, местных партийных органов⁷.

Вместе с тем на рубеже 1970-х – 1980-х гг. в комсомоле проявились глубокие противоречия между демократическим характером его организации

и бюрократическими методами руководства. Во многих структурах укоренился формализм. Стремясь сохранить темпы количественного роста рядов ВЛКСМ, его комитеты упустили качественную сторону работы. Появились контрольные задания по приему в комсомол и как следствие – снижение требовательности к вступающим. Ослабла внутрисоюзная дисциплина. Более миллиона комсомольцев ежегодно выбывали из своих организаций, не снявшись с учета⁸.

В новой редакции Программы КПСС особо подчеркивалось, что партия и впредь будет повышать роль ВЛКСМ в воспитании «подрастающей смены», улучшении работы пионерской организации, практическом решении задач ускорения социально-экономического развития страны. Основное внимание уделялось организационно-политическому укреплению ВЛКСМ, развитию его самостоятельного начала: «Комсомол должен настойчиво развивать трудовую и общественную активность юношей и девушек, формировать у них марксистско-ленинское мировоззрение, политическую и нравственную культуру, сознание исторической ответственности за судьбы социализма и мира»⁹. Важнейшие программные и уставные положения, принятые XXVII съездом КПСС, нашли отражение в измененном Уставе ВЛКСМ, утвержденном XX съездом комсомола (апрель 1987 г.).

Во второй половине 1980-х гг. ВЛКСМ оставался мощной общественно-политической организацией, имевшей авторитет в партийных и государственных органах и выполнявшей разнообразные социальные функции. В комплексной программе «Молодежь Удмуртии» на 1987–1990 гг., одобренной XXXIX областной отчетно-выборной комсомольской конференцией и утвержденной бюро обкома КПСС, особое место отводилось коммунистическому воспитанию молодежи, решению ее социальных проблем, повышению трудовой и общественно-политической активности.

В связи с переходом предприятий и учреждений на новые условия хозяйствования обком ВЛКСМ ориентировал свои комитеты на непосредственное участие в деятельности СТК, распределении прибыли с учетом нужд молодежи. Обобщался опыт комсомольских организаций производственных объединений по созданию фондов молодежной инициативы, молодежных кооперативов. Так, на объединении «Ижмаш» на правах подразделения действовало экспериментальное молодежное производственное объединение «ЭМО», образован филиал Ижевского городского центра НТТМ «Союз» и открыт клуб самостоятельного технического

творчества. Учитывая остроту жилищной проблемы, проводилась работа по организации молодежных жилищных кооперативов (МЖК). В 1988 г. МЖК функционировали в г. Камбарке, Сарапуле (МЖК «Надежда»), Ижевске (объединения «Ижмаш», «Удмуртнефть»), Можге.

Руководствуясь программой «Молодежь Удмуртии», ВЛКСМ осуществлял меры по привлечению учащейся молодежи к производительному труду. Только летом 1987 г. свыше 55 000 школьников выполнили объем работ на сумму более 4,5 млн. руб. Членами 313 ученических производственных бригад, участниками 267 лагерей труда и отдыха выращен урожай кормовых культур на площади 4 000 га. В соответствии с Постановлением СМ УАССР и бюро обкома ВЛКСМ «О шефской помощи комсомольских организаций экономически слабым хозяйствам Удмуртской АССР» было организовано шефство над совхозами «Саватятский» Кезского, «Волипельгинский» Вавожского и «Камский» Завьяловского районов. В 1987 г. для помощи хозяйствам сформировано 12 строительных отрядов, освоивших 686 000 руб.¹⁰

Значительную роль играл комсомол в организации досуга молодежи. За один только 1987 г. возникло 162 объединения и клуба. Дальнейшее развитие получили клубы-кафе, которых в 1988 г. насчитывалось около 60. Комитеты ВЛКСМ работали над созданием на базе городских и районных домов культуры художественных мастерских, студий, театральных центров. На базе ДК «Родник» (г. Глазов) сложился театр «Парафраз», организованы молодежные центры при Ижевском механическом, радио- и автозаводах, Воткинском заводе РТО. В г. Ижевске был создан городской молодежный культурный центр, на базе которого действовали театр-студия, студия моделирования молодежной одежды, два дискуссионных клуба, видеосалон. При всех профессиональных театрах открылись молодежные любительские студии¹¹.

Активно участвовал комсомол в физическом и военно-патриотическом воспитании. В большинстве городов и районов функционировали клубы «будущего воина». В 1987 г. работали 35 оборонно-спортивных лагерей, в которых навыки армейской службы получили 9,5 тыс. учащихся¹².

Со второй половины 1980-х гг. относительно новым направлением деятельности комсомола стала работа с неформальными организациями молодежи. По данным опроса, проведенного научно-исследовательским центром Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, в Москве в 1987 г. причисляли себя к таковым 52,7 % молодых ИТР, 65,1 % молодых рабочих, 71,4 % студентов, 71,7 % десятиклассников, 89,4 % учащихся

ПТУ. Среди респондентов 60 % составили комсомольцы. В ряде населенных пунктов УАССР в 1986–1987 гг. также появились самодетельные организации молодежи. В целом отношение комсомола к подобного рода формированиям определялось Пленумом ЦК ВЛКСМ (декабрь 1987 г.): «Никакой альтернативы или конкуренции комсомолу объединения молодежи по интересам не составляют... Конечно, возникшие объединения неоднозначны. Есть среди них и такие, против которых комсомол будет вести бескомпромиссную борьбу»¹³. В связи с появлением неформальных молодежных объединений возросло внимание к политической учебе. В 1988 г. в 27 районах и городах республики действовали 40 дискуссионных клубов.

Положение ВЛКСМ резко изменилось с ликвидацией господства КПСС в политической системе. С одной стороны, значительным оставалось представительство комсомольцев в органах власти. Так, в ВС УР в 1990 г. 12 депутатов были выдвинуты от ВЛКСМ; в местных Советах работали 1 420 представителей комсомола¹⁴. С другой стороны, демократизация привела к необратимым изменениям внутрисоюзной жизни. Численность комсомольцев в республике сократилась со 176 118 человек в 1989 г. до 87 тыс. осенью 1991 г.¹⁵ Одновременно шло сокращение союзного аппарата. В 1991 г. штат Удмуртского рескома ВЛКСМ составил 20 человек (в 1988–1989 гг. – до 80). В сельских райкомах осталось по два–три освобожденных работника. Деятельность Удмуртской организации ВЛКСМ (в 1990–1991 гг. первый секретарь О. Ю. Попов) уже не соответствовала ее названию и статусу. На намечаемой республиканской конференции планировалось принять новые Устав и Программу. Об этом бюро рескома ВЛКСМ заявило в печати 26 августа 1991 г. Суть заявления сводилась к тому, что объединение республиканских молодежных организаций комсомола утратило свою целесообразность, необходима немедленная отмена Устава и ликвидация союзных структур ВЛКСМ. Предстояло не просто обновление или реформирование, а создание на его базе совершенно новой организации, «свободной от любых идеологических догм и имеющей главной целью заботу о молодежи». Хотя новая организация предполагала стать правопреемницей республиканской комсомольской организации¹⁶.

Внеочередная ХLI республиканская комсомольская конференция 21 сентября 1991 г. приняла решение о создании организации, независимой от политических партий и движений. Учитывая объективные процессы в развитии общества, демократизацию всех его структур, с целью

самоопределения комсомольских организаций, возможного появления других молодежных формирований, изъявивших желание объединиться на республиканском уровне, был объявлен организационный период до ноября 1991 г. и образован координационный комитет¹⁷. 7 декабря 1991 г. на втором этапе конференции на основе Удмуртской республиканской комсомольской организации была создана Удмуртская федерация молодежных организаций в составе Российского Союза молодежи¹⁸.

Особое место в «позднесоветской» политической системе занимали кооперативные учреждения. Их организационными структурами являлись Центросоюз СССР, Роспотребсоюз, а в Удмуртии – Удмуртпотребсоюз (председатели правления в это период – К. А. Гуляев, А. М. Екимов, Р. М. Каримов).

Кооперативные организации, динамично развиваясь, активно участвовали в решении хозяйственных и социально-культурных вопросов. Так, за 1974–1978 гг. объем капиталовложений Удмуртпотребсоюза возрос на 44 % и превысил 28 млн. руб. Благодаря совершенствованию материально-технической базы и добросовестному труду работников его розничный товарооборот за те же годы увеличился на 36 % и составил более 1,5 млрд. руб. Кооперативные производственные предприятия реализовали промышленной продукции на 94 млн. руб., что на 17 % больше, чем за предшествующее пятилетие. За счет повышения производительности труда было получено 75 % прироста товарооборота, 56 % оборота предприятий общественного питания, весь прирост объема продукции хлебопечения, что позволило сэкономить труд 2 500 работников¹⁹.

X съезд уполномоченных потребкооперации Удмуртии, прошедший 25 мая 1979 г., наметил конкретные меры по дальнейшему развитию и улучшению деятельности кооперативных организаций, повышению деловитости и ответственности каждого работника за качественное обслуживание сельского населения. В числе первоочередных задач выдвигались ускорение строительства универмагов и магазинов типа «Одежда», «Обувь», «Техника», «Мебель», «Спорттовары», «Стройматериалы», «Галантерея», «Культовары», оптовых складов и их оснащение современным стеллажным и технологическим оборудованием, дальнейшее развитие централизованной доставки товаров с торговых баз непосредственно в торговую сеть, совершенствование материальной базы заготовок и хранения сельхозпродукции, строительство автогаражей в гг. Можге, Сарапуле, Глазове и Ижевске, укомплектование органов управления квалифицированными кадрами, расширение жилищного строительства.

На VII и X съездах уполномоченных потребкооперации РСФСР и СССР (июнь и ноябрь 1979 г.) обращалось особое внимание кооперативных организаций на улучшение комплексной рационализации розничной и оптовой торговли, сооружение и реконструкцию действующих хранилищ картофеля, овощей и фруктов с использованием прогрессивных методов, обеспечивающих нужды населения на весь зимне-весенний период, увеличение заготовок и производства мяса на кооперативных откормочных пунктах. Указывалось на необходимость более полного удовлетворения потребности населения в товарах и услугах за счет его дальнейшего роста, а также расширения строительства крупных высококомеханизированных оптовых складов и договорных связей потребсоюзов с промышленными предприятиями. Намечались конкретные меры по повышению эффективности капиталовложений, неукоснительному соблюдению принципа демократического централизма и обеспечению всестороннего повышения качества профессиональной подготовки специалистов. X съезд уполномоченных потребкооперации СССР утвердил новый Устав Центросоюза и Примерный устав потребительского общества. Председателем правления был избран А. А. Смирнов. Удмуртскую делегацию на съезде представляли Г. В. Кириллов, Г. Л. Каськова, В. А. Арасланова, В. А. Соловьев, Е. Н. Басова, К. А. Гуляев, М. А. Шатрова, Р. М. Каримов.

Постоянное внимание и поддержку Удмуртпотребсоюзу оказывало руководство республики: первые секретари Удмуртского обкома КПСС В. К. Марисов и П. С. Грищенко, председатели СМ УАССР А. Т. Марков и Ю. П. Кудяшев, их заместители Б. Н. Орлов, В. Г. Князев, В. А. Соловьев, секретари обкома партии Е. П. Никитин, В. А. Кардаполов, председатели Президиума ВС УАССР П. А. Сысоев и А. И. Тубылов, руководители министерств и ведомств.

Благодаря динамичному развитию промышленности и сельскохозяйственного производства, росту благосостояния сельских тружеников и добросовестному труду кооператоров, розничный товарооборот кооперативных организаций за 1979–1983 гг. возрос на 29 % и составил 2 млрд. руб. Правление и собрание Совета потребсоюза разработали и приступили к внедрению трех целевых программ: «Комплексная рационализация деятельности кооперативных организаций», «Сокращение применения ручного труда, улучшение использования техники» и «Изыскание товарных ресурсов». Намеченный на пятилетие объем капиталовложений был выполнен на 132 % и составил 45,7 млн. руб. против 28 млн. руб. за

предшествующее пятилетие. В соответствии с комплексной программой рационализации торговой деятельности было построено и введено в эксплуатацию 233 магазина торговой площадью 43,4 тыс. кв. м., в том числе девять универмагов (в сс. Завьялово, Нылга, Якшур-Бодья, Алнаши, Шаркан, Кизнер, гг. Камбарке и Можге), торговые центры в сс. Малая Пурга и Большая Уча. Количество специализированных торговых заведений увеличилось на 93 единицы, а их площадь – на 24,3 тыс. кв. м. Появились новые типы магазинов: «Техника», «Современное домашнее хозяйство», «Детские товары»²⁰.

Рост объемов экономической деятельности вызвал увеличение численности работников потребкооперации Удмуртии, составившей на начало 1984 г. почти 16 тыс. Правление потребсоюза серьезное внимание уделяло улучшению качественного состава руководящих кадров и специалистов кооперативных организаций. На должности начальников отделов потребсоюза, председателей правлений райпо и их заместителей выдвигались положительно зарекомендовавшие себя специалисты, имевшие высшее образование. Так, если в 1979 г. высшее образование имели лишь семь председателей райпо, то в 1984 г. – уже 22.

В ноябре и декабре 1984 г. состоялись VIII и XI съезды уполномоченных потребительских обществ СССР (председатель правления М. П. Трунов) и РСФСР (председатель правления В. Ф. Ермаков). К этому времени розничный товарооборот потребительской кооперации увеличился на 17,4 млрд. руб. и достиг почти 90 млрд. руб. Кооперативные организации обслуживали более 40 % населения страны. Возросла продажа сельчанам различных продуктов питания, одежды, обуви, трикотажных изделий, предметов культурно-бытового назначения и других товаров. Динамично развивался розничный товарооборот потребительской кооперации. Темпы его роста в 1983–1984 гг. были в два раза выше, чем за предыдущие два года. Оборот предприятий общественного питания увеличился на 16 %, по реализации собственной продукции – на 29 %. Продажа сельскохозяйственных продуктов, закупленных по договорным ценам, возросла в 1,6 раза. Более чем на 20 % увеличился среднегодовой объем закупок сельскохозяйственных продуктов и сырья. Производство пищевой продукции на кооперативных предприятиях выросло в 1,6 раза. На развитие материально-технической базы было направлено 5,6 млрд. руб. капиталовложений²¹.

В обстановке нарастающего подъема кооперативного движения 26 мая 1988 г. был принят Закон СССР о кооперации. Несмотря на творческий,

новаторский характер, он содержал множество противоречий, предусматривая, например, одновременно и государственное руководство кооперативами и самостоятельность кооперативных обществ. Позволив отменить множество директив, регламентировавших деятельность потребительской кооперации, Закон не смог оградить ее от диктата Госкомтруда, Госкомцен и других ведомств.

Дальнейшее развитие Центросоюза, Роспотребсоюза и Удмуртпотребсоюза проходило в довольно сложных условиях. Спрос на потребительские товары устойчиво опережал предложение. При нарастающем экономическом кризисе потребкооперация оказалась лишенной собственных фондов на продовольственные и промышленные товары. Передача функции распределения товарных ресурсов Министерству торговли РСФСР привела к резкому сокращению средств, выделяемых потребкооперации. Если раньше все основные фонды Удмуртпотребсоюзу поступали напрямую из Роспотребсоюза, то с 1987 г. они стали выделяться из общих фондов Удмуртии. В результате в 1987–1988 гг. Удмуртпотребсоюзу, по предложению Минторга УАССР, правительством республики были сокращены ежегодные фонды на сахар на 5 тыс. тонн. Аналогичное положение наблюдалось и с фондами на другие товары. Проводившееся в рамках антиалкогольной кампании снижение производства винно-водочных изделий намечалось восполнить иными товарами, но этого не произошло. Из свободной продажи исчезли сахар, крупа, мука, растительное масло и ряд других товаров, появились продуктовые талоны. В 1989 г. на IX съезде уполномоченных потребительской кооперации РСФСР председатель правления В. Ф. Ермаков с тревогой говорил о ее постепенном превращении в придаток госторговли в механизме распределения товарных ресурсов.

Несмотря на объективные и субъективные трудности, в 1989 г. потребительская кооперация страны объединяла уже 60 млн. колхозников, рабочих и служащих совхозов и других агропромышленных предприятий, представителей сельской интеллигенции. Система имела 390 тыс. розничных торговых предприятий, 108 тыс. предприятий общественного питания, 21 тыс. промышленных предприятий. На ее долю приходилось 27 % всего розничного товарооборота, в том числе 80 % – сельского. Удельный вес производимых товаров и сельхозпродуктов, закупаемых по договорным ценам, в общем объеме продажи продуктов питания через торговую сеть составлял 50 %²².

Основные события политической жизни страны конца 1980-х гг. не могли пройти мимо кооператоров. 20–22 марта 1989 г. состоялся XII съезд

потребительской кооперации СССР, который принял решения, предусматривающие возрождение демократических основ деятельности потребительской кооперации, увеличение ее вклада в социальное переустройство села, углубление экономической реформы и повышение эффективности хозяйствования, развитие международных связей. Съезд утвердил примерный устав потребительского общества (кооператива) и устав Центросоюза СССР, разработанные в соответствии с Законом СССР «О кооперации в СССР». Были избраны 40 народных депутатов от потребительской кооперации и принято постановление «О наказах народным депутатам СССР от потребительской кооперации СССР». В работе съезда принимали участие делегаты от кооперативов Удмуртии, в том числе Р. М. Каримов.

Основные направления дальнейшего развития потребительской кооперации состояли в возрождении таких важных начал, как самоуправление, инициатива и предприимчивость. Однако в декабре 1991 г. прекратил свое существование Центросоюз СССР. В деятельности потребительской кооперации начался новый этап.

Экономические реформы начала 1990-х гг. поставили потребительскую кооперацию в сложное положение. Либерализация цен значительно снизила платежеспособность потребителей продукции и сузила внутренний рынок. Вместе с объемами промышленного производства резко упали реальные доходы населения, уровень и качество жизни большинства граждан.

От кризиса, охватившего практически все отрасли, больше всего пострадало сельское хозяйство. Произошло сокращение посевных площадей и поголовья скота. Упал объем сельскохозяйственного производства. Углубившийся диспаритет цен на промышленные товары, сельхозтехнику, бензин, запчасти и продукцию сельского хозяйства – зерно, мясо, молоко, овощи, фрукты, технические культуры и т.д. – еще более усугубил ситуацию. Цены на промышленные товары выросли несопоставимо выше, чем на сельхозпродукцию. В связи с этим произошло существенное снижение покупательной способности обслуживаемого потребительской кооперацией сельского населения, приведшее к серьезным изменениям в структуре товарооборота, продукты питания в котором заняли до 90 % при стабильном снижении спроса на промышленные товары. Безденежье сельских жителей оказалось настолько тяжелым, что потребительские общества начали выдавать своим пайщикам товарные кредиты на масло, сахар, хлеб и т.д. «Долговые тетради» стали привычным явлением в сельских магазинах. В целом в 1992–1995 гг. потребительской кооперацией

было предоставлено в кредит сельскому населению товаров более чем на 1 трлн. неденоминированных руб.

Кооперативные организации страны, обеспечивавшие четверть розничного товарооборота, около половины заготовок картофеля, треть закупок других овощей, более трети выпечки хлеба, в условиях гиперинфляции почти лишились собственных финансовых ресурсов, оказались на грани банкротства. Резко сократились объемы хозяйственной деятельности, в тяжелом положении оказались оптовая торговля, общественное питание, происходило свертывание закупок сельскохозяйственных продуктов и сырья, снизились показатели использования мощностей хлебопекарных, колбасных и других производственных предприятий. Торговля отечественными продовольственными товарами стала убыточной, а введение предоплаты заказанных товаров заставило многие организации потребительской кооперации для получения оборотных средств распродавать свои предприятия. В отдельных регионах начали закрываться кооперативные магазины, столовые, кафе, заготовительные и оптовые базы. Одновременно в городах и районных центрах стала активно развиваться частная торговля. Не неся никаких социальных обязательств и руководствуясь только меркантильными соображениями (получением прибыли), при минимальном штате, имея определенные льготы и пользуясь бесконтрольностью и разными способами уклонения от налогов, на первых порах она составила серьезнейшую конкуренцию сельской кооперативной торговле.

Начавшаяся коммерциализация привела к разукрупнению действующих государственных предприятий и предоставлению выделенным из них хозяйственным единицам права юридического лица. Этим воспользовались и некоторые коллективы кооперативных магазинов, столовых, заготконтор, автобаз и других предприятий. Поскольку Указ Президента РФ Б. Н. Ельцина от 16 февраля 1992 г. «О коммерциализации деятельности предприятий потребительской кооперации в Российской Федерации» объявил имущество потребобществ частной собственностью пайщиков, предоставил их собраниям возможность принимать решения о выходе потребобществ из союзов с получением своей доли имущества и части имущества, приращенного во время совместной деятельности в составе кооперативного союза. В результате «осуществления мер по преодолению монопольного положения потребительской кооперации в торговом обслуживании сельского населения путем создания конкурирующих с ней параллельных структур различных форм собственности в сфере торговли,

заготовок и производства» она утратила более 50 % своей собственности. Была нарушена вертикаль управления: союзы потребительских обществ лишились организационно-распорядительных и контрольных функций по отношению к потребобществам, что вело к бесконтрольности и вседозволенности. Еще большую угрозу кооперативной собственности представляло начавшееся в ряде регионов акционирование потребительских обществ.

Благодаря активной деятельности Центросоюза России, отстаивавшего интересы потребкооперации, она сохранилась как система, получив поддержку государства на федеральном и местном уровнях. Принятый в июне 1992 г. ВС РФ Закон «О потребительской кооперации в Российской Федерации» юридически закрепил правовые, экономические и социальные основы деятельности потребительских обществ и их союзов, заложил предпосылки возрождения потребительской кооперации на подлинно демократической основе и использования ее хозяйственного потенциала в интересах пайщиков и населения.

В дальнейшем взаимоотношения организаций потребкооперации с государственными органами исполнительной власти стали строиться на основе ежегодно заключаемых между ними соглашений²³.

Большую общественно значимую работу выполняли советы ветеранов. Ветеранское движение особенно активно стало развиваться в стране с конца 1960-х гг. На конференции в декабре 1986 г. был принят устав и избран Всесоюзный совет ветеранов войны и труда. 14 марта 1987 г. на базе существовавшего при Удмуртском обкоме ВЛКСМ Совета ветеранов партии, комсомола, войны и труда утверждалась самостоятельная Удмуртская организация ветеранов войны и труда, функционировавшая на основе союзного устава²⁴.

Основные задачи ветеранских организаций на новом этапе формулировались в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. Требовалось приобщение людей с большим жизненным опытом к общественно-политическим делам, воспитанию подрастающего поколения, содействие пенсионерам в их трудовой деятельности.

Советы ветеранов вели работу среди пенсионеров, как продолжающих трудиться, так и находящихся на отдыхе, а также лиц, не достигших пенсионного возраста, но награжденных медалями «Ветеран труда» и «Ветеран Вооруженных Сил». Ветеранские организации существовали во всех районах и городах республики; действовали более 110 организаций в трудовых коллективах и по месту жительства, 12 советов ветеранов-

однопольчан, воинские подразделения которых были сформированы на удмуртской земле. В целом они объединяли около 300 тыс. пенсионеров.

Объединенный Пленум Всесоюзного и Всероссийского совета ветеранов и Советского комитета ветеранов войны (апрель 1987 г.) проанализировал работу своих организаций. На нем отмечалось, что советам ветеранов следует активизировать свою деятельность, искать новые, более эффективные ее формы, обеспечить гласность, информирование общественности, критику и самокритику. В состав постоянных комиссий советов следовало включать не только их членов, но и других активистов. Центром взаимодействия с ветеранами должны были стать советы в трудовых коллективах и по месту жительства. Они вели персональный учет ветеранов, выясняли, как лучше использовать их опыт, знания и возможности в трудовой и общественной сфере²⁵.

В связи с переходом экономики страны на рыночные отношения Пленум республиканского Совета ветеранов войны и труда принял специальное Заявление. В документе нашла отражение озабоченность развалом экономических связей, резким снижением уровня жизни людей: «В республике царит дефицит товаров. Цены на продовольственные и промышленные товары постоянно растут, однако по компенсациям, социальным гарантиям ведутся только разговоры и нет никаких практических действий. Влияние дельцов теневой экономики усиливается с каждым днем, идет небывалый рост спекуляции и преступности».

Ветераны поддержали чрезвычайные меры Президента и ВС СССР по стабилизации политического и экономического положения в стране, потребовали от государственных органов решительного проведения их в жизнь и заявили о готовности оказать в этом всестороннюю помощь²⁶. Они выступили за завершение введения Закона о пенсиях в 1991 г.; установление реального прожиточного минимума; ограничение роста цен на продукты питания и промышленные товары бытового назначения; расширение производства товаров для лиц старшего поколения; разработку СМ УАССР программы по улучшению жизни пенсионеров; организацию служб трудоустройства ветеранов в рамках комитета по труду и социальным вопросам во всех городах и районах республики. В то же время, поддерживая разнообразные формы разгосударствления предприятий, ветеранская организация настаивала на приоритете коллективных форм собственности и полностью поддерживала постановление ВС УАССР от 27 сентября 1990 г. «О некоторых вопросах применения законодательства Союза ССР и союзных республик

о земле на территории Удмуртской АССР и развитии новых форм хозяйствования».

С распадом СССР в каждой бывшей союзной республике и субъекте РФ стали возникать свои ветеранские организации. 29 октября 1992 г. III внеочередная Удмуртская республиканская конференция ветеранов приняла постановление о создании Удмуртской республиканской организации ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов²⁷ (с 1990 г. председатель Совета М. Е. Зыков)²⁸.

Произошла активизация женского движения. Женсоветы, возникшие в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.), получили свое дальнейшее развитие в 1960-е гг. В условиях перестройки КПСС поставила задачу возродить советы женщин в трудовых коллективах, по месту жительства, объединив их в единую систему во главе с Комитетом советских женщин. К началу 1980-х гг. в Удмуртии действовало 220 женсоветов²⁹. 27 декабря 1986 г. состоялась учредительная конференция Совета женщин УАССР³⁰. Как отметила первый председатель Г. И. Климантова, его «создание... – не дань моде и новым веяниям, не стремление создать еще одну общественную организацию. Объединиться нас заставила жизнь»³¹.

Переход к рыночным условиям обострил социальные проблемы в целом и женщин в частности. Так, занимая по производству товаров народного потребления одно из ведущих мест в России, республика по уровню потребления стояла на 58 месте. В начале 1990 г. на тяжелых и вредных участках производства работали 16 тыс. женщин, в ночных сменах – около 6,5 тыс. Ежегодно получали производственные травмы более тысячи женщин. Они оказались наименее защищенной категорией населения; законы, принятые в их отношении, не действовали. Обследование, проведенное в Удмуртии, показало, что более 80 % опрошенных женщин хотели бы трудиться неполный рабочий день или по гибкому графику. Однако такой режим был обеспечен только 2 % респонденток. Каждая пятая из опрошенных выполняла работу, не соответствующую ее квалификации. В то же время из женщин, прошедших обучение по повышению квалификации, только 20 % были повышены в должности, а положение 44 % осталось без изменения. Не могли мириться женщины с низким представительством в органах власти. Так, в ВС УР оказалось лишь 6,5 % женщин. Хотя в народном хозяйстве республики женщины составляли 49 %, на руководящих должностях – 2,3 %³².

В целях укрепления женского движения летом 1990 г. был образован Союз женщин РСФСР, а 25 декабря 1990 г. – Союз женщин УР³³. В Уставе

определялся его статус как добровольной, независимой общественной организации, созданной для защиты интересов и достойного положения женщин в обществе, повышения их роли в общественно-политической, экономической, культурной жизни³⁴. Союз женщин УР выступал за общечеловеческие ценности, социальную справедливость, гуманное, демократическое устройство общества. Он был готов к сотрудничеству с другими общественными организациями, партиями, движениями, стоящими на платформе демократических преобразований в стране и отстаивающими интересы женщин, а также законодательными и исполнительными органами власти. Союз строил свои отношения с Комитетом советских женщин на основе Положения о КСЖ и в соответствии с Уставом Союза женщин РСФСР. Особо подчеркивалось, что Союз обладает правом законодательной инициативы, выдвижения кандидатов в народные депутаты. Членство в Союзе, в отличие от иных организаций (партийных, комсомольских, профсоюзных, ветеранских), предусматривалось как индивидуальное, так и коллективное³⁵.

Как отмечают исследователи, в середине 1980-х гг. в СССР насчитывалось около 100 всесоюзных, более 200 республиканских и около 800 местных общественных объединений³⁶. В апреле 1990 г. в Удмуртии, как и в СССР, также функционировали творческие союзы, научные, культурно-просветительные, спортивные, оборонные и другие добровольные общества, органы общественной самодеятельности, число которых достигало 30³⁷. Однако деятельность большинства из них продолжала строиться по старым схемам – сбор членских взносов и отчет о проделанной работе. Трудящиеся нередко с раздражением воспринимали формальное членство и поборы различных обществ. Отношение рядовых граждан к подобного рода объединениям выразила одна работница в своем письме, в котором отмечала, что вся ее швейная машина оклеена марками, т.к. членских книжек нет, а выбросить их (при существовавшей системе отчетности. – С. Б.) было просто невозможно³⁸.

В условиях кризиса советской политической системы в стране возникает новое общественное движение. Количество неформальных объединений, действовавших в Советском Союзе во второй половине 1980-х гг., достигало, по разным оценкам, от 60 до 120 тыс.³⁹ По мнению историка В. Н. Березовского, первый этап в развитии гражданской активности – «неформальная волна», период формирования политических клубов и рыночной идеологии. Для России – это 1986 г. – весна 1988 г. Второй этап – «народные фронты и первые партии» (весна 1988 г. – зима 1989–1990 гг.).

Третий этап – «стихийная многопартийность» (зима 1990 г. – август–сентябрь 1991 г.)⁴⁰. Для регионального социума Удмуртии, прошедшего в основном те же этапы развития неформального движения, характерно их запаздывание и наложение одного на другой. Одной из причин этого стал специфический менталитет значительного большинства граждан республики, характеризующийся относительным консерватизмом мышления, свойственным населению оборонно-промышленного края с его постоянной зависимостью от центральных и межрегиональных органов власти и управления, руководства ВПК и как следствие – не востребованность государством гражданских функций, неадекватность восприятия периферией новаций, предлагавшихся центром, асинхронность политических процессов. Отсюда вытекали две характерные черты политического поведения граждан УР в период перестройки: доверие центральным органам власти в решении проблем регионального уровня и недоверие местным властям; относительно активное участие в проведении акций общероссийского масштаба и пассивное отношение к республиканским. В свою очередь, это обуславливалось и определенной стабильностью политической ситуации в республике.

Первый этап неформального общественно-политического движения, проходивший под лозунгом «Движение – всё, конечная цель – ничто», под флагом признания многообразия форм собственности и многопартийности, для Удмуртии следует определить 1988–1990 гг. Однако началом движения можно считать протест учащейся молодежи республики (январь 1985 г.) по поводу переименования г. Ижевска в г. Устинов после кончины Министра обороны СССР Д. Ф. Устинова. Кроме стихийной манифестации проводился сбор подписей за возвращение городу исторического названия.

Одним из первых центров неформального движения в республике стал г. Глазов. Здесь в сентябре 1988 г. состоялось учредительное собрание Экологического союза. Поводом для его создания послужило недовольство населения строительством приборного завода ВНИИ радиоэлектронной техники вблизи жилых домов⁴¹. В 1988–1989 гг. ГЭС провел два экологических ринга, один митинг. Его члены приняли участие в предвыборном митинге, состоявшемся в г. Глазове 25 марта 1990 г. Одновременно был организован сбор подписей под письмом в ЦК КПСС с требованием перенести строительство завода за черту города. В июне 1989 г. исполком Ижевского городского Совета зарегистрировал Устав Ижевского Экологического Союза. Его первым председателем являлся С. Г. Щукин, учитель школы № 73 г. Ижевска, народный депутат ВС УАССР⁴². В ноябре 1989 г.

ИЭС организовал пикетирование проходной завода «Ижтяжбуммаш» с требованием строительства очистных сооружений в связи с началом производства линолеума.

Одной из первых «неформальных» организаций, выполнявшей политические функции, стало Ижевское добровольное общество «Клуб гражданской инициативы» (первый председатель С. Л. Бехтерев, младший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО АН СССР). Основной целью КГИ провозглашалось участие в формировании новой политической культуры трудящихся УАССР, повышении на этой основе их общественной активности. Примером результативности общественной работы непартийного характера является участие КГИ в возвращении Собора Александра Невского (г. Ижевск), уникального памятника культового зодчества первой четверти XIX в., верующим. После частичного разрушения храма в конце 1920-х – 1930-х гг. в нем был размещен детский кинотеатр «Колосс». Активные выступления за передачу собора Русской Православной Церкви (РПЦ) начались еще в 1988 г. Первый староста общины В. В. Морозов, впоследствии вступивший в КГИ, организовал сбор подписей (собрано свыше 8 тыс. таковых). Были посланы письма в Ижевский горсовет, ВС УАССР, на имя Председателя Президиума ВС СССР М. С. Горбачева. Общественники и верующие вместе отстаивали идею необходимости возвращения храма на заседании Президиума организации общества охраны памятников истории и культуры Первомайского района г. Ижевска, вышли 7 ноября 1989 г. на демонстрацию с лозунгом «Собор Александра Невского – верующим!», активно выступали в республиканских СМИ. Этот лозунг стал одним из программных у ряда кандидатов в депутаты ВС УАССР, поддерживавшихся демократами⁴³. Наконец, 1 декабря того же года состоялось пикетирование сессии ВС УАССР. Все это время наблюдалось активное сопротивление ответственных работников. Бывший председатель Ижевского горсовета Ю. А. Таранников, к примеру, направил в СМ УАССР письмо о невозможности передачи здания. Членам общины и общественности помог народный депутат СССР Н. М. Копысов. Он передал письмо верующих в ВС УАССР, сделал депутатский запрос, обратился в СМ СССР. 12 февраля 1990 г. Постановлением СМ УАССР № 49 здание бывшего собора было передано Ижевской и Удмуртской Епархии РПЦ⁴⁴.

Конституирование нового общественного движения активизировалось с весны 1990 г. в ходе выборов народных депутатов. Особенностью

этого этапа стало включение в политическую жизнь практически всех слоев реформируемого общества. В политическую деятельность были вовлечены экологические союзы гг. Глазова и Ижевска (четыре члена ИЭС были избраны народными депутатами ВС УАССР, девять – народными депутатами Ижевского городского Совета)⁴⁵. Участие в избирательной кампании весны 1990 г. стало главным направлением и в работе КГИ. Сам Клуб не мог выдвигать своих членов кандидатами в депутаты, но поддерживал ряд активных общественников на выборах, осуществлял наблюдение на избирательных участках, в том числе в округе, в котором баллотировался П. С. Грищенко. Эта акция стала одной из первых самостоятельных политических шагов неформальной общественности республики в целом.

В рамках первого этапа начали формироваться два полярных народных фронта – Ассоциация политических клубов Удмуртии (АПКУ) и Объединенный Фронт Трудящихся (ОФТ). АПКУ возникла как конструктивная оппозиция правившей партии, включившая в себя широкий спектр сторонников реформ. Развитие оппозиционного КПСС движения, имевшего общедемократическую направленность, начиналось в республике не только на собственной идейно-теоретической основе, но и в значительной степени под влиянием демократических кругов КПСС, ВЛКСМ, их региональных организаций.

21 января 1990 г. на базе АПКУ появилась общественная организация «Движение за демократию». На учредительном собрании присутствовало 302 человека. Ее сопредседателями стали Л. А. Розенберг, инженер ИНИТИ «Прогресс», В. Н. Скрынник и Е. Ф. Шумилов, преподаватели Удмуртского государственного университета (все сопредседатели были избраны народными депутатами ВС УАССР). Программными целями ДзД провозглашались демократизация общественной жизни, создание демократического правового государства; отмена статьи о руководящей и направляющей роли КПСС в конституциях всех уровней, утверждение многопартийности; обеспечение прав и свобод граждан, свободы информации; разделение функций партийных и советских органов; многообразие форм собственности; упразднение политических органов в Вооруженных Силах, КГБ, МВД и других государственных органах и организациях, деполитизация суда и прокуратуры⁴⁶. С момента своего возникновения ДзД насчитывало более 150 членов. По данным, опубликованным в его пресс-бюллетене, 45 % являлись инженерно-техническими работниками, 22 % – представителями творческой интеллигенции, 13 % – рабочими, 3 % – студентами⁴⁷.

Известность в республике ДзД получило в связи с организованным 18 февраля 1990 г. на Центральной площади г. Ижевска предвыборным митингом, в котором, по разным оценкам, приняли участие от 10 до 30 тыс. человек. Основные выступления сводились к призывам не избирать в Советы руководителей партийных, советских и хозяйственных органов. Под флагом преобразований шли как те слои населения, которые считали ликвидацию монополии КПСС на власть основным средством преодоления кризиса, так и те, что добивались уничтожения коммунистической и утверждения рыночной идеологии, используя демократические лозунги. Это обстоятельство сыграло решающую роль в относительном успехе демократических сил на выборах в местные органы власти в 1990 г. В ВС УР образовалась депутатская группа «Демократическая Удмуртия».

В сентябре 1989 г. в г. Свердловске был учрежден ОФТ РСФСР. Его Удмуртское отделение сформировалось 1 апреля 1990 г. на базе дискуссионного марксистского клуба «Современник». Были избраны координационный комитет и пять сопредседателей, в том числе Н. В. Январский, в то время преподаватель кооператива «Альтернатива». Главной целью ОФТ РСФСР провозглашал объединение усилий людей всех национальностей «в борьбе за коммунистические ориентиры перестройки общества»⁴⁸.

Одновременно с народными фронтами в 1990 г. на прежней, еще «сталинской», правовой основе образовались первые партии демократической направленности. 25 марта 1990 г. состоялось учредительное собрание Социал-демократической партии Удмуртии (СДПУ), на котором присутствовал 21 человек. Председателем организации был избран Н. Н. Нагорных, регулировщик производственного объединения «Ижевский мотозавод», народный депутат ВС УАССР⁴⁹. Пленум Совета Социал-демократической ассоциации СССР (СДА) 8 апреля 1990 г. принял СДПУ в состав СДА в качестве коллективного члена. СДПУ ставила целью построение демократического общества на принципах политического, экономического плюрализма, реального народовластия через господство закона во взаимоотношениях в обществе и гарантий прав личности. Общими принципами деятельности партии признавались осуществление непрерывных последовательных реформ; разрешение любых конфликтов, возникающих как в партии, так и в обществе исключительно политическими средствами, отказ от любого насилия.

В Уставе партии были обозначены основные ее задачи: через заключение нового договора с Россией и принятие новой Конституции Удмуртии вывести республику на такой уровень суверенитета, который

позволял получить право законодательного регулирования всех вопросов социально-экономического развития; содействие скорейшей разработке и принятию пакета демократических законов, открывающих путь к преобразованию общества на принципах политической, социальной и экономической демократии в условиях гражданского мира и национального согласия; осуществление деятельности, направленной на создание правовых условий для многопартийной демократии и предотвращения «сползания» к монополизации власти какими-либо группами или партиями; проведение активной пропаганды социал-демократических идей; содействие становлению правового государства.

В соответствии с Уставом СДПУ, утвержденным Президиумом ВС УАССР 21 июня 1990 г., членом партии мог быть «всякий гражданин, достигший 16 лет, проживающий на территории Удмуртии и за ее пределами, признающий Программу и Устав, работающий в одной из организаций и регулярно уплачивающий взнос».

Аграрно-демократическая партия Удмуртии (АДПУ) образовалась 16 июня 1990 г. и насчитывала до 50 членов. Были приняты Манифест и Устав АДПУ, избраны Президиум Центрального комитета и Центральная контрольно-ревизионная комиссия. Председателем партии стал А. А. Сапожников, пенсионер, житель с. Малая Пурга.

Целью АДПУ являлось «создание в Удмуртии демократического общества, утверждение равноправия всех народов, общечеловеческих ценностей, экономическая, социально-политическая самостоятельность республики». В программных документах партии провозглашалось, что она «выражает и защищает интересы крестьянства, рабочего класса агропромышленного комплекса, сельской интеллигенции, всех сельских жителей, трудовых коллективов и организаций» и ставит задачу – действуя в рамках Конституции УАССР и советских законов, добиться консолидации всего населения республики. Вместе с тем в Манифесте отмечалось, что «правящая партия и ее институты оторвались от народа... Упорное сопротивление процессам перестройки со стороны партokratии в центре и их заместителей на местах толкает страну в пропасть».

В экономической области партия выступала за многоукладность экономики, плюрализм и равноправие собственности; развитие рыночных отношений; предоставление Советам реального права распоряжаться землей, исключая при этом ее куплю-продажу; научно обоснованное использование сельхозугодий, лесов, рек и водоемов, экологически чистое

производство; справедливое распределение между городом и деревней всех материальных благ, против прекращения эксплуатации крестьянства с помощью политики цен.

В политической сфере ставились задачи «завоевать симпатии и доверие как сельского, так и городского населения и на этой базе добиваться достойного представительства в органах законодательной и исполнительной власти»; уточнить законы о выборах в ВС и местные Советы УАССР; упразднить партийные организации в МВД, суде и прокуратуре, КГБ, Вооруженных Силах СССР. В области межнациональных отношений АДПУ выступала «против искусственного предоставления льгот какой-либо национальности, за естественное развитие каждой нации при соблюдении принципа всеобщего внимания и равновеликой материальной помощи»⁵⁰. Согласно Уставу, не утвержденному ВС УАССР, партия строилась по территориальному и производственному принципу. Допускалось создание внутривнутрипартийных фракций со своей структурой.

Кроме того, в ряде городов и районов, на отдельных предприятиях с целью развития политической и правовой культуры граждан, отстаивания их интересов во всех сферах жизни, поддержки общественных инициатив были созданы общественно-политические клубы. В ряде случаев они формировались руководством КПСС, стремившимся в преодолении кризиса опереться на общественную инициативу и при этом сохранить контрольную и организующую функции. Так, в конце 1989 г. в г. Сарапуле народный депутат СССР, коммунист А. З. Ястребов, представители Сарапульского горкома ВЛКСМ, члены общественно-политических клубов «Поиск» при заводском комитете ВЛКСМ радиозавода и «Действие» (Сарапульское ЭГПО) выступили инициаторами открытия клуба «Избиратель»⁵¹. В январе 1991 г. в микрорайоне «Малиновая гора» (г. Ижевск) коммунисты создали партийно-депутатский клуб, вся организационная работа которого проводилась в тесном контакте с Ленинским райкомом КПРФ. Дискуссионный клуб был открыт при Индустриальном райкоме г. Ижевска. С целью повышения эффективности деятельности в его состав были включены представители первичной парторганизации в качестве «политорганизаторов»⁵².

На республиканском уровне с 1989 г. функционировал клуб «Мнение» (г. Ижевск), в руководящий орган которого входили работники Дома политического просвещения при Удмуртском обкоме КПСС, преподаватели вузов. На его открытые заседания приглашались партийные, советские и хозяйственные работники⁵³. Созданные изначально для поддержки

перестройки, подобные клубы постепенно стали основой для формирования партий различного толка и школой политических лидеров.

Активную роль в жизни общества и государства во второй половине 1980-х гг. стали играть национально-культурные организации. Национальное движение удмуртов, например, возродилось как протест против утраты языка и нивелировки особенностей культуры, формализма в осуществлении национальной политики. Еще в годы культа личности И. В. Сталина были прекращены любые контакты удмуртов с зарубежными странами. В 1932–1933 гг. органы ГПУ Нижегородского края сфабриковали дело СОФИН (Союз освобождения финских народностей). Его руководителям, представителям удмуртского народа К. Герду и Т. К. Борису инкриминировалась связь с буржуазными учеными, а деятельность общества квалифицировалась как преступная, антисоветская, националистическая, целью которой являлось якобы отторжение Удмуртской автономной области от СССР под эгиду Финляндии и установление контрреволюционного националистического блока с другими финно-угорскими национальностями Советского Союза.

В обзорной статье «Этнография удмуртов», подготовленной для очередного издания энциклопедии «Удмуртская Республика», отмечается, что после Октября 1917 г. и образования в 1920 г. государственности «...«удмуртский ренессанс» длился недолго. Уже само рождение советской власти для удмуртов оказалось мучительно трудным, особенно в период коллективизации, «нового крепостного права», насильственной деформации всего уклада народа, абсолютное большинство которого составляли крестьяне. Позднее наступила страшная пора репрессий, когда «под корень» была срезана нарождающаяся удмуртская интеллигенция, лучшая часть крестьянства, объявленная «врагами народа», кулацким элементом. Затем Великая Отечественная война, голод, разруха. В удмуртском народе наступила социальная апатия, утрата ориентиров развития, неверие в будущее, национальный нигилизм, эрозия культуры. Было подорвано нравственное и физическое здоровье нации. В результате бездумного хозяйствования, упоенно-ожесточенного покорения природы, культа плана, падавшего сверху тяжелым ярмом на труженика, под угрозой оказались основы жизни, распалась вековая связь времен и поколений, стала исчезать экологическая ниша удмуртского этноса, постепенно оказавшегося из родного леса в чуждой лесостепи и даже степи»⁵⁴.

Впоследствии долгие годы контакты финнов и удмуртов были ограничены вплоть до 1980 г., когда удмуртские ученые в составе советской

делегации впервые приехали на землю Суоми как представители родственных по языку и истории народов. В годы перестройки такие отношения стали регулярными. В целях координации удмуртско-финских контактов в декабре 1990 г. было создано общество «Удмурткун-Суоми» («Удмуртия – Финляндия»). Его Устав предусматривал дальнейшее сотрудничество в области экономики, науки, культуры, международного туризма и обмена делегациями. Руководителем организации был избран Председатель ВС УР В. К. Тубылов⁵⁵.

Заметную роль в становлении и развитии удмуртского национального движения сыграл К. И. Куликов, доктор исторических наук, в то время директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО АН СССР. Большой общественный резонанс вызвало его «Открытое письмо» к первому секретарю Удмуртского обкома КПСС, напечатанное в газете «Комсомолец Удмуртии» 3 февраля 1990 г., в котором он дал критическую оценку политических и деловых качеств П. С. Грищенко.

В 1988 г. в г. Ижевске представителями интеллигенции был открыт Клуб удмуртской культуры, переросший в общество (ОУК) «Дэмен» («Вместе»). Его учредительная конференция состоялась 9–10 декабря 1989 г. На ней присутствовало 410 человек из городов и районов Удмуртии, Марийской АССР, Татарии, Башкирии, Пермской, Кировской, Тюменской, Свердловской и других областей. Были приняты программа и устав, избраны руководящие органы. Председателем правления общества стал доктор исторических наук, профессор УдГУ, заслуженный деятель науки УАССР К. А. Пономарев⁵⁶.

Программные и уставные документы характеризовали ОУК как самостоятельную организацию трудящихся Удмуртской АССР, строящую свою деятельность на платформе КПСС по национальному вопросу и призванную обеспечить более активное использование потенциальных возможностей культуры в социально-экономическом и политическом развитии республики. Центральное место в программных положениях Общество уделило языковой политике. Целесообразным считалось признание удмуртского языка на территории УР государственным наравне с русским, а также создание благоприятных условий «для национально-русского и русско-национального языкового общения». В то же время объявлялась недопустимой языковая дискриминация других народов, проживающих в республике.

Разрешение языковой проблемы напрямую увязывалось с развитием национальной школы и культуры. Общество полагало необходимым

проведение широкой разъяснительной работы среди родителей-удмуртов о целесообразности изучения родного языка, восстановление преподавания предметов на родном языке в начальных классах, создание национальных дошкольных учреждений и школ в городах. Такая же позиция была у организации в отношении других национальных культур, особенно русской.

Общество планировало проводить ознакомление населения с историей родного края и удмуртского народа, достижениями удмуртской, советской, мировой культуры и искусства, с памятниками истории, культуры, архитектуры; именами и делами представителей народов СССР, внесших наибольший вклад в культурное и государственное развитие удмуртского народа; с ленинскими принципами национального строительства.

Ряд программных положений носил политический характер. ОУК стремилось вносить в соответствующие органы власти обоснованные предложения по подготовке и воспитанию национальных кадров, проблемам развития духовной культуры удмуртского народа и его языка. Оно добивалось расширения связей удмуртского народа со всеми народами СССР и считало недопустимым деятельность, которая вела бы к самоизоляции и противопоставлению этносов.

Формы работы ОУК первоначально не выходили за традиционные рамки: дискуссии и обсуждения проблем в области перестройки культуры; семинары по вопросам истории, языка, национального искусства; встречи с передовиками производства, учеными, писателями и творческими деятелями; экскурсии к памятникам истории и культуры; оказание шефской помощи школам, дошкольным и культурным учреждениям; создание курсов по изучению удмуртского языка.

Организационная структура ОУК являлась достаточно демократичной. Индивидуальными членами могли стать все желающие, независимо от национальности, социального положения, способствующие своей деятельностью развитию духовной культуры удмуртского народа, укреплению его интернациональных связей с другими народами СССР и зарубежных стран. Коллективным членом мог стать трудовой коллектив предприятия, учреждения, организации, учебного заведения⁵⁷.

Устав ОУК был утвержден СМ УАССР 2 февраля 1990 г. Еще до официальной регистрации члены общества активно включились в предвыборную борьбу. В марте 1990 г. пленум сформировал основные секции: организационной работы (руководитель В. С. Бобров), информационную (А. Г. Шкляев), экологическую (В. В. Туганаев), по гуманитарным,

межнациональным вопросам, проблемам культуры удмуртского народа, научно-аналитическую, по защите прав человека, подготовке национальных кадров⁵⁸.

По инициативе общества «Дэмен» 21 ноября 1990 г. состоялась учредительная конференция УМОПО «Шунды». Ее целями провозглашались сохранение и развитие удмуртской культуры, языка, традиций, воспитание патриотизма в молодежной среде, участие в выработке и реализации соответствующих государственных программ⁵⁹.

С 1989 г. в республике сложились организации татарского и бесермянского народов. ТОЦ им. М. Джалиля возглавил Ф. Г. Газизуллин⁶⁰. Целью общества стало «сохранение и развитие татарской культуры, повышение культурного уровня населения, воспитание у людей чувства патриотизма, высокой нравственности, базирующихся на знании прошлой и сегодняшней культуры татарского народа». В 1989–1990 гг. ТОЦ провел вечер, посвященный памяти Мусы Джалиля, службы в мечетях, принимал участие в предвыборной агитации, подготовке радиопередач на татарском языке⁶¹. Председателем Общества бесермянского народа стал В. Ф. Сабреков, преподаватель Глазовского государственного педагогического института. Общество объявило себя официальным представителем самостоятельного бесермянского народа, исторически проживающего в северных районах Удмуртии, и поставило перед собой задачи его возрождения и восстановления правового статуса⁶².

Начало второго этапа неформального движения в Удмуртии, протекавшего на фоне «стихийной многопартийности», можно связать с принятием 9 октября 1990 г. Закона СССР «Об общественных объединениях», когда деятельность общественно-политических формирований и партий получила признание государства.

В соответствии с новым законодательством 31 июля 1991 г. МЮ УР была зарегистрирована УРО Движения «Демократическая Россия» (сложилась на базе ДзД). Первым и бессменным Председателем Координационного Совета являлся В. Н. Скрынник. Она была организована на принципах коалиции при соблюдении равноправия и независимости всех участников движения. Первоначально в ДР входили Комитет социальной защиты Международного общества прав человека, КДП (ПНС), СДПУ, депутатская фракция «Демократическая Удмуртия» ВС УР, а также свыше 300 индивидуальных членов. Основными направлениями ДР определялись координация действий по объединению демократических сил для проведения прогрессивных радикальных политических

и социально-экономических реформ в России в целях становления гражданского общества; ликвидация парламентскими методами государственно-политической монополии КПСС. В 1991 г. ДР стала инициатором создания штаба по поддержке выдвижения Б. Н. Ельцина на должность Президента РСФСР. В УР штаб возглавил В. Н. Подопригора.

Первой партийной организацией, зарегистрированной МЮ УР 28 ноября 1991 г., стало УРО КДП (ПНС). Председателем Совета был избран В. Н. Трофимченко, заместитель начальника цеха связи АО «Ижмаш»⁶³. КДП (ПНС) ставила своей целью создание и совершенствование в стране конституционного строя, гарантирующего политические и экономические свободы, базирующегося на безусловном приоритете прав человека и гражданина. Основой политической деятельности партия считала работу в правительственных органах.

Период «стихийной многопартийности», продолжавшийся до выборов депутатов Государственной Думы (ГД) ФС РФ в декабре 1993 г., отмечен первыми попытками установления диалога общественно-политических объединений с органами государственной власти УР. 12 ноября 1991 г. на встрече руководителей ДР, Аграрно-демократической, Социал-демократической партий Удмуртии, Удмуртской народной партии и регионального отделения Народной партии «Свободная Россия» (НПСР) было заявлено об образовании Консультативного Совета руководителей партий и общественно-политических движений с целью анализа политической, экономической и социальной ситуации в УР, выработки мер воздействия на властные структуры для реализации реформистской политики Президента РСФСР и проведения совместных акций. Участники встречи обратились к ВС и СМ УР с требованием создать условия для обеспечения деятельности политических партий как основы становления правового государства⁶⁴. Конкретной же реализации эта декларация не получила.

Безусловно, во многом процесс партийного строительства связан с накоплением политического опыта. Именно на основе ДзД в республике возникли первые партии, альтернативные КПСС. Вместе с тем выделялись лидеры, способные возглавить ту или иную организацию, что само по себе является естественным явлением. Однако они, в большинстве харизматического типа, за немногим исключением создавали партии «под себя». Другой основой политической дифференциации в то время стали ошибки и просчеты руководителей демократического движения: отсутствие четкой программы преобразований, фактическое бездействие

рабочих органов организаций, склонность к представительским разовым мероприятиям, сведение работы только к депутатской деятельности и т.п.

В 1992 г., с началом либеральных реформ, партийное размежевание в демократическом движении усилилось. Еще накануне обострения политического кризиса в стране, 2–3 августа 1991 г. в Москве была проведена учредительная конференция Демократической партии коммунистов России (ДПКР), переименованной на ее I съезде (26–27 октября 1991 г., Москва) в НПСР⁶⁵. Председателем партии стал А. В. Руцкой, бывший вице-президент РФ, генерал-майор авиации, а председателем правления – В. С. Липицкий, доктор философских наук, профессор. НПСР квалифицировалась как «левая» партия социал-демократической ориентации парламентского типа. Ее социальную базу должны были составить квалифицированные работники наемного труда, научная, творческая, техническая интеллигенция, деловые круги рыночной экономики. Программные цели и задачи предусматривали содействие на демократической основе проведению в РФ радикальных реформ, направленных на создание условий для свободного и всестороннего развития граждан, повышение их благосостояния, обеспечение прав и свобод человека, достижение гражданского согласия и консолидацию многонационального российского общества, установление социальной рыночной экономики и правового государства. Учредительное собрание Удмуртского республиканского отделения ДПКР (НПСР) состоялось 2 октября 1991 г., и 7 мая 1992 г. оно было зарегистрировано МЮ УР. Председателем правления стал Г. П. Овчинников, директор Ижевского филиала Уральского кадрового центра⁶⁶. В активный период своей деятельности УРО НПСР имело первичные организации в ряде городов и районов республики и насчитывало около 100 членов⁶⁷.

7 мая 1992 г. МЮ УР была зарегистрирована Удмуртская республиканская организация Европейской либерально-демократической партии (ЕЛДПР), выражавшей, как заявлялось в уставе, интересы частных предпринимателей, фермеров, высококвалифицированных специалистов, прогрессивной части интеллигенции, ориентированной на общечеловеческие ценности и выступавшей за создание правового государства, в котором господствует приоритет прав человека. Председателем Координационного комитета УРО ЕЛДПР являлся В. В. Котегов. Организация была немногочисленной, однако ее представители принимали участие в политических акциях федерального масштаба.

14 мая 1992 г. в Москве образовалась Партия экономической свободы (ПЭС), которую возглавили К. Н. Боровой и С. Н. Федоров⁶⁸. Поли-

тическими целями ПЭС провозглашались содействие построению в РФ демократического общества, достижению в нем приоритета гражданских прав личности и экономической свободы, развитию производительных сил страны на основе упрочения рыночных отношений, духовному возрождению России⁶⁹. Республиканское отделение ПЭС было учреждено 12 ноября 1992 г. и внесено в реестр общественных объединений 2 декабря 1992 г. Председателем Совета УРО ПЭС являлась преподаватель философии С. В. Лаптинская. В начале 1993 г. организация насчитывала 256 членов (около половины из них – студенты)⁷⁰.

В 1992–1993 гг. МЮ УР также зарегистрировало региональные отделения Комитета российских реформ (ОКРР) и Гуманитарного и политического центра «Стратегия». Их возглавили представители «Демократической России» Н. Н. Нагорных и А. К. Лопатин. Первая организация учреждалась для консолидации усилий граждан в целях всесторонней поддержки демократических реформ в УР. В задачи Центра «Стратегия» входило развитие общественных инициатив для научно обоснованных рекомендаций, разработки и реализации стратегических программ социально-экономического развития РФ и ее регионов.

Резкое ухудшение материального положения основной массы населения ввиду отсутствия широкой социальной направленности начавшихся в 1992 г. либеральных реформ привело к возрастанию числа граждан, отказавшихся от активного участия в политической жизни. Наблюдался глубокий кризис демократического движения. Были созданы предпосылки для раскола ДР на две партии: «Демократический выбор России» либерального толка и Федеральную партию «Демократическая Россия», не приемлющую либеральной модели преобразований.

Многие демократы перешли в организации коммунистической ориентации. Первоначально инициатива возрождения коммунистических партий оказалась за леворадикальным крылом. Вскоре после запрета КПСС, 24 ноября 1991 г. в г. Екатеринбурге была образована Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП), которую возглавил В. А. Тюлькин⁷¹. Целями РКРП провозглашались формирование бесклассового общества, ликвидация эксплуатации человека человеком, утверждение труда как единственного источника личного дохода, уничтожение социального и национального неравенства, возрождение советской власти. К основным направлениям деятельности относились развитие и пропаганда научного коммунизма⁷². РКРП считала себя преемником КПСС и носителем коммунистической традиции. Удмуртская республиканская организация

РКРП была учреждена на конференции 20 марта 1992 г. и в мае того же года зарегистрирована МЮ УР. Председателем УРО стал А. А. Фомин, инженер завода «Нефтемаш» (г. Ижевск). Организация имела отделения во многих городах и районах республики, насчитывая около 1 000 членов, а также свой печатный орган – газету «Время» (впоследствии «Коммунист Удмуртии»)⁷³.

30 ноября 1992 г. Конституционный Суд России вынес решение о законности действий первичных организаций КПСС и их праве на формирование новых структур коммунистической партии⁷⁴. С этого момента процесс конституирования коммунистического движения постепенно переходит под контроль бывшей номенклатуры КПСС, ранее отказавшейся от активной политической деятельности, либо ушедшей в бизнес-структуры или государственные органы. В январе 1993 г. состоялся первый этап XL чрезвычайной (восстановительной) конференции коммунистов УР. В резолюции форума отмечалось, что «в условиях тотального наступления реакции, перед лицом общенациональной катастрофы дальнейшее промедление в наших действиях невозможно». Объявлялось о возобновлении деятельности республиканской коммунистической организации – правопреемницы существовавшей до августа 1991 г. республиканской организации Компартии РСФСР. Были избраны делегаты на III чрезвычайный объединительно-восстановительный съезд Компартии России, состоявшийся 13–14 февраля 1993 г.⁷⁵ Новую партию возглавил Г. А. Зюганов. Программа КПрФ основывалась на марксистско-ленинском учении и ставила задачи возрождения социализма как общества социальной справедливости, коллективизма, свободы, равенства, осуществления народовластия в форме Советов, укрепления федеративного многонационального государства.

17 апреля 1993 г. на втором этапе чрезвычайной конференции коммунистов УР был избран реском КПрФ. Его первым секретарем стал Н. И. Сапожников. Удмуртская республиканская организация КПрФ была зарегистрирована МЮ УР 28 мая 1993 г. К середине 1990-х гг. первичные городские и районные организации УР объединяли около 1 500 членов. КПрФ стала основной организующей силой коммунистического движения, заметную роль в котором играли республиканская организация Аграрной партии России (АПР), Аграрный Союз Удмуртии (как республиканское отделение АСР) и региональные объединения, действующие на основе собственных уставов и программ: Союз рабочих и крестьян Удмуртии и Союз рабочих, крестьян, специалистов и служащих УР.

Государственное строительство в суверенной Удмуртии стимулировало дальнейшее развитие национального движения. В конце 1991 г. образовалась Удмуртская народная партия (Удмурт Калык Партия), учредительная конференция которой состоялась 20 октября 1991 г. Программа, принятая на форуме, содержала требование перехода всей хозяйственной деятельности под юрисдикцию УР. Долгосрочной целью объявлялось создание государства удмуртского народа – Удмурт Кун. Председателем У КП был избран М. А. Вахрушев. Вскоре участники учредительной конференции (около 50 человек) влились в Ассоциацию «Удмурт кенеш» и составили, по оценкам И. В. Егорова и К. Мацузато, радикальную рыночную традицию в удмуртском национальном движении, хотя малозаметную и весьма непродолжительную⁷⁶.

22–23 ноября 1991 г. в г. Ижевске прошел I Всесоюзный съезд удмуртов, подготовленный Обществом «Дэмен» и активно поддержанный Президиумом ВС УР. Съезд принял Резолюцию, Декларацию «О реализации суверенных прав удмуртского народа в современных условиях», «Заявление о вступлении в международную «Организацию непредставленных в ООН народов» и решение о создании новой организации – «Удмурт кенеш»⁷⁷, обладающей правом законодательной инициативы⁷⁸. Его первым Президентом стал М. И. Шишкин, доктор экономических наук, заместитель директора Удмуртского филиала Института экономики УрО РАН.

В докладе съезду «Удмуртский народ: историческая судьба, проблемы и перспективы» К. А. Пономарев предпринял одну из первых в новейшее время попыток дать более или менее объективную оценку историческому аспекту эволюции государственности Удмуртии. По его мнению, «с 1928 года стали проявляться и в дальнейшем приобретать пагубные для удмуртского народа явления. По существу с 1934 года прекратилось развитие государственности... В начале XX века в пределах нынешней автономии удмурты составляли 67 % населения, в 1920 году, к периоду образования автономии – 55 %, по переписи 1979 года – 32 %, 1989 – 30,9 %... Вся полнота власти находилась в руках обкома КПСС и его первого секретаря. А Совет Министров УАССР, Президиум Верховного Совета были лишь проводниками его решений»⁷⁹. Во многом соглашаясь с К. А. Пономаревым, следует заключить, что прекратилось не развитие советской государственности Удмуртии как таковой, а, скорее всего, ее национальной основы. Необходимо также учитывать нередко излишний эмоциональный настрой подобных публичных мероприятий.

В Резолюции I Всесоюзного съезда удмуртов отмечалось, что «первые десятилетия Советской власти дали реальные шансы осуществить право удмуртского народа на самоопределение, создание собственной государственности... Однако тоталитарная система... привела к кризису во всех сферах жизнедеятельности удмуртского народа. В связи с гиперболизированным развитием военно-промышленной индустрии, хищническим освоением и разработкой природных ресурсов, насильственным проведением коллективизации, физическим уничтожением интеллигенции и наиболее активной части трудового крестьянства экономическая и социальная жизнь республики была приведена на грань катастрофы»⁸⁰.

Съезд признал за УР право добровольного вхождения в состав РСФСР на договорно-конституционной основе; предложил создать двухпалатный ВС или обеспечить в нем квоту удмуртского народа; возродить орган общинного самоуправления удмуртов кенеш как первичное звено в структуре власти; сохранить и развивать национальные институты. Участники форума считали необходимым передать в собственность республики предприятия союзного и республиканского (РСФСР) подчинения, создание специального фонда удмуртского народа, а также принятие Закона о гражданстве, ограничивающего «необоснованный приток некоренного населения». Первый Всесоюзный съезд удмуртов поддержал решение ВС УР о «введении президентской формы правления»⁸¹.

С самого начала своего существования «Удмурт кенеш» уделил внимание установлению связей с организациями финно-угорских народов, стал инициатором и организатором I съезда финно-угорских народов России (май 1992 г., г. Ижевск). На съезде оформилась Ассоциация финно-угорских народов (АФУН)⁸². Основными ее задачами провозглашались координация действий, оказание взаимной помощи и поддержки в реализации прав и интересов финно-угорских народов, создание предпосылок для формирования единого социально-экономического, культурного и информационного пространства. Субъектами АФУН выступили общественные национальные объединения республик Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Коми-Пермяцкого, Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов⁸³. По их инициативе на заседании Международного конгресса финно-угорских народов 3 декабря 1992 г. в г. Сыктывкаре был утвержден Консультативный комитет финно-угорских народов как его координирующий орган⁸⁴.

Вслед за национально-культурными объединениями удмуртов, татар и башкиров, в 1991 г. возникло Общество русской культуры. Его целью

определялось создание условий для развития русской нации через образование, культуру, экономику. Общество возглавил юрист М. К. Кокорин⁸⁵. Активизировались процессы организационного строительства славянских народов. 21 сентября 1991 г. на Большом круге казаков, проживающих в Удмуртии, было учреждено Землячество казаков УР. В ноябре 1992 г. в его состав вошло объединение казаков г. Чайковский (Пермская область). Позднее, в апреле 1993 г., Землячество преобразовалось в 4 отдела Волжского казачьего войска. Основными его целями стали восстановление исторических обычаев и традиций казачества; служение Отечеству; воспитание казака-воина, труженика, патриота⁸⁶.

К концу 1993 г. свои национально-культурные объединения имели евреи (Общество еврейской культуры УР, председатель М. Э. Гольдин) и чуваша (Удмуртское республиканское отделение Чувашского общественного культурного центра, председатель А. Л. Иголкин). Основу их деятельности составили проблемы сохранения и развития национальной культуры, языка и образования, хотя выдвигались и политические цели.

Своеобразный итог неформального движения в Удмуртии подвел форум сторонников реформ, состоявшийся 23 января 1993 г. в г. Ижевске. Его инициаторами выступили общественно-политические организации демократической ориентации: движение «Демократическая Россия», ПЭС, НПСР, КГИ. В повестку были включены следующие вопросы: о Всероссийском референдуме; об отношении к событиям в стране; о Конституции России и президентстве в Удмуртии⁸⁷.

Конференция выявила различные позиции лидеров движений и организаций. Вице-президент Ассоциации «Удмурт кенеш» М. А. Вахрушев оказался неудовлетворен ходом экономических реформ. Развал народного хозяйства, ухудшение благосостояния большинства населения, рост преступности, обострение межнациональных конфликтов, по его мнению, явились следствием кризиса законодательной и исполнительной власти, проявившегося на VII Съезде народных депутатов РФ (декабрь 1992 г., Москва). Подобная ситуация сложилась в руководстве республики. СМ во главе с Н. Е. Мироновым не обеспечил выполнение экономических программ. В свою очередь ВС УР оказался бессильным в реструктуризации исполнительной власти. В результате лидеры республики не смогли подписать взаимовыгодное экономическое соглашение с РФ. М. А. Вахрушев высказался за необходимость введения поста президента и оптимизацию управления в Удмуртии и призвал удмуртский народ проявить принципиальную позицию по отношению к основным положениям новой Конституции РФ⁸⁸.

Г. П. Овчинников, лидер республиканской организации НПСР, также выступил за углубление реформ. Назвав главными виновниками их «торможения» представителей старой номенклатуры, «засевшей в удобных креслах», он отметил, что продолжение преобразований возможно только под контролем демократического государства – через формирование сильного профессионального парламента, сильной исполнительной власти и через «нарождающуюся многопартийность»⁸⁹. В преддверии референдума правление НПСР выступило за досрочные выборы Президента и народных депутатов РФ⁹⁰.

Большая часть членов движения «Демократическая Россия» заняла позицию одобрения курса Президента РФ и критики народных депутатов РФ⁹¹. Поддержало президентскую политику и УРО КДП (ПНС)⁹².

Лейтмотивом позиции С. В. Лаптинской (республиканское отделение ПЭС) стала идея о свободном труде и неограниченной деятельности, в которых «человек может раскрыть весь свой потенциал и с гордостью сказать о себе: «Я есмь!»⁹³.

С. Л. Бехтерев (КГИ, председатель Ревизионной комиссии УРО «Демократическая Россия») в оценке текущего момента считал реальностью сохранение тоталитарного режима, что обусловило «уродливое» развитие демократических процессов. Он призвал обратить внимание на отсутствие четкой и ясной программы преобразований, особенно в республике, просчеты руководства демократического движения и предложил конкретные меры выхода из организационного кризиса⁹⁴. В целом, собрание, ограничившись общими призывами поддержать начинания Президента РФ, не смогло нацелить сторонников реформ на конкретные политические действия.

Единство взглядов в связи с подготовкой референдума проявили коммунистические объединения. КПРФ, РКРП, другие организации выразили недоверие Президенту РФ и его политике и поддержали народных депутатов России⁹⁵.

Впоследствии идеологические разногласия станут одной из причин кровавых событий октября 1993 г.

Активную гражданскую позицию занял исполком АФУН, проведенный в г. Ижевске 13 апреля 1993 г. свое заседание. В резолюции по текущему моменту было заявлено, что «политический кризис в стране вызван несоответствием нормативных актов, определяющих взаимоотношения и компетенции представительной и исполнительной властей... Особенно усугубилось положение малочисленных народов, в основном состоящих из крестьянских масс, к числу которых относятся и финно-угорские

народы». Осудив наступление Президента России на Советы, «детищем которых является государственность финно-угорских народов», члены исполкома в то же время отметили малопродуктивную работу ВС и Съезда народных депутатов РФ и предложили их расформировать. Также исполком призвал свои народы активно участвовать в референдуме⁹⁶.

Оценивая правовые основания демократизации политической организации советского общества, первые результаты этого процесса, стоит отметить, что хотя Закон СССР «Об общественных объединениях» имел значительные ограничения гражданской активности, он обеспечил количественный рост общественных формирований. Только в 1992 г. в органах юстиции РФ зарегистрировались свыше 9 тыс. вновь созданных объединений. С момента принятия названного закона до 1994 г. МЮ УР были зарегистрированы 86 формирований. Результаты конституирования общественного движения в республике представлены в таблице 5.

Таблица 5

**Типология общественных объединений,
зарегистрированных МЮ УР в 1991–1993 гг.⁹⁷**

№ п/п	Тип общественного объединения	Годы			
		1991	1992	1993	Всего (1991–1993)
1	Общественно-политический	4	7	3	14
2	Национально-культурный	2	2	3	7
3	Профсоюз	1	0	0	1
4	Женский	1	0	0	1
5	Предпринимательский	1	1	3	5
6	Правозащитный	0	1	1	2
7	Ветеранский	1	3	1	5
8	Молодежный и детский	0	6	1	7
9	Научно-просветительский	1	2	3	6
10	Творческий	0	2	0	2
11	Оздоровительный	1	1	5	7
12	Спортивный	1	3	1	5
13	Социальный (организации инвалидов)	0	3	1	4
14	Общественный фонд	0	10	8	18
15	Любительский	2	0	0	2
Всего		15	41	30	86

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что формирование структур гражданского общества и политико-правовое обеспечение их жизнедеятельности – это двусторонний, взаимосвязанный процесс. Так, количественный рост общественных объединений обусловил дальнейшее совершенствование российского законодательства в сфере общественно-политических отношений, что нашло отражение в Конституциях РФ и УР, ФЗ «Об общественных объединениях», иных нормативных актах РФ и ее субъектов, принятых уже в постсоветский период. Помимо этого, увеличение числа организаций социальной направленности стимулировало разработку государственных планов и программ в сфере молодежной, национальной политики, социальной защиты населения и т.п., появление новых государственных и муниципальных органов, отвечающих за их реализацию. В свою очередь, расширение правового пространства РФ значительно упорядочило конституирование общественного движения, создав условия для разграничения статуса общественного объединения и политической партии.

¹ Свиридов В. Профсоюзы на новом этапе // Пропагандист и агитатор. 1989. № 24. С. 10–11.

² Козловская А., Скуковская И. Если честно признаться // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Независимость профсоюзов – в консолидации. Интервью с председателем облсовпрофа А. М. Фоминовым // Вестник обкома КПСС. 1990. № 9. С. 11.

⁵ Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 718.

⁶ В ваш блокнот // Пропагандист и агитатор. 1985. № 20. С. 29.

⁷ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14293. Л. 11.

⁸ Пономарев Л. Н., Шинкаренко В. В. В чьих руках колесо истории?... С. 217.

⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986. С. 50–51.

¹⁰ Главатских Д. Энергию и инициативу молодежи – перестройке // Пропагандист и агитатор. 1988. № 15. С. 14.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Там же. С. 16.

¹³ Цит. по: *Сыресин В.* О неформальных объединениях молодежи // Пропагандист и агитатор. 1988. № 13. С. 31.

¹⁴ Даешь... полмиллиона?... // Огни Прикамья. 1991. № 3. С. 3.

¹⁵ Удмуртская Республика. Энциклопедия... С. 253.

¹⁶ Даешь... полмиллиона?... С. 3.

¹⁷ ЦДНИ УР. Ф. 92. Оп. 25. Д. 126. Л. 22.

¹⁸ ЦДНИ УР. Ф. 92. Оп. 25. Д. 126. Л. 32; Удмуртская Республика. Энциклопедия... С. 253.

¹⁹ Формула успеха... С. 42.

²⁰ Там же. С. 46.

²¹ Там же. С. 49.

²² Там же. С. 63.

²³ Там же. С. 70–72.

²⁴ Ветераны Удмуртии. Выпуск второй. Ижевск, 1997. С. 3, 5; ЦДНИ УР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 47. Л. 145–148.

²⁵ *Козлов Г.* Что может Совет ветеранов // Пропагандист и агитатор. 1987. № 17. С. 28–29.

²⁶ Заявление о задачах советов ветеранов Удмуртской Республики в связи с переходом экономики на рыночные отношения // Вестник. 1991. № 3. С. 24.

²⁷ Ветераны Удмуртии... С. 3–5.

²⁸ Там же.

²⁹ *Мерзлякова Г.* Женские советы: опыт их работы, проблемы... С. 220.

³⁰ ЦДНИ УР. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 71–72.

³¹ *Климантова Г.* Союз женщин Удмуртии // Вестник. 1991. № 4. С. 13.

³² Там же. С. 13–14.

³³ ЦДНИ УР. Ф. 47. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–12.

³⁴ Устав Союза женщин Удмуртской АССР // Вестник. 1991. № 4. С. 15–16.

³⁵ Там же.

³⁶ *Громов А. В., Кузин О. С.* Неформалы: кто есть кто?... С. 15.

³⁷ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 15245. Л. 36.

³⁸ *Горбушина Р.* За обновление идеологической работы // Пропагандист и агитатор. 1988. № 12. С. 3.

³⁹ *Громов А. В., Кузин О. С.* Неформалы: кто есть кто?... С. 16.

⁴⁰ *Березовский В. Н.* Российская многопартийность в конце XX века... С. 11, 14, 17.

⁴¹ *Лебедев Ю.* Новые общественно-политические организации и движения Удмуртии (Информационно-справочный материал в помощь партийному активу) // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21. С. 19.

⁴² Там же. С. 18.

⁴³ *Шумилов Е. Ф.* Православная Удмуртия. История Ижевской и Удмуртской епархии. XX век. Ижевск, 1996. С. 87.

⁴⁴ *Загуляева Н.* Дорога к храму // Огни Прикамья. 1991. № 6. С. 13–14.

⁴⁵ *Лебедев Ю.* Новые общественно-политические организации и движения Удмуртии... С. 13–19.

⁴⁶ Там же. С. 14.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 13–19.

⁴⁹ Там же. С. 14.

⁵⁰ Там же. С. 16.

⁵¹ *Лущикова С. Л.* Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. ... С. 6; Неформальная Россия... С. 193.

⁵² *Лущикова С. Л.* Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. ... С. 6; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 15270. Л. 83, 97.

⁵³ *Лущикова С. Л.* Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. ... С. 6.

⁵⁴ Удмуртская Республика: Энциклопедия... С. 95.

⁵⁵ *Измайлова А.* Удмуртия – Суоми // Огни Прикамья. 1991. № 3. С. 29–32.

⁵⁶ *Лебедев Ю.* Новые общественно-политические организации и движения Удмуртии... С. 13.

⁵⁷ Возвращаясь к истокам. Интервью с председателем Общества удмуртской культуры К. А. Пономаревым. Программа и устав Общества // Вестник обкома КПСС. 1990. № 10. С. 15–16.

⁵⁸ Там же. С. 12.

⁵⁹ ЦДНИ УР. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8.

⁶⁰ ЦДНИ УР. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1–6.

⁶¹ *Лебедев Ю.* Новые общественно-политические организации и движения Удмуртии... С. 19.

⁶² Там же. С. 15.

⁶³ Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы (по документам и материалам ЦДНИ УР). Ижевск, 2001. С. 24; Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики: справочник-указатель. Ижевск, 2001. С. 128.

⁶⁴ Заявление о намерениях руководителей политических партий и общественно-политических организаций Удмуртской Республики // Демократическая Удмуртия, еженедельная газета демократических сил Удмуртии. 1991. 14 ноября.

⁶⁵ Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики... С. 126–127.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы... С. 13.

⁶⁸ Общероссийские избирательные объединения... С. 127.

⁶⁹ Там же. С. 128.

⁷⁰ Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы... С. 29–30.

⁷¹ Общероссийские избирательные объединения... С. 83.

⁷² Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы... С. 30.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 16.

⁷⁵ Общероссийские избирательные объединения... С. 41; Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы... С. 16.

⁷⁶ *Егоров И., Мацузато К.* Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 279.

⁷⁷ ЦДНИ УР. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

⁷⁸ Материалы Первого Всесоюзного съезда удмуртов... С. 34–40.

⁷⁹ Там же. С. 12, 14–16.

⁸⁰ Там же. С. 34.

⁸¹ Там же. С. 35.

⁸² ЦДНИ УР. Ф. 34. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.

⁸³ ЦДНИ УР. Ф. 34. Оп. 3. Д. 12. Л. 8.

⁸⁴ ЦДНИ УР. Ф. 34. Оп. 3. Д. 12. Л. 2–3.

⁸⁵ ЦДНИ УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7.

⁸⁶ Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики... С. 137.

⁸⁷ *Модзoleвский Д.* Форум сторонников реформ // Удмуртская правда. 1993. 21 января.

⁸⁸ *Вахрушев М.* Президент Удмуртии ускорит реформы // Известия Удмуртской Республики. 1993. 21 января.

⁸⁹ *Овчинников Г.* Понять, куда мы идем // Там же.

⁹⁰ Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы... С. 13.

⁹¹ Там же. С. 6.

⁹² Там же. С. 24.

⁹³ *Лаптинская С.* Основа свободной личности // Известия Удмуртской Республики. 1993. 21 января.

⁹⁴ *Бехтерев С.* Главный вопрос – политический // Там же.

⁹⁵ Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы... С. 17.

⁹⁶ *Куликов К. И.* Удмуртия – субъект России... С. 21–22.

⁹⁷ Данные МЮ УР.

2.2.4. Трудовые коллективы

Одной из характеристик советской политической системы была значительная роль трудовых коллективов, чей правовой статус определялся, прежде всего, Конституцией СССР. Их участие в управлении производством осуществлялось не только через своих представителей в выборных органах, но и непосредственно через общие собрания (конференции) коллективов. Определенным авторитетом пользовались так называемые постоянно действующие производственные совещания (ПДПС), хотя отношение к ним было неоднозначным. Например, в состав 666 заводских и цеховых ПДПС в УАССР в 1985 г. было избрано свыше 28 тыс. человек. Десятки тысяч трудящихся республики участвовали в работе различных комиссий профкомов, цехкомов, общественных отделов кадров, внештатных технических инспекций, товарищеских судов и т.д.¹

1 августа 1983 г. вступил в силу Закон СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями». Он расширил круг вопросов производства, труда и социального развития, которые включались в сферу общественно-управления. Во-первых, Закон предоставил трудовым коллективам право заслушивать сообщения администрации о ходе выполнения планов и договорных обязательств, причинах их изменения, результатах производственно-хозяйственной деятельности. Трудовой коллектив мог дать администрации соответствующие рекомендации, а в необходимых случаях довести их до сведения вышестоящих органов. Отныне проекты планов экономического и социального развития представлялись на утверждение только после их рассмотрения трудовым коллективом.

Во-вторых, Закон стимулировал развитие встречного планирования на производстве. Так, если в 1984 г. в Удмуртии в нем участвовало

86 предприятий, то уже в 1986 г. 36 приняли встречные планы по реализации продукции, 42 – производительности труда, 24 – себестоимости продукции, 84 – экономии материальных и энергетических ресурсов². Далее, закреплялась многолетняя практика организации социалистического соревнования. Трудовые коллективы утверждали его условия, определяли меры поощрения, обеспечивали гласность соревнования, подводили его итоги и определяли победителей. В республике наиболее активно осуществляли свои права и полномочия по развитию соревнования коллективы Воткинского машиностроительного завода, Сарапульского электрогенераторного объединения, ИГПЗ-13, Можгинского завода «Свет», завода «Ижтяжбуммаш», колхозов «Россия» Можгинского, им. Мичурина Вавожского районов.

Широкие права предоставил Закон трудовым коллективам в связи с переходом экономики СССР на интенсивный путь развития и максимальным ускорением научно-технического прогресса. Вместе с тем документ определил обязанность трудовых коллективов принимать меры к активизации этого процесса, внедрять в производство достижения науки и передового опыта.

Партийно-государственное руководство пыталось стимулировать развитие технического творчества законодательными мерами. В Законе о трудовых коллективах и Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве» предусматривалось создание временных творческих объединений для решения научно-технических проблем, имеющих народнохозяйственное значение. Эта форма работы оправдала себя. В 1984 г. в Удмуртии насчитывалось 1 120 комплексных творческих бригад, которые в том же году внедрили одну треть всех разработанных предложений.

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС выдвинул концепцию ускорения социально-экономического развития страны на основе использования достижений научно-технического прогресса. Именно с совершенствования производственных отношений было запланировано начать перестройку, не меняя всей политической системы. Главные усилия предполагалось сосредоточить на опережающем развитии машиностроения и на этой основе обеспечить подъем других отраслей. Опыт промышленного развития УАССР оказался актуальным для реформаторов.

С точки зрения территориального принципа управления Удмуртия входила и до сих пор остается в составе Уральского экономического района, одного из 19 существовавших в СССР к 1982 г. Многоотраслевой

индустриальный комплекс республики имел ряд характерных особенностей: мощный экономический потенциал, способный решать сложные социально-экономические задачи, крупные масштабы производства, наукоемкость и высокотехнологичность, разнообразие выпускаемой продукции, производственную кооперацию и интеграцию, известность предприятий региона в стране и за рубежом благодаря высокому качеству и надежности выпускаемой промышленной продукции, развитую социальную инфраструктуру. В целом в составе основных промышленно-производственных фондов республики доля машин и оборудования занимала 38,1 % их общей стоимости, зданий – 28,7 %, сооружений – 19,2 %, передаточных устройств – 8,0 %, транспортных средств – 5,2 %. На промышленных предприятиях находилось в эксплуатации свыше 1 тыс. механизированных поточных и около 400 автоматических линий, действовало почти 500 комплексно-механизированных и автоматизированных участков, цехов и производств³.

Ведущие позиции в экономике занимали нефтедобыча, производство электроэнергии, черная металлургия, лесная, деревообрабатывающая промышленность и машиностроение. До 1991 г. в Удмуртии действовали 43 машиностроительных предприятия. Их доля в общем объеме промышленного производства составляла 64,7 %.

Исторически промышленность республики в межрегиональном разделении труда приобрела уникальную особенность: ориентацию на сверхвысокую милитаризацию. Основу народно-хозяйственного комплекса составляли оборонные предприятия, в течение долгого времени обеспечивавшие около 80 % поступлений в республиканский бюджет, занятость большей части городского населения, жилищное строительство и содержание социальной сферы. Ижевские машиностроительный, механический и электромеханический заводы изготовляли большое количество стрелкового оружия (автоматы конструкции М. Т. Калашникова, пистолеты, снайперские винтовки, штурмовые ружья, пулеметы и т.д.); Ижевский и Сарапульский радиозаводы, Ижевские мотозавод и «Ижсталь», Воткинские машиностроительный завод и завод РТО, Сарапульский электрогенераторный завод, Чепецкий механический завод – космические средства связи и управления боем, зенитно-ракетные комплексы, электронную «начинку» для боевых самолетов и вертолетов, знаменитых «Буранов», вооружение для истребителей МИГ-32 и штурмовиков СУ-27, межконтинентальные ракеты СС-12, СС-13, СС-20, СС-23, СС-25 и другую продукцию⁴.

В выпуске товаров народного потребления (спортивные и охотничьи ружья, автомобили, мотоциклы, радио- и медтехника, швейные, трикотажные и кондитерские изделия) предприятия Удмуртии также занимали достойное место. На их долю приходилось 49,8 % общероссийского производства мотоциклов, 10,0 % – магнитофонов, 9,0 % – радиоприемных устройств, 6,8 % – стиральных машин, 3,3 % – легковых автомобилей⁵. Однако к середине 1980-х гг. в промышленном комплексе республики по ряду причин, характерных для развития экономики страны в целом, наметилось отставание в темпах научно-технического прогресса.

В решении задачи ускорения реформаторы стремились опереться на уже имевшиеся институты трудового самоуправления, в том числе организации Научно-технического общества (НТО) и Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). В Удмуртии к середине 1980-х гг. в их рядах насчитывалось свыше 138 тыс. рабочих, колхозников, инженерно-технических работников, ученых и специалистов. Они обеспечивали третью часть роста производительности труда, более половины экономии материальных ресурсов, не менее 30 % – топлива и электроэнергии⁶. По предложению ВОИР президиум областного совета профсоюзов в 1985 г. объявил республиканский смотр коллективов объединений, предприятий, хозяйств и организаций под девизом «XXVII съезду КПСС – творческую активность масс, высокие темпы научно-технического прогресса, рационализацию всех звеньев производства». В промышленности республики получило широкое распространение движение изобретателей и рационализаторов производственного объединения «Ижмаш» под лозунгом «От каждого инженерно-технического работника в содружестве с передовиками производства XXVII съезду КПСС – внедренное техническое новшество». В коллективе – инициаторе почина – с июня по декабрь 1985 г. в ударной вахте технического творчества приняли участие 1 620 человек; внедрено в производство 2 227 изобретений с экономическим эффектом 2 435 тыс. руб.⁷

Итоги республиканского социалистического соревнования выявили положительные примеры работы творческих объединений и отдельных новаторов. Значительных успехов добились комплексные бригады Л. В. Шориной («Ижсталь»), А. В. Баева (производственное объединение пассажирского транспорта) и др. За успешное выполнение обязательств пятилетки и активное участие в деятельности первичных организаций ВОИР звание «Отличник изобретательства и рационализации 11-й пятилетки» было присвоено В. А. Ядрову, технологу литейного цеха

Сарапульского ЭГПО, А. И. Корепанову, слесарю ремонтно-механического завода (г. Глазов), Г. И. Сабирову, заместителю начальника технологического отдела Устиновского нефтегазодобывающего управления, А. А. Волкову, начальнику электросталеплавильного цеха ПО «Ижсталь», А. Д. Тяпкину, инженеру Воткинского машиностроительного завода, Я. С. Хафизову, слесарю-инструментальщику ПО «Ижмаш».

Заметную роль играли рационализаторы в развитии агропромышленного комплекса. В 1985 г. в сельском хозяйстве республики экономическая эффективность от внедренных изобретений и рационализаторских предложений составила 4,7 млн. руб., почти вдвое больше по сравнению с 1984 г.⁸

В целом по УАССР в 1985 г. число авторов, подавших предложения, увеличилось, по сравнению с предыдущим годом, на 1 600 человек, количество использованных изобретений – на 17 %, рационализаторских предложений – на 1 064⁹. Эффект от использования новшеств достиг 44,2 млн. руб. По итогам 1985 г. Государственным комитетом СССР по делам изобретений и открытий и Центральным Советом ВОИР УАССР вторично было присуждено первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании областей и республик за достижение высоких конечных результатов в изобретательской и рационализаторской деятельности.

Вместе с тем в развитии изобретательства и рационализаторства обнаруживалось немало проблем. Так, в 1985 г. в республике не находили применения свыше пяти тыс. рацпредложений. Многие работники справедливо высказывали претензии на трудности при внедрении новшеств. Недостаточное внимание со стороны советов ВОИР, администрации и профкомов предприятий и организаций к вопросам изобретательства и рационализации влияло на уровень массовости участия трудящихся в научно-техническом творчестве. Если на ПО «Ижсталь» из 100 работающих в изобретательстве и рационализации в 1985 г. участвовали 18,3 человека, Воткинском машиностроительном заводе – 16,4, на экспериментально-механическом – 20, то в г. Сарапуле на электрогенераторном ПО этот показатель составил 11,2 человека, радиозаводе – 7,4 и т.д. Не было подано ни одной заявки в 1985 г. на изобретения в г. Глазове и большей части предприятий и организаций промышленности, транспорта, строительства, других отраслей народного хозяйства¹⁰.

Особенно сложно новаторство развивалось на селе. В 1985 г. только в половине колхозов и совхозов Удмуртии имелись первичные организации ВОИР. Примерно вдвое ниже был и численный показатель участия

в массовом техническом творчестве. Во многих хозяйствах республики заявления на рационализаторские предложения зачастую не оформлялись и, как следствие, новатору не обеспечивалось авторское вознаграждение¹¹. Такая картина особенно была характерна для хозяйств Юкаменского, Кезского, Дебесского, Селтинского, Кизнерского и Камбарского районов¹².

Политбюро ЦК КПСС 3 апреля 1986 г. в очередной раз рассмотрело вопросы изобретательской и рационализаторской работы, пути создания действенного механизма внедрения открытий. Реализация задачи ускорения научно-технического прогресса диктовала необходимость качественной перестройки деятельности ВОИР. Изобретатели УАССР взяли обязательство создать в 12-й пятилетке фонд экономии от внедрения новшеств в размере 200 млн. руб.; внедрить в производство не менее 27,5 тыс. рацпредложений и 550 изобретений, получить от их реализации экономический эффект не менее 40 млн. руб.¹³

Наибольший вклад в республиканский фонд экономии внесли изобретатели и рационализаторы производственных объединений «Ижсталь», «Редуктор», Воткинского машиностроительного завода, завода «Нефтемаш» и Можгинского завода «Свет». В агропромышленном комплексе было внедрено 2 598 изобретений и рацпредложений с общим экономическим эффектом 6,8 млн. руб., на 2,1 млн. руб. больше по сравнению с 1985 г.¹⁴

В 1986 г. в техническом творчестве приняло участие 34,8 тыс. граждан республики¹⁵. Звание «Отличник изобретательства и рационализации 1986 года» было присвоено 35 лучшим новаторам Удмуртии. Однако именно в этом году впервые произошло снижение результативности новаторского движения по основным показателям, хотя практически все обязательства были выполнены. В УАССР число поданных рацпредложений сократилось с 39,1 тыс. в 1985 г. до 38,9 тыс., количество использованных изобретений – с 28,3 тыс. до 28,0 тыс. Экономический эффект снизился с 44,2 млн. руб. до 41,1 млн. руб.

Одним из своих главных резервов ВОИР видело обучение молодежи основам изобретательства и рационализаторства. На это обратил особое внимание еще XXVII съезд КПСС. В начале 1987 г. ЦК КПСС, СМ СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ приняли совместное постановление о дальнейшем развитии самодеятельного творчества. Предусматривалось создание при предприятиях, организациях, дворцах и домах культуры, других учреждениях клубов технического творчества, обеспечение их оборудованием, инструментом и материалами. Соответствующим министерствам и ведомствам поручалось установить порядок финансирования

и материально-технического снабжения клубов, поощрения создателей лучших разработок. Намечались меры по усилению пропаганды самодеятельного творчества, регулярному проведению смотров, конкурсов и выставок образцов техники.

В соответствии с постановлением секретариата обкома КПСС от 13 января 1987 г. в республике создавалась система научно-технического творчества молодежи (НТТМ). В январе–апреле того же года прошла республиканская выставка-ярмарка НТТМ–87, посвященная XX съезду ВЛКСМ, где было представлено более 200 разработок. 26 из них по результатам аукциона рекомендованы к внедрению в производство. Одна из работ – гастроинтестинальный монитор – экспонировалась на центральной выставке-ярмарке НТТМ–87 в Москве и завоевала золотую и бронзовую медали¹⁶. В 1987 г. при содействии Удмуртского обкома ВЛКСМ при областном совете ВОИР открылась школа технического творчества, а в профессионально-технических училищах – школы молодого рационализатора.

Несмотря на принимаемые меры, общая тенденция спада новаторского движения сохранилась. В немалой степени она обуславливалась характерными и для других форм трудовой активности (социалистическое соревнование и т.п.) формализмом, бюрократизмом, попытками партийно-хозяйственного руководства подчинить эти движения своему контролю. Неуклонно сокращалась творческая активность граждан. Так, если в 1987 г. в техническом творчестве приняло участие 32,8 тыс. человек, то в 1988 г. – 30 тыс., а в 1989 г. – 24,5 тыс. человек. Уменьшалось количество поданных рацпредложений и заявок на предполагаемые изобретения и число их использования (в 1987 г. – 36,7 тыс. (использовано 26,9 тыс.), в 1988 – 32,7 тыс. (использовано 24,7 тыс.) и в 1989 г. – 24,5 тыс. (использовано 19,7 тыс.)). Снижался экономический эффект от их внедрения (за исключением 1989 г.) (в 1987 г. – 35,2 млн. руб., в 1988 г. – 33,2 млн. руб. и в 1989 г. – 35,9 млн. руб.)¹⁷. Наибольшее снижение всех основных показателей технического творчества произошло на производственных объединениях «Ижмаш», «Электромеханический завод», СКБ вакуумно-электронного машиностроения, завода пластмасс, им. Ленина, Глазовском заводе «Химмаш», Можгинских – машинных деталей, радиодеталей и «Свет», Воткинском заводе газовой аппаратуры, физико-техническом институте.

В обучении и повышении квалификации изобретателей и рационализаторов выявились значительные упущения. Школы молодых рационализаторов не отвечали основным требованиям подготовки новаторов

производства. С переходом предприятий на принципы хозрасчета начали сокращаться патентные службы.

Для руководителей ВОИР становилась очевидной необходимость создания эффективной общественной системы воздействия на ускорение научно-технического прогресса. С новых позиций следовало подойти к организации соревнования новаторов. Основными показателями трудового соперничества наряду с экономическим эффектом должны были стать снижение себестоимости, рост производительности труда, экономия ресурсов за счет использования в производстве изобретений и рационализаторских предложений. Радикальным выходом из создавшегося положения признавалось принятие Закона СССР об изобретательстве. Однако рассмотрение законопроекта ВС СССР затягивалось. С этого времени развитие новаторского движения становится уделом одной общественности, в немалой степени, по признанию Б. В. Шиляева, одного из республиканских лидеров ВОИР, по причине того, что «за высоким частоколом политических и национальных проблем стало не до развития научно-технического прогресса»¹⁸.

Задача обеспечения роста промышленного производства решалась одновременно с попыткой укрепления производственной дисциплины. Одним из конкретных шагов в этом направлении объявлялась антиалкогольная кампания, первое конкретное мероприятие, осуществленное М. С. Горбачевым. 7 мая 1985 г. было принято Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Эта акция в значительной степени может служить моделью перестройки. ЦК партии и Генеральный секретарь начали с заявления: данное решение партия приняла как политический и нравственный руководитель народа, взявший на себя ответственность за искоренение пьянства. На деле очередное постановление было обнародовано спешно, без глубокого изучения давней и трудной проблемы. Все средства пропаганды оказались брошены на организацию интенсивной кампании, результаты которой, как ожидалось, должны были быстро поднять на небывалую высоту авторитет «вождя». Характерной особенностью постановления явилось копирование методов, использовавшихся во время первой большой антиалкогольной кампании конца 1920-х – начала 1930-х гг.¹⁹

В какой-то мере данная инициатива оказалась востребована населением. Достоинством общественности стали такие цифры: к 1985 г. число больных хроническим алкоголизмом в стране составило около 4,5 млн. человек, а в УАССР – около 35 тыс.²⁰ Начало борьбы с пьянством и алкоголизмом было многообещающим. После выхода Постановления ЦК

КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений» во дворцах культуры создавались общества трезвости. Появились новые формы работы: дни семейного отдыха, клубы (выходного дня, бригадиров, рационализаторов). Только за сентябрь–октябрь 1985 г. в профсоюзных учреждениях культуры Удмуртии дополнительно было создано 11 агитбригад, 24 кружка художественной самодеятельности, 40 любительских объединений, в которые оказались вовлечены более двух тыс. трудящихся, в основном из числа молодежи²¹. Республиканские партийные и советские органы наметили конкретные пути организации отдыха трудящихся. В УАССР работали 27 молодежных кафе; 75 тыс. семей были объединены в садоводческие товарищества. В 1986 г. в республике проведено более 300 безалкогольных праздников и обрядов. В том же году по сравнению с 1985 г. продажа алкогольных напитков в УАССР сократилась на 31,2 %²².

В республике была поддержана инициатива свердловчан по развитию массового движения «Трудовой дисциплине – гарантию качества». Его суть заключалась в том, что за нарушение дисциплины нес ответственность не только работник, совершивший проступок, но и весь коллектив. В определенной степени эту акцию можно рассматривать как проявление патриархальной традиции «круговой поруки», что не соответствовало духу демократических преобразований. Во многих трудовых коллективах гг. Устинова (Ижевска), Воткинска, Сарапула, ряде сельских районов по инициативе общественных организаций в социалистические обязательства, коллективные договоры были включены специальные пункты по активному участию в борьбе с пьянством. Их выполнение учитывалось при подведении итогов соревнования. В результате проведенных мероприятий за 1986 г. в промышленности Удмуртии потери рабочего времени от прогулов сократились на 27 %, количество прогульщиков – на 20,9 %, на 12,5 % меньше было совершено преступлений на почве пьянства, в два с лишним раза уменьшилось количество больных с острыми алкогольными психозами²³.

Определенную роль в этих начальных позитивных изменениях сыграло ВДОБТ. Оно было призвано содействовать осуществлению административно-правовых, законодательных мер, направленных на формирование у людей здорового образа жизни, поддержание порядка и организованности, оказывать постоянную помощь комиссиям по борьбе с пьянством, вносить в государственные и общественные органы предложения о привлечении к ответственности виновных в нарушении анти-

алкогольного законодательства. Общество строилось по территориально-производственному признаку. Его основу составили первичные организации по месту работы, учебы, жительства: при домоуправлениях, рабочих общежитиях. В структуре ВДОБТ могли создаваться цеховые, факультетские, бригадные и другие организации, клубы трезвости, действующие на базе культурно-просветительных учреждений, медицинских и учебных заведений. Первичные организации входили в состав районных, городских, республиканской организаций.

В октябре 1985 г. состоялась учредительная конференция Удмуртской областной организации ВДОБТ. Делегаты отмечали, что ранее борьба с пьянством и алкоголизмом велась без должной организованности. Осуществлявшиеся с 1985 г. меры положительно отражались на оздоровлении нравственного климата в обществе, трудовых коллективах, семьях, на повышении дисциплины, росте производительности труда. Участники конференции обратились ко всем министерствам, ведомствам, общественным организациям, к ветеранам партии и труда, кадровым и молодым рабочим, колхозникам, служащим, пенсионерам и домохозяйкам, студентам и учащимся с призывом включиться в борьбу за утверждение здорового образа жизни.

В мае 1987 г. ЦК КПСС рассмотрел вопрос «О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС по преодолению пьянства и алкоголизма и активизации этой работы». Отмечалось, что за два года достигнуты определенные успехи в утверждении трезвости: потребление спиртных напитков в стране в 1986 г. снизилось по сравнению с 1984 г. почти в два раза; на 26 % уменьшилось количество преступлений, совершаемых на почве пьянства. Впервые за многие годы в стране снизилась смертность людей²⁴.

Вместе с тем группа Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и бригада МВД СССР, работавшие в УАССР в 1987–1988 гг., обнаружили парадоксальную картину: усилия партийных, советских и общественных органов привели к обратному эффекту. Удовлетворившись первыми результатами, многие коллективы ослабили работу по искоренению пьянства и алкоголизма. Пассивно вели себя местные Советы, профсоюзные, комсомольские органы. Комиссии по борьбе с пьянством при исполкомах Советов не обеспечивали координации деятельности государственных органов и общественных организаций. Это признавалось и на собрании партийно-хозяйственного актива республики.

Надежды, возлагавшиеся на организации ВДОБТ, не оправдались. Хотя ее Удмуртская организация в 1987 г. насчитывала свыше 46 тыс. человек,

в том числе коммунистов – 29,1 %, молодежи – 17,6 %, рабочих – 19,6 %, колхозников – 4,7 %, женщин – 54,3 %²⁵, в трезвенническом движении реально участвовало лишь пять процентов взрослого населения республики. Не поддержали общественников и правоохранительные органы. Первичная организация ВДОБТ была создана лишь в прокуратуре УАССР. Не все районные и городские комитеты КПСС принципиально подошли к подбору кадров²⁶. С низким образовательным уровнем, без учета опыта работы были назначены секретари организаций ВДОБТ в г. Глазове, Базинском, Малопургинском, Сарапульском, Селгинском районах. В 1986–1987 гг. их сменяемость в целом по республике составила 41 %²⁷. Слабо освещались проблемы борьбы за трезвость средствами массовой информации.

Совет по изучению и формированию общественного мнения при обкоме КПСС в апреле–мае 1987 г. провел экспресс-опрос 743 руководящих работников семи крупных предприятий г. Ижевска о состоянии борьбы за трезвость и роли в этом ВДОБТ. 45 % респондентов ответили, что их организации бездействуют. Такую оценку дали 65 % опрошенных на Ижевском радиозаводе, 50,7 % – объединении «Ижмаш», 51 % – заводе «Буммаш». Многие вообще полагали, что борьба с пьянством и алкоголизмом в республике значительно ослабла²⁸.

С 1988 г. даже среди партийных функционеров стали идти разговоры о том, что ВДОБТ скоро «прикроют». Воткинский горком, Киясовский, Граховский, Вавожский, Кизнерский, Шарканский, Алнашский и ряд других райкомов КПСС не оказывали помощи в деятельности районных организаций. В 1988 г. из 32 ответственных секретарей сменилось девять, а в семи районах их места были вакантны²⁹.

В этих условиях ВДОБТ стремилось перестроиться «на свой страх и риск». В январе 1988 г. Центральным Советом ВДОБТ был рекомендован метод освобождения от алкогольной зависимости, разработанный ленинградским ученым-психофизиологом, сотрудником научно-исследовательского института экспериментальной медицины Г. А. Шичко. В Удмуртии работу в этом направлении активно повели сотрудник МВД УАССР Н. В. Январский и врач-нарколог объединения «Ижсталь» В. Ю. Мерзляков. Они основали хозрасчетный центр «Альтернатива», деятельность которого активно поддержала ответственный секретарь организации ВДОБТ на «Ижмаше» Н. И. Гранцева³⁰. С этого времени борьба за трезвость стала вестись в основном силами общественности.

Несмотря на некоторое снижение, оставалось высоким потребление чистого алкоголя на душу населения. В 1987 г. в республике оно составило 3,34 л. Наблюдался рост самогонварения. В 1988 г. за изготовление самогона и браги было привлечено к административной и уголовной ответственности 1 127 человек, на 23 % больше, чем за 1987 г.; конфисковано более 16 тыс. л браги и самогона, 240 самогонных аппаратов. Почти половина самогонщиков оказалась из наиболее активной и трудоспособной части населения в возрасте до 49 лет, почти каждый десятый – молодой человек до 29 лет. Основная часть (52 %) среди наказанных за изготовление самогона – женщины³¹.

Одной из главных «алкогольных» проблем оставался высокий уровень потерь рабочего времени от пьянства. В 1986 г. в промышленности республики было потеряно 62,8 тыс. человеко-дней, в строительстве – 16,6 тыс., на транспорте – 2,1 тыс., в колхозах и совхозах – 167 тыс. человеко-дней. Сотрудники МВД выявили 2,5 тыс. человек (на 17 % больше, чем в 1985 г.)³², употребляющих спиртные напитки или находящихся на служебном месте в нетрезвом состоянии. В 1987 г. в УАССР было привлечено к ответственности за пьянство в рабочее время более двух тыс. человек. А в ряде городов и районов наметился рост «производственного алкоголизма»: в г. Глазове – на 14 %, Сарапульском районе – в 3,5 раза, Базинском – на 72 %, Дебесском – 100 %, Малопургинском – 13 %. В этих районах в трезвенническом движении участвовало всего 2 % взрослого населения³³.

Пьянство стало распространяться среди несовершеннолетних. На начало 1987 г. на учете в наркологической службе состояло более 900 подростков с эпизодическими употреблениями спиртного, на 9 % больше, чем в 1985 г.

В 1987 г. удельный вес преступлений в УАССР, совершенных в нетрезвом состоянии, от общего числа преступлений составил 37,1 %. Это оказалось выше, чем по стране и РСФСР³⁴. За 1988 – первую половину 1989 гг. данный показатель составил 44 %. В пьяном виде совершались более 80 % убийств и тяжких телесных повреждений, более 90 % изнасилований, 50 % грабежей. Как констатировал тогда Н. А. Перевощиков, первый заместитель министра внутренних дел УАССР, «борьба с пьянством, осуществляемая в последние годы в основном запретительными мерами, успехов не принесла»³⁵.

Попытка решения проблемы обычным советским волевым методом быстро провалилась. 25 октября 1988 г. ЦК КПСС принял постановление, в котором, отметив успехи антиалкогольной кампании, признал главное:

«...радикальных перемен еще не достигнуто». На этом борьба с алкоголизмом закончилась³⁶. Благие намерения руководства, первоначально поддержанные населением, обернулись громадным ущербом для бюджета (поступления в казну от запрета и ограничений на продажу спиртных напитков в течение 1985–1988 гг. сократились на 37 млрд. руб.), ростом самогонварения, токсикомании и наркомании, детского алкоголизма, разгулом преступности. Надежды реформаторов укрепить трудовую дисциплину директивными мерами не оправдались. Требовалось найти кардинальное решение вопроса развития производственной демократии.

Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС наметил пути и формы углубления производственного демократизма. Таковыми провозглашались, прежде всего, совершенствование непосредственной демократии, предоставление каждому труженику наилучших условий для реализации своего вклада в ускорение социально-экономического развития страны. Предлагалось наделить каждого члена трудового коллектива реальными хозяйственными полномочиями через рабочие собрания, коллективные договоры, советы бригад и цехов. Наиболее важным шагом в дальнейшем развертывании непосредственной производственной демократии, по мнению М. С. Горбачева, должно было стать формирование руководящих кадров предприятий на основе выборных начал. Предполагалось, что этот принцип станет обязательной стороной перестройки потому, что доходы предприятия и, следовательно, возможности материального стимулирования членов трудового коллектива в условиях самофинансирования и самокупаемости будут полностью зависеть от конечных результатов работы предприятий, что, в свою очередь, в значительной степени определяется уровнем профессиональной и политической подготовленности их руководителей. Правовой основой развития непосредственной демократии на производстве должен был стать Закон о государственном предприятии. Участники Пленума одобрили его проект и рекомендовали для всенародного обсуждения.

В соответствии с решениями XXVII съезда КПСС и июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС 7-я сессия ВС СССР 30 июня 1987 г. приняла Закон о государственном предприятии (объединении). Его суть состояла в переходе от преимущественно административных методов к широкой демократизации управления. Закон утвердил выборность руководителей всех звеньев на предприятии как основной способ замещения должностей. Этот принцип распространялся на директоров предприятий, руководителей их структурных единиц, объединений, производств, цехов

и отделений, участков, ферм и звеньев, а также мастеров и бригадиров. На основании ст. 5 Закона их избрание проводилось тайным или открытым голосованием по усмотрению собрания (конференции). Однако в случае неутверждения избранной трудовым коллективом кандидатуры вышестоящим органом проводились новые выборы. В свою очередь, заместители руководителя, начальники юридической и бухгалтерской служб и службы контроля качества не избирались, а назначались и освобождались директором. В 1987 г. в Удмуртии были избраны 56 директоров предприятий и организаций, 85 начальников цехов и 115 сменных мастеров³⁷.

Важным моментом, отраженным в Законе, явилось определение заработной платы каждого работника конечными результатами и снятие «потолка» оплаты труда. Чтобы права предприятия не ограничивались на практике, в Закон была введена ст. 24 «О гарантии соблюдения прав предприятия (объединения)». В ней говорилось, что органы государственной власти и управления несут ответственность, вплоть до уголовной, за соблюдение законодательства.

Закон также установил ведущую роль предприятий в определении экономической стратегии. С 1988 г. они должны были самостоятельно разрабатывать планы экономического и социального развития. Такая работа началась в тех коллективах, которые перешли на полный хозрасчет и самофинансирование. В УАССР это прежде всего коснулось агропромышленного комплекса, торговли, около 100 предприятий промышленности. Пятилетние контрольные задания, устанавливаемые вышестоящими органами управления, для предприятия являлись только рекомендательными документами. Обязательными были лишь государственные заказы и лимиты, но их долю предполагалось постоянно уменьшать. Между тем в 1987 г. лишь две трети промышленных предприятий обсудили проекты планов, еще меньше своевременно заключили хозяйственные договоры. В значительной мере они рождались в кабинетах экономических служб узким кругом специалистов и руководителей и выносились на собрания в виде информационных сообщений, без постановки конкретных задач перед каждым подразделением в отдельности. До членов трудовых коллективов не доводились их конкретная роль в достижении намеченных экономических показателей и социальные последствия. В немалых случаях вышестоящие хозяйственные органы фактически игнорировали мнение трудовых коллективов, навязывали им сверху контрольные цифры и дополнительные задания без учета реальных возможностей, наличия необходимых мощностей и обеспечения материально-техническими ресурсами³⁸.

В качестве органа прямого руководства, призванного решать в основном перспективные задачи предприятий, Закон устанавливал СТК. Для них, как самостоятельных органов коллектива, определялись следующие функции: формирование плана экономического и социального развития предприятия и принятие мер к его реализации; совершенствование внутрипроизводственного хозяйствования; распределение заработанных трудовым коллективом средств на развитие производства, оплату труда и социальные нужды. Особо значимым являлось установление в Законе юридической гарантии обеспечения активности членов СТК. Работник, являющийся его членом, не мог быть уволен или подвергнут дисциплинарному взысканию без согласия последнего³⁹.

Однако полномочия СТК реально оказались ограниченными. С одной стороны, характер его деятельности был близок к деятельности общего собрания (конференции). Он мог рассматривать, принимать и контролировать решения в пределах законодательства, которые являлись обязательными для администрации и всех членов трудового коллектива. Вместе с тем СТК являлся исполнительным органом по отношению к общему собранию (конференции) трудового коллектива. С другой стороны, сохранялся единоначальный принцип управления предприятием. СТК не мог вмешиваться в оперативную деятельность администрации. Он принимал решения, формулировал предложения и меры, а реализация их оставалась за администрацией, которая на предприятии являлась юридическим лицом. Она заключала хозяйственные договоры со сторонними организациями, перечисляла и выплачивала различные средства, организовывала производство, осуществляла оплату труда, издавала приказы по различным вопросам производства, труда и т.д.⁴⁰

Далее, на производстве СТК мог обратиться с рекомендациями к общественным организациям, например профкому, с тем, чтобы он осуществлял меры, соответствующие его компетенции: защита законных прав трудящихся, надзор за безопасностью труда и санитарными нормами, организация отдыха трудящихся, контроль за проведением оздоровительных мероприятий и др. Однако СТК был не в праве вторгаться в сферу деятельности общественных организаций, которые функционировали на основе своих уставов.

В феврале 1988 г. Госкомитет СССР по труду и социальным вопросам и ВЦСПС приняли рекомендации о порядке избрания СТК и руководителей предприятий (объединений). В них предлагалось формировать СТК представителями администрации, но не более четверти общего количе-

ства членов совета. Не рекомендовалось избирать председателями СТК руководителей предприятий, а также расширять их состав. Выборы, проведенные в УАССР в мае 1988 г., показали обратную картину. Всего было образовано 502 СТК и около тысячи советов подразделений. В их состав входили 11,7 тыс. человек. 197 СТК возглавили директора предприятий (39 % от общего количества), 21 % – рабочие, остальные – специалисты и руководители различных служб⁴¹. Это произошло в силу патерналистско-социалистических стереотипов сознания, характерных и для администрации и для работников. Поэтому первоначально СТК не могли найти своего места в системе управления. Их работа была во многом похожа на деятельность прежних постоянно действующих производственных совещаний, которые являлись органами при руководителе и не решали вопросы жизнедеятельности трудового коллектива. В условиях хозяйственной реформы встал вопрос разграничения функций между СТК и профкомом. Поставить четкую границу между ними было невозможно.

Перестройка производственных отношений оказалась наиболее противоречивым начинанием. Результатом реформ в данной сфере стала неразбериха в управлении производством, которая облегчила проведение приватизации и сохранение административной и хозяйственной власти руководства отраслей, предприятий и т.п. В дальнейшем, после 1988 г., основные усилия реформаторов были сосредоточены на преобразованиях в государственно-партийной системе, сопровождавшихся ухудшением общесоюзной экономической ситуации, разрывом межрегиональных хозяйственных связей, резким спадом производства.

* * *

Проведенное исследование показывает, что предпосылки для формирования политической системы России второй половины 1990-х гг. были заложены на завершающей стадии советского строя. Испытывая, особенно с середины 1970-х гг., кризисные явления в экономике, идеологии, государственном устройстве, характерные не только для СССР, но и мирового сообщества в целом, новые группы, пришедшие к власти в Советском Союзе после кончины И. В. Сталина, обнаружили стремление к приспособлению системы к изменившимся условиям. Демократизация государственной и общественно-политической жизни определялась основными политико-правовыми актами, в первую очередь конституциями СССР и национальных республик, принятыми в конце 1970-х гг.

Активизация демократических процессов началась с 1985 г., с так называемой «перестройки», завершившейся в 1991 г. ликвидацией СССР. За годы ее проведения подверглись изменениям как номенклатурные институты советской политической системы (Советы народных депутатов, КПСС, профсоюзы, ВЛКСМ), так и общественные объединения граждан и трудовые коллективы.

Одним из первых результатов «развертывания социалистической демократии» стала утрата КПСС роли ведущей и направляющей силы общества, что повлекло ее распад и, в конечном счете, исчезновение с политической сцены как партии «авангардного типа». С крушением СССР и суверенизацией автономных республик в составе РФ была существенно подорвана единая советская система организации государственной власти, ликвидированная в октябре 1993 г. по инициативе Президента РФ и его окружения.

Политическая организация советского общества стала иметь более разветвленную структуру. Претерпели кардинальные изменения прежние, «государственные» организации. Появились «неформальные» объединения, претендующие на власть. Активную роль в политической жизни начали играть национальные формирования. Все вышеперечисленные факторы предопределили изменение облика «старой системы», превращение ее в «согласительную», и обусловили переход к демократически организованной политической институциональной модели.

¹ *Воронцов Н.* Трудовой коллектив. Что он может // Пропагандист и агитатор. 1986. № 1. С. 27.

² Там же. С. 29.

³ *Боткин О. И., Сапожников Н. И., Загуменнов В. Г., Осипов А. К.* Развитие ведущих отраслей экономики Удмуртской республики // Удмуртская Республика: проблемы и перспективы. Ижевск, 1995. С. 19.

⁴ История Удмуртии: XX век... С. 470.

⁵ Там же. С. 471.

⁶ *Новичков В.* Инициативе новаторов – «зеленую улицу»! // Пропагандист и агитатор. 1986. № 11. С. 23.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Там же. С. 23.

- ⁹ Там же. С. 22.
- ¹⁰ Там же. С. 24.
- ¹¹ Там же. С. 26.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 27.
- ¹⁴ *Новичков В.* Техническое творчество – на уровень новых задач // Пропагандист и агитатор. 1987. № 11. С. 29.
- ¹⁵ Там же. С. 28.
- ¹⁶ *Главатских Д.* Энергию и инициативу молодежи – перестройке // Пропагандист и агитатор. 1988. № 15. С. 14.
- ¹⁷ *Шляев Б.* Условия для творчества // Вестник обкома КПСС. 1990. № 17. С. 17.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал... С. 551.
- ²⁰ *Шамиурина Г.* Никто не должен стоять в стороне // Пропагандист и агитатор. 1988. № 3. С. 28.
- ²¹ Трезвость – норма нашей жизни // Пропагандист и агитатор. 1985. № 22. С. 27.
- ²² Утверждение трезвости – долг каждого // Пропагандист и агитатор. 1987. № 14. С. 2.
- ²³ Там же. С. 2.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Шамиурина Г.* Никто не должен стоять в стороне... С. 28.
- ²⁶ Там же. С. 29.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Утверждение трезвости – долг каждого... С. 5.
- ²⁹ *Шаймов В.* Наскоком не преодолеть // Пропагандист и агитатор. 1988. № 24. С. 22–23.
- ³⁰ *Загуляева Н.* Без возврата к прошлому // Пропагандист и агитатор. 1989. № 7. С. 25.
- ³¹ И право, и ответственность (К дню советской милиции. Интервью с заместителем министра внутренних дел УАССР В. Н. Бурцевым) // Пропагандист и агитатор. 1988. № 20. С. 9.
- ³² Утверждение трезвости – долг каждого... С. 2–3.
- ³³ *Шамиурина Г.* Никто не должен стоять в стороне... С. 29.
- ³⁴ *Рылов В.* Разобщенно, на низком уровне ведется борьба за укрепление правопорядка в республике // Пропагандист и агитатор. 1988. № 14. С. 14.
- ³⁵ *Перевоицков Н.* Обеспечить защиту прав и интересов граждан // Пропагандист и агитатор. 1989. № 21. С. 23–24.
- ³⁶ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал... С. 551.
- ³⁷ *Грачев В.* Конкретная программа действий // Пропагандист и агитатор. 1988. № 7. С. 11.
- ³⁸ *Попонин В.* Совет трудового коллектива // Пропагандист и агитатор. 1988. № 9. С. 9–10.
- ³⁹ *Колеватова В.* Основа перестройки в экономике // Пропагандист и агитатор. 1987. № 15. С. 6–7.
- ⁴⁰ *Попонин В.* Совет трудового коллектива... С. 10.
- ⁴¹ Там же. С. 11–12.

Глава 3

ИНСТИТУТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В УДМУРТИИ (1990–2000 гг.)

Одной из основных характеристик любой политической системы является качество правительства, определяемое его административной компетенцией. Иными словами, имеет ли государство хорошо организованную структуру, позволяющую использовать потенциал власти полностью, с максимальной эффективностью, или же такая структура не соответствует ожиданиям общества. Объективно в качественном правительстве заинтересованы как государственные, так и негосударственные составляющие политической системы. Их позицией определяется вектор управленческой эволюции.

Исторический опыт реформирования властных органов российских регионов представляет значительный научно-практический интерес, позволяющий выявить общие и особенные черты в процессе государственного строительства в РФ. Не является исключением и реформа органов государственной власти и управления УР. Она получила свое логическое завершение к 2000 г. и имеет конкретные результаты, поэтому стала самостоятельным объектом научного анализа.

Актуальность данной проблемы именно на примере Удмуртии обусловливается и тем обстоятельством, что гармонизация интересов центра и периферии выступала важнейшим условием сохранения территориальной целостности Российского государства на всем протяжении его существования. Не утратила она своего значения и в 1990-е гг., период суверенизации субъектов РФ, преодоленной к началу 2000-х гг. Рецидивы этого явления до сих пор не изжиты в отечественной практике государственно-

правового развития. Поэтому научно-практическую значимость представляет исторический опыт взаимодействия органов государственной власти РФ и УР, в ходе которого отрабатывались инновационные подходы к формированию региональной политики России в целом.

В своем развитии конституционная реформа в суверенной (до 2000 г.) Удмуртии прошла пять этапов (с 20 сентября 1990 г., принятие Декларации о государственном суверенитете УР, до 28 ноября 2000 г., избрание и утверждение на сессии ГС УР новых руководителей представительной (законодательной) и исполнительной ветвей власти республики):

- 1 этап: 20 сентября 1990 г. – 11 ноября 1993 г.;
- 2 этап: 1994 г.;
- 3 этап: 1995 г. – 3 марта 1998 г.;
- 4 этап: 3 марта 1998 г. – сентябрь 1999 г.;
- 5 этап: октябрь 1999 г. – 28 ноября 2000 г.

Периодизация основана на следующих факторах: социально-политическая обстановка в СССР, РСФСР и ее регионах, вызвавшая в 1990 г. появление новых, не типичных для Советского Союза национально-государственных образований; динамика политико-правового обеспечения регионального суверенитета; цели и задачи участников реформы; место и роль центральных органов государственной власти в региональном конституционном процессе; результаты преобразований. При этом период эволюции государственного управления в Удмуртии в 1985–1989 гг. является самостоятельным в хронологическом отношении этапом, ибо осуществлялся в рамках советской автономии, а не декларированного суверенитета.

3.1. Провозглашение государственного суверенитета Удмуртской Республики и начальный период конституционных преобразований

Начальный период реформы (20 сентября 1990 г. – 11 ноября 1993 г.) проходил в рамках «позднесоветской» политической системы.

Ученые выделяют, как правило, три этапа становления новых отношений центра и периферии, характерных для России 1990-х гг.¹ Первый из них (12 июня 1990 г. – март 1992 г.) – парад суверенитетов в РФ, закончившийся

подписанием Федеративного договора с 87 субъектами РФ (кроме Татарстана и Чечни). Для второго периода «борьбы за сохранение целостности России» (март 1992 г. – сентябрь 1996 г.) характерен «торг» центра с регионами. Основным его содержанием стали принятие Конституции РФ и подписание первого договора о разграничении полномочий с Татарстаном (февраль 1994 г.). Третий этап целиком относится к постсоветской эпохе. Он начинается с сентября 1996 г., с проведением регулярных выборов глав исполнительной власти субъектов России. Для него показательна консолидация интересов центра и периферии. Завершение этого периода связывается с образованием в 2000 г. и функционированием федеральных округов, созданных с целью улучшения управляемости страной.

Характеризуя начальный этап конституционной реформы в Удмуртии, следует отметить, что в эпоху командно-административной системы взаимодействие уровней власти осуществлялось на принципах демократического централизма. Формирование новых межвластных отношений с 1990 г. после выборов народных депутатов Советов протекало на фоне децентрализации государственной власти, точнее, создания нескольких ее центров, что вело к распаду СССР и единой системы Советов. Началась суверенизация республик. I съезд народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г. принял Декларацию о государственном суверенитете РФ, в которой предусматривалось право народов на самоопределение в избранных ими национально-государственных и национально-культурных формах. Вслед за российским парламентом ВС УАССР 20 сентября 1990 г. принял «Декларацию о государственном суверенитете Удмуртской Республики» и 11 октября 1991 г. преобразовал УАССР в УР.

Говоря о предпосылках политико-правовых изменений, стоит подчеркнуть, что известная самостоятельность республик была заложена еще в конце 1980-х гг. XIX Всесоюзная партконференция в резолюции «О межнациональных отношениях» выработала основные подходы к решению национальных проблем. Конференция отметила, что существует необходимость укрепить Советскую федерацию на основе расширения прав союзных и автономных республик, децентрализации, передачи на места ряда управленческих функций, усиления самостоятельности и ответственности в сфере экономики, социального и культурного развития, охраны природы. 8-я сессия ВС СССР одиннадцатого созыва приняла решение, по которому, начиная с 1988 г., республиканские органы управления получили право разрабатывать и утверждать комплексные экономические и социальные планы, охватывающие развитие предприятий,

расположенных на территории союзных республик, независимо от их ведомственной подчиненности. Повышался удельный вес республиканских бюджетов в общесоюзном. Объем доходов и расходов бюджетов союзных республик на 1989 г. определялся в 229,1 млрд. руб. Расширялась практика отчислений в республиканские бюджеты части прибыли хозяйств союзного подчинения, а в дальнейшем предусматривалась передача части платы за использование ими трудовых и природных ресурсов союзных республик².

В период обозначившегося в 1990 г. противостояния союзного и более радикального российского руководства (М. С. Горбачев – Б. Н. Ельцин) усилилась тенденция уравнивания статусов союзных и автономных республик. Анализируя законодательство СССР в сфере федеративного устройства, исследователи, в частности, С. Н. Уваров отметили, что в законах СССР «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» от 10 апреля 1990 г. и «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» от 26 апреля 1990 г. автономные республики были поставлены в положение субъектов СССР, равных с союзными во взаимоотношениях с центром. При этом гарантировались политический, экономический и финансовый суверенитеты автономий. Предусматривалась возможность заключения ими прямых договоров и соглашений, минуя союзные республики³.

С учетом этих обстоятельств следует рассматривать Декларацию о государственном суверенитете УР. Ее первая статья определяла УР как суверенное государство, исторически утвердившееся на основе осуществления удмуртской нацией своего неотъемлемого права на самоопределение. Развитие УР в существующих границах реализовывалось через равноправное участие всех наций и народностей республики в государственном строительстве.

Региональная политическая элита оказалась восприимчива к идее правового государства, выразившейся в следующих положениях. Во-первых, статья вторая единственным источником государственной власти в республике провозглашала народ Удмуртии. Во-вторых, основополагающим принципом объявлялось разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Закреплялся механизм департизации Советов: «В Удмуртской Республике не допускается совмещение должностей руководителей органов государственной власти и управления с любой должностью в государственных организациях, политических партиях и общественных организациях». В-третьих, признавались многопартийность и равенство

организаций перед законом: «Удмуртская Республика гарантирует всем политическим партиям, общественным организациям, массовым движениям и религиозным организациям, действующим в рамках Конституции Удмуртской Республики, равные правовые возможности участвовать в общественной жизни и управлении государственными делами». Вместе с тем, закрепляя принцип осуществления светской (непартийной) власти, Декларация гласила, что кроме ВС УР от имени народа не могли выступать «ни одна политическая партия, общественная организация, другие формирования или отдельные лица».

Ряд положений характеризовал Удмуртию как национальную республику. Ст. 7 подчеркивала, что в УР гарантируется равноправное функционирование русского и удмуртского языков в качестве государственных, право на сохранение и развитие языков других национальностей. Русский язык объявлялся языком межнационального общения. Свободный выбор языка воспитания, обучения и использования являлся неотъемлемым правом каждого гражданина республики. Важное положение закреплялось в ст. 8: «В Удмуртской Республике обеспечивается выполнение законных политических, экономических, этнических и культурных прав наций и народностей, проживающих в республике. Удмуртская Республика оказывает гуманитарную помощь удмуртам, проживающим за пределами республики, в удовлетворении национально-культурных и языковых потребностей»⁴.

Подобно декларациям других республик, ВС УР изъял из ее наименования слово «автономная» и потребовал федеративных отношений с союзным и российским руководством. Поскольку в федеративной структуре СССР существовали серьезные различия, снятие прилагательного «автономная», по мнению И. В. Егорова и К. Мацузато, не означало повышения статуса республики до союзной. Это было сделано с целью манипуляции на фоне политической конкуренции между союзным и российским руководством. При этом М. С. Горбачеву, использовавшему желание бывших автономий повысить свой статус как противовес окружению Б. Н. Ельцина, удалось эффективнее наладить отношения и с элитой, и с населением УР, как и с другими республиками⁵.

Декларация стала основой для разработки новой Конституции УР, заключения Федеративного, Союзного и межреспубликанских договоров и соглашений, совершенствования законодательства УР.

Принятие документа вызвало неоднозначную реакцию в обществе. Так, в резолюции Пленума Удмуртского обкома КПСС (август 1990 г.)

отмечалось, что проект Декларации выражает интересы всех народов республики⁶.

В свою очередь, межсоюзная конференция профсоюзов, прошедшая 22 сентября 1990 г., приняла решение об изучении общественного мнения населения республики о провозглашенной Декларации. В опросе приняли участие около трех тыс. человек – жители гг. Ижевска, Воткинска, сельских районов, в том числе – рабочие, служащие, специалисты, руководители, работники лесного и сельского хозяйства, студенты, педагоги, медики. Исследование показало, что данный акт не был изучен и глубоко осмыслен гражданами из-за неорганизованного обсуждения его положений. Такой вывод позволили сделать ответы респондентов на вопрос: «Знакомы ли Вы с положениями Декларации?»: «да, я изучил их в деталях» – 7,9 %; «да, знаю в общих чертах» – 46,7 %; «только слышал, что такая Декларация провозглашена» – 35,5 %; «ничего не слышал о Декларации» – 7,0 %; затруднились с ответом 2,9 %.

Респонденты высказали следующие мнения о факте принятия Декларации: «воспринимаю Декларацию как необходимость для всего населения республики» – 7,7 %; «возможно, в этом есть необходимость, но для народа не будет ощутимой, реальной пользы от провозглашения суверенитета» – 44,6 %; «я не согласен с принятием Декларации» – 23,9 %; «я не в полной мере понимаю суть Декларации» – 18,9 %.

В ответе на вопрос: «Поможет ли провозглашение государственного суверенитета Удмуртской Республике решать проблемы?» по экономическим вопросам утвердительно ответили 9,7 %, политическим – 4,2 %, культурным – 9,4 %; национальным – 9,5 %. 60 % опрошенных выразили сомнение или затруднились прогнозировать решение данных проблем в условиях суверенитета. 36,8 % посчитали, что национальные проблемы в условиях суверенитета могли усугубиться. В то, что государственный суверенитет республики поможет народу жить лучше, верили 6,7 % опрошенных. Абсолютное большинство (66,6 %) считали, что если бы народ жил в достатке, то многие проблемы – национальные, политические и другие – вообще не стояли бы в повестке дня.

С утверждением о том, что УР – суверенное государство – согласились лишь 2,3 % респондентов. Большинство (56,1 %) полагали, что Удмуртия должна оставаться в составе РСФСР и СССР. Каждый третий (33,1 %) стоял за проведение референдума по суверенитету УР. Вместе с тем опрошенные весьма осторожно высказались за разрешение открывать на территории Удмуртии предприятия, организации и объекты

других государств, за право пользоваться природными ресурсами республики. Позитивно отреагировали на это положение Декларации лишь 12,0 % респондентов. По поводу названия республики были высказаны следующие суждения: Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика – 31,0 %; Удмуртская Республика – 24,4 %; Удмуртская Советская Республика – 17,6 %; Удмуртская Автономная Социалистическая Республика – 8,2 %⁷.

На характер и темпы суверенизации существенное влияние оказало становление новой властной элиты регионов. В советский период местные руководители находились в персональной зависимости от верховной власти. С распадом СССР и образованием РФ взаимоотношения между центром и регионами изменились. Прежде всего, значительно ослабла связь между федеральной и региональной элитами. Последняя получила определенную автономию в политико-экономической деятельности, за исключением ряда субъектов РФ. Как правило, на локальном уровне процесс элитообразования в 1990-е гг. проходил независимо от федеральной власти и на основе местных кадров. Изменился и характер взаимоотношений: региональная элита зачастую навязывала свою политическую волю Кремлю.

Рассматривая трансформацию прежней республиканской номенклатуры в сравнении с другими регионами, следует указать на некоторые общие и особенные черты этого процесса. Современные гуманитарные науки оперируют рядом классификации элит. Одна из них идентифицирует региональные элиты по степени готовности к проведению радикальных рыночных преобразований⁸.

Первый тип – это реформаторы (например Москва, Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская, Нижегородская, Калининградская, Самарская области). Что касается Нижегородской области, входящей, как и УР, в ПФО, то для нее не были характерны ни прямая трансформация прежней элиты без смены ее персонального состава (Татарстан), ни почти полная смена персонального состава элиты (Саратовская область, Калмыкия). С. В. Борисов⁹ отмечает, что данный опыт интересен тем, что нынешняя «партия власти» сложилась не путем мутации старых номенклатурных связей, а на новой персональной и иерархической основе. Нижегородская область относится к тем регионам России, где три бурных «путчевых» дня августа 1991 г. привели к кардинальным изменениям политического ландшафта как в личностном, так и структурном аспектах.

Представители второго типа элиты проповедовали «консервативный прагматизм», скептическое отношение к проводимым рыночным преоб-

зованиям. Консерваторы, как правило, осторожно подходили к навязываемым из центра реформам (Ульяновская, Воронежская, Орловская области, республики Татарстан, Башкортостан). Так, ульяновская элита в 1990-е гг. представляла своеобразный монолит, сплоченный вокруг губернатора Ю. Ф. Горячева. Она состояла из бывших советских руководителей и не понесла значительных кадровых потерь с советских времен. Деятельность элиты была направлена на сохранение номенклатурного господства над политикой и экономикой. В частности, очень велико оказалось влияние номенклатуры на сферу бизнеса. Особенностью ульяновской элиты стал переход бывших партаппаратчиков в его структуры. Частный бизнес находился под контролем истеблишмента, что тормозило развитие свободных рыночных отношений. В той же области наблюдалась такая антирыночная практика, как поставка части продуктов по себестоимости, административное регулирование уровня рентабельности, торговых надбавок, розничных цен. Характерной чертой являлась широко развитая система социальной поддержки населения.

Значительный научный и практический интерес представляет татарстанская модель формирования элиты. В этой республике не произошло серьезных изменений в составе местных руководящих кадров. В целом, данный пример показывает элитную интеграцию как результат длившегося десятилетиями «эффекта накопления», который привел к созданию основанной на согласии политической иерархии.

Третий тип, ставший наиболее распространенным, – элита, характер деятельности которой не выходил за пределы повседневной рутины и текущей реформаторской практики (например Саратовская область). В своем формировании саратовская элита в 1990-е гг. прошла несколько этапов. Для первого (1991–1996 гг.) характерно широкомасштабное хаотичное дробление власти как результат «революции вторых секретарей» после августа 1991 г. Прежняя правящая группа в лице руководителей структур КПСС оказалась замещенной соперничавшими коалициями. Последние состояли в большинстве из людей второго и третьего «эшелонов» прежнего партхозактива¹⁰. Они объединились вокруг основных властных институтов региона – администрации области, мэрии г. Саратова, областного Совета и представительства Президента РФ в Саратовской области. Указанные объединения можно назвать «группами вето»¹¹. Они выступили как властвующие субъекты со взаимно ограничивающими ролями. Данная ситуация предопределила компромиссный характер назначения как председателя областного Совета, так и главы администрации

области. Отличало Саратовскую область и отсутствие взаимоотношений между ключевыми экономическими акторами. В результате ведущие структуры региональной власти возглавили политические аутсайдеры, ставшие «чужаками» в атмосфере борьбы между политическими и экономическими группами. Реальная власть оказалась расплывлена между отдельными кланами, что снижало способность главы субъекта РФ влиять на политику региона. В данном случае элита состояла из хозяйственной номенклатуры среднего звена, крепко связанной с директорским корпусом. Присутствовали сильные промышленные и сельскохозяйственные лоббистские группы, активно вмешивающиеся в бюджетную политику. Благодаря этому, хозяйственно-экономическая деятельность руководства области во многом была направлена на удовлетворение интересов директора (последнее особенно характерно для Удмуртии). Эта элита не проводила активное реформирование, но и не противодействовала ему.

Главным фактором, влиявшим на степень суверенизации и новые отношения федеральной власти и конкретного региона, выступил различный уровень самостоятельности республик, краев, областей бывших СССР и РСФСР. Что касается Удмуртии, то для нее не были характерны ни экономическая, ни политическая автономия. Исторически сложившееся разделение труда определило место республики как крупнейшего производителя оружия (Удмуртия занимает первое место в России по удельному весу оборонной промышленности). До 85 % предприятий находилось в союзной или российской собственности. Вследствие этого политико-экономическая жизнь региона оказывается практически в полной зависимости от центральных и межрегиональных властных структур. Кроме того, в политической системе Удмуртии одну из главных ролей традиционно играли представители директорского корпуса ВПК, чей номенклатурный статус был сравним с таковым первого секретаря обкома КПСС¹².

Характерные черты элитобразования наложили отпечаток на ход конституционной реформы. 10 октября 1991 г. 8-я сессия ВС УР приняла Закон «О реформе государственной власти и управления в Удмуртской Республике», приостановивший многие положения Конституции УАССР 1978 г. Уже тогда депутаты в принципе решили вопрос об утверждении президентской исполнительной структуры.

Активными сторонниками президентской республики являлись в то время группы депутатов-удмуртов и «Демократическая Удмуртия». Однако каждая из них вкладывала в будущую модель свое содержание.

Первые разногласия выявились на национальной почве уже при обсуждении ст. 7 «Декларации о государственном суверенитете Удмуртской Республики» о равноправном функционировании русского и удмуртского языков в качестве государственных. Депутаты от г. Сарапула прямо заявили о том, что «если удмуртский язык в республике будет объявлен государственным, то Сарапул будет добиваться выхода из состава Удмуртии»¹³. Их поддержали депутаты ряда других, преимущественно русских районов и городов Удмуртии. В то время спор не принял характера конфронтации. ВС УР квалифицированным большинством провозгласил в республике в качестве государственных русский и удмуртский языки¹⁴.

В сентябре–октябре 1991 г. в ВС УР произошло противостояние при обсуждении ст. 2 проекта Закона «О Президенте Удмуртской Республики», где в качестве одного из квалификационных требований к президенту выдвигалось знание обоих государственных языков. Депутатская группа «Демократическая Удмуртия» предложила не включать эту норму в законопроект. Депутаты-удмурты настаивали на ее сохранении. Многочисленные дебаты, неоднократные голосования различных вариантов этого пункта ничего не дали. Сессия ВС УР зашла в тупик, так и не приняв решения¹⁵.

Другим поводом для разногласий стал вопрос о разграничении функций между ветвями власти. 24 октября 1991 г. ВС УР принял постановление о необходимости до принятия Закона УР «О Президенте Удмуртской Республики» начать перераспределение полномочий между основными институтами власти, их органами и должностными лицами. Проекты Комиссии ВС УР по вопросам работы Советов народных депутатов, развитию управления и самоуправления, подготовленные в ноябре–декабре 1991 г., были направлены на расширение функций Президиума ВС УР. Проект Комиссии ВС УР по вопросам законодательства (январь 1992 г.), наиболее близкий по духу демократической фракции, делил власть между Президиумом ВС и Малым Советом ВС, состоящим из 45 освобожденных депутатов. Проект Комиссии по развитию экономики и планированию (декабрь 1991 г.) предлагал предоставить президентские полномочия Председателю СМ УР. Однако депутаты не пришли к единому мнению ни по одному из предложенных вариантов. Ситуацию в республике усугубил срыв демократами работы 9-й сессии ВС УР (19 марта 1992 г.) в знак протеста против нерешения вопроса о Малом Совете. В дальнейшем, весь 1992 г. никто из республиканских политиков не поднимал проблему совершенствования государственного устройства¹⁶.

В условиях отсутствия единства взглядов региональной политической элиты на систему органов государственной власти началась подготовка к заключению договора УР с РФ. Работа шла как по линии экономического соглашения, представленного кабинетом Н. Е. Миронова, так и по линии общеполитического договора (рабочая группа создана в октябре 1991 г. на 8-й сессии, впоследствии вопрос рассматривался вплоть до подписания Федеративного договора). Е. Т. Гайдар как заместитель Председателя Правительства РФ подписал 6 декабря 1991 г. экономическое соглашение и «нефтяной протокол» к нему с Татарстаном, однако перспектива «удмуртского проекта» вылилась лишь в Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению проведения конверсии в Удмуртской Республике» от 31 марта 1992 г.¹⁷

После длительных переговоров 31 марта 1992 г. большинство субъектов России, в том числе и Удмуртия, заключили Федеративный договор, разграничивший предметы ведения и полномочия между федеральными и региональными органами государственной власти. В. К. Тубылову и Н. Е. Миронову пришлось подписать текст договора, который не соответствовал одобренному исполкомом Ассоциации «Удмурт кенеш» и принятому ВС УР проекту договора по основным положениям, закрепляющим суверенитет Удмуртии. По оценке С. Г. Щукина, все попытки заключения двусторонних «вертикальных» экономических договоров закончились для республики односторонними решениями федеральной власти¹⁸. Так, уже в июле 1992 г. к УР были применены санкции в связи с прекращением перечисления в бюджет России федеральных норм отчислений по налогу на добавленную стоимость. Для Удмуртии это была попытка наполнить суверенитет реальным финансовым содержанием. Однако центр прекратил выделение оборотных средств предприятиям ВПК. В этих условиях промышленный «генералитет» оказал жесткое давление на руководителей республики и заставил их отступить¹⁹.

Тем не менее, как справедливо отметил С. Н. Уваров, с подписанием Федеративного договора произошел отход от централистского принципа закрепления открытого перечня вопросов ведения Федерации. Устанавливались гарантии самостоятельности субъектов РФ в вопросах, не относящихся к ее компетенции, определялись предметы совместного ведения, реализация полномочий по которым предполагала обязательное участие субъектов РФ в законотворческом процессе на федеральном уровне и согласование позиций сторон. В конечном счете Федеративный договор предотвратил распад России²⁰.

В современной научной литературе сформированы типологические ряды различных темпов реального наполнения суверенитета национальных республик в составе РФ. Авторы фундаментального трехтомного «Политического альманаха России»²¹ и одной из книг проекта «Феномен Удмуртии»²² отметили, что занимая 15-е место из 21 по четырем показателям политического развития (сроки принятия Декларации о суверенитете; проведение выборов главы республики; принятие Конституции; заключение Договора о разграничении полномочий с органами государственной власти РФ), Удмуртия практически замыкала группу республик «середняков» по темпам суверенизации. Лидерами этого процесса стали Татарстан, Якутия, Башкортостан.

С 1992 г. конституционная реформа в регионах России продолжала развиваться в обстановке формировавшегося противостояния законодательной и исполнительной власти в центре. Правительственный кризис отразился и на Удмуртии. В течение 1992 г. парламент пытался отправить в отставку СМ, мотивируя это непрофессионализмом премьера. В частности, мощная «атака» на СМ была проведена 18 ноября 1992 г. на сессии ВС УР. Сразу после отчетного доклада Н. Е. Миронова в прениях выступили представители практически всех фракций и групп с резкой критикой и требованиями отставки правительства. Тайным голосованием Совету Министров УР была поставлена неудовлетворительная оценка. Однако голосования по вотуму доверия кабинету министров и его Председателю результатов не дали²³. 27 ноября того же года ВС УР вновь признал работу правительства неудовлетворительной²⁴.

Весной 1993 г. разразился скандал, связанный с нерациональным использованием СМ УР средств внебюджетного фонда стабилизации экономики от реализации нефтяной квоты. Ущерб, нанесенный республике, по материалам парламентской комиссии, составил 8,3 млрд. долларов²⁵. Другим поводом для критики правительства стало обвинение коммерческого центра «Ижипекс», имевшего правительственное разрешение на торговлю с Вьетнамом, в упущенной выгоде на сумму в 6 млн. долларов. В данном случае обвинение было направлено в адрес первого заместителя Председателя СМ УР В. А. Соловьева, члена Российско-Вьетнамской межправительственной комиссии²⁶.

В результате так называемого «нефтяного кризиса», ход которого подробно исследован И. В. Егоровым и К. Мацузато, удмуртский парламент 24 июня 1993 г. отправил в отставку Н. Е. Миронова и В. А. Соловьева. Новым Председателем СМ УР подавляющим большинством

голосов («за» – 144 депутата, «против» – 27)²⁷ был назначен А. А. Волков, работавший заместителем Председателя СМ республики. Тогда он выглядел достаточно респектабельно: с одной стороны, жесткий руководитель, обещавший покончить с полицентричностью, характерной для состава правительства Н. Е. Миронова и обеспечить монолитность СМ, с другой – сторонник коллегиальности в решении вопросов, прагматик, уходящий от политических интриг, не связанный ни с одной из правительственных группировок²⁸.

На фоне обострения противостояния представительной и исполнительной ветвей власти в центре продолжалась конституционная реформа на местах. Удмуртская национальная элита актуализировала требование об этнической квоте в парламенте, квалификационное требование к Президенту УР о знании удмуртского языка. Левая фракция, хотя и изрядно деморализованная после августа 1991 г., отстаивала идею сохранения системы советской власти и по определению была против президентской формы и профессионального парламента. Промышленный директорат тоже не одобрял президентский вариант власти, что сближало его с коммунистами. В январе 1993 г. ВС УР отложил на неопределенный срок президентские выборы в республике²⁹.

Политические консультации о включении института президентства в систему органов государственной власти республики были продолжены. Выступая в январе 1993 г. на сессии ВС УР, В. К. Тубылов доказывал необходимость введения поста Президента тем, что «в республике нет должностного лица, которое возглавило бы всю систему исполнительных органов и на основе принципа единоначалия, независимости, разделения властей обеспечило бы эффективное руководство исполнительной властью... Обладая правом издания указов и распоряжений, контроля за их исполнением, Президент имеет возможность оперативного реагирования на ситуацию в народном хозяйстве республики, принятия своевременных мер по ее стабилизации». В выступлениях Председателя ВС УР особо подчеркивалось, что «избрание Президента не становится дополнительным бременем для бюджета, так как не возникает никакой дополнительной ветви власти за исключением, возможно, небольшой группы советников и экспертов»³⁰. Лидер депутатской группы «Демократическая Удмуртия» В. Н. Скрынник заявил, что, не вводя президентство, Удмуртия отстанет от других республик в защите своего суверенитета, своих интересов³¹.

11 ноября 1993 г. ВС УР принял Закон «О Президенте Удмуртской Республики», разработанный в соответствии с основными положениями проекта

Конституции РФ, вынесенного в это время на обсуждение государственных органов субъектов России и общественности. Это единодушное решение депутатского корпуса было достигнуто благодаря сохранявшемуся высокому уровню толерантности многонациональной региональной политической элиты. Однако феномен Удмуртии заключается в том, что реализация модели парламентско-президентской республики, затянувшаяся на шесть лет, стала возможной только в постсоветский период.

¹ См., напр.: *Бехтерев С. Л.* Политическая система современной России: опыт исторического исследования (региональный аспект)...; *Егоров И., Мацузато К.* Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)...; *Спирин И. А.* Место и роль региональных элит в российском политическом процессе...

² *Баженков Г.* Наш общий дом. К 66-й годовщине образования СССР // *Пропагандист и агитатор.* 1988. № 23. С. 4–5.

³ *Уваров С. Н.* Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века... С. 54.

⁴ Декларация о государственном суверенитете Удмуртской Республики // *Вестник обкома КПСС.* 1990. № 19. С. 4.

⁵ *Егоров И., Мацузато К.* Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 293.

⁶ О работе бюро и секретариата обкома КПСС в июле–сентябре 1990 г. // *Вестник обкома КПСС.* 1990. № 21. С. 3–4.

⁷ *Козлова А.* Мнение о Декларации // *Вестник.* 1991. № 3. С. 16.

⁸ *Магомедов А. К.* Политические элиты советской провинции...

⁹ *Борисов С.* Политическая история Нижегородской области (1989–1999) // *Мацузато К., Шатилов А.* Регионы России: хроника и руководители. Саппоро. 1996. Т. 6. № 1. С. 20, 32.

¹⁰ *Рыженков С.* Саратовская область (1986–1996): политика и политики // *Мацузато К., Шатилов А.* Регионы России: хроника и руководители. Саппоро. 1997. Т. 2. № 34. С. 252–305.

¹¹ Данное понятие введено в научный оборот американским политологом Дэвидом Рисменом.

¹² *Егоров И., Мацузато К.* Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 275.

¹³ Цит. по: *Бехтерев С. Л.* Толерантность как механизм взаимодействия политических элит... С. 67.

¹⁴ Материалы Первого Всесоюзного съезда удмуртов... С. 18.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Шукин С.* Власть в законе... С. 36–37.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 7–8, 23–24.

²⁰ *Уваров С. Н.* Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века... С. 68.

²¹ Политический альманах России. 1997. Т. 1–2. Кн. 1–2. М., 1998.

²² *Губогло М. Н., Смирнова С. К.* Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации... С. 263–265.

²³ *Егоров И., Мацузато К.* Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 296.

²⁴ Удмуртия в годы реформ... С. 27.

²⁵ *Егоров И., Мацузато К.* Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 297.

²⁶ Там же. С. 297–298.

²⁷ *Шукин С.* Власть в законе... С. 8.

²⁸ *Егоров И., Мацузато К.* Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 299–300.

²⁹ Там же. С. 296.

³⁰ С сессии Верховного Совета Удмуртской Республики. Выступление Председателя Верховного Совета Удмуртской Республики В. К. Тубылова // Удмуртская правда. 1993. 30 января.

³¹ «Гвоздь» программы отозван // Удмуртская правда. 1993. 30 января.

3.2. Реформирование органов государственной власти парламентской республики на постсоветском этапе истории

Второй этап реформы (1994 г.) начался после принятия Конституции РФ, провозгласившей принцип разделения властей и создавшей независимые от государственной власти органы местного самоуправления. Неод-

нозначное толкование Закона России, обладающего высшей юридической силой, отсутствие федерального законодательства по вопросам организации государственной власти в ее субъектах и провозглашение принципа «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить» привели к дезинтеграции конституционно-правовой системы. Суверенные республики стали формировать структуры государственной власти по своему усмотрению, руководствуясь лишь собственными представлениями об оптимальной модели разделения властей.

1994 г. стал годом принятия новой Конституции УР. Ее проект полностью копировал Конституцию РФ 1993 г. и включал институт президентства в систему органов государственной власти. Однако в 1994 г. в депутатском корпусе уже отсутствовало единство в вопросе политической целесообразности такого шага по нескольким причинам. В первую очередь, на характер принятого решения существенное влияние оказал внешний фактор, обусловленный ликвидацией советской системы. Часть общества возлагала вину за кровопролитие на президентскую сторону, другая – на парламент.

Внутренний фактор определялся результатами правительственного кризиса в Удмуртии, когда новым Председателем СМ УР был избран А. А. Волков. За довольно короткий срок он становится более самостоятельной и независимой от Председателя ВС УР политической фигурой, нежели его предшественник. Уже 5 ноября 1993 г. на собрании членов Президиума ВС УР и Правительства А. А. Волков выступил с предложением провести выборы Президента УР одновременно с выборами ФС РФ¹. В данном случае формально он ссылался на опыт национальных республик, в которых, как известно, президентская система установилась к началу 1994 г.

Однако в то время законодательных оснований для реализации этих инициатив не было. Они появились лишь к февралю 1994 г., когда 21 сессия ВС УР приняла законы УР «О Президенте Удмуртской Республики», «О Верховном Совете Удмуртской Республики» и «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике». Высшим должностным лицом УР становился всенародно избираемый Президент как глава исполнительной власти. Одновременно избирался вице-президент. В законах была заложена модель двухпалатного профессионального парламента в количестве 85 депутатов. Совет представителей (верхняя палата) планировалось избирать в 25 сельских и 25 городских одномандатных округах (50 человек). Он обеспечивал гармонизацию интересов территорий. Законодательная

(нижняя) палата должна была состоять из 35 депутатов, работающих на постоянной основе. Взаимодействие представительного (законодательного) и исполнительного органов осуществлялось на следующей основе. Законодательная палата рассматривала кандидатуры предлагаемых Президентом членов Правительства. ВС мог принять решение об отстранении Президента от должности. В свою очередь, для роспуска ВС требовалось проведение референдума².

Следует отметить, что второй этап конституционной реформы протекал в условиях мультиполярной региональной политической системы, где ни высшее должностное лицо как руководитель парламента, ни глава правительства не являлись бесспорными авторитетами для групп элиты: директората военно-промышленного комплекса, обладавшего реальной властью в республике, нарождавшейся группы олигархов, включивших бывших номенклатурных работников, ставших собственниками ряда экономических структур, общественно-политических объединений. Единый центр власти на формальном уровне организации отсутствовал.

Такая многополюсная политическая система существует по своим законам. Первый из них – предотвращение попыток любого актора установить свою гегемонию; другой – увеличение или, по крайней мере, сохранение своего влияния в политике, что достигается как переговорным процессом, так и демонстрацией силы. Третий закон предостерегает от дестабилизации системы путем устранения одного из главных акторов. Он предусматривает даже усиление тех политических субъектов, которые были побеждены ранее. Это правило основано на признании того, что сегодняшний противник завтра может стать партнером в блокировании властных амбиций нынешнего союзника³. Смысл политических действий акторов такой системы заключается в поддержании равновесия (баланса) сил, т.к. это сохраняет их независимость и обеспечивает стабильность ситуации в целом.

Между тем с развитием конституционного процесса наблюдалась эволюция мультиполярно организованной политической системы в направлении к биполярной. Как представляется, последняя сложилась ко времени принятия Конституции УР, в немалой степени не без влияния результатов первых муниципальных выборов 1994 г., когда в республике обозначились две основные противоборствующие силы. Одна из них (большинство депутатов ГС УР во главе с А. А. Волковым), исходя из особенностей социально-экономического развития Удмуртии, взяла курс на совершенствование системы органов государственной власти, позволяющей эффективно решать экономические и социальные задачи.

Другая часть (меньшинство депутатов ГС УР во главе с мэрами гг. Ижевска и Воткинска, поддерживавшееся Председателем ВС УР В. К. Тубыловым) отстаивала приоритет муниципальных органов при распределении государственных финансовых ресурсов.

Вышеперечисленные факторы, а также актуализация идеи усиления исполнительной власти вызвали появление двух основных полюсов, возглавляемых гипотетическими претендентами на президентский пост. Одним из них стал В. К. Тубылов – высшее должностное лицо УР. Его политическая цель определялась формулой «слабый президент – сильный парламент». С самого начала он проявил себя как негативно-позитивный тип политика (консерватор, допускающий оппозицию). В политическом активе Председателя ВС УР были члены представительных и отчасти исполнительных органов местного самоуправления, значительная часть парламентариев, подавляющее большинство лидеров удмуртского национального движения, а также Республиканский центр поддержки самоуправления (РЦПС), политический базис мэра г. Ижевска А. И. Салтыкова.

Другим центром притяжения элиты стал А. А. Волков – Председатель правительства. В отличие от В. К. Тубылова, он сразу публично заявил о своем стремлении баллотироваться на президентскую должность⁴. Его цель, соответственно, определялась формулой «сильный президент – слабый парламент». В данном случае на всем протяжении конституционной реформы и политического процесса в целом он отождествлялся с активно-негативным типом политика (реформатор, не допускающий оппозицию)⁵. Между тем А. А. Волков показал себя как достаточно гибкий политик, вынужденный учитывать конкретные условия и внутренние законы мультиполярной системы; его отрицание оппозиции проявилось несколько позже. В реализации своей цели он опирался на исполнительную ветвь власти (как на республиканском, так и отчасти на субрегиональном уровне), профсоюзы и основные коммунистические организации.

По проекту Конституции УР 30 августа 1994 г. состоялись депутатские слушания с участием членов правительства, научной общественности и лидеров политических объединений. Они выявили неоднозначное отношение к проекту. Часть депутатов высказывалась за парламентскую республику, другая – за усиление исполнительной власти. В содокладе члена рабочей группы ВС по обобщению предложений и замечаний к проекту Конституции УР кандидата юридических наук С. Д. Бунтова также закладывалась идея об ограниченных полномочиях Президента УР, по сравнению с таковыми Президента РФ. На слушаниях возобладало

мнение о процедуре принятия Конституции только ВС УР, ибо, как считал, в частности К. И. Куликов, «выносить проект Конституции на референдум – значит ее непринятие»⁶.

Расстановка сил, сложившаяся в республике после муниципальных выборов 1994 г., а также учет «партией Тубылова» того обстоятельства, что в случае назначения выборов Президента УР победа кандидата из окружения Председателя ВС УР не гарантирована, 16 ноября 1994 г., исходя из политической оценки результатов выборов членов Совета Федерации (СФ) ФС РФ, депутаты ВС УР проголосовали за проект Конституции, предусматривающий создание парламентской республики.

Гипотетически основную роль в таком решении мог сыграть военно-промышленный директорат, который проявил нейтралитет в политических отношениях В. К. Тубылова и А. А. Волкова. Позиция хозяйственных руководителей определялась в немалой степени тем обстоятельством, что вопросы своих предприятий, находившихся в федеральной собственности, они продолжали решать в Москве.

Конституция УР была принята 7 декабря 1994 г. В ней определялся политико-правовой статус УР, закреплялись права и свободы граждан, устанавливалась система государственной власти и местного самоуправления. УР провозглашалась государством в составе РФ, исторически утвердившимся «на основе осуществления удмуртской нацией и народом Удмуртии своего неотъемлемого права на самоопределение» и суверенно осуществляющим «государственную власть на своей территории в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Удмуртской Республики...»⁷. В редакции 2000 г. слово «суверенно» было заменено на слово «самостоятельно»⁸.

В начальный период становления постсоветской государственности Удмуртии основными политическими силами была сформулирована региональная доктрина «сильного демократического государства». Главные ее положения видятся в четырех тезисах:

– суверенное осуществление государственной власти на территории УР удмуртской нацией и народом Удмуртии (ст. 1 Конституции УР);

– равноправное участие всех наций и народностей республики во всех сферах ее жизнедеятельности (ст. 1 Конституции УР);

– «Удмуртская Республика – социальное государство. Целью социальной политики является создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого человека и всего общества» (ст. 6 Конституции УР);

– «Удмуртская Республика – правовое государство» (ст. 7 Конституции УР). В плане реализации этого тезиса особо актуальной задачей на всем протяжении реформы являлось сохранение единого российского правового поля, приведение республиканского законодательства в соответствие с федеральным.

Однако при значительном влиянии парламента как органа коллегиального и в политическом смысле достаточно плюралистического, о какой-либо доктрине в законченном выражении можно говорить лишь условно. К тому же республика, с превращением ее в советскую эпоху из аграрно-индустриального в индустриально-аграрный регион, перестала быть «донором» России. Несмотря на провозглашенный суверенитет, она оставалась крайне зависимой и в политическом, и в экономическом плане от политики и доктрины федерального центра (макроуровень), и межрегиональных структур («Большой Урал», а с 2000 г. еще и ПФО).

УР, являясь государством в составе РФ, подтвердила принципы Федеративного Договора и строила свои отношения с российскими органами на основе разграничения предметов ведения и полномочий⁹. Вне пределов таковых РФ по предметам совместного ведения УР обладала всей полнотой государственной власти. Ее органы по соглашению с федеральными могли взаимно передавать и принимать на себя осуществление части их полномочий, если это не противоречило Конституции РФ, Конституции и законам Удмуртии.

Согласно новой Конституции, УР самостоятельно устанавливала систему органов государственной власти в республике. Отныне она осуществлялась на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, а также разграничения предметов ведения и полномочий¹⁰. В систему государственных органов субъекта РФ вошли ГС, Правительство, суды УР. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти провозглашались самостоятельными в осуществлении своих полномочий.

В УР признавалось и гарантировалось местное самоуправление. В рамках своих полномочий оно оказывалось самостоятельным, а его органы не входили в систему органов государственной власти. Действовало местное самоуправление на уровне городов и районов как система выборных представительных и назначаемых исполнительных органов власти на местах, решающая непосредственные вопросы населения в границах своей компетенции.

Высшим представительным, законодательным и контрольным органом УР провозглашался ГС УР, функционировавший четыре года. Его 100 депутатов избирались на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании и единой норме представительства избирателей. К ведению ГС законодатели отнесли принятие Конституции УР и внесение в нее изменений; определение внутренней и внешней политики УР; законодательное регулирование экономики, бюджетно-финансовой системы и других отношений (всего 24 вопроса).

В соответствии со ст. 83 Конституции УР ее высшим должностным лицом становился Председатель ГС УР, избиравшийся из депутатов на четыре года и представлявший республику внутри страны и в международных отношениях. Он осуществлял общее руководство подготовкой вопросов, подлежащих рассмотрению ГС; подписывал законы УР и другие акты, принимаемые ГС; представлял ГС не реже одного раза в год доклады о положении в УР и выполнении своих полномочий как высшего должностного лица; представлял ГС кандидатуры для назначения на должности Председателя Правительства УР, председателей Верховного Суда УР, Высшего арбитражного суда УР, а также для согласования кандидатуру Прокурора УР; вел переговоры и подписывал договоры с другими субъектами РФ и иностранными государствами; объявлял чрезвычайное положение на территории Удмуртии либо в отдельных ее местностях с последующим немедленным, в течение суток, созывом ГС УР; создавал временные депутатские комиссии; награждал государственными наградами Удмуртии, присваивал почетные звания УР. Одновременно Председатель ГС получил права созывать внеочередную сессию ГС; ставить вопрос о выражении недоверия Председателю Правительства и в целом Правительству УР.

Исполнительную власть в Удмуртии осуществляло ее Правительство. Председатель Правительства и его заместители, министры и председатели государственных комитетов УР назначались ГС. В компетенцию Правительства УР входило управление экономическими и социально-культурными процессами в республике: создание условий для формирования единого рынка и свободного предпринимательства; разработка и осуществление ценовой политики; управление государственной собственностью и другие полномочия, предусмотренные законом.

Председатель Правительства УР нес ответственность за его руководство перед ГС; представлял ГС кандидатуры для назначения на должности своих заместителей, министров финансов и внутренних дел, а также назначал

других членов Правительства; организовывал работу Правительства и руководил его заседаниями; распределял обязанности между своими заместителями; представлял Правительство УР в отношениях с органами исполнительной власти РФ, субъектов РФ и иностранных государств; выполнял иные полномочия в соответствии с Законом «О Правительстве Удмуртской Республики». Весьма примечательно, что перечень полномочий Правительства и Председателя Правительства УР, в отличие от полномочий ГС УР и Председателя ГС – высшего должностного лица УР, оказался открытым. С точки зрения современного управления такая система организации государственной власти представлялась анахронизмом и противоречила ряду положений Конституции РФ. Сам факт того, что Председатель ГС представлял парламенту кандидатуру Председателя Правительства, а последний, в свою очередь, осуществляя исполнительную власть, нес ответственность перед ГС и был подотчетен ему, позволила тогдашнему Председателю Конституционного Суда РФ М. В. Баглаю прийти к заключению, что система власти, созданная в Удмуртии, противоречила принципу разделения властей и лишала исполнительную власть самостоятельности.

Помимо этого, определение высшим должностным лицом руководителя парламента создавало объективные (институциональные) предпосылки властных конфликтов. Неограниченные полномочия Председателя правительства как руководителя исполнительной власти закладывали основы для его превращения в самостоятельную политическую фигуру, конфронтирующую с Председателем ГС УР и стремящимся занять его место. Объективно это усиливало позиции А. А. Волкова. Также заключительные и переходные положения Конституции УР предусматривали проведение в начале 1995 г. всенародного опроса о необходимости введения в республике поста президента.

На третьем этапе реформы (1995 г. – 3 марта 1998 г.) в соответствии с Конституцией УР, 26 марта 1995 г. одновременно с выборами депутатов ГС УР был проведен всенародный опрос о необходимости введения в республике должности президента. Такое положение явилось результатом компромисса между различными политическими силами. За институт президентства проголосовали 30,24 %, против – 63,72 % от числа принявших участие в голосовании¹¹. Удмуртия осталась парламентской республикой. В то же время в большинстве национально-территориальных образований РФ сложилась иная система органов государственной власти. В них высшее должностное лицо возглавило исполнительную власть и стало именоваться Президентом.

Федеральные органы государственной власти предпочли не вмешиваться в начавшиеся внутриэлитные противоречия в регионе, тем более что после «парада суверенитетов» в РФ наступил период «борьбы за сохранение целостности федерации». Одной из его составляющих стало подписание двухсторонних договоров между РФ и ее субъектами.

Региональный аспект этого процесса получил освещение в исследованиях К. И. Куликова. Его суть сводится к следующему. В начале 1995 г. бывший заместитель Председателя Правительства РФ, руководитель Комиссии по подготовке проекта Договора С. М. Шахрай обратился к Президенту РФ с посланием, в котором утверждал, что с увеличением числа подписанных договоров федеральные органы власти все больше отходят от ранее согласованных принципов такой работы. Широкое распространение внутридоговорной практики осложнит и столь необходимую для России административно-территориальную реформу. Укрупнение субъектов федерации, расширение полномочий местного самоуправления и переход на земельное устройство в условиях уже подписанных 39 договоров окажется просто невозможным. Позиция руководства Удмуртии приравнивалась к Северной Осетии, которая, настаивая на договоре, вслед за Башкортостаном и Татарстаном стремилась «не только поднять свой политический статус, но и выйти на новый международный уровень». К тому же, как отмечалось в документе, «в настоящее время у руководства Удмуртии нет острых внутривнутриполитических причин для выхода на специальные договорные отношения»¹². В заключении С. М. Шахрай предлагал вернуться к вопросу о внутригосударственных договорах с отдельными субъектами федерации.

Однако такой подход реализован не был. Заключение Договора с Удмуртией, ставшей седьмой в этом ряду среди национальных республик, продолжило курс России на создание конституционно-договорной системы государства при сохранении национально-федеративного принципа, сложившегося с 1918 г.

«Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Удмуртской Республики»¹³, послуживший основой для дальнейшего развития государственно-правового статуса УР, был подписан 17 октября 1995 г. в Москве. Суть соглашения сводилась к закреплению ряда государственных полномочий за УР и передаче некоторых из них РФ. В меру переданных полномочий Удмуртия оставалась субъектом РФ, а в меру взятых на себя прав и обязанностей становилась

суверенным государством. При этом в сфере делегированных полномочий однозначно действовали федеральные законы, а в сфере собственной компетенции правовое поле определялось качеством законотворческой работы удмуртского парламента.

Главное внимание уделялось предметам совместного ведения России и Удмуртии, таким как межбюджетные отношения; разработка и реализация федеральной программы социально-экономического развития УР; пенсионное обеспечение и занятость населения УР; ликвидация химического оружия, отравляющих веществ и иных средств массового поражения, размещенных на территории УР; продовольственное и иное обеспечение формирований (так в документе. – С. Б.), расположенных на территории УР, реализацией недвижимого имущества при их ликвидации; размещение иностранных военных инспекций; функционирование предприятий оборонного комплекса, расположенных на территории УР, за исключением производства вооружения и военной техники, конверсия этих предприятий и создание территориально-производственных зон; развитие агропромышленного комплекса, включая производство льна и его переработку; организация и осуществление таможенного дела в УР; владение, пользование и распоряжение лесными и нефтесырьевыми природными ресурсами на территории УР; сертификация и лицензирование отдельных видов деятельности на территории УР; кадровая политика в сфере реализации предметов совместного ведения и полномочий.

Составной частью Договора стали девять соглашений между Правительствами РФ и УР, подписанных также 17 октября 1995 г., и приложения к ним. В число соглашений вошли разграничения полномочий в области охраны окружающей среды и экологической безопасности; обеспечения функционирования предприятий оборонного комплекса, расположенных на территории УР; по владению, пользованию и распоряжению нефтесырьевыми ресурсами на территории УР; в области обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности на территории УР; в организации и осуществлении таможенного дела в УР; о разграничении государственной собственности; по вопросам межбюджетных отношений.

В число приложений к соглашениям были включены перечни нефтяных месторождений федерального и республиканского значения; государственных предприятий и объектов, находящихся в собственности РФ, а также в общей собственности РФ и УР; предприятий, нереализованные акции которых передавались в ведение органов государственной власти УР.

Достаточно противоречивая позиция центра и слабость республиканской власти определили характер Договора, точнее, тот уровень суверенитета, который в данных условиях Удмуртия могла себе позволить. Он был отражен в ст. 3 документа, определяющей, что «правовые акты Удмуртской Республики приводятся в соответствие с федеральным законом». Реальный суверенитет ставился под большое сомнение¹⁴. Так, наличие противоречий в межбюджетных отношениях на разных уровнях управления долгое время сдерживало реализацию территориального интереса, направленного на повышение эффективности региональной экономики. Существовавшая методика разграничения налоговых полномочий между уровнями бюджетной системы РФ, ежегодное изменение нормативов отчислений от федеральных налогов приводили к снижению доли налоговых поступлений в бюджет УР. Например, в 1999 г. удельный вес налоговых доходов составил в федеральный бюджет 42 %, в консолидированный бюджет Удмуртии 58 %; в 2000 г. соответственно 43 и 57 %; за первое полугодие 2001 г. 62 и 38 %¹⁵. До тех пор, пока региональные и местные власти не получают законодательно установленную автономию, они не будут заинтересованы в эффективном управлении общественными финансами, сокращении нерациональных расходов и создании благоприятных условий для экономического развития территории.

Первый опыт взаимодействия федеральных и республиканских органов государственной власти, а также сами условия социально-экономической и политической жизни РФ того времени предусматривали создание системы управления, базирующейся на принципах разграничения функциональных обязанностей и личной ответственности руководителей. Развитие соседних с Удмуртией республик и областей показывало, что успехи более весомы только тогда, когда происходит усиление роли и ответственности исполнительной власти.

С 1996 г. внутри республиканской элиты наметился хрупкий баланс сил. Создалась биполярная политическая система, где ни одна сторона – ни «государственники», ни «самоуправленцы» – не могла получить преимущества. Этот тип системы, по признанию ученых, характеризуется наличием двух примерно равных акторов или их коалиций. При этом могут существовать влиятельные неприсоединившиеся акторы, но они, как правило, нейтральны и не способны угрожать двум доминирующим. Главной особенностью биполярной системы является крайняя враждебность между ее полюсами. Основные правила ее существования следующие: устранение оппозиции любыми методами, включая силовые, если это

необходимо; усиление власти своей коалиции путем включения в нее новых членов и предотвращение других субъектов политических отношений от вступления в оппозиционный блок¹⁶.

Характерные черты биполярной системы наложили отпечаток на содержание и методы принимаемых решений, уровень компетенции руководства Удмуртии. Каждая группа правящей элиты пыталась реализовать свои стратегические цели: сторонники Председателя ГС УР А. А. Волкова – принять ряд законов, регулирующих государственное строительство и усиливавших исполнительную власть, «самоуправленцы» – не допустить таких решений и отстоять свою независимость от государственных органов. Противостояние государственных и муниципальных органов УР, резко обозначившееся с середины 1996 г., спровоцировало глубокий конституционный кризис, который был в основном исчерпан с включением института президента в систему органов государственной власти республики.

Конституционный кризис получил детальное освещение в работах, прежде всего, региональных исследователей¹⁷. Между тем он приобрел широкую известность не только в российских политических кругах, но и за рубежом. Республиканский властный конфликт втянул в себя федеральные государственные органы: Президента РФ, ФС РФ, Конституционный суд РФ, глав ряда регионов. Руководитель фракции «Яблоко» в ГД ФС РФ Г. А. Явлинский обвинил «Удмуртский Госсовет» в сепаратизме и национализме, грозящем развалом России, сравнил Удмуртию с Чечней. Один из ноябрьских номеров газеты «Вечерняя Москва» вышел с аншлагом «Кто кого: субъекты или самоуправление». Центральное издание «Коммерсант Дейли» опубликовало статью с подзаголовком: «В Удмуртии решение Конституционного суда перевели на удмуртский язык и оказалось, что там не должно быть никакой власти, кроме местной»¹⁸.

Властный конфликт имел как социально-экономические, так и политико-правовые основы. Во-первых, с крушением прежней системы организации власти резко обострилась обстановка в регионах России. Общая ситуация в республике к 1994 г. сложилась под воздействием негативных последствий политики, характерных для всей страны. Экономическая реформа, осуществлявшаяся с января 1992 г., по целому ряду причин не привела к достижению тех целей, которые были определены как важнейшие. В результате некоторые отрасли и крупнейшие предприятия Удмуртии, имеющие стратегическое значение и для России, оказались в глубоком кризисе. Наибольшее сокращение производства было допущено в трех отраслях – машиностроении, черной металлургии и химической

промышленности. На их долю в докризисный период приходилось около 60 % общего объема промышленного производства. Глубина спада в машиностроении в 1994 г. достигла 35 % от уровня 1985 г. В связи с резким снижением оборонных заказов удельный вес военной продукции в общем объеме производства на предприятиях ВПК снизился с 58,7 % в 1990 г. до 25,9 % в 1994 г. Социально-экономическое положение в республике определялось как катастрофическое.

Во-вторых, Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г., ознаменовала новый этап в становлении местного самоуправления, признав объективную необходимость его существования. В соответствии с Законом УР от 27 января 1994 г. «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике» была установлена территориальная организация местного самоуправления на уровне городов и районов (25 сельских и 5 городских поселений), т.е. в пределах административно-территориального устройства УР¹⁹. Муниципальные образования стали функционировать самостоятельно и независимо друг от друга, что и было закреплено в их уставах.

Удмуртия стала первым субъектом РФ, где был принят Закон о местном самоуправлении и проведены выборы в его органы весной 1994 г. Однако при реализации конституционных положений, до выхода соответствующего ФЗ, руководители УР и ряда других регионов РФ избрали радикальный вариант: осуществление местного самоуправления в границах административно-территориальных единиц (городов, районов). В Удмуртии были избраны главы 25 районов, пяти городов и 30 местных собраний. К. И. Куликов, например, видит причину такого радикализма удмуртских парламентариев в стремлении ВС УР во главе с В. К. Тубыловым сохранить систему Советов в иной форме²⁰.

В результате государственная власть ограничивалась лишь уровнем субъекта федерации. При данной системе формирования органов местного самоуправления представительство граждан сократилось в среднем в 14 раз. Население при этом лишалось конституционного права на его осуществление на уровне конкретных населенных пунктов в районах и части крупных городских поселений. Малочисленность представительных органов на районном и городском уровнях объективно создавала предпосылки для использования их пришедшими к власти группами интересов.

С точки зрения эффективности управления главная цель в организации любой власти – не избирать всенародно каждого чиновника, а обеспечить управляемость в обществе. Между тем с принятием такого либерального закона республика разделилась на малые сложноуправляемые

территории, а ее руководство лишилось возможности оперативно решать вопросы социального развития. В условиях отсутствия длительного исторического опыта деятельности местного самоуправления как единого хозяйственного органа на уровне крупных населенных пунктов и административно-территориальных единиц, в том числе и в столичном Ижевске, продолжавшегося структурного кризиса некоторые главы местного самоуправления стали перекладывать всю полноту ответственности за социальные выплаты и задержку заработной платы, развитие промышленности, безработицу на государственные органы, регулятивные возможности которых оказались минимальными.

Принятый в августе 1995 г. ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не позволил гармонизировать взаимоотношения государственных и муниципальных органов. Некоторые вопросы были решены без учета конституционно-правового статуса субъектов РФ, их права осуществлять законодательное регулирование в этой сфере. В законе превалировало общее благодушное отношение к местному самоуправлению, которое наделялось большими полномочиями и минимумом ответственности. Нечетко определялось главное – межбюджетные отношения, отношения собственности. Хотя ст. 6 Закона оговаривала, что реализация переданных полномочий становилась подконтрольна государству, в тех условиях ни ГС, ни Правительство УР еще не определили свое место в системе контроля.

Кроме того, органы местного самоуправления могли обеспечить «жизненно важные» потребности населения, опираясь, в первую очередь, на собственную материальную базу (объекты собственности и финансовые ресурсы). Ее формирование испытывало большие трудности, прежде всего, по причине последствий приватизации (обвальное разрушение хозяйственных связей как между предприятиями, так и внутри них; отчуждение от собственности рабочих и подавляющего большинства ИТР; ускоренный рост спекулятивно-мафиозных отношений и выросших на их почве уголовно-бандитских; настойчивое проведение линии на разрушение социальной инфраструктуры предприятий; снижение эффективности мер по социальной защите). Помимо этого, в результате приватизации государственных объектов для создания системы муниципальной собственности осталось слишком малое «поле». Жилищно-коммунальное хозяйство, жилой фонд, объекты социальной инфраструктуры не могли служить источниками доходов местного бюджета, т.к. не предназначены для этой функции. Относительно доходные предприятия как производственной,

так и непроектной сфер оказались приватизированными, а их роль в наполнении доходной части местного бюджета в связи с экономическим кризисом в стране была незначительна.

Доктрина «сильного демократического государства», заложенная в Конституции УР, таким образом, не могла реализоваться в условиях появления двоевластия государственных и муниципальных органов. Учитывая резкий спад производства, повлекший за собой сокращение жизненного уровня основной массы населения, ГС УР как высший орган государственной власти пытался к решению социально-экономических проблем привлечь муниципалитеты. Однако, по утверждению А. А. Волкова, города и районные центры стали настолько самостоятельными, что отстранились от участия в управлении, а многие должностные лица погрязли в коррупции, совершали незаконные финансовые операции²¹.

Исходя из этого, 17 апреля и 28 мая 1996 г. ГС УР принял законы «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» и «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике». Их суть заключалась в том, что в УР устанавливались единые органы государственной власти, подотчетные, с одной стороны, вышестоящим органам, с другой – своим избирателям. Принимая свое решение, ГС УР опирался на п. 2 ст. 5 Конституции УР, гласивший: «Удмуртская Республика самостоятельно устанавливает систему органов государственной власти в республике»²². Юридическим основанием для принятия законов стали и положения Договора РФ и УР от 17 октября 1995 г. Однако в самой основе данного акта были заложены предпосылки для конфликта и противостояния властей. Ряд статей принятых законов вступали в противоречие с Конституцией РФ и ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Закон УР «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» устанавливал осуществление местного самоуправления в пределах сельских поселений, поселков и «части городских поселений в границах жилых комплексов». Упразднялись выборы глав городов и районных администраций. Закреплялось положение о назначении Президиумом ГС глав администраций для выполнения государственных функций. На переходный период создавались объединенные Советы, значительно расширяющие возможности представительных органов власти, поскольку в них предусматривалась совместная работа депутатов муниципального и республиканского уровней.

С таким порядком организации системы государственной власти согласились главы районных и городских администраций, в том числе и мэр г. Ижевска А. И. Салтыков, давший согласие на свое назначение главой администрации. Однако вскоре по инициативе столичной власти конституционный кризис был обострен. 30 апреля 1996 г. мэр г. Ижевска обратился в Верховный Суд РФ с иском о признании отдельных положений Закона УР «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» недействительными. Одновременно им были направлены подобные заявления Прокурору РФ Ю. И. Скуратову и Прокурору УР В. М. Походину. Впоследствии в конфликт были активно втянуты отдельные граждане республики, учитывая, что здесь и на сегодняшний день имеются серьезные проблемы в сфере обеспечения индивидуального и коллективного права на участие в политической жизни. 20 мая 1996 г. в Верховный Суд УР обратилась С. Б. Крюкова, сотрудник Ижевской администрации. В своем заявлении она писала, что Закон УР «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» лишил ее всеобщего избирательного права, закрепленного в ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» – избирать главу местного самоуправления – мэра г. Ижевска и быть избранной на эту должность.

Верховный Суд РФ отказал А. И. Салтыкову в рассмотрении заявления, указав, что решение подобных вопросов является исключительной компетенцией Конституционного Суда РФ. Позиция федеральных властей в то время определялась, как представляется, подготовкой к очередным президентским выборам. В этой обстановке центр не мог открыто поддерживать ни ту, ни другую противоборствующую группу. Политическим фактором обуславливалась и позиция прокуратуры. Генеральной прокуратурой РФ ее республиканскому органу было действительно дано поручение проверить соответствие указанного закона Конституции РФ²³. В своем ответе А. И. Салтыкову Прокурор УР посчитал принесение протеста нецелесообразным, «учитывая сложную социально-экономическую и политическую обстановку в республике и почти единодушную позицию депутатов Государственного Совета при принятии названного Закона Удмуртской Республики»²⁴.

Вскоре после своего переизбрания на второй срок, 25 июля 1996 г. Президент РФ Б. Н. Ельцин, позднее – 113 депутатов ГД ФС РФ внесли в Конституционный Суд РФ запрос о проверке конституционности Закона УР «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике».

Именно с этого момента конституционный кризис в УР приобретает все-российскую и европейскую известность.

Ситуация, сложившаяся в республике, была использована федеральной исполнительной властью для усиления и оправдания политики «сдержек и противовесов». С одной стороны, со второй половины 1996 г. многие руководители субъектов федерации стали осознавать несовершенство (с точки зрения управляемости обществом) ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». А. А. Волков внес в СФ ФС РФ поправку к ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации», за которую проголосовали 124 сенатора. Позицию ГС УР поддержали 15 из 21 национальных республик РФ, руководители представительных и исполнительных органов областей и республик Уральского региона, депутатская группа ГД ФС РФ «Российские регионы»²⁵.

Специальное обращение к Президенту РФ «как гаранту обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти» с просьбой отозвать свой запрос о проверке конституционности Закона УР «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» принял Совет Ассоциации экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона «Уральская» (Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Курганская, Оренбургская, Пермская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области, Коми-Пермяцкий автономный округ). Одновременно Ассоциация обратилась к председателям СФ и ГД ФС РФ Е. С. Строеву и Г. Н. Селезневу с просьбой об ускорении рассмотрения и принятия проекта ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»²⁶.

Диаметрально противоположную оценку действиям ГС УР дала фракция ГД ФС РФ «Яблоко» и представители политического движения «Наш дом – Россия» (НДР), новой «партии власти» в стране. Их поддержали многие депутаты фракций ГД ФС РФ ЛДПР и КПРФ, республиканские отделения вышеназванных организаций. В результате ГД ФС РФ в целом отвергла поправку к ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Федеральный центр оказался в сложном положении. Встать на сторону какой-либо политической силы означало противоречить политике «сдержек и противовесов». Поэтому Конституционный Суд РФ 24 января 1997 г. принял двоякое решение. Признав отраженное в законе право

республики создавать органы государственной власти в районах и городах, он отверг возможность назначения их глав государственными органами УР²⁷.

Каждая группа участников конфликта расценила решение Конституционного Суда РФ как свою полную победу. Уже 27 января 1997 г. на пресс-конференции А. А. Волков заявил, что «органы государственной власти в городах и районах будут продолжать работать... и кроме Ижевска что-либо корректировать и изменять необходимости нет»²⁸.

В свою очередь «самоуправленцы» заручились поддержкой Президента РФ. Выступая 6 марта 1997 г. с традиционным ежегодным посланием ФС, Б. Н. Ельцин отметил, что «власти Удмуртии пытаются игнорировать решения даже Конституционного Суда. Предупреждаю, у меня хватит воли добиться, чтобы Конституция Российской Федерации действовала в полном объеме и на всей территории страны». Он также заявил, что будет «решительно наказывать нарушителей Конституции и Законов»²⁹. В то же время в Послании указывалось на необходимость наведения порядка во власти: «Страной должна управлять власть, а не обстоятельства. Пора наводить порядок»³⁰. Перед ФС РФ ставилась задача ускорения работы над важнейшими конституционными законами.

10 марта 1997 г. Президент РФ издал Указ № 193 «О мерах по реализации постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. № 1–11 по делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике». Указом упразднились объединенные Советы и восстанавливались муниципальные институты, действовавшие до принятия Закона. Другим Указом Президента РФ от 16 апреля 1997 г. в УР была введена должность Полномочного представителя Президента РФ, что явилось исключительным случаем для национальных республик³¹. Однако, вопреки ожиданиям лидеров удмуртского национального движения, им был назначен не В. К. Тубылов, а вице-мэр г. Ижевска В. В. Балакин, входивший в руководство регионального отделения НДР. Тем самым усиливались политические позиции «самоуправленцев». К этому стоит присовокупить тот факт, что 29 мая 1997 г. Президент России подписал Указ о создании Совета по местному самоуправлению. На его первом заседании 3 июня 1997 г. было принято решение о формировании конгресса муниципальных образований РФ, председателем которого стал мэр г. Ижевска А. И. Салтыков³².

В этой связи важно отметить, что в среде удмуртских политиков, от позиции которых в немалой степени зависели характер и масштабы

противостояния, не было единого мнения о необходимости введения должности Полномочного представителя Президента РФ. Наиболее взвешенную позицию выявил К. И. Куликов, предложив аннулировать решение Исполкома Ассоциации «Удмурт кенеш» о назначении В. К. Тубылова на этот пост. И хотя впоследствии решение было отозвано, данный шаг не сыграл особой роли. Ибо вопрос о полпредстве уже был предreshен заранее, в немалой степени благодаря позиции федерального центра. По справедливой оценке К. И. Куликова, руководство Ассоциации в очередной раз проявило политическую неграмотность³³.

Противоборство властных элит, таким образом, было далеко не исчерпано. К лету 1997 г. Удмуртия, особенно ее экономика, оказалась настолько измотана противостоянием, что в Федеральной целевой программе социально-экономического развития УР на 1997–2000 гг. отмечалась невозможность «осуществить переход к рыночным отношениям без масштабной государственной поддержки»³⁴. В этой обстановке федеральный центр решил не препятствовать стремлению «партии Волкова» расширить свое влияние на местные органы. Опираясь на Указ Президента РФ от 22 декабря 1997 г. «О мерах по совершенствованию взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в Удмуртской Республике», руководство ГС УР 4–9 января 1998 г., в самый разгар новогодних праздников, провело сходы граждан в сельских районах по изменению границ муниципальных образований. Формирование государственных органов на районном уровне поддержало 87 % населения (93 886 человек), в то время как 58 % (62 652 человека) почитало целесообразным уровнем образования органов местного самоуправления сельсоветы и рабочие поселки. Большую роль в ходе собраний сыграли руководители районных администраций, оставаясь защитниками идеи огосударствления административно-территориальных единиц.

Основываясь на результатах опроса, в январе 1998 г. ГС УР принял ряд законов об органах государственной власти районов республики и проведении в них выборов 12 апреля 1998 г. Федеральное руководство поспешило дистанцироваться от позиции лидеров Удмуртии, т.к. опрос проводился не совсем корректно. По рекомендации представителей Администрации Президента РФ, прибывших в Удмуртию с рабочим визитом, ГС УР отменил свое решение о проведении выборов.

Одновременно по инициативе депутатов республиканского парламента, поддерживавших А. А. Волкова, специально созданная комиссия подготовила предложения о внесении изменений и дополнений

в Конституцию Удмуртии. 3 марта 1988 г. началось всенародное обсуждение проекта. Оппозиция в лице меньшинства депутатов ГС УР во главе с Председателем Правительства УР П. Н. Вершининым не представила свой проект. Всю критику она сосредоточила на фигуре А. А. Волкова как возможного кандидата на должность Президента. В связи с предлагаемым проектом новой редакции Конституции, 13 февраля 1998 г. Национальное Собрание Всеудмуртской Ассоциации «Удмурт кенеш» в своем заявлении отметило, что «введение дополнительного института Главы республики не является для Удмуртии ни актуальным, ни необходимым»³⁵.

Явное ослабление регионального руководства не входило в планы федерального центра. Поэтому 26–28 марта 1998 г. в г. Ижевске в ходе рабочей встречи представителей государственных и муниципальных органов РФ и УР было принято решение о целесообразности включения в систему органов государственной власти Главы республики, ГС, Правительства. При этом Глава УР мог возглавить исполнительную власть. По вопросу совмещения должностей Главы и Председателя Правительства предлагалось провести рейтинговое голосование на сессии ГС. В подписании протокола приняли участие представители всех его фракций.

В этих условиях изменение соотношения сил в высшем эшелоне власти Удмуртии, завершение формирования системы государственных органов было возможно только парламентским путем.

¹ Егоров И., Маузуато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 305.

² Конституция Удмуртской Республики. Проект // Удмуртская правда. 1994. 24 июня.

³ John T. Rourke. International Politics on the World Stage... P. 62–63.

⁴ Егоров И., Маузуато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 307.

⁵ Barber James David. Presidential Character, 3rd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1985; John T. Rourke. International Politics on the World Stage... P. 118.

⁶ Куликов К. ...А принимать должен Верховный Совет // Известия Удмуртской Республики. 1994. 3 сентября.

⁷ Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995. С. 4.

⁸ Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000. С. 4.

⁹ Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995. С. 21; Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000. С. 18.

¹⁰ Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995. С. 5.

¹¹ Постановление Центральной избирательной комиссии Удмуртской Республики «Об итогах выборов депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики и всенародного опроса о введении поста Президента (Главы) Удмуртской Республики» // Удмуртская правда. 1995. 4 апреля.

¹² Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 188–189.

¹³ Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 24 октября.

¹⁴ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 191.

¹⁵ Боткин О. И. Бюджетный федерализм в интересах региона // Федерализм в фокусе отношений между центром и регионами. Ижевск, 2001. С. 27–28.

¹⁶ John T. Rourke. International Politics on the World Stage... P. 61.

¹⁷ Бехтерев С. Л. Политическая система современной России...; Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)...; Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 94–124.

¹⁸ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 94–95.

¹⁹ Войтович В. Ю., Иванова А. А. Местное самоуправление в Удмуртии... С. 60; Известия Удмуртской Республики. 1994. 5 февраля.

²⁰ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 95–96.

²¹ Там же. С. 96.

²² Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995. С. 5.

²³ Ответ Н. И. Морозовой, старшего советника юстиции, начальника отдела по надзору за законностью правовых актов Генеральной прокуратуры РФ А. И. Салтыкову, Мэру г. Ижевска от 14 мая 1996 г. № 7/5-1-803-96 // Текущий архив Apparata ГС УР.

²⁴ Ответ В. М. Походина, государственного советника юстиции 2 класса, Прокурора УР А. И. Салтыкову, Главе администрации г. Ижевска от 17 мая 1996 г. № 7-14-96 // Текущий архив Apparata ГС УР.

²⁵ Известия Удмуртской Республики. 1996. 19 октября, 22 октября.

²⁶ Решение Совета Ассоциации экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона «О внесении изменений и дополнений

в законодательство Российской Федерации по вопросам местного самоуправления» от 16 октября 1996 г. // Текущий архив Apparata ГС УР.

²⁷ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 109.

²⁸ Цит. по: Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 109.

²⁹ Порядок во власти – порядок в стране. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 1997. 7 марта.

³⁰ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1997. С. 6.

³¹ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 337–338.

³² Подробно см.: Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 94–124.

³³ Там же. С. 115.

³⁴ Цит. по: Крылова А., Бехтерев С., Бехтерева Л. Удмуртская Республика... С. 55.

³⁵ Цит. по: Бехтерев С. Л. Конституционная реформа в Удмуртской Республике... С. 38.

3.3. Переход к парламентско-президентской модели республики

С принятием ГД ФС РФ и подписанием 6 октября 1999 г. Президентом РФ ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» начался новый этап конституционной реформы в России и ее регионах. Закон утвердил важнейшие принципы государственного устройства и определил, что высшее должностное лицо субъекта РФ избирается всенародно и возглавляет высший исполнительный орган. Его наименование формулировалось конституцией субъекта РФ с учетом исторических, национальных и иных традиций. Обозначался двухлетний срок для приведения регионального законодательства в соответствие с установленными принципами.

Важность реализации этого закона была подтверждена в программной статье тогдашнего Председателя правительства России В. В. Путина: «Мы находимся на этапе, когда даже самая верная экономическая

и социальная политика дает сбои при проведении ее в жизнь из-за слабости государственной власти, органов управления. Ключ к возрождению и подъему России находится сегодня в государственно-политической сфере. Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее... Сильная государственная власть в России – это демократическое, правовое, дееспособное федеративное государство»¹.

Принятие ФЗ поставило точку и в споре о государственном устройстве УР – парламентская или парламентско-президентская республика, и, соответственно, нужен или нет Президент (Глава) УР. Начался **пятый, заключительный этап конституционной реформы в УР (октябрь 1999 г. – 28 ноября 2000 г.)**. Он был призван устранить объективные предпосылки для создания конфликтных ситуаций между ветвями власти и перераспределить полномочия в соответствии с требованием федерального законодательства.

Этот этап проходил в условиях явно обозначившейся смены федеральной политики «сдержек и противовесов», проводимой в период правления Б. Н. Ельцина, на усиление вертикальной структуры организации власти, характерное для политического окружения В. В. Путина. Вместе с тем после парламентских выборов в УР происходит значительное усиление «партии Волкова» и ослабление оппозиции, которая не представляла какого-либо единого авторитетного лидера. Данные обстоятельства актуализировали политико-правовую деятельность субъектов политической системы. На основе Постановления ГС УР от 16 ноября 1999 г., принятого на 6-й (внеочередной) сессии, руководствуясь упомянутым ФЗ и «в целях своевременной и качественной подготовки предложений по внесению изменений и дополнений в Конституцию Удмуртской Республики»² была создана Конституционная комиссия (36 человек), куда вошли депутаты ГС и члены Правительства УР, представители органов местного самоуправления, политических партий и общественных организаций, привлечены юристы. Ей поручалось завершить работу в срок до 1 мая 2000 г. Одновременно с выборами депутатов ГД ФС РФ 19 декабря 1999 г., с учетом требований Всеудмуртской Ассоциации «Удмурт кенеш», на основе Закона УР³ был проведен опрос с целью выявления мнения о наименовании высшего должностного лица УР. В нем участвовало 61,68 % избирателей. 51,74 % высказались за название «Президент УР», а 43,65 % – «Глава УР»⁴. Данное положение было юридически закреплено Постановлением ГС УР от 23 декабря 1999 г. «Об итогах опроса о наименовании высшего должностного лица Удмуртской Республики».

Восьмая (внеочередная) сессия ГС УР 24 января 2000 г. приняла Постановление о назначении на 26 марта 2000 г. референдума по внесению поправки в ч. 1 ст. 10 Конституции УР, изложенной в следующей редакции: «Государственную власть в Удмуртской Республике осуществляют Государственный Совет Удмуртской Республики, Президент Удмуртской Республики, Правительство Удмуртской Республики, Конституционный Суд Удмуртской Республики, мировые судьи Удмуртской Республики. В Удмуртской Республике могут образовываться иные органы государственной власти. Порядок их формирования и компетенция определяются законами Удмуртской Республики в соответствии с федеральным законодательством».

С весны 2000 г. в Удмуртии развернулась организационно-разъяснительная работа по подготовке к внеочередным выборам Президента РФ в связи с отставкой Б. Н. Ельцина и референдуму по изменению Конституции УР, включавшую институт президентства в систему органов государственной власти. Сторонники А. А. Волкова выдвинули две взаимосвязанные задачи: обеспечить высокую явку избирателей во всех административных районах и, опираясь на волеизъявление граждан, привести ключевые положения Конституции УР в соответствие с требованиями ФЗ. Ряд глав местного самоуправления при активной поддержке Удмуртской республиканской организации КПРФ, Всеудмуртской Ассоциации «Удмурт Кенеш», региональных отделений ДВР, «Яблока» пытались сорвать проведение референдума, что объективно вело к снижению явки избирателей.

В агитационной кампании государственных органов упор делался на разъяснение платформы исполнявшего обязанности Президента РФ В. В. Путина, необходимость укрепления вертикали государственной власти (федеральный центр – регион), исполнение федерального законодательства в УР путем приведения в соответствие с ним основных законов республики, расширение демократических норм и процедур участия граждан в государственном строительстве. 10 марта 2000 г. впервые в истории УР были проведены Конституционные чтения с участием общественности, выявившие позиции различных политических сил и спрогнозировавшие их поведение накануне выборов и референдума.

В поддержку института президентства выступили Общество русской культуры УР, ОУК «Дэмен», ТОЦ УР, Союз марийцев Удмуртии, Республиканский центр российских немцев в УР. В коллективном обращении «Покажем свое единство!» они следующим образом аргументировали

свою позицию: «Нам нужен всенародно избранный Президент республики – как гарант исполнения закрепленных Конституцией Удмуртской Республики равноправия народов независимо от их численности, уважения прав и свобод человека, возможностей личного и этнокультурного самовыражения...»⁵. Это мнение поддержали Удмуртский республиканский совет ветеранов, Союз женщин и Совет Федерации профсоюзов УР, Общественно-политическое движение «Удмуртия», Избирательное объединение «Молодежь Удмуртии», УМОО «Шунды», Комитет ветеранов локальных войн, депутатские фракции ГС УР «Промышленники и предприниматели» и «Единство», удмуртские региональные отделения КДП (ПНС), АПР, ОПОО «Отечество», объединения «Народный дом», Ассоциация развития малого предпринимательства и др.

В то же время ряд оппозиционных партий и организаций (Ижевская городская организация Всеудмуртской Ассоциации «Удмурт Кенеш», Ижевский городской Совет ветеранов, Городской женский Совет, Городской центр «Подросток», Городской комитет ветеранов войны, Ижевский центр международной программы «Диабет», региональные отделения «Яблока» и ДВР) подписали открытое обращение к избирателям Удмуртии. В нем, помимо призывов к населению прийти на выборы и проголосовать за достойного кандидата на пост Президента РФ, содержалось обращение для «всех, кто хочет видеть в Удмуртии сильную государственную власть, способную решать экономические вопросы и действительно работать на улучшение жизни простого человека, прийти 26 марта на избирательные участки и проголосовать на референдуме «нет!». Это свидетельствовало о стремлении оппозиции создать в республике кризисную ситуацию через игнорирование требований федерального законодательства.

Усилия оппозиционеров не смогли дать сколько-нибудь заметных результатов. На выборы Президента РФ и референдум в УР пришли более 70 % граждан, имевших право голоса. За В. В. Путина проголосовали 61,01 % избирателей; 68,80 % участников референдума положительно решили вопрос о включении института президентства в систему органов государственной власти Удмуртии. На основе результатов референдума была продолжена работа над внесением изменений и дополнений в Конституцию.

Конституционной комиссией был осуществлен ряд согласительных процедур. По предложению фракции «Единство» ГС УР придавались контрольные функции. Его компетенция дополнялась правом согласования кандидатуры для назначения на должность Министра внутренних дел.

Определялся порядок согласования ГС УР кандидатуры для назначения на должность Председателя Правительства. Комиссия учла предложение депутатской группы «Коммунисты Удмуртии» о том, что внутреннюю политику УР определяет не только Президент, но и ГС УР.

В конце марта 2000 г. проект Закона УР «О внесении поправок в Конституцию Удмуртской Республики» был отправлен на юридическую экспертизу в Главное государственно-правовое управление Президента РФ, Министерство юстиции РФ, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России, а также в Правительство, Прокуратуру, Министерство юстиции, Верховный Суд УР. Во всех заключениях в качестве положительного факта отмечалась нацеленность законопроекта на приведение Конституции УР в соответствие с Конституцией РФ и федеральным законодательством. В результате, по оценкам экспертов, УР вошла в десятку субъектов РФ, максимально обеспечивающих принцип единства правового пространства РФ на своей территории.

4 апреля 2000 г. законопроект был официально опубликован в республиканских СМИ⁶. Он рассматривался 10-й (внеочередной) сессией ГС УР. Инициаторами проекта выступили 89 из 100 депутатов. 18 апреля 2000 г. он обрел статус закона, получив поддержку 91 депутата, и был воспринят одинаково положительно как «государственниками», так и «самоуправленцами».

16 мая 2000 г. 11-я сессия ГС УР приняла «за основу» законы «О Президенте Удмуртской Республики» (68 голосов) и «О выборах Президента Удмуртской Республики» (59 голосов). Необходимость нового определения легитимности Президента республики объяснялась, в первую очередь, тем обстоятельством, что прежний Закон УР «О Президенте Удмуртской Республики», по оценке начальника правового управления Аппарата ГС УР К. А. Глухова, не учитывал изменений, произошедших в российском законодательстве. Предлагавшийся проект Закона был разработан в полном соответствии с ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в точности повторял нормы Конституции УР. Согласно этому документу, Президентом УР мог стать гражданин России, не моложе 30 лет, обладающий пассивным избирательным правом. В свою очередь, Ж. В. Дворцова, председатель постоянной комиссии ГС УР по государственному строительству, национальной политике и местному самоуправлению отметила, что не имелось юридических оснований для внесения в законопроект предлагавшихся

рядом деятелей удмуртского национального движения ценза оседлости и языкового ценза, нарушающих избирательные права граждан РФ⁷.

Большие разногласия возникли в ходе обсуждения законопроекта «О выборах Президента Удмуртской Республики». Его поддержали депутатские фракции «Промышленники и предприниматели», «Единство», базовые структуры «партии Волкова».

Оппозиция выступила с критикой законопроекта. «Я собирался выдвигаться, но по такому закону этого делать не хочу», – заявил В. К. Тубылов. Депутат С. В. Беркутов (Союз правых сил) (СПС) внес более 30 замечаний: сокращение сроков подачи заявок в Избирательную комиссию, снижение количества подписей, необходимых для регистрации кандидата на должность Президента, нотариальное заверение всех документов при регистрации, отсутствие денежного залога как процедуры регистрации и др. Мэр г. Воткинска В. Л. Фридрих отметил, что законопроект написан для одного конкретного человека. Первый заместитель Председателя ГС УР П. Н. Вершинин посчитал, что нарушаются некоторые нормы федерального законодательства, вопреки которому предусматривалось досрочное голосование на дому и кандидату в президенты могла отказать в регистрации Избирательная комиссия УР, а не суд и т.п., и предложил отправить проект закона на доработку⁸.

Основные претензии к разработчикам законопроекта заключались в определении степени легитимности президента. Им, исходя из заложенного в Законе числа проголосовавших, мог стать кандидат, набравший 6,25 % голосов (меньше 70 тыс. человек при около 1 200 тыс. избирателей УР). Выборы планировалось проводить в один тур. Для избрания кандидату требовалось набрать большинство голосов при условии, что за него проголосует не менее 25 % избирателей, принявших участие в голосовании. Для признания выборов состоявшимися было достаточно 25-процентной явки.

Формальные основания для такой критики существовали. В соседних национальных республиках действовали более жесткие нормы. В аналогичных законах Татарстана и Башкортостана требовалась не менее чем 50-процентная явка избирателей. Однако авторы проекта закона исходили, прежде всего, из того, что в 50 субъектах РФ явка на выборах высшего должностного лица устанавливалась на уровне 25 %. Оправданность такого порога подтверждала и статистика выборов в местные органы власти УР предыдущих лет, на которых активность избирателей не превышала 50 %. Учитывался и финансовый аспект: стоимость одного тура выборов составляла свыше 12 млн. руб., второго тура – еще 6 млн. руб.

После принятия законопроекта «за основу» была создана согласительная комиссия для отработки всех предложенных замечаний. 8 июня 2000 г. сессия ГС УР, рассмотрев более 200 поправок, приняла «в целом» законы УР «О Президенте Удмуртской Республики» (77 голосов), «Об Избирательной комиссии Удмуртской Республики» (74 голоса) и «О выборах Президента Удмуртской Республики» (76 голосов). Нижний порог легитимности Президента УР определялся не менее чем 25 % избирателей, проголосовавших за ту или иную кандидатуру, при явке не менее 25 %.

20 июня 11-я сессия ГС УР поименным голосованием депутатов («за» – 64, «против» – 12, «воздержались» – 5) определила дату всенародных выборов первого Президента Удмуртии – 15 октября 2000 г. После принятия решения о выборах конституционная реформа вступила в завершающую стадию. Ее составляющими стали выборы Президента УР, Председателя ГС УР, согласование нового состава Правительства УР.

Первый этап президентской кампании (июнь–июль 2000 г.) протекал в условиях самоопределения потенциальных кандидатов и их политического базиса. Наиболее вероятными претендентами на высший государственный пост в Удмуртии назывались А. А. Волков, Председатель ГС УР; П. Н. Вершинин, второй Первый заместитель Председателя ГС УР; Н. А. Ганза, новый Председатель Правительства УР; в числе прочих – А. В. Солуянов, экс-депутат ГД ФС РФ, директор программ стратегического развития Ижевского электромеханического завода «Купол»; Ю. Д. Маслюков, Председатель комитета ГД ФС РФ; Н. И. Сапожников, депутат ГД ФС РФ, первый секретарь Удмуртского рескома КПРФ; Е. Г. Одиянков, один из руководителей СПС в УР; А. И. Салтыков, мэр г. Ижевска; В. В. Забильский, экс-кандидат в депутаты ГД ФС РФ; А. В. Трефилов, Президент Союза уральской молодежи и некоторые другие.

Каждый из ожидаемых кандидатов обладал разной степенью влияния на ресурсы, необходимые для победы. В плане использования административных рычагов бесспорное преимущество оставалось за А. А. Волковым. С предложением выдвинуть свою кандидатуру к нему обратились главы 22 представительных органов местного самоуправления, руководители предприятий и организаций гг. Глазова, Сарапула, Можги, Алнашского и Можгинского районов, Совет директоров промышленно-экономической ассоциации Удмуртии «Развитие». Участник подписания обращения, Глава администрации Увинского района С. Г. Иконников так прокомментировал выбор руководителей районов: «Никакого давления не было... В ходе обсуждения этого вопроса все участники совещания пришли к общему

мнению, что лучшим «раскладом» для населения всей республики станет, если Президентом будет избран Александр Волков, Николай Ганза останется Председателем Правительства, а Павел Вершинин возглавит Государственный Совет».

В общественно-политических кругах активно обсуждалась возможность объединения ресурсов Н. А. Ганзы и П. Н. Вершинина. При этом оба они, имевшие отношение к исполнительной власти, опирались на руководителей хозяйств и часть глав администраций районов. К П. Н. Вершинину поступили, в частности, обращения от администрации колхоза «Путь Ильича» Завьяловского района, групп избирателей г. Сарапула, Игринского, Вавожского районов.

Традиционно важнейшим избирательным ресурсом являются финансы. В какой-то степени оценить этот показатель можно на основании официальных данных о средствах, поступивших на счета избирательных фондов кандидатов. Значительными финансами обладал П. Н. Вершинин (982 800 руб.). За ним следовали ресурсы Н. А. Ганзы (944 670 руб.), А. А. Волкова (889 980 руб.) и А. В. Солуянова (832 000 руб.)⁹. Даже с формальной точки зрения следует признать, что финансовый ресурс был в значительной степени сконцентрирован в руках оппозиции, хотя и разрозненной.

Следующий ресурс – информационный. Под контролем А. А. Волкова находились, прежде всего, государственные СМИ. Они постоянно освещали деятельность высшего должностного лица в социально-экономической сфере, озвучивали позитивные моменты его программы. Негатив и компромат на оппонентов А. А. Волкова использовался значительно в меньшей степени. В СМИ активно и практически безошибочно разыгрывался так называемый ресурс «высшего должностного лица», заложенный действующим законодательством, согласно которому Председатель ГС УР не был обязан уходить в отпуск (аналог с выборами Президента РФ в 2000 г.). Кроме того, ему удалось привлечь на свою сторону влиятельные негосударственные, оппозиционные прежде издания «Аргументы и факты Удмуртии», «Золотая провинция», телекомпанию «Новый регион», обеспечить идеологическое руководство газетами «Совершенно конкретно», «Русская газета в Удмуртии» и др.

П. Н. Вершинина поддерживала газета «Герд», печатный орган Всеудмуртской Ассоциации «Удмурт кенеш». Ее издание финансировалось республиканским бюджетом. Н. А. Ганза курировал газету «День», находившуюся под влиянием части руководства партии «Единство». Как отметил

Президент Всеудмуртской Ассоциации «Удмурт кенеш» В. К. Тубылов, в основном позиции этих изданий совпадали. Названные печатные органы предлагали свое видение конфигурации будущей кампании. Основные их тезисы сводились к следующему: кампания по степени накала страстей ожидалась беспрецедентной. Не исключались участие криминала, больших денег, привлечение «черных» технологий¹⁰.

Рассматривая в качестве возможных кандидатур А. А. Волкова и Н. А. Ганзу, газета «Герд» подчеркивала, что последний прямолинеен и откровенен, чем притягивает людей. Принципиальный премьер четко продемонстрировал сильную позицию. В экономических успехах Правительство Н. А. Ганзы следовало программе, разработанной еще кабинетом П. Н. Вершинина. В случае соперничества Н. А. Ганзы с А. А. Волковым побеждал первый. Сравнивая шансы А. А. Волкова и П. Н. Вершинина, газета отмечала, что оба хорошо знают хозяйство, возглавляли правительство. Но А. А. Волков, в отличие от П. Н. Вершинина, хуже разбирался в сельском хозяйстве. В последнее время Председатель ГС УР был занят только политикой. Руководя республиканским парламентом уже второй срок, приобрел прочные связи в федеральных и региональных структурах власти. Однако в политике оказался недалководен, непоследователен и близорук.

Рассматривая выборы первого Президента УР в общем контексте формирования постсоветской политической системы, следует детально проанализировать общественно-политический ресурс кандидатов.

Развитие финальной стадии эволюции системы органов государственной власти УР происходило в рамках новой властной структуры РФ. 13 мая 2000 г. Президент РФ В. В. Путин подписал Указ «О Полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». УР была отнесена к ПФО с центром в г. Нижний Новгород. Указ получил однозначную поддержку руководства УР и был расценен как мера, направленная на усиление государственной власти. А. А. Волкову удалось рекомендовать на пост Главного федерального инспектора по УР члена своей команды С. В. Чикурова, который наряду с первым заместителем Председателя Правительства УР Ю. С. Питкевичем фактически возглавил предвыборный штаб высшего должностного лица.

Кроме того, А. А. Волков избрал оптимальную тактику по отношению к Н. А. Ганзе, частично поддержанного «Единством». Меры А. А. Волкова против премьера – создание «двойника» Правительства УР в лице рабочей группы С. В. Чикурова по разработке Программы развития Уд-

муртии и «двойника» партии «Единство» в лице Коалиции общественных объединений УР «Единство ради созидания». Удачным тактическим ходом высшего должностного лица УР стало проведение 10 октября 2000 г. государственного приема общественных деятелей по случаю десятилетия принятия Закона СССР «Об общественных объединениях», послужившего началом становления гражданского общества в современной России. Это мероприятие было названо Днем общественника.

Из 170 общественных и политических объединений, опрошенных во второй половине июля 2000 г. Коалицией «Единство ради созидания» в ходе сбора подписей под Обращением к А. А. Волкову выдвинуть свою кандидатуру на должность Президента УР, руководители 90 организаций высказались в пользу А. А. Волкова, 12 – П. Н. Вершинина, шесть – Ю. Д. Маслюкова, одной – Н. А. Ганзы, одной – другого претендента (фамилия не названа). 36 объединений к тому времени еще не определились с выбором, 15 сохраняли нейтралитет, восемь выступали против кандидатуры А. А. Волкова, а одно – против всех возможных кандидатур.

Общественный базис А. А. Волкова составила сеть агитаторов, принадлежащих к Удмуртскому отделению ОПОО «Отечество», а ранее – к ОПД «Удмуртия», сложившаяся в ходе парламентских выборов 1999 г. как республиканского, так и федерального уровня. Немаловажное значение для него имела позиция организаций коммунистического спектра и, прежде всего, республиканской организации КПрФ. Несмотря на относительный неуспех коммунистов на выборах депутатов ГС УР второго созыва, они укрепили свой статус в ходе выборов депутатов ГД ФС РФ. Их представитель, первый секретарь Удмуртского рескома КПрФ Н. И. Сапожников подтвердил мандат депутата ГД. С учетом того, что «левые» были крайне непоследовательными союзниками А. А. Волкова в поддержке его законодательных инициатив, они гипотетически могли выдвинуть кандидатуру на президентскую должность из своего окружения. Так и произошло. Удмуртская организация КПрФ обратилась с подобным предложением к Ю. Д. Маслюкову. Он его отклонил. Тогда коммунисты решили не поддерживать на выборах ни Н. А. Ганзу, ни П. Н. Вершинина. В конечном итоге левые силы решились на выдвижение от группы избирателей В. Н. Ануфриева, генерального директора Государственного Управления «Удмуртпродконтракт». Однако в самый критический момент он снял свою кандидатуру в пользу А. А. Волкова.

Наиболее часто обсуждаемыми в правополитическом и правовом спектре («Единство» и СПС) стали кандидатуры П. Н. Вершинина и Н. А. Ганзы.

При этом как в том, так и в другом объединении отсутствовало единство взглядов на консолидированную фигуру как противовес А. А. Волкову. Объяснялось это рядом обстоятельств. Во-первых, шел активный процесс становления новой «партии власти» – «Единства». 27 мая 2000 г. в Москве проходил ее учредительный съезд. В составе удмуртской делегации было немало влиятельных политиков как из окружения А. А. Волкова (руководитель местного отделения движения «Единство» – заместитель Председателя Правительства УР Н. И. Хохлов, лидер молодежного «Единства» в УР Р. М. Гатаулин), так и представители оппозиции (депутаты ГС УР Э. В. Касимов и С. Г. Беркутов). Как пояснил по возвращению с партийного форума Н. И. Хохлов, после создания регионального отделения партии и назначения даты выборов ожидалось принятие решения о поддержке той или иной кандидатуры.

Во-вторых, отсутствовало единство и в организациях правого толка. С одной стороны, в мае–июне 2000 г. было образовано Удмуртское региональное отделение СПС, оппозиционного высшему должностному лицу УР. В состав руководства вошли врач Ю. Г. Одиянков (брат Е. Г. Одиянкова), предприниматель М. С. Рахманов, лидер регионального отделения партии ДВР В. Н. Скрынник, редактор оппозиционной в то время газеты «АиФ Удмуртии» С. В. Светлов, представитель регионального отделения движения «Новая сила» В. Д. Шулаев. Возглавил Координационный совет кандидат юридических наук Д. В. Шумков, фигура достаточно новая в республиканских демократических кругах. По оценке экспертов, административный ресурс правых мог составить конкуренцию ресурсам А. А. Волкова. СПС всегда находил поддержку А. И. Салтыкова. В одном из интервью Д. В. Шумков заявил, что «мы имеем поддержку на всех уровнях власти. Времена, когда СПС с кем-то договаривался, прошли. Теперь будут договариваться с нами».

Ко времени назначения президентской кампании СПС оставался авторитетной силой в глазах значительной части электората. Так, на выборах в ГД ФС РФ 1999 г. СПС занял в г. Ижевске третье место. Данные ряда социологических опросов показывали, что С. В. Кириенко, неформальный лидер движения «Новая сила», входящего в СПС, занимал вторую позицию в рейтинге доверия политикам федерального уровня. Правым удалось сохранить многие посты в Правительстве М. М. Касьянова. Вместе с тем, еще 24 марта 2000 г. политическое окружение А. А. Волкова инициировало создание другого центра СПС в лице Координационного Совета, куда вошли представители шести организаций: движения «Новая

сила» и «Голос России», Российская партия социальной демократии, КДП (ПНС), Республиканская партия, Фонд Р. Быкова (Председатель КС СПС – В. А. Соловьев, лидер «Новой силы» в УР).

В любом случае, мнения «Единства» и СПС по кандидатуре на должность Президента УР должны были согласовываться с Президентом РФ В. В. Путиным, Полномочным представителем в ПФО С. В. Кириенко и Главным федеральным инспектором по УР С. В. Чикуровым.

В избирательную кампанию активно включился этнический фактор. Объясняется это отчасти тем, что две национальные организации – Всеудмуртская Ассоциация «Удмурт кенеш» и ТОЦ УР – имели в то время статус общественных политических объединений. Официально поддерживаемые республиканским бюджетом, в особенности, «Удмурт кенеш», они обладали возможностью для эффективной мобилизации политической воли избирателей.

С точки зрения использования «этнического ресурса» несомненные преимущества объективно сохранялись за А. А. Волковым. В 1998 г. ГС УР принял Концепцию государственной национальной политики. Национально-культурные объединения положительно восприняли преобразование Комитета по делам национальностей при Правительстве УР в Министерство национальной политики (П. Н. Вершинин активно противился такому преобразованию¹¹). Кроме того, в соответствии с программой «Развитие Удмуртии до 2005 года» предусматривалось создание Координационного Совета по делам национальностей при Президенте УР, включающего в свой состав руководителей министерств и ведомств, национально-культурных объединений, депутатов, деятелей науки, культуры и искусства. Его целью объявлялась выработка и согласование решений, затрагивающих интересы всех народов, проживающих на территории республики. Также разрабатывалась комплексная программа «Национальное развитие и межнациональное сотрудничество народов Удмуртии на 2001–2005 годы».

За А. А. Волковым оказалось большинство национально-культурных объединений УР: ОУК «Дэмен», Общество русской культуры УР, Общество белорусской культуры, Координационный Совет татаро-башкирских организаций, Корейское национально-культурное общество, Азербайджанский общественный центр, Межнациональный культурно-просветительский центр «Многоцветье» и ряд других.

Всеудмуртская Ассоциация «Удмурт кенеш» как политический центр части удмуртского национального движения представила на должность

Президента УР кандидатуру П. Н. Вершинина. 11 апреля 2000 г. на очередном заседании исполкома Ассоциации в ходе обсуждения законопроекта «О внесении поправок в Конституцию Удмуртской Республики» были выдвинуты два основных требования: кандидат на должность Президента УР должен проживать на территории УР не менее 15 лет (ценз оседлости) и обязательно владеть двумя государственными языками УР – русским и удмуртским (языковый ценз)¹².

После 7-го (внеочередного) Всеудмуртского съезда деятельность Ассоциации «Удмурт кенеш» значительно активизировалась. Укрепились местные организации. В нарушение законодательства предпринимались попытки создания организационных структур на производстве. Проводились встречи с творческой интеллигенцией, профессорско-преподавательским составом вузов, устраивались дни Ассоциации в районах Удмуртии. Регулярно выходила газета «Герд». Политический союз, достигнутый Ассоциацией и представителями органов местного самоуправления в ходе выборов депутатов ГС УР второго созыва весной 1999 г., несомненно, увеличивал шансы П. Н. Вершинина. В его пользу высказались Алнашское и Можгинское землячества, Вавожская районная организация Ассоциации «Удмурт кенеш». Поддержало экс-премьера созданное накануне выборов республиканское движение «В защиту экономических интересов Удмуртии».

Вместе с тем П. Н. Вершинин имел крайне неустойчивую национальную базу. Несмотря на участие в его выдвижении Ассоциации «Удмурт кенеш», позиция самой организации представлялась неоднозначной. В. К. Тубылов никогда не скрывал, что поддерживается СПС. А последний, в свою очередь, частично симпатизировал Н. А. Ганзе. Его же отчасти поддержало республиканское «Единство» и полуофициально – ТОЦ УР. Объективно такая двойственность ослабляла шансы основных оппонентов А. А. Волкова. Ситуация усугублялась скандалом, во многом инициированным Ассоциацией «Удмурт кенеш», связанным со снятием с должности министра печати и информации С. Ф. Васильева, сына выдающегося удмуртского поэта. Этнический фактор попытался активно использовать и А. В. Солуянов. Например, в организованном им митинге 19 сентября 2000 г. с явно выраженной «антиволковской» направленностью принимали участие «Удмурт кенеш» и ТОЦ УР. Политическая борьба неизбежно провоцировала центробежные тенденции в национальных организациях. Так, на состоявшемся 23 августа 2000 г. заседании ТОЦ УР прозвучала критика в адрес его Президента за несогласованное

с Президиумом первоначальное выступление в поддержку выдвижения П. Н. Вершинина.

Уже в июле 2000 г. можно было говорить об общей конфигурации президентской кампании в УР. Определилась первая тройка потенциальных кандидатов. Не исключалось, что Н. А. Ганза и П. Н. Вершинин объединят свои ресурсы. Тогда борьба ожидалась между А. А. Волковым и Н. А. Ганзой. Соперничество Председателя ГС УР и премьера стало политической традицией для республики (В. К. Тубылов – А. А. Волков, А. А. Волков – П. Н. Вершинин, А. А. Волков – Н. А. Ганза). Так как все из названных фигурантов обладали определенными административными и информационными ресурсами, самоопределение общественно-политических сил Удмуртии, в том числе и национально-культурных объединений, могло стать и стало решающим фактором избирательной кампании.

Регистрация реальных кандидатов определила новую политическую ситуацию в республике. В предвыборную борьбу включились 22 претендента на высший государственный пост, но лишь 12 из них были зарегистрированы Избирательной комиссией УР в качестве кандидатов: А. А. Волков; П. Н. Вершинин; Н. А. Ганза; А. В. Солуянов; В. В. Забильский; В. Н. Ануфриев; С. Б. Шуклин, начальник Агентства Федеральной службы России по финансовому оздоровлению и банкротству по Удмуртии; М. К. Кокорин, Председатель постоянной комиссии ГС УР, Председатель Общества русской культуры УР; С. В. Рудчук, военный пенсионер; Л. Б. Головизнин, старший контролер ТТУ г. Ижевска; В. Б. Тимофеев, ведущий инженер ОАО «Ижевский мотозавод «Аксион-Холдинг» и А. Б. Едигарев, главный редактор радио ООО «Фронт» (г. Глазов). Девять человек выдвигались от инициативных групп, три – путем самовыдвижения. Ни один кандидат не выдвигался ни от партий, ни политической организацией, что могло свидетельствовать о зачаточном в то время состоянии партийно-политической системы в республике, несмотря на достаточное количество избирательных объединений. Основная борьба развернулась между А. А. Волковым, П. Н. Вершининым, Н. А. Ганзой и А. В. Солуяновым.

Выборы первого Президента УР состоялись 15 октября 2000 г. Несмотря на напряженный характер избирательной кампании, голосование прошло организованно, с хорошей явкой избирателей. Не было серьезных нарушений законодательства, что подтвердили эксперты из Центральной избирательной комиссии РФ и ОБСЕ, прибывшие в г. Ижевск специально для наблюдения за ходом голосования. В списки избирателей

был включен 1 201 657 человек. В выборах Президента приняли участие 604 021 человек, что составило 50,3 %. Наибольшую активность проявили жители Граховского и Можгинского районов, 74,7 % и 74,2 % соответственно. Наименьшее количество избирателей пришли на участки г. Воткинска – 38,5 % и г. Сарапула – 44,7 %.

Главный итог политической акции: избиратели выбрали стабильность и развитие, связав эти понятия с действующим высшим должностным лицом УР А. А. Волковым. За него отдали свои голоса 228 441 человек, или 37,8 %. На втором месте оказался П. Н. Вершинин, получивший 144 459 голосов (23,9 %). Третье и четвертое места поделили Н. А. Ганза (74 134 голоса, или 12,3 %) и А. В. Солуянов. Остальные четыре претендента, включенные в бюллетени (В. В. Забильский, С. Б. Шуклин, М. К. Кокорин и В. Б. Тимофеев) набрали менее одного процента голосов каждый. 9,5 % избирателей проголосовали против всех кандидатов на должность Президента Удмуртии.

Сравнительный анализ итогов голосования в разрезе городов и районов показывает, что рейтинг Президента определила не столько столица республики, сколько другие города и сельские районы. Пользуясь относительной поддержкой Ижевской администрации и Городской думы, Н. А. Ганза сумел добиться незначительного перевеса в столице (Н. А. Ганза – 20,2 %, П. Н. Вершинин – 20,1 %, А. А. Волков – 19,9 % голосов). В г. Воткинске за А. А. Волкова проголосовали 45,4 % избирателей, А. В. Солуянова – 16,9 %, П. Н. Вершинина – 11,3 %, Н. А. Ганзу – 6,5 %. В г. Глазове также лидировал А. А. Волков. Там за него отдали голоса 59,9 % избирателей, Н. А. Ганзу – 15,8 %, П. Н. Вершинина – 7,6 %, А. В. Солуянова – 4,9 %. В г. Можге А. А. Волков получил 44,6 % голосов, П. Н. Вершинин – 39,1 %, А. В. Солуянов – 5,3 %, Н. А. Ганза – 3,9 %. А. А. Волков лидировал и в г. Сарапуле. За него проголосовали 47,4 % избирателей, Н. А. Ганзу – 20,2 %, А. В. Солуянова – 13,0 %, П. Н. Вершинина – 4,6 %. Еще больший разрыв оказался в районах республики. Например, в Юкаменском районе за А. А. Волкова отдали голоса 88,9 % избирателей. В ряде сельских районов лидировал П. Н. Вершинин.

Выборы Президента Удмуртии – уникальный случай в российской политике по эффективности проведения избирательной кампании главой региона. Одним из основных оказался ресурс «высшего должностного лица», который объективно давал определенные предстартовые преимущества. Однако А. А. Волков отнюдь не был «обречен на победу», как, например Б. Н. Ельцин в 1996 г. или В. В. Путин в 2000 г. Его административное

влияние оказалось весьма ограниченным, что видно из результатов голосования по районам республики. Вместе с тем А. А. Волков смог реализовать его на 64,71 % (одержал победу в 22 из 34 административных единиц), П. Н. Вершинин – на 32,35 % (занял первое место в 11 районах УР), а Н. А. Ганза – лишь на 2,94 % (победил только в Октябрьском районе г. Ижевска)¹³.

Финансовые возможности кандидатов были практически одинаковы. Информационный резерв так или иначе использовали все соперники. Таким образом, решающую роль в победе А. А. Волкова сыграл общественный ресурс. Это был беспрецедентный случай в российской политике по масштабам вовлечения общественных объединений в выборы. Его поддержали около ста организаций, основные депутатские фракции ГС УР, руководители промышленных предприятий, главы и представители федеральных и региональных органов власти В. В. Путин, Е. С. Строев, Г. Н. Селезнев, М. Ш. Шаймиев, М. Р. Рахимов, А. Г. Тулеев, Ю. Д. Маслюков, С. В. Кириенко, С. В. Чикуров, ведущие российские политики Г. А. Зюганов, М. И. Лапшин и др.¹⁴ А. А. Волкову удалось привлечь на свою сторону республиканских коммунистов, часть лидеров оппозиции из СПС и регионального отделения движения «Единство». В немалой степени на их решение повлияло назначение Главным федеральным инспектором по УР С. В. Чикурова.

О значительной роли общественного ресурса в избирательной кампании заявил уже в ночь на 16 октября 2000 г. в теледебатах бывший кандидат на должность Президента УР М. К. Кокорин. Такого же мнения придерживался Н. И. Сапожников. В своем интервью газете «Инфо-панорама» от 20 октября 2000 г. он отметил: «Успех А. Волкова – результат того, что он смог консолидировать вокруг себя все основные здоровые политические силы и общественные движения. Это первый шаг к достижению политической стабильности...»¹⁵.

Иного мнения придерживалась оппозиция и один из главных ее представителей – П. Н. Вершинин. Свои результаты на выборах он оценил на «хорошо» в условиях «отсутствия административных, финансовых и других ресурсов. Исход выборов показал, что власть проиграла. Об этом говорит и низкая явка, и разбросанность голосов избирателей. У людей очень сильное недоверие к власти»¹⁶.

Более однозначно оценивалось ближайшее этнополитическое будущее республики. В обращении к гражданам УР А. А. Волков отметил, что «мудрость многонационального народа Удмуртии – в его постоянном стремле-

нии к миру, спокойствию и стабильности, межнациональному согласию, к преумножению славных трудовых традиций. Это самая надежная основа дальнейшего укрепления авторитета Удмуртской Республики как государственного образования в братской семье народов Российской Федерации»¹⁷.

Такого же мнения придерживался и П. Н. Вершинин. В своем обращении к гражданам республики он заявил, что «народ Удмуртии всегда отличался своим трудолюбием и умением выполнять самые сложные задачи... Уверен, что избрание Президента послужит укреплению государственной власти, консолидации общества, станет залогом дальнейшего развития народного хозяйства республики»¹⁸.

Положительно результаты выборов оценили известные республиканские политики и промышленники А. Г. Черных, генеральный директор ОАО «Ижевский подшипниковый завод», Е. И. Богомольный, генеральный директор ОАО «Удмуртнефть», М. В. Блохин, генеральный директор ДООАО «Ижмаш-Авто», Е. Г. Одиянков и др. В частности, Е. И. Богомольный заявил, что «итоги выборов первого Президента УР были предсказуемы еще несколько месяцев назад... Сейчас у республики есть шанс стать политически стабильным, сильным регионом, который мы должны использовать для экономического роста». Победой здравого смысла назвал итоги выборов М. В. Блохин.

Удовлетворены результатами выборов в Удмуртии оказались В. В. Путин, М. М. Касьянов, Е. С. Строев, Г. Н. Селезнев, А. Г. Лукашенко. 37,8 % голосов, полученных А. А. Волковым как федеральным государственным служащим категории «А», – это степень легитимности российской власти в республике. Весьма показательно, что эта цифра оставалась практически неизменной с 1996 г., первого тура президентских выборов в РФ.

Накануне Дня Республики, 3 ноября 2000 г., состоялась инаугурация Президента, где он дал клятву верности народу Удмуртии и получил символы президентской власти – специально изданный экземпляр Конституции УР, ее герб и флаг.

Со вступлением Президента УР в должность была продолжена подготовка 13-й (внеочередной) сессии ГС УР, на которой, в частности, предполагалось рассмотреть вопрос об избрании Председателя ГС УР и по представлению Президента УР согласовать кандидатуру Председателя Правительства.

На пост Председателя ГС УР ожидалось, в основном, удмурты П. Н. Вершинин и И. Н. Семенов, депутат ГС УР, Глава самоуправления

г. Можги. С точки зрения С. В. Чикурова, на пост Председателя ГС УР мог претендовать «не только П. Вершинин, но те почти 24 % говорят о том, что он достоин быть Председателем Госсовета. Такое предложение было бы сильным ходом первого Президента УР»¹⁹. Н. А. Ганза полагал, что «будет большой глупостью, если депутаты Госсовета не изберут П. Вершинина на пост Председателя Госсовета»²⁰. Не исключал для себя такую возможность и сам П. Н. Вершинин²¹. На должность Председателя Правительства в основном мог претендовать первый заместитель Председателя Правительства УР Ю. С. Питкевич. Сам А. А. Волков как сторонник силовых методов решения политических вопросов, сохранив за собой пост высшего должностного лица УР, был активно ориентирован на И. Н. Семенова и Ю. С. Питкевича.

28 ноября 2000 г. открылась 13-я (внеочередная) сессия ГС УР, завершившая, на определенном этапе, конституционную реформу. Различные группы депутатов выступили со своими кандидатурами на пост руководителя парламента республики. Решения в поддержку И. Н. Семенова огласили В. Г. Хорошавцев (фракция «Единство», поддержал 21 депутат), А. М. Прасолов (фракция «Промышленники и предприниматели, поддержали единогласно 32 депутата), В. В. Ходырев (депутатское объединение «Коммунисты Удмуртии»). Е. Г. Одиянков, руководитель Объединенной фракции аграриев и горожан, выдвинул кандидатуру П. Н. Вершинина. После программных выступлений обоих претендентов на должность Председателя ГС УР была проведена процедура голосования. И. Н. Семенов набрал 56 голосов и стал спикером республиканского парламента, П. Н. Вершинин получил 27 голосов. Более единодушным оказалось мнение депутатов относительно кандидатуры на пост Председателя Правительства УР. Все фракции и объединения поддержали Ю. С. Питкевича. Он получил поддержку 80 депутатов.

Таким образом, конституционная реформа, проводившаяся в республике в течение последних десяти лет XX в., оказала существенное влияние на экономические, политические, этнокультурные процессы. Она выявила интересы различных социальных групп населения, их место и роль в реформировании системы управления, становлении гражданского общества, определила перспективные направления развития республики как составной части РФ. Реформа внесла существенные коррективы в понятие «суверенитет», в конструкцию органов государственной власти. Общественно-политическое сознание основной массы избирателей эволюционировало от категорического неприятия к поддержке президентской

формы правления, в результате чего УР осталась в едином правовом российском пространстве.

Значительная роль в политических преобразованиях, несомненно, принадлежит руководителям различных групп власти. Активно-негативный тип лидера, характерный для А. А. Волкова (активный реформатор, но не терпящий оппозиции) и пассивно-позитивный тип лидера (пассивный консерватор, допускающий оппозицию), характеризующий некоторых представителей удмуртского национального движения (В. К. Тубылов, П. Н. Вершинин и др.) наложили отпечаток на характер и методы принимаемых решений. Консенсус между политическими элитами достигался как на основе согласительных процедур, так и подавления, игнорирования противников. В результате в УР биполярная система организации высших эшелонов власти сменилась униполярной. «Старая» оппозиция прекратила существование.

¹ Независимая газета. 1999. 30 декабря.

² О создании Конституционной комиссии. Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики. 16 ноября 1999 г. № 117-П // Сборник законов и постановлений, принятых на шестой (внеочередной) сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва (16 ноября 1999 года). Ижевск, б. г.

³ Об опросе населения Удмуртской Республики: Закон Удмуртской Республики от 16 ноября 1999 г. № 118-П // Сборник законов и постановлений, принятых на шестой (внеочередной) сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва (16 ноября 1999 года). Ижевск, б. г. С. 1–27.

⁴ Протокол Избирательной комиссии Удмуртской Республики № 18 // Текущий архив Аппарата ГС УР.

⁵ Удмуртская правда. 2000. 24 марта.

⁶ Удмуртская правда. 2000. 4 апреля.

⁷ Инфо-Панорама. 2000. 18 мая.

⁸ Удмуртская правда. 2000. 18 мая; Карьера. 2000. 19 мая.

⁹ Бехтерев С. Л., Овчинников Г. П. Выборы первого Президента Удмуртской Республики... С. 10.

¹⁰ Герд. 2000. 19 июля.

¹¹ См., напр.: Ответ М. А. Григорьева, Руководителя Аппарата Правительства Удмуртской Республики на письмо б/н от 20.01.1999 Председателя заседания

Секретариата Общественной Палаты Удмуртской Республики А. С. Кудрина от 4 февраля 1999 г. № 7-154-242 // Текущий архив Аппарата Правительства УР.

¹² Герд. 2000. 20 апреля.

¹³ *Бехтерев С. Л., Овчинников Г. П.* Выборы первого Президента Удмуртской Республики... С. 16.

¹⁴ АиФ Удмуртии. 2000. 12 октября; Известия Удмуртской Республики. 2000. 5 октября.

¹⁵ Инфо-Панорама. 2000. 20 октября.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Удмуртская правда. 2000. 25 октября.

¹⁸ Известия Удмуртской Республики. 2000. 24 октября.

¹⁹ Удмуртская правда. 2000. 20 октября.

²⁰ Инфо-Панорама. 2000. 20 октября.

²¹ Там же.

Глава 4

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ВЛАСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

При рассмотрении эволюции российского социума и его политической организации в постсоветский период 1990-х гг. чрезвычайно важным представляется научный анализ взаимодействия их институтов в избирательном процессе как легитимной процедуры формирования выборных государственных и муниципальных органов, ибо политическая деятельность, в конечном счете, сводится к завоеванию, удержанию и использованию власти.

При анализе необходимо учитывать несколько факторов. Первый из них – институциональный. В политической жизни участвуют как неинституциональные (народ и составляющие его большие социальные группы), так и институциональные субъекты. К последним обычно, кроме государства, относят партии, общественно-политические движения, ассоциации, иные объединения граждан. Степень их влияния на социальные процессы неодинакова, разнятся и формы их деятельности. В странах со стабильной демократией политико-правовой статус объединений граждан вполне упорядочен. Напротив, в государствах переходного типа четкая общественная иерархия отсутствует. Институционализация транзитных обществ, каковым представляется современный российский социум, происходит в значительной мере спонтанно, зачастую приобретая взрывной и неуправляемый характер. Это обстоятельство неизбежно стимулирует развитие законодательства в сфере регулирования государственно-правовых отношений.

Согласно Конституции РФ 1993 г., государственная власть в России и ее субъектах осуществляется на основе разделения и независимости

представительной (законодательной), исполнительной и судебной властей. Местное самоуправление выведено из общей системы государственной власти и наделено особыми полномочиями. С 1993 г. взаимодействие субъектов политической системы происходит в условиях этапа «функциональной многопартийности», когда созданные основные партии осуществляют функции в полном объеме, в том числе избирательные действия, в тех или иных формах работают с населением.

Второй фактор – конструкционный. Формирование государственных и муниципальных органов в рассматриваемый период происходило, как правило, по разным избирательным системам: смешанная пропорционально-мажоритарная схема выборов в федеральные представительные органы власти и мажоритарная при выборах органов государственной власти и местного самоуправления субъекта РФ, что на практике не исключало активного в них участия избирательных объединений.

Третий фактор – идеологический. Выступив одним из решающих в самоопределении избирателей на начальном этапе функционирования постсоветской политической системы, постепенно он утратил практическое значение и во многом стал иметь лишь схоластический смысл.

Четвертый фактор – политический. Несмотря на провозглашенный принцип равенства субъектов РФ, значительная часть регионов, а в особенности Удмуртская Республика, продолжала оставаться «заложником» федеральной политики.

4.1. Историко-политическая интерпретация избирательных кампаний федерального уровня

Основные положения новой Конституции РФ 1993 г. во многом формировались под влиянием усвоенных бывшей номенклатурой за короткое время ценностей западного общества. В институциональной сфере был взят курс на сильную исполнительную (президентскую) власть. Поэтому, одержав победу над Советами, президентская сторона попыталась закрепить ее всенародно. С этой целью на 12 декабря 1993 г. были назначены выборы в две палаты ФС РФ – СФ и ГД. Хотя выборы предусматривались еще не принятой Конституцией, правовая база для данной процедуры существовала. Учитывая, что явно либеральный проект Конституции мог

оказаться не принятым гражданами, 21 сентября 1993 г. Президент РФ издал Положение о федеральных органах власти на переходный период¹. Указами об уточнении Положений о выборах депутатов ГД и СФ устанавливалось, что выборы считаются состоявшимися, если число действительных бюллетеней составит не менее 25 % от числа зарегистрированных избирателей.

Избирательная кампания проходила в сложных условиях. В ходе конфликта между законодательной и исполнительной ветвями власти, закончившегося низложением советской системы осенью 1993 г., возросла регулирующая роль т.н. «указного права» Президента РФ. На основе указов Главы государства от 1 и 19 октября 1993 г. были проведены выборы в новый двухпалатный парламент России – ФС. Важность первого из них заключалась в развернутом определении понятия «избирательное объединение». Согласно ч. 2. ст. 5 к таковым были отнесены общенациональные партии и политические движения, уставы которых зарегистрированы МЮ РФ, или блок таких общественных объединений, создаваемый на период проведения выборов. В его состав могли входить и другие общенациональные общественные объединения, уставы которых зарегистрированы в МЮ РФ, если в них предусмотрено участие в выборах в федеральный законодательный орган².

Другой Указ Президента РФ исключал участие в выборах палат ФС ряда формирований (Фронт национального спасения, РКРП, общественный клуб «Союз офицеров», Союз социально-правовой защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей «Щит», Российский коммунистический союз молодежи, Русское национальное единство) в связи с вооруженным конфликтом 3–4 октября 1993 г. в Москве³.

Анализ российского правового поля того периода позволяет заключить, что накануне выборов 12 декабря 1993 г. в ФС категория «избирательное объединение» имела широкое толкование. Понятия «общественное объединение» и «политическое общественное объединение» продолжали считаться синонимами в случае, если в уставе первого предусматривалось участие в выборах. Вместе с тем президентская сторона соблюдала основные политические права и свободы. Все партии и движения, в том числе и оппозиционные, за некоторым исключением, возобновили выпуск собственных изданий, имели свободу агитации и др. Они осуществляли свою деятельность в соответствии с Указом Президента РФ «Об информационных гарантиях для участников избирательной кампании 1993 года». Он подтвердил гарантии свободных демократических

выборов, подчеркнул право избирательных объединений и всех кандидатов в депутаты ГД и СФ ФС беспрепятственно излагать свои предвыборные программы, точки зрения и вести агитацию, используя СМИ. Для обеспечения защиты от незаконного вмешательства в их деятельность в период избирательной кампании, а также свободной агитации «за» и «против» кандидатов в депутаты, принимая во внимание рекомендации международной комиссии по политике радио и телевидения, Б. Н. Ельцин образовал третейский информационный суд и утвердил его персональный состав⁴.

Однако на ход и исход выборов на местах существенно повлияла общая неблагоприятная социально-экономическая обстановка. Особо острым было положение в Удмуртии, оказавшейся из-за преимущественно милитаризованного характера экономики «заложницей» реформ. Но значительная часть электората связывала с либеральными реформами надежды на скорое материальное благополучие. Отрицательные для основной массы трудящихся результаты второго этапа приватизации (предприятий) еще не проявились. Выделение земельных участков по 10 соток под дачи почти всем желающим, строительство коттеджей, гаражей и т.п. разворачивались в масштабах, невозможных при прежней системе⁵.

Приход к власти либеральных радикалов принес с собой серьезные изменения в расстановке политических сил. Партийно-политическая организация Удмуртии, как и России, к моменту выборов под воздействием реформ приобрела достаточно широкий спектр. Более того, основные партии и движения сформировались именно в ходе подготовки к выборам в ФС РФ в 1993 г.⁶

По характеристике В. В. Согрина, курс радикальных реформ еще больше поменял прежнюю политическую конфигурацию. Лагерь демократов продолжал раскалываться, так что к 1993 г. его большинство находилось уже в оппозиции правительству. Многие из них перешли на сторону державно-патриотических сил, а те, в свою очередь, стали все более тесно смыкаться с коммунистическими организациями. В политической оппозиции выделились левые, правые и центр⁷. Соглашаясь с В. В. Согриным в том, что понятие «левые» вернуло свой классический, общепринятый в XX в. смысл (им обозначаются те, кто выступает с коммунистическими и социалистическими лозунгами), представляется целесообразным высказать иную точку зрения на характеристику «правых» и «центристов». В. В. Согрин полагает, что под «правыми» нужно понимать по преимуществу тех, кто отстаивает национально-

государственные принципы, пропагандирует идею «Великой России». В свою очередь, в качестве «центристов» выступают политические силы, ратующие за смягчение курса реформ, снижение их социальной цены, выработку модели преобразований, приемлемой для всех слоев общества. Вместе с тем очевидно, применительно к современной России, к «правым» следует относить радикальных либералов прозападной ориентации. Что же касается «центристов», то ими в России, по нашему мнению, являются представители «партий власти».

Выборы в ГД ФС РФ проходили по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе. 225 мест распределялись по одномандатным округам, другая половина – между избирательными объединениями. Гарантии реального участия в избирательной кампании получили 167 организаций разной политической ориентации, зарегистрированных в МЮ РФ⁸. Депутатами были избраны представители восьми избирательных объединений (ЛДПР, «Выбор России», КПРФ, АПР, Политическое движение «Женщины России», «Блок: Явлинский – Болдырев – Лукин», Партия Российского единства и согласия (ПРЕС), Демократическая партия России (ДПР)).

Убедительную победу по партийным спискам одержала ЛДПР, набрав 22,92 % голосов (по УР – 17,59 %). И хотя для многих аналитиков этот успех был непрогнозируемым, для такой победы имелись все основания. ЛДПР, как представляется, вообще не поддается какой-либо классификации и в условиях социальной нестабильности транзитного общества всегда гарантированно имеет своих сторонников. И. Б. Михайловская и Е. Ф. Кузьминский, члены правления Российско-Американской неправительственной группы по правам человека, применительно к электорату либерал-демократов отмечают следующие характерные социально-психологические черты. Граждане, голосовавшие за эту партию в 1993 г., хотели «все и сразу». В. В. Жириновский пообещал различным социальным группам выполнить их заветные желания, разбудил дремлющие инстинкты и исполнил ряд блестящих трюков, представив тип государственного деятеля, совершенно непривычного для российской политической сцены.

Предвыборная программа-минимум ЛДПР, обнародованная в 1993 г., обещала в течение трех–четырех месяцев улучшить жизнь вдвое. Путем к решению этой задачи были названы: прекращение со стороны России всякой помощи странам ближнего и дальнего зарубежья; приостановление конверсии, ведение широкой продажи оружия на мировом рынке; ликвидация организованной преступности путем уничтожения «пяти тысяч банд на территории России»⁹. Основные положения программы были

созвучны и избирателям Удмуртии как оборонно-промышленного края. И хотя к моменту выборов ЛДПР имела в г. Глазове всего трех представителей (а Удмуртская региональная организация зарегистрировалась лишь 1 апреля 1994 г.), ее функционер В. И. Новиков, коммерсант, 1960 г. р., по партийному списку был избран в ГД¹⁰.

За продолжение радикальных экономических реформ выступил «правый» блок «Выбор России». Его лидерами стали бывший и. о. премьер-министра России Е. Т. Гайдар, а также некоторые влиятельные члены Кабинета министров А. Б. Чубайс, А. В. Козырев, Б. Г. Федоров, которым было предоставлено право баллотироваться в законодательный орган. В своей предвыборной программе блок выступил за проведение жесткого монетаристского курса. В случае победы «Выбор России» намеревался добиться замены «умеренного» В. С. Черномырдина Е. Т. Гайдаром на посту премьер-министра¹¹.

Избирательный блок «Выбор России» был образован в составе восьми организаций: движений «Выбор России» и «Демократическая Россия», партий «Демократическая инициатива» и Крестьянской партии России (КПР), а также Ассоциации крестьянских хозяйств и кооперативов России, Союза «Живое кольцо», Ассоциации приватизируемых и частных предприятий и Союза социальной защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей «Щит»¹².

В республике блок «Выбор России» сформировался 27 сентября 1993 г. В него вошли «Демократическая Россия», отделения Гуманитарного и политического центра «Стратегия» и ОКРР, ПЭС, Ассоциация приватизируемых и частных предприятий, АДПУ¹³. Блок был поддержан Союзом предпринимателей и Удмуртским региональным отделением КДП (ПНС). Однако окончательно в Удмуртии он оформился только после выборов в ГД. Так, в течение 1994 г. МЮ УР были зарегистрированы региональные отделения движения «Выбор России», партии ДВР (его возглавил бывший лидер «Демократической России» В. Н. Скрынник) и КПР.

В кампании 1993 г. «Выбор России» поддержал Б. Н. Ельцина, предъявляя претензии ВС и Правительству УР за непоследовательный курс реформ, выступал за их роспуск, требовал передачи машиностроительного и металлургического комплекса предпринимателям. В республике блок выдвинул наибольшее количество кандидатов в депутаты¹⁴. Федеральный список кандидатов «Выбора России» получил 15,51 % голосов от числа зарегистрированных избирателей, в УР – 16,19 % и занял второе место.

Наиболее близкой по идейным и политическим мотивам к блоку «Выбор России» оказалась возникшая в 1993 г. под лидерством С. М. Шахрая, участника правительственной команды 1992 г., ПРЕС (ее Удмуртское региональное отделение было зарегистрировано в феврале 1994 г.). Новая партия, настаивая на корректировке реформ, заявила о поддержке премьер-министра В. С. Черномырдина и своими политическими лозунгами избрала требования укрепления экономических прав регионов, возрождения семьи, нации и государства как традиционно главных российских ценностей¹⁵. На выборах в ГД ПРЕС блокировалась с объединением «Предприниматели за новую Россию». Ее федеральный список кандидатов получил 6,73 % голосов, а в республике – 7,00 %.

Умеренно-реформистского направления придерживались еще ряд новых образований, вышедших из демократического спектра. Так, блок «Явлинский – Болдырев – Лукин» (названный впоследствии «Яблоко») в составе Республиканской, Социал-демократической партий РФ и объединения «Российский Христианско-демократический союз – Новая демократия» получил в РФ 7,86 % голосов (в УР – 8,18 %), ДПР – соответственно 5,52 % и 5,34 % голосов избирателей, хотя региональные отделения названных объединений были зарегистрированы только в 1995 г. и 1996 г. соответственно. В целом, на реформаторско-демократическом фланге избирательной кампании 1993 г. наблюдался разброд, что рассматривалось аналитиками в качестве одной из причин политических неудач «демократов».

Значительной неоднородностью отличался и левый спектр избирательных объединений. Наиболее организованной партией коммунистического толка являлась правопреемница КПСС – КПРФ. Программными целями провозглашались народовластие, справедливость, равенство, патриотизм, социализм и коммунизм как историческое будущее человечества. Ее федеральный список кандидатов смог получить 12,40 % голосов, а в УР – 11,14 %.

Солидной силой в левом спектре выступили аграрии. Незадолго до выборов МЮ УР зарегистрировало Удмуртскую республиканскую организацию АПР. На выборах последнюю активно поддержала Всеудмуртская Ассоциация «Удмурт кенеш». АПР набрала в РФ 7,99 %, а в УР – 11,07 % голосов.

Выборы в ГД обнаружили феномен женского движения. 1 октября 1993 г. был принят устав объединения «Женщины России» (его возглавила А. В. Федулова). Федеральный список этого движения получил 8,13 %, а в УР – 11,07 %.

а в УР – 14,70 % голосов избирателей. Депутатом объединения от УР стала Г. И. Климантова, первый председатель Союза женщин УР.

Не смогли преодолеть пятипроцентный рубеж объединение «Будущее России – новые имена», Гражданский Союз, «Достоинство и милосердие», Конструктивное экологическое движение России «Кедр» (КЕДР) и Российское движение демократических реформ.

В двух одномандатных округах, образованных на территории УР, победу одержали кандидаты, ориентированные на умеренно-демократические силы. В Ижевском округе № 29 депутатский мандат получил А. И. Красных, депутат ВС УР, заместитель председателя постоянной комиссии по экономике и планированию. Он набрал 22,35 % голосов. Депутатом ГД в Удмуртском округе № 30 (преимущественно сельские районы) стал М. А. Васильев, удмурт, председатель Шарканского районного Совета народных депутатов. На выборах его поддержали Ассоциация «Удмурт Кенеш» и ОУК «Дэмен»¹⁶.

В целом, региональный аспект выборов в ГД 1993 г. показал относительное равновесие политических сил – коммунистических и либеральных. В немалой степени это было обусловлено и позицией руководства УР. Во-первых, федеральные выборы проходили в условиях парламентской республики, где выявление предпочтения какой-либо конкретной партии или движению было чревато дестабилизацией. Во-вторых, после событий октября 1993 г. в Москве в регионе установилось относительное взаимопонимание законодательной и исполнительной власти. Однако, как показали последующие действия политических акторов, оно оказалось весьма неустойчивым и кратковременным.

Большее значение для республиканской элиты имели выборы в СФ ФС РФ. Они стали индикатором расстановки сил в высшем эшелоне власти Удмуртии. В выборах в СФ в республике в качестве кандидатов приняли участие четыре человека. А. А. Волков представлял исполнительную власть. Избирателями он воспринимался не как лидер политической организации, а как Председатель СМ УР. Поэтому его частично поддержали как коммунисты, так и демократы. В своих политических реформах он, помимо исполнительной вертикали власти (СМ УР и председатели исполкомов ряда районов и городов республиканского подчинения), опирался на профсоюзы¹⁷. Поэтому неслучайно участие в выборах членов СФ профсоюзного лидера республики Е. Н. Орлова. Его кандидатура, очевидно, предназначалась для «оттягивания голосов» у кандидатов праволиберальной ориентации, В. Н. Скрынника и В. Н. Подопригора. Одновременное

же участие двух последних в выборах в СФ отразило раскол в «демократическом» движении.

В СФ от каждого субъекта России, согласно законодательству, могли быть избраны только два кандидата. Ими стали А. А. Волков (набрал 61,3 % голосов) и В. Н. Подопригора (36,4 % голосов). Таким образом, от УР в ФС РФ были избраны шесть человек: двое в СФ и четверо – в ГД. В голосовании приняли участие около 48 % избирателей (по РФ – около 55 %). В целом, результаты выборов не выходили за рамки среднероссийских показателей. Меньший процент принявших участие в голосовании, на наш взгляд, объясняется тем, что проект Конституции РФ не был поддержан избирателями Удмуртии.

Первый опыт проведения выборов в ГД с использованием пропорциональной системы оказался полезным для развития многопартийности. В 1994 г. МЮ УР были зарегистрированы региональные отделения четырех партий (ПРЕС, КПП, ЛДПР и партия «ДВР»), а также движения «Выбор России» и Либерально-демократического фонда. Кроме того, после избирательной кампании начался очередной этап в эволюции правопонимания сущности политического объединения (декабрь 1993 – сентябрь 1997 гг.), связанный с принятием ряда правовых актов, наиболее значимым из которых стала Конституция РФ 1993 г. В Законе, обладающем высшей юридической силой, подтверждалось признание идеологического и политического многообразия и многопартийности (ч. 1, 3 ст. 13)¹⁸, легализация которых произошла еще в позднесоветскую эпоху. Данное положение стало исходной точкой в развитии законодательства в области общественно-государственных отношений.

Следующим шагом в этом направлении явилось принятие ФЗ от 6 декабря 1994 г. «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации». В ст. 2 уточнялось содержание ряда терминов, используемых в избирательном процессе. Отныне под «избирательным объединением» стало пониматься общественное объединение, устав которого предусматривал участие в выборах посредством выдвижения кандидатов, созданное и зарегистрированное в порядке, установленном федеральными законами, законами и иными нормативными правовыми актами законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, не позднее чем за шесть месяцев до объявления дня выборов. «Избирательный блок» определялся как добровольный союз двух или более общественных объединений, зарегистрированных в порядке, установленном тем же законодательством,

для совместного участия в выборах. Он обладал правами избирательного объединения¹⁹.

Динамику развитию политической организации российского общества придал ФЗ «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. В своей первоначальной редакции он содержал только упоминание о термине «политическая партия» либо понятиях, родственных ему. Партии продолжали рассматриваться лишь как иные полноправные типы и виды общественных объединений. В ч. 1 ст. 9 ФЗ при определении общественного движения как организационно-правовой формы общественного объединения в числе прочих «общественно полезных целей», преследуемых им, были названы и политические. Ч. 1 ст. 18 фиксировала, что «количество учредителей для создания политических партий, профсоюзов устанавливается законами об указанных видах общественных объединений». Кроме того, на территории РФ продолжали действовать нормы ст.ст. 6, 9 Закона СССР «Об общественных объединениях» в части положений, касающихся политических партий (ст. 49 ФЗ)²⁰. Несмотря на свою явную общую либеральность, ФЗ «Об общественных объединениях» стал сдерживающим фактором для развития именно партийного строительства. И это не случайно. Выборы в ГД ФС РФ первого созыва показали недееспособность основных «партий власти» (от избирательного объединения «Выбор России» смогли стать депутатами только 40 кандидатов)²¹. Для усиления их влияния требовалось определенное время. Поэтому, вплоть до принятия последней редакции данного ФЗ, руководство страны отдавало предпочтение «общественным движениям». Перечисленные законы наряду с ФЗ от 21 июня 1995 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»²² создали правовую базу, с одной стороны, для развития отечественного партиогенеза, а с другой – для новых выборов в нижнюю палату российского парламента.

Пик активного партийного строительства в России и ее регионах пришелся на период подготовки к выборам депутатов ГД ФС РФ второго созыва 17 декабря 1995 г. Так, в 1995 г. МЮ УР были зарегистрированы региональные отделения одной партии (Партия любителей пива (ПЛП)), восьми общественно-политических объединений и движений («Регионы России», Союз труда, «Яблоко», НДР, Общее дело, Конгресс Русских Общин (движение), «Вперед, Россия!», «Согласие»), а также два республиканских общественно-политических объединения – «Справедливость» и РЦПС. В целом же в Удмуртии по состоянию на 23 января 1995 г. в уставах 43 общественных объединений (от КПРФ до Кинологической

коллегии УР) было предусмотрено их участие в избирательных кампаниях различных уровней²³.

Ко времени новых думских выборов в перечне МЮ РФ значились 273 общероссийских общественных объединения, которые могли участвовать в выборах. Избиратели голосовали по 43 федеральным спискам (25 избирательных объединений и 18 блоков). Депутатами ГД ФС РФ второго созыва стали представители четырех избирательных объединений: КПРФ (99 мандатов), ЛДПР (50), НДР (45), «Яблоко» (31)²⁴.

Анализ взаимодействия акторов политической системы в данном случае представляется весьма трудоемким процессом. Его можно проводить в нескольких плоскостях. Так как за два года характер режима и основное направление реформ не изменились, можно рассматривать спектр избирательных блоков и объединений в направлении от «правых» (либералов) к «левым» (коммунистам и социалистам). Однако за прошедшие почти два года (1994–1995 гг.) идеологический фактор, особенно в самоопределении электората, утрачивал свое значение. По мере упрочения режима Б. Н. Ельцина в политике партий, независимо от их идейно-теоретической направленности, все больше стало проявляться соглашательство (это выразилось в достаточно меркантильной формуле «Хотя мы и в оппозиции, но правительство с нами»).

Учитывая вышесказанное, наиболее эффективно рассмотрение эволюции политической организации с точки зрения самого механизма формирования избирательных блоков и объединений. Иными словами, смыслом анализа является отслеживание движения «политического капитала». При этом не остаются без внимания идеологический и политический факторы.

Каких-либо изменений в ЛДПР, бывшего лидера предвыборной кампании 1993 г., не произошло. На выборах 1995 г. эта партия также шла самостоятельно. Федеральный список ЛДПР получил 11,18 % голосов, а в УР – 9,47 %. Обещания скорейшего экономического благополучия не были выполнены, и электорат ЛДПР уменьшился почти наполовину, хотя оказался весьма устойчивым в условиях сохранения социальной нестабильности.

Значительные изменения претерпел праволиберальный блок «Выбор России». Не стало самого названия, скомпрометировавшего себя и не сумевшего объединить сторонников реформ. Канули в политическое небытие такие его участники, как партия «Демократическая инициатива», Ассоциация крестьянских хозяйств и кооперативов России, Союз «Щит». Непосредственно не участвовало в выборах движение «Демократическая Россия». Блок распался на несколько самостоятельных структур.

Политическое движение «Выбор России» преобразовалось в общественно-политическое движение с одноименным названием и совместно со Всероссийским общественно-политическим движением «Ассоциация независимых профессионалов» в составе избирательного блока «89 (89 регионов России)» получило по РФ 0,06 %, а в УР – 0,07 %.

Избирательный блок «Демократический выбор России – объединенные демократы» представляли КПР, партия ДВР, Российская партия социальной демократии и Конгресс национальных объединений России. Федеральный список кандидатов набрал 3,86 % голосов, а в УР – 3,75 %.

Третий избирательный блок умеренно-либеральной ориентации «Внепартийное политическое движение избирателей «Общее дело» был образован в составе двух объединений: Союз «Живое кольцо» и Объединение «Общее дело». Этот «новодел» получил по РФ 0,68 %, а в УР – 1,63 % голосов. Самостоятельно в выборах участвовала ПЭС. Она смогла набрать в РФ 0,13 % голосов, а в УР – 0,18 %.

И, наконец, последний избирательный блок либерального направления, «Преображение Отечества», был представлен Общероссийской общественной организацией «Преображение Отечества», Всероссийской партией безопасности человека и Свободной демократической партией России. Он получил в РФ 0,49 %, а в УР – 0,20 %.

ПРЕС, вышедшая из недр «Демократической России», на выборах 1995 г. действовала также самостоятельно, но не смогла набрать и 0,5 %.

Знаменательные явления наблюдались в умеренно-реформистском движении «Яблоко». На выборах 1995 г. оно не представлялось однородным. Самостоятельное избирательное объединение «Яблоко» (Г. А. Явлинский) дистанцировалось от своих бывших партнеров и получило 6,89 % голосов, а в УР даже не преодолело пятипроцентный рубеж (4,36 %). Бывшие члены объединения «Явлинский – Болдырев – Лукин» действовали в разных избирательных формированиях. Так, Республиканская партия России (В. Н. Лысенко) наряду с «новоделом» – Союзом «Молодые республиканцы» – в составе избирательного блока «Памфилова – Гуров – В. Лысенко» набрала в РФ 1,60 %, а в УР – 1,38 %.

Социал-демократическая партия РФ была предана политическому забвению. Что же касается третьего участника объединения «Явлинский – Болдырев – Лукин» – Российского Христианско-демократического союза – Новой демократии, ко времени выборов это была уже партия с одноименным названием. Образовав наряду с такими организациями, как Конгресс гражданского согласия России и Ассоциация корейцев России

избирательный блок «Межнациональный союз», РХДС также не перешагнула пятипроцентный рубеж. Демократическая партия России в выборах 1995 г. не участвовала. В целом, на реформаторско-демократическом фланге сохранялась неопределенность.

Отсутствовало единство и в коммунистических рядах. КПРФ не смогла стать объединяющей силой «левого» движения. Между тем она получила в РФ 23,30 %, а в УР – 14,85 %. АПР утратила свои позиции и на федеральном уровне не смогла преодолеть пятипроцентный барьер, хотя в УР набрала 7,50 % голосов. Едва не прошли в ГД представители федерального списка избирательного блока «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз» (4,53 % в РФ и 8,42 % в УР). Блок представляли РКРП и Российская партия коммунистов.

Меньший процент голосов, полученный объединением «Женщины России» объясняется тем, что по всем непопулярным принципиальным вопросам женская фракция поддерживала Б. Н. Ельцина. Данное избирательное объединение смогло набрать в РФ 4,61 %, а в УР – 8,42 %.

Выборы в ГД ФС РФ 1995 г. показали новые тенденции в развитии режима Президента РФ Б. Н. Ельцина. Неудача президентской стороны создать «партию власти» в лице «Демократического выбора России» вызвала к жизни политический «новодел» – правоцентристское движение НДР. В списке кандидатов в ГД от НДР более двух третей мест принадлежало государственным служащим и предпринимателям, около 10 % – деятелям науки и культуры. Рабочих, крестьян, рядовых служащих в списке, как и в самой партии, не оказалось. Претендовав на роль «партии власти», НДР намеревался, с одной стороны, пресекать реставрационные устремления «левых», а с другой – отмежеваться от проведения либеральных реформ²⁵. По характеристике В. В. Согрина, НДР оказался в полном смысле партией нового порядка, основу которой составил номенклатурный капитализм. Федеральный список кандидатов от НДР получил 10,13 % голосов, а в УР значительно меньше – лишь 6,37 %. Это в немалой степени объясняется продолжившимся спадом промышленного производства и обнищанием основной массы работоспособного населения. Между тем руководство как представительной, так и исполнительной власти республики, оставаясь зависимым от федерального центра, было уже готово ориентироваться на НДР.

Достаточно серьезные политические шансы имел еще один «новодел» – избирательное объединение «Общественно-политическое движение «Конгресс русских общин» – во главе с бывшим комсомольским

функционером Д. О. Рогозиным. Движение пыталось облечь национализм в цивилизованные и просвещенные формы. Но оно не смогло преодолеть пятипроцентный барьер (получило 4,31 % голосов), что для большинства аналитиков оказалось неожиданным. Вместе с тем идеи КРО получили в условиях многонациональной Удмуртии, этническое большинство которой составляют русские, достаточно широкое признание. В республике движение набрало 5,89 % голосов.

В целом, результаты выборов в ГД в 1995 г. на российском и региональном уровне отразили сходные тенденции. Однако существуют и особенности. Так, обладателями депутатских мандатов на федеральном уровне стали представители четырех объединений (в порядке распределения мест): КПРФ, ЛДПР, НДР и «Яблоко». В ходе голосования по УР места распределились следующим образом: КПРФ; ЛДПР; «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз» и «Женщины России»; АПР; КРО.

В двух одномандатных округах произошла полная смена депутатов ГД от УР. Общая причина – их отрыв от региона. Положение «демороссов» в УР как по общефедеральному списку, так и по одномандатным округам оказалось критическим. По Удмуртскому («сельскому») округу они вообще не смогли выдвинуть кандидата. По Ижевскому округу баллотировался лидер «демократов» В. Н. Скрынник. В эту кампанию он решил дистанцироваться от либералов, заявив, что «нынешняя власть – позор России». Но это не помогло. Он набрал всего 7 % голосов²⁶.

Едва не стал депутатом ГД по Ижевскому округу В. Н. Подопривога, сумевший порвать с прежней властью, к которой был всегда близок. Однако по Ижевскому округу победу одержал А. В. Солуянов, набравший 16 % голосов, достаточно уникальная личность, поднявшаяся на гребень экономической и политической жизни, по характеристике К. И. Куликова, человек-загадка. Будучи малоизвестным работником культуры со средним образованием, с 1994 г. он внезапно становится генеральным директором строительной компании «Град» (около 600 человек работающих), в руки которого перешла вся материально-техническая база строительного цеха «Ижнефтемаша». В его программе было «три кита»: жилье, работа и безопасность. Он получил поддержку руководства республики, но вопреки его надеждам примкнул не к НДР, а к блоку «Регионы России»²⁷.

Депутат ГД первого созыва А. И. Красных, умеренный демократ, не нашел поддержки у избирателей. Как и его коллега М. А. Васильев, он не сумел обеспечить себе известность в Думе, пытался играть в центризм при отсутствии для этого необходимой базы. Неудача на выборах

Г. И. Репиной, кандидата от КПРФ, во многом объясняется тем, что партия мало пропагандировала ее как личность, слабо сработали первичные организации. Теперь имя Г. И. Репиной все больше стало ассоциироваться не с КПРФ, а с пенсионным фондом РФ, сотрудником которого являлась претендентка на депутатский мандат.

Не менее острая борьба разворачивалась в Удмуртском округе. Депутат ГД первого созыва по этому округу М. А. Васильев в кампанию 1995 г. сделал немало тактических ошибок. Основной из них было метание в поисках союзников: сначала примкнул к блоку И. П. Рыбкина, затем – к НДР. В конечном итоге стал «независимым». Просчетом также явилась его попытка участвовать в создании эфемерного движения «Регионы России». Убедительную победу одержал М. П. Кошкин, бывший министр сельского хозяйства и продовольствия УР, сторонник А. А. Волкова, набравший 41,7 % голосов. Он смог мобилизовать административный ресурс и коллективы акционированных сельскохозяйственных предприятий, отличавшихся относительной экономической стабильностью²⁸. Всего по УР приняло участие в голосовании 57,9 % избирателей.

Как и в первом случае, президентская команда потерпела неудачу с формированием «партии власти» в лице НДР и была вынуждена по-прежнему сдерживать формирование многопартийной системы, опираясь на формулировку «общественные объединения». Тем не менее, выборы в ГД ФС РФ 1993 и 1995 гг. продолжили и в значительной степени стимулировали процесс правового обеспечения партийного строительства.

В целом, выборы 1995 г., по справедливой оценке В. В. Согрина, продемонстрировали определенный, но не радикальный сдвиг избирателей «влево». Однако они, как и выборы 1993 г., не изменили характера российской власти. КПРФ, занявшая первое место, не смогла даже вместе с союзниками контролировать большинство Думы-95. В российской президентской республике решающая роль в определении характера политического режима сохранилась за главой государства и исполнительной властью²⁹.

Именно этими факторами объяснялись подготовка и проведение выборов Президента России в 1996 г. Избирательная кампания проходила на фоне активно продолжавшегося партийного строительства в регионах. Так, в 1996 г. МЮ УР в 1996 г. были зарегистрированы региональные отделения двух партий (Российская христианско-демократическая партия и ДПР) и пяти российских общественно-политических объединений («Реформы – новый курс», движение «Честь и Родина», Российский

коммунистический союз молодежи, Общественно-политическое движение женщин России, учреждение «Народный Дом»).

Также на ход и исход федеральных выборов в республике повлияла новая политическая ситуация, сложившаяся в Удмуртии. К 1996 г. проявились негативные черты «ельцинской» Конституции РФ 1993 г. Либеральные принципы организации власти (разделение и независимость представительной (законодательной), исполнительной и судебной властей, а также вывод органов местного управления из общей системы государственной власти и наделение их властными полномочиями) закладывали институциональные основы для раскола политической элиты регионов, в том числе в УР, и снижения уровня элитной толерантности.

Под влиянием продолжавшегося структурного кризиса окончательно сформировались две противоборствующие группы региональной элиты. Одна из них, во главе с Председателем Правительства УР А. А. Волковым, представляла интересы руководителей предприятий военно-промышленного комплекса, имевших федеральное значение, другая, руководимая мэрами гг. Ижевска и Воткинска и поддерживавшаяся Председателем ВС УР, – преимущественно банковского капитала и «естественных» монополистов. Противоречия между ними усилились с проведением выборов в ГС УР, в ходе которых А. А. Волков стал ее высшим должностным лицом. Реализация стратегических задач элитных групп была возможна во многом их отношением к федеральной власти, к основным претендентам на должность Президента РФ.

Подготовка к новым выборам главы государства началась с весны 1996 г. 22 марта того же года по инициативе Удмуртского отделения НДР в г. Ижевске одним из первых в России было создано республиканское отделение Общероссийского движения общественной поддержки Б. Н. Ельцина. В его координационный комитет вошли руководители объединений: НДР, «Демократическая Россия», ДВР, «Выбор России», «Вперед, Россия!», «Реформы – новый курс», ПРЕС и др. В марте прошло заседание Общественной палаты при Правительстве УР, на котором заведующая сектором по взаимодействию с общественными организациями секретариата ГС УР Л. П. Порцева заявила, что Удмуртия в политическом плане является умеренно либеральной и «в президентских выборах она не даст сильных метаний вправо или влево»³⁰.

И государственники, и самоуправленцы поспешили выразить свое лояльное отношение к кандидатуре Б. Н. Ельцина. Например, 22 июня 1996 г. в интервью «Независимой газете» А. А. Волков заявил: «Я приверженец

того, что мы должны идти по пути демократии, по пути рыночных реформ, тем более что Б. Н. Ельцин пообещал сделать корректировку этих реформ в сторону усиления внимания к производителю»³¹.

Выборы Президента РФ состоялись в два тура: 16 июня и 3 июля 1996 г. В них приняло участие 64,21 % и 64,33 % избирателей УР соответственно (в РФ – 69,81 % и 68,88 %). Основными претендентами стали Б. Н. Ельцин и лидер КПРФ Г. А. Зюганов. В первом туре за действующего Президента проголосовали 36,81 % избирателей УР, за Г. А. Зюганова – 30,47 % (в РФ – 35,28 % и 32,03 %); во втором – 52,83 % и 40,73 % соответственно (в РФ – 53,82 % и 40,31 %). Сохраняя в своих руках всю полноту исполнительной власти, действовавший Президент фактически был «обречен на победу». Выборы 1996 г. явились завершающим этапом политического цикла, начатого в октябре 1993 г. Основным его содержанием стали упрочение экономического либерализма, сохранение и дальнейшее развитие партийно-политической системы в условиях установления «гибридного» авторитарно-«демократического» режима и при крайней неразвитости гражданского общества. Результаты выборов имели огромное политическое значение и для Удмуртии. Она впервые за годы либеральных реформ вышла из «красного» пояса.

После упрочения господства исполнительной власти политическая система постсоветской России все больше стала развиваться на основе механизма «управляемой демократии». Его действие проявилось на парламентских выборах 1999 г.

К новым выборам РФ и ее регионы подошли с достаточно разветвленной партийной структурой. Так, в течение 1997–1999 гг. МЮ УР были зарегистрированы отделения девяти федеральных партий (Социалистическая партия России, Российская народно-республиканская партия, Российская партия социальной демократии, Российский общенародный союз, Союз христианских демократов России, Партия пенсионеров, Экологическая партия России «КЕДР» (Зеленые), Республиканская партия РФ) и 21 общественно-политического объединения (Народно-патриотический союз России, Союз реалистов, Союз потомков Российского дворянства, «Россия Православная», «Женщины за социальную справедливость», КРО (организация), «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки», Надежда России, Союз народовластия и труда, «За здоровую Россию», «Держава», «Отечество», «Лебедь», Инженерный прогресс России, «За гражданское достоинство», «За равноправие и справедливость», «Развитие предпринимательства», Консервативное движение

«Новая сила», Духовное наследие, Россия молодая, Сыны России). Каждый из названных «новоделов» занял свое место в политической структуре общества.

Выборы в ГД ФС РФ третьего созыва состоялись 19 декабря 1999 г. Право участия в выборах получили 139 политических общественных объединений³². Им воспользовались 26 избирательных блоков и организаций. В голосовании участвовали 61,85 % избирателей.

Количественный рост избирательных объединений, помимо всего прочего, был обусловлен значительными изменениями, произошедшими как в политической жизни страны, так и в российском законодательстве. Только в 1996 г. после очередных выборов Президента РФ, когда Б. Н. Ельцин подтвердил свои полномочия, можно было всерьез говорить об ослаблении влияния партий социалистической ориентации. Это повлекло за собой настоящую «правовую революцию», суть которой заключалась в разведении понятий «политическое» и «неполитическое». Подобные кардинальные новшества в российском законодательстве определялись и особенностями формирования политической системы в центре и на местах.

Актуальные политические тенденции требовали их легализации. Очередным шагом в этом направлении стало принятие 19 сентября 1997 г. нового ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Впервые в отечественной законодательной практике появилось понятие «политическое общественное объединение» в трех возможных формах: политическая партия, иная политическая организация, политическое движение. Соответствующие изменения были внесены в правопонимание избирательного объединения и избирательного блока (ст. 2 ФЗ)³³. При этом, термины «общероссийское избирательное объединение» и «общероссийское политическое общественное объединение» хотя и употреблялись в определенном контексте, но по своему значению оказались практически равнозначными. Не доставало только одного: в новом ФЗ «Об основных гарантиях...» отсутствовало развернутое определение политического общественного объединения.

Поэтому третий этап в конституировании новой политической системы России (сентябрь 1997 – 2000 гг.) связан с отграничением «политического» от «общественного» (неполитического). Данная процедура была реализована в ФЗ от 19 июля 1998 г. «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общественных объединениях»³⁴. Уточнялось понятие **«политическое общественное объединение»**.

Таким ст. 12.1. ФЗ установила «общественное объединение, в уставе которого в числе основных целей должны быть закреплены участие в политической жизни общества посредством влияния на формирование политической воли граждан, участие в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления посредством выдвижения кандидатов и организации их предвыборной агитации, участие в организации и деятельности указанных органов». Организационно-правовыми формами политических общественных объединений (ч. 2 ст. 7) устанавливались общественная организация (для политической организации, в том числе политической партии) и общественное движение (для политического движения).

Новый ФЗ внес значительные ограничения в статус ряда типов общественных формирований, которые по характеру своей деятельности не могли быть признаны политическим общественным объединением (ч. 2 ст. 12.1). Это: профсоюз, религиозная, благотворительная организации, национально-культурная автономия, общественный фонд, общественное учреждение и орган общественной самодеятельности;

– объединение, устав которого допускал членство в нем или принадлежность к нему в иной форме иностранных граждан, иностранных или международных организаций;

– объединение, устав которого предусматривал членство в нем или принадлежность к нему граждан только по профессиональному, национальному, этническому, расовому или конфессиональному признакам, а также лиц, не имеющих права быть членами политических общественных объединений или принадлежать к ним;

– объединение, преследовавшее цели извлечения прибыли посредством осуществления предпринимательской деятельности и распределения полученной прибыли (имущества, собственности) между своими членами и (или) учредителями;

– объединение, созданное для реализации любительских и иных неполитических интересов;

– объединение, неполитический характер которого специально оговаривался в ФЗ.

Отныне принадлежность общественного объединения к политическим должна была специально фиксироваться в его уставе (ч. 2 ст. 20). Кроме того, политическое общественное объединение подлежало государственной регистрации в обязательном порядке (ч. 2 ст. 21). Изменения были внесены и в Главу 3 «Права и обязанности общественного

объединения». Ст. 27 установила, что общественное объединение имеет право, в том числе:

- участвовать в избирательных кампаниях в соответствии с федеральными законами и законами субъектов РФ о выборах;
- выдвигать кандидатов (списки кандидатов) при проведении выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления (в случае регистрации общественного объединения как политического общественного объединения).

В выборах в ГД от УР приняли участие 50 человек. Из них 30 выдвинулись по 15 из 27 федеральных списков и 20 – в двух одномандатных округах.

Бывший фаворит политической кампании 1993 г. ЛДПР неуклонно теряла свой авторитет. На выборах 1999 г. в составе избирательного блока «Блок Жириновского» совместно с Партией духовного возрождения России, Российским союзом свободной молодежи и Независимой ассоциацией в поддержку развития гражданского общества либерал-демократы едва смогли преодолеть пятипроцентный рубеж, набрав по РФ 5,98 %, а в УР – 8,74 %.

Знаменательные процессы происходили в среде либеральных реформаторов. Общественно-политические движения «Выбор России» и Ассоциация независимых профессионалов, Всероссийская партия безопасности человека и объединение «Преображение Отечества» оказались «банкротами». Не участвовали в выборах КПП и Конгресс национальных объединений России.

Либерал-реформаторы смогли объединиться в избирательный блок «Союз правых сил». В его составе были как политические «старожилы» (движение «Демократическая Россия», партия ДВР, Российская партия социальной демократии, Союз «Живое кольцо», общественно-политическое объединение «Общее дело», Всероссийская ассоциация приватизируемых и частных предприятий, ПЭС, «Свободные демократы России»), так и «новоделы» (Консервативное движение «Новая сила», «Россия молодая», «Юристы за права и достойную жизнь человека», партия «Демократическая Россия», Социально-федералистская партия России и организация «Российские налогоплательщики»). Федеральный список кандидатов СПС получил 8,52 % голосов и 24 места в парламенте (в УР – 7,11 %).

Достаточно противоречивые тенденции сохранялись в умеренно-либеральном спектре. ПРЕС в думских выборах 1999 г. не участвовала. Объединение «Яблоко» вело избирательную кампанию самостоятельно

и едва смогло преодолеть пятипроцентный рубеж (по РФ – 5,93 %, получило 16 мест в ГД (по УР – 2,77 %).

Бывшие члены блока «Памфилова – Гуров – В. Лысенко» в 1999 г. участвовали в выборах в составе избирательного объединения «За гражданское достоинство» (одноименное движение во главе с Э. А. Памфиловой), но набрали менее одного процента голосов как в РФ, так и в УР (0,60 % и 0,68 % соответственно).

На думских выборах 1999 г. исполнительная власть в силу комплекса политических, экономических и социальных проблем, вызванных системным кризисом августа 1998 г., была вынуждена сформировать новую «партию власти» именно из умеренно-либеральной среды – Межрегиональное движение «Единство» («Медведь»). Его формальным родоначальником можно считать Российскую христианско-демократическую партию, бывшего участника объединения «Явлинский – Болдырев – Лукин» образца 1993 г. С точки зрения идейной направленности «Медведь» представлял довольно аморфное образование. Из политических старожилов, кроме РХДП, он включил Народно-патриотическую партию, движение «Реформы – новый курс», а также частично Социал-патриотическое движение «Держава» и политическую общественную организацию «Регионы России». Основная ставка делалась на организации социальной направленности (от Российского Союза ветеранов Афганистана и ряда профсоюзов до Всероссийского общества спасения на водах). Блоком были задействованы организационные и финансовые возможности пропрезидентского Союза народных домов, который с 1996 г. имел свои отделения практически во всех субъектах РФ, в том числе в Удмуртии. Всего прямо или косвенно в блоке «Медведь» приняли участие представители 21 общественного и политического объединения³⁵.

С точки зрения организации власти «Единство» было создано как политический базис нового Председателя Правительства РФ В. В. Путина, занимавшего до того должность руководителя Федеральной службы безопасности. Снискав симпатии значительной части россиян на поле Чеченской войны, Путин твердо высказался в пользу рыночной экономики. Отвергнув идею передела собственности и национализации предприятий, он ратовал за государственное регулирование рыночных процессов.

«Единство» (или губернаторский блок) начал складываться по инициативе Б. А. Березовского с лета 1999 г. как противовес политическому новоделу «Отечество – Вся Россия», объединившему руководителей регионов, поддерживавших мэра Москвы Ю. М. Лужкова. Лидером блока

«Медведь» стал протее Б. Н. Ельцина С. К. Шойгу, получивший незадолго до этого Звезду Героя России из рук Президента. Его политическая карьера оказалась типичной для представителя окружения Б. Н. Ельцина. С. К. Шойгу окончил Красноярский строительный институт, работал на сибирских и северных стройках, был секретарем Абаканского горкома КПСС. С 1993 г. – активный сторонник Б. Н. Ельцина. БТРы молодого министра по чрезвычайным ситуациям, одного из самых богатых ведомств России, первыми начали штурм здания ВС РФ в октябре 1993 г.

В команду губернаторов (первоначально их было 21) вошли либо руководители дотационных регионов, либо не желавшие осложнять отношения с Кремлем. У одних предстояли выборы, другие должны были «отрабатывать» помощь на уже состоявшихся выборах. Личные амбиции третьих не позволяли им играть роль рядового участника блока ОВР. Кого-то не устраивала методика выборов глав субъектов, предложенная Е. М. Примаковым, в то время Председателя Правительства РФ. Ее суть заключалась в том, что губернаторов следовало избирать и освобождать от должности местным законодательным собранием по представлению Президента РФ.

В ходе выборов Межрегиональное движение «Единство» («Медведь») получило 23,32 % голосов и 64 места в ГД по федеральному списку. Его успех нельзя считать неожиданным. Выбор россиян был закономерен и обусловлен определенным уровнем политической культуры, развития коллективного разума. Президентская команда, делая ставку на «Единство», исходила из того, что в России всегда найдется 10–12 % избирателей, поддерживающих партию власти. Этот исходный процент можно увеличить в два–четыре раза. Электорат, голосовавший за «Единство», ощутил усталость от хорошо известных политических лидеров. Потребовались новые фигуры. Властвующая элита учла это и выдвинула лиц, имевших высокие рейтинги как профессионалы своего дела. Один – спасатель (С. К. Шойгу), другой – спортсмен (А. А. Карелин), третий – борец с преступностью (А. И. Гуров). Был создан своего рода образ «трех богатырей», усиливавший тему спасения (от катастроф, преступности, просто защиту со стороны сильного). Не вступая ни с кем в политическую полемику, «Единство» смогло привлечь центристский, правопатриотический, праволиберальный электорат (с политической сцены сошел НДР).

Незрелость институтов гражданского общества исключила возможность единения на широкой демократической базе. Консолидация произошла на основе стремления к «жесткой руке». При этом избиратели ори-

ентировались, главным образом, на конкретного человека – В. В. Путина, а основными факторами успеха «Медведя», наряду с популярностью премьер-министра, стали ресурсы исполнительной власти.

Однако причину столь значительных результатов избирательной кампании «Единства» как политического «новодела» невозможно рассматривать в отрыве от проблемы формирования «партий власти», всегда претендующих на роль центра. Одним из ближайших соперников «Медведя» выступил блок «Отечество – Вся Россия» (в обывательском понимании – «ОВРаг»). Его политическую основу составили четыре избирательных объединения: Общероссийская политическая общественная организация «Отечество», Общероссийское политическое общественное движение «За равноправие и справедливость», АПР и Общероссийская общественная организация «Политическая партия «Союз христианских демократов России».

ОВР, как и «Единство», представлялось достаточно эклектичным образованием. Это и «партия Садового кольца» во главе с Ю. М. Лужковым, и группа региональных лидеров (Р. С. Аушев, А. А. Волков, А. И. Лисицин, Н. И. Меркушкин, А. С. Тяжлов, М. Ш. Шаймиев и т.д.). На выборах он повел борьбу как за элиту, так и массового избирателя под лозунгом «Не отказ от реформ, а выбор иной модели реформ». В идеологическом плане главная составляющая ОВР – «Отечество» – напоминала европейскую социал-демократию, которая, в отличие от коммунистов, боролась не с богатыми, а с общей бедностью. «Отечество» отстаивало идею соединения рыночной экономики с государственной ответственностью за социальное развитие, что выразилось в формуле «Шанс – сильному, защита – слабому». В Манифесте «Отечества» декларировалось, что «нам не по пути со сторонниками возврата к коммунистическим порядкам, творцами дикого рынка, сеятелями межнациональной вражды и насилия».

Однако блок не смог реализовать свои планы, что вызывалось рядом обстоятельств. Избиратели восприняли ОВР как одну из партий власти, но почему-то критиковавшую Президента. К прежней власти избиратель уже привык. Неудачно (с точки зрения электората) была подобрана первая тройка лидеров федерального списка: ученый (Е. М. Примаков), губернатор (В. А. Яковлев), мэр (Ю. М. Лужков). Сыграли свою роль как возрастной фактор, так и наличие в ОВР «сепаратистских» лидеров (М. Ш. Шаймиев, М. Г. Рахимов, Р. С. Аушев).

Руководство УР, приняв правила игры центра, уже с думских выборов 1995 г. готовое поддержать идею «партии власти», в условиях

структурного кризиса августа 1998 г. вынуждено было учитывать достаточно противоречивые процессы, происходившие в политическом окружении федеральной исполнительной власти.

Во-первых, стал очевиден кризис «партии власти», формировавшейся вокруг премьера В. С. Черномырдина. В конце 1998 г. под руководством мэра Москвы Ю. М. Лужкова была создана Общероссийская политическая общественная организация «Отечество», претендовавшая на роль новой «партии власти» и намеревавшаяся вытеснить НДР на следующих выборах. Сам Ю. М. Лужков заявил о готовности бороться за президентский пост. В качестве соучредителей «Отечества» выступили влиятельные патриотические организации, такие как КРО. Вошел в «новодел» и крупный отряд профсоюзов – Союз труда во главе с А. К. Исаевым. В Удмуртии инициаторами создания «Отечества» выступили несколько общественных организаций – Федерация профсоюзов УР, Удмуртский республиканский Совет ветеранов, Союз женщин России, Социал-патриотическое движение «Держава». Руководство республики примкнуло к этому образованию, а затем возглавило его.

Во-вторых, в течение 1999 г. в политическом окружении высших эшелонов федеральной власти наступил перелом. По своей популярности «Медведь» не только сравнялся с «Отечеством», но и обошел его. Между тем вплоть до выборов в ГД третьего созыва А. А. Волков и его команда не решились полностью дистанцироваться от ОВР. Такая политическая позиция регионального руководства могла осложнить отношения УР с федеральным центром, если бы не неожиданные, на первый взгляд, результаты избирательной кампании «Медведя» в республике.

В УР количество голосов, отданных за «Единство», на 14 % превысило средний показатель по России (37,40 %). Почему население республики проголосовало за блок «Медведь», созданный Кремлем, не имевший программы, не включивший в региональный список ни одного представителя Удмуртии?

Помимо вышеназванных причин общего характера, имелись и чисто тактические просчеты «Отечества». Слабостью ОВР стало отсутствие внутреннего единства. Напомним, что само по себе «Отечество» представлялось достаточно эклектичным образованием. Претендуя на роль политического центра, оно впитало в себя, по неполным данным, 56 политических и общественных объединений, что неминуемо вело к центробежным тенденциям. Так, один из коллективных членов «Отечества», Социал-патриотическое движение «Держава», а также сотрудничавшее

с ОВР объединение «Регионы России» пытались одновременно играть на политическом поле «Единства».

Высокий уровень централизации работы штабов ОВР не позволял учитывать местную специфику. Кроме того, его идеологам не удалось изменить мнение республиканских избирателей, что все хозяйственные успехи Москвы обусловлены «грабежом» регионов. На местах не поддержали акцию профсоюзов Москвы в защиту блока.

В ходе выборов администрация Президента РФ активно поощряла организации коммунистической ориентации. В УР (вероятно, и в других регионах) коммунисты заняли позицию критики ОВР. В итоге избиратели, голосовавшие за кандидата в депутаты ГД РФ Ю. Д. Маслюкова (от КПрФ), не поддержали ОВР. Напротив, среди голосовавших за А. В. Солюянова, основного соперника Ю. Д. Маслюкова, было больше сторонников ОВР. Однако, несмотря на ряд стратегических и тактических просчетов, оно вошло в новую политическую организацию, набрав по РФ 13,33 % голосов (по УР – 8,16 %) и получив 37 мест в ГД.

Отсутствие единства в коммунистическом движении стало устойчивой традицией политической жизни России и Удмуртии. Наиболее организованной силой левого спектра оставалась КПрФ. В едином блоке с Аграрно-промышленным и Народно-патриотическим союзом России, заручившись поддержкой профсоюза работников агропромышленного комплекса РФ, Российской медицинской ассоциации и частично АПР, избирательное объединение «Коммунистическая партия Российской Федерации» смогло, хотя и незначительно, упрочить свои позиции. По РФ за этот федеральный список проголосовали 24,29 % избирателей, а по УР – 19,52 %. КПрФ заняла первую строку в политической таблице 1999 г. и получила в ГД 67 мест.

В УР в голосовании приняли участие 61,54 % избирателей. Депутатами ГД от УР стали: Н. И. Сапожников (по списку КПрФ), Ю. Д. Маслюков, советник генерального директора НИИ Автоматической аппаратуры (по Ижевскому округу) и С. К. Смирнова, заместитель Председателя ГС УР, находившиеся в политическом окружении высшего должностного лица республики.

С выборами депутатов ГД третьего созыва и Президента РФ 2000 г. можно говорить о начале нового периода в общем этапе функциональной многопартийности. Его отличительными чертами стали ослабление традиционных, в том числе коммунистических партий (хотя в отношении последних региональная ситуация может отличаться от общероссийской),

возрастание значения правоцентристских формирований как опоры президентского режима, своеобразных партий власти, в первую очередь «Единства». Все это свидетельствовало о том, что партийное строительство в России к 2000 г. развивалось по западноевропейскому образцу с наличием не более двух-трех доминирующих партий. Эти процессы наблюдались и в Удмуртии.

В 2000 г. партийная система УР была представлена 90 организациями, из них 25 – региональные отделения российских партий, 40 – общественно-политических объединений, 12 республиканских и 13 местных. Среди общественных формирований они занимали около 10 %.

Традиционным элементом партийной системы Удмуртии оставались формирования левого толка, прежде всего КПРФ. Однако в самом коммунистическом движении отсутствовало единство. Ортодоксальные организации остались на позициях диктатуры пролетариата, отвергая частную собственность и призывая бойкотировать выборы в «буржуазные» органы власти. Другие признали необратимыми многопартийность и многоукладность экономики и в соответствии с этим строили свою стратегию и тактику. По причине отсутствия внутреннего единства значительно ослабло влияние коммунистов в ГС УР, особенно второго созыва. Они так и не смогли создать фракцию в республиканском парламенте.

Динамично развивались процессы партийного строительства в правоцентристском и правом движении. В 2000 г. в УР были зарегистрированы региональные отделения трех партий (Российская партия будущего, Российская объединенная социал-демократическая партия, Российская консервативная партия предпринимателей), одного российского движения («Единство»). Что касается СПС, то в 2000 г. он только складывался.

Тем не менее, процесс партийного строительства в УР к концу рассматриваемого периода еще не был завершен. Внимание граждан сосредоточивалось не столько на содержательной стороне деятельности партий, сколько на самом факте их появления и официальной регистрации. Отсюда – наличие двух конфликтующих тенденций. Первая обуславливалась демократизацией общества и определялась как обретение возможности самостоятельного, независимо от государства, существования партий. Вторая тенденция – организационная и методологическая слабость организаций, крайняя малочисленность и кратковременность активных действий. Большинство партий, особенно региональных отделений, оказались созданы не столько по социальному, сколько по квази-групповому

принципу интересов. Для них идеология не имеет никакого значения. Основные партии – это форма «индивидуальной трудовой деятельности». Их главная задача сводится к перераспределению материальных благ между узкой группой функционеров. Именно поэтому большинство из них оставались малочисленными. Это в основном «профессиональные союзы» политиков с ориентацией на образцы западных партий парламентского типа, обращающиеся к населению, как правило, только в период выборов.

С другой стороны, а это характерно и для УР, ввиду неразвитости гражданского общества, определяющее влияние на политическую жизнь в 1990-х гг. сохранили бизнес-элита и обслуживающий ее государственный и муниципальный аппарат.

¹ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2002. С. 92.

² Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период: Указ Президента РФ от 1 октября 1993 г. № 1557 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 41. Ст. 3907.

³ О некоторых мерах по обеспечению государственной и общественной безопасности в период проведения избирательной кампании 1993 года: Указ Президента РФ от 19 октября 1993 г. № 1661 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 43. Ст. 4080.

⁴ Издан Указ об информационных гарантиях // Удмуртская правда. 1993. 2 ноября.

⁵ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 30.

⁶ См. приложение «Итоги выборов в Государственную думу ФС РФ (1993–1999 гг.)».

⁷ Согрин В. В. Политическая история современной России... С. 126.

⁸ Общероссийские избирательные объединения... С. III.

⁹ Жириновский В. Демократия тоже предусматривает насилие // Известия. 1993. 30 ноября; Михайловская И. Б., Кузьминский Е. Ф. Право избирать и факторы, влияющие на его реализацию. М., 1996. С. 47–48.

¹⁰ Удмуртия в годы реформ... С. 35.

¹¹ Согрин В. В. Политическая история современной России... С. 158.

- ¹² Общероссийские избирательные объединения... С. 70–71.
- ¹³ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 24.
- ¹⁴ Там же. С. 31.
- ¹⁵ Согрин В. В. Политическая история современной России... С. 158–159.
- ¹⁶ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 33.
- ¹⁷ Егоров И., Мацузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 308.
- ¹⁸ Конституция Российской Федерации...
- ¹⁹ Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации: ФЗ от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ // Российская газета. 1994. 10 декабря.
- ²⁰ Об общественных объединениях: ФЗ...
- ²¹ Общероссийские избирательные объединения... С. III.
- ²² О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: ФЗ от 21 июня 1995 г. № 90-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 26. Ст. 2398.
- ²³ Басов Б. П. Трудное время перемен... С. 78–79.
- ²⁴ Общероссийские избирательные объединения... С. III.
- ²⁵ Согрин В. В. Политическая история современной России... С. 180.
- ²⁶ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 48.
- ²⁷ Там же. С. 50–51.
- ²⁸ Там же. С. 49–50.
- ²⁹ Согрин В. В. Политическая история современной России... С. 186.
- ³⁰ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 52–53.
- ³¹ Удмуртия в годы реформ... С. 93.
- ³² Общероссийские избирательные объединения... С. IV.
- ³³ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: ФЗ от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 38. Ст. 4339.
- ³⁴ О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общественных объединениях»: ФЗ от 19 июля 1998 г. № 112-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3608.
- ³⁵ Подсчитано автором по: Федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва, выдвинутый избирательным блоком «Межрегиональное движение «Единство» («Медведь») // Российская газета. Специальный выпуск. Часть первая. 1999. 20 ноября. С. 32–35.

4.2. Сравнительный анализ выборов в органы государственной власти Удмуртии в 1995–1999 гг.

С завершением в 1993 г. советского периода в истории России Удмуртия продолжала развиваться как парламентская республика в составе РФ. Высшим органом государственной власти оставался ВС, чей статус определялся Конституцией уже несуществующей автономной республики. По мере реализации либеральных экономических реформ, в связи с начавшейся приватизацией собственности в центре и на местах стали явно обозначаться группы интересов и их основные акторы.

Вместе с тем УР, несмотря на провозглашенный суверенитет, оставалась крайне зависимой в политическом и экономическом плане от федерального центра. Все политические события, происходившие в Москве, хотя и с запаздыванием, отражались на регионе. Постепенно формировались две группы элиты: сторонники сохранения парламентской республики группировались вокруг Председателя ВС УР В. К. Тубылова, поборники усиления исполнительной власти – вокруг Председателя Правительства УР А. А. Волкова. Первым испытанием для нового правящего слоя республики стали выборы в ГС УР первого созыва, состоявшиеся 26 марта 1995 г. В Удмуртии были созданы 100 одномандатных округов, в каждом из которых баллотировались от четырех до 16 кандидатов. К моменту назначения выборов на 23 января 1995 г. в уставах 43 общественных объединений предусматривалась возможность участия в них.

Команда А. А. Волкова объединилась в избирательный блок «Удмуртия». Его образовали Федерация профсоюзов УР, Союз женщин УР, Союз интеллигенции УР, Удмуртский республиканский Совет ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, региональные организации АПР и Социал-демократической народной партии России. Лидером объединения стал А. А. Волков. Блок выдвинул наибольшее количество кандидатов – 78 человек¹ (по другим данным – 73²). «Удмуртию» поддержали Аграрный Союз, региональное отделение КПП и республиканское общество инвалидов.

Это объединение начало складываться еще с осени 1994 г. 20 сентября была принята платформа «Удмуртии». Руководитель ее избирательной кампании Г. П. Овчинников (Союз интеллигенции УР) определил место блока в политическом спектре как левоцентристское, социал-демократическое. На состоявшейся в начале февраля 1995 г. пресс-конференции

его лидеры подчеркнули, что «Удмуртия» может превратиться в более прочное политическое объединение. В случае победы они выражали готовность сформировать правительство во главе с А. А. Волковым³.

Достаточно внятной была программа блока. Смысл его названия объяснялся одним из лозунгов – «Удмуртия – наш дом». Платформа предлагала системный подход к решению вопроса о выходе из экономического кризиса. «Удмуртия» ратовала за принятие следующих мер:

– в политике: обеспечение реального народовластия; развитие государственности Удмуртии в составе РФ, расширение экономических и культурных связей; эффективный общественный контроль за деятельностью государственного аппарата;

– в экономике: государственное регулирование в целях прекращения спада производства, стабилизации цен, сокращения безработицы; персональная ответственность руководителей государственных органов и хозяйственных структур за положение дел в экономике; расширение предпринимательской деятельности; дальнейшее проведение приватизации только при строгом соблюдении законности и экономической целесообразности; осуществление активной инвестиционной политики в промышленном комплексе республики, конверсии военных производств; бесплатная передача земли в наследное владение и пользование тем, кто на ней работает; государственная поддержка АПК;

– в социальной сфере: обеспечение конституционных прав граждан; выполнение договоров по социальным вопросам между профсоюзами, работодателями и государственными органами, обеспечение прожиточного минимума трудящихся; создание равных условий для развития языка, культуры всех народов, проживающих в Удмуртии; реализация адресных программ поддержки малообеспеченных слоев населения, материнства и детства, пенсионеров и инвалидов; государственная поддержка науки, образования, здравоохранения, культуры⁴.

Сателлитами «Удмуртии» выступили республиканские организации КПРФ и РКРП. Они зарегистрировали соответственно 47 и 35 кандидатов⁵ (по другим данным – 45 и 30⁶).

На выборах КПРФ ставила своей целью отказ от «шоковой терапии», ратовала за государственное регулирование и планирование общественного производства, восстановление в Удмуртии советской формы народовластия, прекращение «разграбления» общенародной собственности под видом приватизации, проверку ее законности. Основным программным стал лозунг «Россия. Труд. Народовластие. Социализм»⁷.

Республиканская организация РКРП объединилась с Союзом рабочих, крестьян, специалистов и служащих Удмуртии. Блок исходил из утверждения, что ухудшение жизни трудящихся является результатом временного поражения искусственно разрушенного социалистического строя. Кандидаты от РКРП преследовали следующие цели:

– в политике: восстановление советской власти; декларирование источников доходов государственными служащими; осуществление контроля трудящихся за деятельностью государственных и хозяйственных руководителей;

– в экономике: остановка приватизации; введение государственного регулирования; отмена частной собственности на основные средства производства; исключение купли-продажи земли;

– в социальной сфере: возвращение трудящимся права на труд, отдых, бесплатное жилье, образование, медицинское обслуживание; развитие традиционной дружбы народов Удмуртии⁸.

Команда «самоуправленцев» представляла менее четкую организацию. Оппозицию «государственникам» составили несколько формирований. Избирательный блок «Удмурт кенеш» объединил организации удмуртского национального движения (Ассоциация «Удмурт кенеш», УМОПО «Шунды», ОУК «Дэмен») и зарегистрировал 56 кандидатов⁹ (по другим данным – 47¹⁰). Возглавил блок И. Г. Гришкин, профессор Ижевского государственного медицинского института, Президент Ассоциации «Удмурт кенеш».

Вместе с тем не все исследователи идентифицируют «Удмурт кенеш» как «антигосударственный». Так, по мнению И. В. Егорова и К. Мацузато, его программные документы напоминали программу «Удмуртии». Отмечалась и схожесть с РЦПС. Такую двойственную позицию эта группа авторов объясняет стремлением пройти в парламент, в том числе и в «русских» округах и в городах, а также с изменениями в руководстве Ассоциации «Удмурт кенеш», произошедшими в августе 1994 г. Тогда Р. И. Яшина, Президент Ассоциации, известная своим радикализмом, была отстранена от своего поста, а 4 ноября 1994 г. заменена более умеренным И. Г. Гришкиным¹¹.

Другой избирательный блок «Свобода. Законность. Согласие» представили региональные отделения ПЭС, движения «Демократическая Россия», а также Союз предпринимателей Удмуртии и Союз ветеранов Афганистана УР. Он выставил 49 кандидатов¹² (по другим данным – 44¹³). Лидером блока стал Г. Я. Каюмов, председатель Союза предпринимателей Удмуртии.

Наличие в составе блока праволиберальных организаций не дает повода говорить о таковой его идеологической направленности. По сути это было довольно аморфное образование, которое объединило еще 12 формирований: от республиканского отделения партии ДВР, ТОЦ, Общества удмуртско-азербайджанской культуры до общественных организаций, весьма далеких, по своему статусу, от политики (Первомайская районная организация инвалидов, Ассоциация больных сахарным диабетом УР и др.).

Предвыборная платформа блока «Свобода. Законность. Согласие» представляла собой набор лозунгов типа: поставить под контроль каждый рубль в бюджете республики, прекратить разбазаривание нефти и леса, остановить приватизацию; защитить законопослушного предпринимателя, на деле помочь фермеру; снизить налоги, прежде всего для производителей, помочь кредитами предприятиям, производящим пользующуюся спросом продукцию. Представители блока выступали за резкое сокращение государственного аппарата и усиление контроля за его деятельностью; борьбу с преступностью на основе профессионализма, строгого соблюдения законов, защиту собственности, расширение прав муниципальной милиции; сохранение нравственности и культуры; федеративное устройство России, приоритеты интересов регионов; право наций на развитие исторической культуры, но против претензий на исключительность; против «наглого» акционирования предприятий администрацией, незаконного приобретения лицензий, дающих возможность продавать «наши природные богатства»¹⁴.

Третьим формированием, оппозиционным команде А. А. Волкова, являлся «Социально-экологический блок» в составе Удмуртского регионального отделения Российского социально-экологического союза и Общества лесоводов УР. Его возглавил бывший руководитель Экологического союза г. Ижевска, председатель постоянной комиссии ВС УР С. Г. Щукин. Блок выдвинул 23 кандидата¹⁵ (по другим данным – 19¹⁶) и включился в предвыборную борьбу под лозунгом «Мы не слева и не справа – мы среди вас!». Его представители видели причины кризиса в господстве старой номенклатуры, а решение всех проблем связывали с приходом к власти нового поколения¹⁷. В целом программа не отличалась системностью.

Другим видным оппозиционным избирательным объединением стал РЦПС УР, получивший в обыденном представлении название «Центр поддержки Салтыкова» (мэр г. Ижевска). Его формальным лидером являлся Е. Г. Одиянков, главный врач кардиологического диспансера УР, бывший

депутат ВС РСФСР. РЦПС выдвинул 19 кандидатов¹⁸ (по другим данным – 11¹⁹) и поддержал выдвижение 39 граждан.

Его платформа была принята на II конференции РЦПС 1 февраля 1995 г. и включала три основных тезиса: «Стабильность в политике. Развитие в экономике. Ответственность в управлении». Ставка делалась на концепцию расширения местного самоуправления как панацею от хаоса. В сфере экономики «самоуправленцы» выступали за взвешенное, социально и научно обоснованное проведение реформ в интересах народа; содействие промышленности, сельскому хозяйству, мелким и средним товаропроизводителям; помощь предприятиям оборонно-промышленного комплекса в реализации их конверсионных программ, предотвращение массовых увольнений, сохранение высокого научно-технического потенциала; формирование экономических и финансовых механизмов, обеспечивающих реализацию программ местного самоуправления. В сфере личной и общественной безопасности предлагались, в частности, развитие системы муниципальных правоохранительных органов; недопустимость сращивания государственного аппарата и криминальных структур, противодействие коррупции во всех властных структурах. Ряд положений охватывал бюджетную и социальную сферы, кадровую политику, законодательную деятельность. В заключении в платформе РЦПС утверждалось, что «местное самоуправление... – это реальная возможность нормальной и цивилизованной жизни всего общества»²⁰.

Наряду с перечисленными объединениями оппозицию команде А. А. Волкова в то время составляло Удмуртское отделение Конфедерации деловых женщин России (КДЖР) (руководитель – О. Ю. Гурина, профессор Ижевского государственного медицинского института). Оно выдвинуло 12 кандидатов. Платформа КДЖР предусматривала достижение стабилизации жизненного уровня населения республики путем регулирования цен на продукты питания, реформы налоговой системы, увеличения размеров пенсий до прожиточного минимума, сохранения бесплатного образования и здравоохранения, реформы органов власти с уменьшением аппарата чиновников²¹.

Всего за сто депутатских мест в борьбу включилось 690 человек, из них 319 – от избирательных блоков и объединений (160 от «государственников» и 159 – от «самоуправленцев»)²².

Выборы в ГС УР состоялись во всех округах. В них приняли участие 46,9 % избирателей. Из 100 депутатов 38 прошли от блоков и объединений. Команда А. А. Волкова обеспечила себе 32 места в парламенте:

20 депутатов представляли блок «Удмуртия», девять – КПРФ, три – РКРП. Команда мэров гг. Ижевска и Воткинска получила шесть мандатов: три депутата представляли РЦПС, два – блок «Свобода. Законность. Согласие» и один – УП КДЖР. Результаты выборов отражены в таблице 6.

Таблица 6

Итоги выборов депутатов ГС УР первого созыва (26 марта 1995 г.)²³

Группа элиты	Избирательный блок (объединение)	Выдвинуто	Количество депутатов
«Государственники»	Избирательный блок «Удмуртия»	78	20
	Избирательное объединение «УРО КПРФ»	47	9
	Избирательное объединение «УРО РКРП»	35	3
ИТОГО		160	32
«Самоуправленцы»	Избирательный блок «Удмурт кенеш»	56	0
	Избирательный блок «Свобода. Законность. Согласие»	49	2
	Избирательный блок «Социально-экологический блок»	23	0
	Избирательное объединение «РЦПС УР»	19	3
	Избирательное объединение «УП КДЖР»	12	1
ИТОГО		159	6
Итого от блоков и объединений		319	38
Вне блоков и объединений		371	62
ВСЕГО		690	100

Остальные блоки и объединения представительства в ГС УР не получили. Социально-экологический блок не смог заинтересовать избирателей ни программой, ни составом выдвинутых кандидатов. В него вошли, главным образом, молодые люди в возрасте до 35 лет, составлявшие руководство движения. Поэтому неслучайно появление в предвыборных лозунгах призыва голосовать за молодых, шедших на смену старой правящей элите²⁴.

Причины «катастрофического фиаско» «Удмурт кенеша» проанализировал К. А. Пономарев. По его мнению, блок недостаточно активно включился в кампанию, вел ее вяло и неорганизованно. Выдвинув кандидатов, он не оказал им поддержки. Другая причина поражения – раздоры внутри удмуртского национального движения: «Вместо того, чтобы объединить усилия народа на решение поставленных задач, лидеры общества удмуртской культуры «Дэмен», молодежной организации «Шунды», Ассоциации «Удмурт кенеш» ведут бесконечный и бесплодный спор о том, кто из них главное...»²⁵. К этому утверждению добавил свое весьма справедливое замечание К. И. Куликов, который полагал, что «раздоры внутри удмуртского национального движения... приводят к тому, что значительная часть удмуртской интеллигенции не участвует в национальном движении или, включившись в него на первоначальном этапе, постепенно утрачивает к нему интерес»²⁶.

Депутатские мандаты получили 76 % русских (в ВС УР последнего созыва – 61 %), 16 % удмуртов (в ВС УР – 26 %), 5 % татар (в ВС УР – 4,5 %) ²⁷.

Первые республиканские парламентские выборы весьма показательны с точки зрения соотношения в новом депутатском корпусе двух основных секторов политической системы: собственно власти и гражданского общества.

Главной особенностью выборов стало воспроизводство правящей элиты в высшем эшелоне власти республики. Так, по сообщению Избирательной комиссии УР, среди выдвинутых кандидатов насчитывалось 88 депутатов ВС УР 12-го созыва (депутатами стали 25), 31 работник правительственных органов (избраны 8), 61 – органов местного самоуправления (избраны – 19), что составило 52 % депутатского корпуса²⁸. Многим из них удалось получить мандаты исключительно по причине своего выдвижения в районах, а не в г. Ижевске, где накал борьбы был особенно острым. Менее половины парламента составили представители директорского корпуса, банков, руководителей учебных, научных и медицинских учреждений. Произошла фактическая «приватизация власти». В составе депутатского корпуса не оказалось ни одного рабочего.

Исход выборов в республиканский парламент повлиял на избрание высшего должностного лица УР. 19 апреля в результате голосования Председателем ГС УР стал А. А. Волков (получил 55 % голосов). В. К. Тубылов набрал 42 голоса. В ГС УР первого созыва были образованы четыре фракции. «Удмуртия» и «Экономическое развитие» ориентировались на

А. А. Волкова. «Мягкими» их сторонниками выступила фракция «Коммунисты Удмуртии». Сельскую (оппозиционную) фракцию возглавил В. К. Тубылов. Ее поддерживали два депутатских объединения: «Трудовая Удмуртия» ультралевой и «Элькун» («Республика») удмуртской национальной ориентации.

Очередные выборы в ГС УР второго созыва, состоявшиеся 4 апреля 1999 г., отразили результаты перегруппировки основных сил, произошедшей в межвыборный период 1995–1998 гг. как на уровне высших эшелонов власти в РФ и УР, так и в политической организации регионального сообщества.

К моменту новых выборов политическая элита республики (очень условно) была представлена двумя группами: «команда А. А. Волкова» (высшее должностное лицо УР) и «команда П. Н. Вершинина» (в то время – Председатель Правительства УР) – «антиволковская коалиция». При этом последняя идентифицировалась не так ярко. После относительного поражения «государственников» в муниципальных выборах весны–лета 1998 г., лидерство в оппозиции постепенно перешло к П. Н. Вершинину. Однако в целом состав ее руководства был прежним: В. К. Тубылов, А. И. Салтыков и В. Л. Фридрих.

Место и роль двух властных группировок в «государственном секторе» политической системы определялись, во-первых, продолжавшимся, хотя и не в столь открытой форме, противостоянием центральных органов представительной и исполнительной власти. Особенно остро оно ощущалось именно в Удмуртии в силу запаздывания политико-экономических процессов. Во-вторых, неизменным оставался политический интерес элитных групп: либо продолжение конституционной реформы в сторону усиления исполнительной власти («команда А. А. Волкова»), либо сохранение Конституции парламентской республики («антиволковская коалиция»).

Знаменательные процессы наблюдались в межвыборный период и в политической организации общества. Эволюция властных отношений, проведение выборов на «конкурсной основе» оказали стимулирующее влияние на дальнейшее становление общественных и политических организаций. В 1997–1999 гг. МЮ УР были зарегистрированы шесть республиканских (движение «Молодежь Удмуртии», Общественно-политическое движение «Удмуртия», Союз общественных объединений «Ижевчане», Союз общественных объединений «Элькун» («Республика»), движение «Избиратель», Дебесское землячество «Байгурезь»)

и 12 местных общественных объединений (движение «21 век», Сарапульская организация ЛДПР, «Сарапульское землячество», движение «Наш Ижевск», Глазовское общественное движение «Союз русского народа», Глазовское общественно-политическое движение «За возрождение Глазова», Общественная организация избирателей Октябрьского района г. Ижевска «Милосердие», «Ижевские предприниматели – производители малого и среднего бизнеса», Орган общественной самодеятельности г. Ижевска «Общественный Совет микрорайона «Культбаза», Ижевское общественно-политическое движение «Славянский марш», Общественная организация Первомайского района г. Ижевска «Центр поддержки самоуправления», Воткинское городское отделение Татарского общественного центра). В 1998 г. статус общественно-политического объединения получил ТОЦ. Все они составили политическое окружение той или иной властной группы.

1999 г. стал годом очередных выборов в ГД ФС РФ третьего созыва. Поэтому появление «новоделов» естественным образом влияло и на региональную расстановку партийных организаций. Новым явлением в партийном строительстве стало учреждение формирований, обслуживающих конкретных политических деятелей. Так, в 1996 г. было зарегистрировано «Объединение избирателей г. Ижевска» как организация В. Г. Хорошавцева, депутата ГС УР, в то время Генерального директора компании АСПЭК.

Каждая группа республиканской власти подошла к выборам со своим политическим базисом, несколько отличавшимся от образца 1995 г.

Первоначально команда А. А. Волкова формировалась вокруг избирательного блока «Удмуртия», который преобразовался в общественно-политическое движение «Удмуртия» на учредительной конференции 20 мая 1997 г. Его лидером стал Председатель ГС УР. Ядро «Удмуртии» составили Удмуртский республиканский совет ветеранов, движение «Молодежь Удмуртии», Союз женщин УР, Союз интеллигенции УР и Федерация профсоюзов УР. В программных положениях «новодела» ставилась главная цель – «возрождение нашей Удмуртской Республики в едином пространстве Российского государства, рост ее авторитета среди регионов, в конечном итоге подъем экономики и благосостояния людей»²⁹.

С образованием Удмуртского регионального отделения «Отечества» ОПД «Удмуртия» стала составной его частью. Кроме того, в республике оно пополнилось ассоциацией «Развитие» (директорат крупных промышленных предприятий, главным образом, ВПК). На выборах в ГС УР

второго созыва «Отечество» являлось основным избирательным объединением «государственников». Суть предвыборных тезисов сводилась к лозунгу: «Они не будут голосовать за разрушительную политику Чубайса». «Отечество» поддержало выдвижение 75 кандидатов, хотя все они баллотировались формально от групп избирателей.

Наиболее близким к «Отечеству» было избирательное объединение «Новая сила», возглавлявшаяся С. В. Чикуровым, в то время генеральным директором ОАО «Удмуртнефтегазстрой-город», хотя его фамилия значилась в условном списке «Отечества». В обращении к гражданам УР обозначалась цель «новодела» – «вывод Удмуртской Республики из глубочайшего экономического и политического кризиса» путем повышения работоспособности и профессионализма депутатского корпуса через избрание в него авторитетных деятелей³⁰. Список «Новой силы» включил 24 кандидатуры.

Вторым союзником «Отечества» выступила, как было отмечено ранее, Ассоциация «Развитие» или Блок промышленников. Она предложила 35 кандидатов. Руководители предприятий Ассоциации главной целью «всех здоровых сил российского общества» видели «возрождение экономического и промышленного потенциала нашей Родины и, соответственно, нашей республики – Удмуртии».

Сателлитом «Отечества» традиционно являлось избирательное объединение КПРФ, выдвинувшее 43 кандидата. Его предвыборная платформа «За власть народа, за возрождение Удмуртии и России», принятая XLVII партийной конференцией 3 февраля 1999 г., не выходила за рамки общеизвестных формулировок³¹.

Оппозиция, сменив свою политическую основу, РЦПС, сгруппировалась вокруг условного избирательного объединения «Удмурт кенеш», выдвинувшего 48 кандидатов³².

В целом в выборах прямо или косвенно приняли участие девять избирательных объединений и блоков: республиканские организации и отделения КПРФ, «Яблока», ЛДПР, НРП, ОПОО «Отечество», а также региональные организации: Экологический Союз, Движение «Новая сила», Ассоциация «Удмурт кенеш» и неполитический Блок промышленников³³. Характерной особенностью этих выборов стала одновременная поддержка некоторых кандидатов двумя–тремя избирательными объединениями, представляющими противоборствующие политические силы. Абстрагируясь от хода выборов, в которых активно использовались «черные технологии», обратимся к анализу депутатского корпуса.

Из 100 депутатов ГС УР наиболее многочисленную группу составили представители «Отечества» (42 человека, из них только от «Отечества» – 30). На втором месте оказалась группа депутатов от Ассоциации «Удмурт кенеш» (19 человек, из них только от Ассоциации – 14). Третье и четвертое места поделили представители Блока промышленников (11 человек, из них только от Блока – шесть) и КПРФ (девять человек, из них только от КПРФ – пять). Последнюю строку в политической таблице заняли депутаты от Движения «Новая сила» (шесть человек, из них только от Движения – три). Остальные избирательные объединения представительства в ГС УР не получили, а 28 депутатов выдвигались как «независимые»³⁴.

14 депутатов поддерживались несколькими объединениями одновременно. Наибольшую степень толерантности проявило «Отечество». Совместно с Блоком промышленников оно способствовало победе пяти кандидатов, с Ассоциацией «Удмурт кенеш» – двух, КПРФ – двух, Движением «Новая сила» – двух; совместно с Ассоциацией «Удмурт кенеш» и Движением «Новая сила» одновременно – одного кандидата (С. К. Смирнова, впоследствии депутат ГД ФС РФ). УРО КПРФ блокировалась самостоятельно один раз (с Ассоциацией «Удмурт кенеш») и обеспечила победу двум кандидатам. Результаты выборов отражены в таблице 7.

Таблица 7

Итоги выборов депутатов ГС УР второго созыва (4 апреля 1999 г.)³⁵

Группа элиты	Избирательный блок (объединение)	Количество депутатов
«Государственники» (команда А. А. Волкова)	Избирательное объединение «УРО ОПОО «Отечество»»	30 (42)
	Избирательное объединение «Движение «Новая сила»»	3 (6)
	Избирательное объединение «УРО КПРФ»	5 (9)
	Ассоциация «Развитие»	6 (11)
ИТОГО (только от одного блока или объединения)		44
	УРО ОПОО «Отечество» и Движение «Новая сила»	2
	УРО ОПОО «Отечество» и УРО КПРФ	2
	УРО ОПОО «Отечество» и Ассоциация «Развитие»	5
	УРО ОПОО «Отечество» и Ассоциация «Удмурт кенеш»	2

	УРО ОПОО «Отечество», Движение «Новая сила» и Ассоциация «Удмурт кенеш»	1
	УРО КПрФ и Ассоциация «Удмурт кенеш»	2
ИТОГО (от нескольких блоков и объединений одновременно)		14
ВСЕГО		58
«Самоуправленцы» (анти-волковская коалиция)	Избирательное объединение «Ассоциация «Удмурт кенеш»	14
ИТОГО (только от одного блока или объединения)		14
	Ассоциация «Удмурт кенеш» и УРО КПрФ	2
	Ассоциация «Удмурт кенеш» и УРО ОПОО «Отечество»	2
	Ассоциация «Удмурт кенеш», УРО ОПОО «Отечество» и Движение «Новая сила»	1
ИТОГО (от нескольких блоков и объединений одновременно)		5
ВСЕГО		19
Вне блоков, объединений		28
Только от одного блока или объединения		58
От нескольких блоков и объединений одновременно		14
ВСЕГО		100

Результаты выборов имели решающее значение для организации властной элиты региона. В первую очередь они предрешили судьбу оппозиции. В политическом плане победу одержала «команда Волкова». Это видно из процедуры избрания высшего должностного лица республики на сессии ГС УР 20 апреля 1999 г. На пост Председателя ГС предлагались две кандидатуры: А. А. Волкова (группа депутатов «Промышленники и предприниматели») и П. Н. Вершинина (депутатская группа «Согласие», руководитель – Е. Г. Одиянков). В принципе, П. Н. Вершинин был «обречен» на поражение. Очевидно, это понимала и оппозиция. Действительно, как показали результаты выборов, минимум «команды А. А. Волкова» – 44 голоса (депутаты только от одного объединения), максимум – 58 (депутаты от нескольких объединений одновременно). Минимум «антиволковской коалиции» – 42 голоса (14 депутатов только от Ассоциации «Удмурт кенеш» и все «независимые» депутаты (28 человек)), максимум – 47 (депутаты от нескольких объединений одновременно (19 человек) и все «независимые» депутаты (28 человек)). А. А. Волков при голосовании за его кандидатуру на пост Председателя

ГС УР второго созыва набрал 55 голосов, а П. Н. Вершинин – 42, одновременно лишившись поста Председателя Правительства УР. 22 апреля 1999 г. его место занял ставленник высшего должностного лица УР Н. А. Ганза, генеральный директор Чепецкого механического завода³⁶. П. Н. Вершинин смог лишь закрепиться на специально созданной для него должности «второго» первого заместителя Председателя ГС УР, дабы не обострять выявившийся на национальной почве политический кризис. Вместе с тем исследователи И. В. Егоров и К. Мацузато полагают, что шансы кандидатов на пост Председателя ГС УР были почти равными, «каждый из них был способен мобилизовать примерно по сорок голосов депутатов»³⁷.

Отличительными чертами выборов явились относительно высокая активность избирателей (51,4 %), состязательность претендентов на депутатские места. Особенностью кампании стало объединение кандидатов не только в политические группы, как это наблюдалось в 1995 г., но и в неполитические блоки.

В результате качественно изменился состав депутатского корпуса. Во-первых, из 100 новых депутатов только 35 были депутатами ГС УР первого созыва и 16 – ВС УР 12-го созыва. Таким образом, около половины парламентариев не имели опыта публичной политики³⁸. Во-вторых, депутатский корпус представили 81 руководитель предприятия или учреждения, либо их заместитель. Все это привело к сохранению и усилению корпоративно-хозяйственного характера удмуртского парламента. Об этом позволяет судить и фракционный состав ГС УР на тот период. Уже 14 мая 1999 г. ГС УР зарегистрировал три депутатские фракции, сформированные по «экономическому признаку»³⁹. Самой крупной из них стала фракция «Промышленники и предприниматели» (34 человека) – политический базис А. А. Волкова. Первоначально ее возглавил Ю. В. Шестаков, в то время генеральный директор Государственного унитарного предприятия Ижевский электромеханический завод «Купол», входивший в состав руководителей предприятий ассоциации «Развитие». Вторая фракция – «Единство» – во главе с В. Г. Хорошавцевым, Президентом ЗАО АСПЭК (23 человека). Ее ядро – представители группы АСПЭК, также сотрудничающие с А. А. Волковым. Третья – Объединенная депутатская фракция аграриев и горожан под лидерством Е. Г. Одиянкова (20 депутатов), традиционная оппозиция высшему должностному лицу с 1995 г. В свете вышесказанного представляется совершенно правомерным вывод И. В. Егорова и К. Мацузато о том, что

с 1999 г. А. А. Волков стал опираться не только на «административную партию», но и на экономические группы интересов.

Помимо всего прочего, исход выборов имел самые трагические последствия не только для оппозиции, но и удмуртского национального движения. Формальная победа «Удмурт кенеша» на парламентских выборах привела к дальнейшему «вымыванию» из ГС удмуртов и нарушению национальных паритетов в организации ветвей власти.

В резолюции VII (внеочередного) Всеудмуртского съезда (19 июня 1999 г.) открыто выражалось недовольство позицией руководства ГС УР, игнорировавшего требования Всеудмуртской Ассоциации «Удмурт кенеш»; констатировалось нарушение одного из ведущих политических принципов автономии: в 1999 г., впервые за все время функционирования государственности Удмуртии, на должности председателей ГС и Правительства не были избраны представители титульной национальности. В докладе Президента Ассоциации В. К. Тубылова главными причинами вытеснения удмуртов из руководящих органов республики были названы: неэффективность федеральной национальной политики, отсутствие механизма защиты прав и учета интересов малочисленных коренных народов, падение уровня жизни населения и слабая консолидированность самого удмуртского народа, усугубленная распространением в нем национально-нигилизма и социальной пассивности. К этому можно добавить частую сменяемость руководства Ассоциации «Удмурт кенеш» не на процедурной, а на политической основе, что существенно затрудняло реализацию ее программных установок.

В качестве основных мер, призванных обеспечить политическое представительство и учет мнения коренного населения республики при решении важнейших государственных вопросов, на съезде предлагалось внести в текст Конституции УР особые статьи, защищающие права удмуртского народа и гарантирующие участие его представителей в работе республиканских органов власти. Съезд призвал ГС УР рассмотреть и принять законы о статусе Всеудмуртского съезда и о государственных языках республики, а также разработать программу подготовки национальных кадров⁴⁰.

В оценках итогов выборов лидеры удмуртского национального движения проявили непоследовательность. С одной стороны, они заявили, что удовлетворены результатами избирательной кампании, проведенной Ассоциацией «Удмурт кенеш», несмотря на то, что в новый состав парламента прошло всего 12 удмуртов. В частности, 16 апреля 1999 г.

в интервью Н. Н. Пузановой, журналисту газеты «Удмуртская правда», В. К. Тубылов отметил: «Мы так вопрос никогда и не ставили, что интересы титульного населения могут защищать только представители этой же национальности. Прошли из этого числа (списка «Удмурт кенеш». – С. Б.) 21: удмурты, татары, марийцы, русские. Мы довольны этим результатом...»⁴¹. Однако данное заявление диссонировало с акцией гражданского неповиновения – несанкционированным пикетом, проведенным частью удмуртской студенческой молодежи во главе с Р. И. Яшиной 22 апреля 1999 г., когда Н. А. Ганзе в открытой форме было предложено взять самоотвод при выдвижении его кандидатуры на пост главы Правительства.

Более однозначную позицию первоначально занял К. А. Пономарев. 30 апреля 1999 г. в одном из своих интервью он заявил буквально следующее: «Мы, представители удмуртской интеллигенции, воспринимаем результаты выборов как национальную трагедию... Целому народу нанесена обида»⁴². Весьма болезненно ситуацию, сложившуюся с нарушением этнических паритетов, воспринимал и К. И. Куликов⁴³.

Однако впоследствии лидеры удмуртского национального движения пересмотрели свои оценки. Учитывая новые политические реалии, на VII (внеочередном) Всеудмуртском съезде К. А. Пономарев отметил, что А. А. Волков одержал политическую победу на парламентских выборах, на конструктивной основе сформировал Правительство. Поэтому Всеудмуртской Ассоциации «Удмурт кенеш» следовало искать любые возможности для налаживания диалога с главой республики.

С решением вопроса о высшем должностном лице УР механизм толерантности политических элит осуществлялся в направлении достижения «командой А. А. Волкова» конституционного большинства в парламенте и завоевания исполнительной власти, используя противоречия в оппозиционном лагере.

¹ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 43.

² Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 28 марта.

³ Егоров И., Маузузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 313.

- ⁴ Удмуртия в годы реформ... С. 126–127; ЦДНИ УР. Ф. 74. Оп. 5. Л. 5–10.
- ⁵ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 43.
- ⁶ Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики...
- ⁷ Удмуртия в годы реформ... С. 127; ЦДНИ УР. Ф. 74. Оп. 5. Л. 5–10.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 43.
- ¹⁰ Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики...
- ¹¹ Егоров И., Маузуто К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 316.
- ¹² Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 43.
- ¹³ Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики...
- ¹⁴ Удмуртия в годы реформ... С. 127; ЦДНИ УР. Ф. 74. Оп. 5. Л. 5–10.
- ¹⁵ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 43.
- ¹⁶ Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики...
- ¹⁷ Удмуртия в годы реформ... С. 128; ЦДНИ УР. Ф. 74. Оп. 5. Л. 5–10.
- ¹⁸ Протокол II конференции «Республиканского центра поддержки самоуправления Удмуртской Республики» по выдвижению кандидатов в депутаты Государственного Совета Удмуртской Республики от 1 февраля 1995 г. // Удмуртская правда. 1995. 14 февраля.
- ¹⁹ Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики...
- ²⁰ Развитие. Стабильность. Ответственность. Платформа избирательного объединения «Республиканский центр поддержки самоуправления Удмуртской Республики» // Удмуртская правда. 1995. 14 февраля.
- ²¹ Удмуртия в годы реформ... С. 128; ЦДНИ УР. Ф. 74. Оп. 5. Л. 5–10.
- ²² Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 43–44.
- ²³ Подсчитано по: Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 43–44.
- ²⁴ Егоров И., Маузуто К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 317.
- ²⁵ Пономарев К. За бортом. Почему «Удмурт кенеш» проиграл выборы // Удмуртская правда. 1995. 8 апреля.
- ²⁶ Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 46.
- ²⁷ Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики...
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Цит. по: Егоров И., Маузуто К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 314.
- ³⁰ Обращение председателя оргкомитета движения «Новая сила» Сергея Витальевича Чикурова к гражданам Удмуртской Республики // Известия Удмуртской Республики. 1999. 1 апреля.
- ³¹ Наша республика – наши кандидаты // Трибуна. 1999. 10 февраля.
- ³² Тани соос, асьмелэнъёс! // Герд. 1999. 16 марта.
- ³³ Известия Удмуртской Республики. 1999. 13 марта.
- ³⁴ Крылова А., Бехтерев С., Бехтерева Л. Удмуртская Республика... С. 46–47.
- ³⁵ Там же. С. 47.
- ³⁶ О назначении Председателя Правительства Удмуртской Республики. Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики от 25 апреля 1999 г. № 5-II // Сборник законов и постановлений, принятых на первой сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва (20, 22 апреля, 12, 13, 14, 25, 28 мая 1999 г.). Ижевск, б. г. С. 3.
- ³⁷ Егоров И., Маузуто К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 360.
- ³⁸ Там же. С. 358.
- ³⁹ О регистрации депутатских фракций в Государственном Совете Удмуртской Республики. Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики от 14 мая 1999 г. № 26-II // Сборник законов и постановлений, принятых на первой сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва... С. 29–32.
- ⁴⁰ Смирнова С. К. Права народов в мультиэтничном государстве: путь России. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 151. М., 2002. С. 14.
- ⁴¹ Пузанова Н. За кого голосовали удмурты? // Удмуртская правда. 1999. 16 апреля.
- ⁴² Пузанова Н. Не забывать о национальном аспекте // Удмуртская правда. 1999. 30 апреля.
- ⁴³ См., напр.: Куликов К. И. Удмуртия – субъект России... С. 237–244.

4.3. Субъекты политической системы и становление местного самоуправления

Неоднозначность оценок мирового и отечественного опыта государственного строительства, неопределенность статуса местного самоуправления в РФ актуализируют научную и практическую значимость исследования локального аспекта процессов муниципализации в исторической ретроспективе 1990-х гг. как исходной точки либеральной модернизации первичного звена управления в СССР, а затем и России. Поэтому в монографии предпринимается попытка научного осмысления эволюции политико-правового статуса местного самоуправления в обозначенный период на примере Удмуртии, которая одна из первых в стране осуществила муниципализацию городов и сельских районов, испытала на себе все ее негативные последствия, преодоленные в основном к началу 2000-х гг.

С 1994 г. одной из особенностей развития РФ и ее регионов явилось первоочередное формирование органов местного самоуправления, что не случайно. Для становления безраздельного господства исполнительной власти нужно было, прежде всего, избежать политических потрясений в центре, а точнее перевести их в регионы. До принятия новой Конституции России реформирование нижнего уровня управления осуществлялось на основе ряда нормативно-правовых актов Президента РФ. Так, уже на пятый день после «расстрельных» событий в Москве, 9 октября 1993 г., вышли два таких указа: «О некоторых мерах по оказанию государственной поддержки местного самоуправления» и «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации», а спустя некоторое время – Указ «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» и утвержденное им «Положение об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы»¹.

Цель этих правовых документов сводилась к тому, чтобы реформировать систему власти субъектов РФ в предельно сжатые сроки – до выборов 12 декабря 1993 г. В соответствии с указами создавалась Федеральная государственная комиссия, которая к 15 октября 1993 г. обязывалась внести предложения по организации новых органов представительной власти в краях, областях РФ, а также органов местного самоуправления в городах, районах, селах, поселках и т.д. 21 республике в составе РФ рекомендовалось решать вопросы реформы государственных органов

и местного самоуправления с учетом положений указов с тем, чтобы общая схема власти была единой во всех субъектах России.

Конституция РФ 1993 г., пожалуй, впервые за всю отечественную, да и мировую историю, создала уникальную систему управления огромной страной. Уникальную, прежде всего, своим механизмом «сдержек и противовесов», задача которого – поддержание единства и неделимости государства в условиях формального федерализма. Вывод органов местного самоуправления из общей системы государственной власти и наделение их властными полномочиями закладывали институциональные основы для раскола политической элиты регионов. С этой точки зрения местные органы, особенно столичные руководители, обладая всей полнотой власти, в принципе противостояли государственным органам субъекта РФ и реализовывали политику федерального центра, иногда в ущерб интересам периферии.

Предпосылки для осуществления данной политики начали складываться в Удмуртии в ходе первых муниципальных выборов весной 1994 г. Во исполнение Указа Президента РФ от 21 марта 1994 г. № 557 «О мерах по обеспечению реформы местного самоуправления» были приняты законы УР от 27 января 1994 г. «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления в Удмуртской Республике» и «О выборах глав местного самоуправления, глав местных администраций районов и городов Удмуртской Республики». Выборы были назначены на 10 апреля 1994 г. и проводились во всех административно-территориальных единицах одновременно. На территории республики образовывались 603 избирательных округа, 1 003 избирательных участка, 986 избирательных комиссий. Предварительно по Постановлению ВС УР от 27 января 1994 г. № 575-ХП «О порядке введения в действие Закона Удмуртской Республики «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике» решениями выборных органов устанавливался количественный состав представительных органов. Вводились ограничения для кандидатов на должность глав местного самоуправления. Ими могли быть граждане УР, постоянно проживающие или работающие на соответствующей территории и достигшие 21-летнего возраста. Всего в 1994 г. по Удмуртии в ходе подготовки к муниципальным выборам было зарегистрировано кандидатов в депутаты – 2 174, от избирательных объединений – 77, избирательных блоков – 212².

Особенно драматично выборы проходили в г. Ижевске: в столичную думу и мэра города. Они отразили противоречивые тенденции

общественно-политического развития. Выявилась высокая степень активности граждан и их объединений. Это были последние полноценные демократические выборы в республике. Помимо «независимых кандидатов», в новый орган выдвигались представители шести избирательных объединений.

Единственным формированием, выразившим интересы части общества, не связанного с прежней партийно-хозяйственной номенклатурой, стало избирательное объединение КДП (ПНС). Оно вобрало в себя как беспартийных кандидатов, так и представителей бывшего «Движения за демократию», выступавших за сохранение ряда позиций, «отвоеванных» у номенклатурной составляющей демократических преобразований. КДП (ПНС) выдвинула 20 кандидатов, среди которых были ученые, инженерно-технические и творческие работники, служащие, рабочие³. В одном из своих агитационных материалов они отмечали, что «не связаны никакими «обязательствами» ни с прошлой, ни с нынешней властью... Мы сочетаем в себе жизненный опыт, мудрость политика, профессионализм деятельности». Кадеты призывали голосовать за «слуг народа, а не за его «вождей»⁴. Наиболее близко стоявшее к КДП (ПНС) избирательное объединение «Демократическая Россия» отождествляло себя с либеральными реформаторами и включило представителей новых олигархических структур. Оно предложило девять кандидатур⁵.

Республиканский центр поддержки местного самоуправления, впоследствии РЦПС, выдвинул 25 кандидатов, поддержав ряд кандидатур от Федерации профсоюзов УР⁶. Последняя предложила 24 кандидата⁷, а Союз женщин УР – четыре⁸.

Избирательное объединение «Советская Удмуртия» в составе Союза рабочих, крестьян, специалистов и служащих Удмуртии, республиканских организаций РКРП и КППФ выдвинуло 24 кандидата⁹. Члены Союза рабочих, крестьян, специалистов и служащих выявили неоднозначное отношение к выборам в муниципальные органы. С одной стороны, как они полагали, выборы ликвидируют советскую систему власти, «единственно действительно демократическую»¹⁰. С другой стороны, левые радикалы посчитали возможным использовать парламентские формы борьбы за права трудящихся. Поэтому они вошли в блок «Советская Удмуртия» и поддержали тех, кто впоследствии возглавил оппозицию А. А. Волкову (например В. Л. Фридриха на пост главы администрации г. Воткинска)¹¹.

Всего на 30 депутатских мест первоначально баллотировались 202 человека (172 мужчины и 30 женщин) (впоследствии 200): 106 от шести

избирательных объединений и 96 – от групп избирателей. Участвовать в выборах изъявили желание 26 руководителей разного уровня, в основном промышленных предприятий, 25 инженерно-технических и семь творческих работников, 15 рабочих, 12 служащих, 19 руководителей и преподавателей высшей школы, научных сотрудников, 24 предпринимателя и банкира, пять представителей средств массовой информации, восемь работников строительных организаций, десять – органов здравоохранения, шесть – народного образования, 17 – профсоюзных органов, пять – сферы обслуживания, коммунального хозяйства и торговли, девять – органов власти и управления, семь руководителей общественных организаций, семь военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов¹².

Наиболее удачно провели свою кампанию политические структуры, на базе которых сформировались полюса биполярной системы. Однако на этих выборах элита республики пока выступала единым целым.

РЦПС, в будущем политический базис оппозиции высшему должностному лицу УР, получил пять депутатских мест; будущие союзники А. А. Волкова – Союз женщин УР, Федерация профсоюзов УР, «Советская Удмуртия» – соответственно два, три и два места; либерал-реформаторы в лице «Демократической России» – три мандата. КДП (ПНС) обеспечила победу одному кандидату и не смогла играть самостоятельную роль в определении муниципальной политики. Результаты выборов отражены в таблице 8.

Таблица 8

**Итоги выборов депутатов Городской думы
г. Ижевска первого созыва (10 апреля 1994 г.)¹³**

Избирательный блок (объединение)	Выдвинуто кандидатов	Количество депутатов
Избирательное объединение «Республиканский центр поддержки местного самоуправления»	25	5
Избирательное объединение «Союз женщин УР»	4	2
Избирательное объединение «Федерация профсоюзов УР»	24	3
Избирательное объединение «Конституционно-демократическая партия (Партия Народной Свободы)»	20	1

Избирательное объединение «Демократическая Россия»	9	3
Избирательный блок «Советская Удмуртия»	24	2
Итого от блоков и объединений	106	16
Вне блоков и объединений	96	14
Всего	202	30

Всего по УР в выборах в органы МСУ приняли участие 40,79 % избирателей, а в г. Ижевске – 34,4 %¹⁴.

С точки зрения развития местного уровня власти как одной из составляющих политической системы в условиях рыночных реформ особый интерес представляет анализ предвыборных программ шести кандидатов на должность главы местного самоуправления столицы субъекта РФ.

Все претенденты на пост мэра г. Ижевска явно или неформально представляли определенные политические объединения. Одним из них стал фактический лидер РЦПС А. И. Салтыков, с ноября 1993 г. глава администрации – мэр г. Ижевска. «Советская Удмуртия» выдвинула кандидатуру В. Г. Шишкина, занимавшего должность начальника государственной налоговой инспекции по Октябрьскому району г. Ижевска. Два кандидата, С. В. Чикуров, президент многопрофильного АО «Чикуров и К», и А. В. Денисов, директор ТОО «Декарт», хотя и выдвигались от групп избирателей, но были связаны партийными обязательствами: первый – с «Демократической Россией», а второй являлся координатором регионального отделения ЛДПР. И, наконец, два «независимых» кандидата шли в связке с основными претендентами на пост мэра: В. Ф. Николаев, председатель постоянной комиссии ВС УР, активно помогал В. Г. Шишкину, а Э. В. Касимов, профессиональный художник, в то время руководитель дизайн-студии ТОО «Продюсерская группа «Ижевский завод», – А. И. Салтыкову.

В международной практике при анализе механизма управления территориями акцент обычно делается на следующих моментах. Во-первых, усиление роли местных органов самоуправления на всех стадиях социально-экономического развития – закономерный процесс в условиях рыночных отношений. Во-вторых, развитие региона, города происходит под воздействием, с одной стороны, общих социально-экономических процессов, происходящих в государстве в целом, а с другой – территориальной общности людей, имеющих совместный локальный интерес. В-третьих, проблема соотношения государственного, территориального

управления и местного самоуправления – одна из крупнейших для любой страны, а для России наиболее актуальна в условиях реформирования. Суть проблемы лежит в сложности обеспечения оптимального сочетания интересов населения конкретного муниципального образования с реализацией общенациональных ценностей и минимальных социальных норм, установленных государством. В-четвертых, эффективность процессов развития рыночной инфраструктуры и конкуренции, приватизации государственной собственности, становления предпринимательских структур, обеспечения социальной защиты населения зависит от профессионального уровня функционирующих органов местного самоуправления.

Сопоставительный анализ, представленный в таблице 9, дает возможность сделать выводы об уровне профессиональной подготовки, опыте управления хозяйством кандидатов на должность мэра г. Ижевска.

Как видно из таблицы, во всех предвыборных платформах отсутствовали результаты предварительных расчетов возможных источников наполнения местного бюджета. Предложения о создании городского банка в программах В. Ф. Николаева и С. В. Чикурова с точки зрения механизма функционирования финансового менеджмента в условиях инфляции усугубляли положение города.

Не было целостности в стратегии органов самоуправления в программах Э. В. Касимова и В. Г. Шишкина. В платформах почти всех кандидатов отсутствовала комплексность формирования механизма местного самоуправления. Наиболее полный, системный подход обнаружила позиция А. И. Салтыкова, что свидетельствовало о его значительном опыте, определенных управленческих навыках, знании проблем и умении выделить их приоритетность на данный период времени. На том этапе его кандидатура устраивала также руководителей представительной и исполнительной власти УР.

В целом, в голосовании по выборам главы местного самоуправления – мэра г. Ижевска приняло участие 34,8 % от числа зарегистрированных избирателей. Основная борьба развернулась между А. И. Салтыковым и С. В. Чикуровым. Первый набрал 47,7 % голосов и был переизбран на очередной срок полномочий. За С. В. Чикурова проголосовали 31,6 % избирателей. Остальные претенденты получили от 6,5 % (В. Г. Шишкин) до 1,3 % голосов (А. В. Денисов)¹⁶.

Всего по Удмуртии в представительные органы местного самоуправления было избрано 598 депутатов: от 13 в г. Можге до 30 в г. Ижевске –

Сопоставительная характеристика социально-экономических аспектов предвыборных программ кандидатов на пост главы местного самоуправления (г. Ижевск, 1994 г.)¹⁵

Кандидат						
Основные составляющие механизма местного самоуправления (МСУ)	А. В. Денисов	В. Ф. Николаев	Э. В. Касимов	А. И. Салтыков	С. В. Чукуров	В. Г. Шишкин
Формы и методы организации МСУ	–	–	«В Ижевске чиновников больше, чем в Чикаго. И милиционеров несколько не меньше, чем в столице американских мафиози»	Формирование органов местного самоуправления из профессиональных кадров	–	–
Формирование и расходование местного бюджета	–	$\frac{3}{4}$ городского бюджета – поступление налогов на прибыль	–	Долговременные нормативы отчислений от федеральных налогов; разграничение бюджетов различной уровней;	Получение дополнительной прибыли через городской банк	Долговременные нормативы отчислений от каждого налога

Система местных налогов и дотаций	–	Стимулирующее налогообложение в размере 35 % от прибыли	–	Регулирование местных налогов и установление льгот по ним	–	Формирование самостоятельной политики; пересмотр системы налоговых льгот
Стратегия МСУ в социально-экономическом развитии города	«Усилить гос-сектор»; приостановить конверсию; продавать во-енную продукцию на мировом рынке; прекратить по-мощь близкому и дальнему зарубежью	Создание городской маркетин-говой службы; согласование госзаказа с правительством России; создание город-ского банка	Госзаказ на про-дукцию ВПК	Госзаказ на во-енную продук-цию; поиск рынков сбыта произ-вств предприя-тий города; разработка гибкой системы платы за землю; разработка и выполнение программ по экологическому оздоровлению; программа по безопасности жизни в городе	Введение целе-вых облигаций выигрышного займа (на жи-лье); аукционы по распродаже построенного жилья; содей-ствие иностран-ным фирмам в инвестировании строительства жилья, гостиниц	«...заводы будут работать, строи-тели оживут»

Содействие предпринимательству	Развернуть налоговую систему в сторону производителей, 60 % прибыли должно оставаться в руках производителей	—	Льготы предпринимателям, создающим рабочие места	Льготы для предприятий по системе налогообложения	Развитие среднего и малого бизнеса; ввод завода по переработке сельскохозяйственных продуктов; содержание городского хозяйства	Каждому желающему «открыть свое дело на месяц-два...»
Социальная защита населения	Льготы только остро нуждающимся; торговля по лимитным карточкам; покончить с организованной преступностью, спекуляцией; жилье безвозмездно передавать в собственность проживающим в нем, дома — в рассрочку на 25–35 лет	Вкладывать деньги в чело века	Конкурс предложений на работу по благоустройству, субботники; горячая вода круглый год	Программа переподготовки кадров, внимание женщинам, молодежи, инвалидам; программа занятости населения; бесплатное и качественное медицинское обслуживание; помощь малоимущим семьям; развитие сети учебных заведений и организация досуга подростков и молодежи	Транспортные льготы пенсионерам, студентам, ученикам; снижение квартплаты малоимущим; городской заказ на продукты питания	Полная безопасность на улицах и спокойствие в каждом доме; детям — бесплатное образование и свободный доступ к культурным и спортивным базам; пожилым — обеспеченная старость, забота и внимание, бесплатный проезд в городском транспорте

в городах; от 13 в Каракулинском до 29 в Балезинском – районах. Из них депутатов, работавших на постоянной основе, оказалось 45 человек, женщин – 155, государственных и муниципальных служащих – 47, руководителей организаций и учреждений – 311, с высшим образованием – 663, в возрасте до 30 лет – 28, от 30 до 50 лет – 692. Главным итогом избирательной кампании стало завершение процесса десоветизации на локальном уровне и формирование органов местного самоуправления на легитимной основе¹⁷.

Результаты муниципальных выборов 1994 г. имели и негативные последствия для развития региона. Города и районы оказались вне государственного регулирования. Правительство теряло оперативное управление республикой. Все его распоряжения относительно местных властей имели рекомендательный характер и не были обязательными к исполнению. Полномочия же глав местного самоуправления фактически оказались неограниченными, что вело к установлению в ряде мест, особенно в гг. Ижевске и Воткинске, авторитарного управления¹⁸. Исход муниципальных выборов 1994 г. стимулировал складывание биполярной системы на региональном и локальном уровне.

Очередные выборы в органы местного самоуправления УР, прошедшие весной – летом 1998 г., отразили новую структуру российской политической системы, сформировавшуюся под влиянием продолжавшегося курса радикальных либеральных реформ, а также ее региональные особенности. Спецификой этих выборов стало то обстоятельство, что они проводились не одновременно во всех муниципальных образованиях, а в два этапа. Это объяснялось тем, что в УР продолжался конституционный кризис, обусловленный противостоянием «государственников» и «самоуправленцев».

Первоначально, 12 апреля 1998 г. состоялись выборы глав и депутатов муниципальных образований городов УР. Обе группы элиты рассматривали их как «генеральную репетицию» республиканских и федеральных парламентских выборов 1999 г. Однако в условиях кризиса, когда обе стороны утратили значительную часть своего авторитета в глазах электората, они не решились явно обозначать своих кандидатов через какие-либо известные формальные структуры.

Особо острой стала борьба за мандаты в Ижевскую думу. Странники команды А. А. Волкова, хотя и имевшей в своем активе своеобразную региональную «партию власти» – ОПД «Удмуртия», предпочли выдвигаться либо от групп избирателей, либо через самовыдвижение. Определенную

самостоятельность обнаружили союзники А. А. Волкова – организации коммунистической ориентации. На региональный уровень политической арены вышел Народно-патриотический союз России (лидер – Г. А. Зюганов, республиканский руководитель – Н. И. Сапожников). В УР НПСР объединил КПРФ, РКРП, АПР, РКСМ, Союз офицеров, объединение «Женщины за социальную справедливость» Всероссийского женского союза, республиканский Союз рабочих, крестьян, специалистов и служащих, ряд других организаций. Блок выставил 22 кандидата и поддержал десять, являвшихся членами других коммунистических организаций. Не имели практических шансов на победу выдвиженцы Народно-республиканской партии России, а также ОПД «Женщины России».

Линия поведения «государственников» формировалась под влиянием ряда избирательных кампаний, в том числе по выборам Президента РФ в 1996 г., когда поддержка Б. Н. Ельцина республиканским руководством обуславливалась требованием изменения характера реформ в сторону усиления их социальной направленности. В целом группа А. А. Волкова представляла не очень сильную команду. Слабость ее позиций определялась в то время, прежде всего, отсутствием в непосредственном окружении высшего должностного лица УР каких-либо федеральных политических структур, а также каналов для трансляции определенного характера информации в президентском окружении Б. Н. Ельцина. Всего государственники выдвинули 36 кандидатов в 30 ижевских округах, но не получили ни одного места.

«Самоуправленцы» представляли более внушительную силу. Они были поддержаны непосредственно аппаратами Ижевской администрации и Полномочного представителя Президента РФ в УР В. В. Балакина, бывшего вице-мэра г. Ижевска, сохранившего связи с прежней «партией власти» (НДР), а также влиятельными российскими структурами («Яблоко», «Реформы – Новый курс», «Конфедерация деловых женщин России», находившаяся под эгидой объединения «Общее дело»), выступившими соучредителями избирательного блока «Ижевчане». Идеология «самоуправленцев» не выходила за рамки российского правительственного курса.

«Правые» силы предпочли выдвигаться не от утратившего популярность РЦПС, а от вышеназванного избирательного блока «Ижевчане». Помимо «Яблока», РНК, КДЖР в него вошли ДВР, Российский союз народных домов, Ассамблея парламентариев (руководитель – В. Н. Подопротора), а также республиканские организации РЦПС, «Многоцветье», ижевские городские советы ветеранов и женщин. Лидером блока стал ижевский мэ

А. И. Салтыков. «Ижевчане» выдвинули пять и поддержали шесть кандидатов, в том числе от Ассоциации «Удмурт кенеш». НДР выдвинул трех кандидатов и поддержал одного. В целом «правым» удалось обеспечить победу пяти кандидатам.

Политическая идентификация избирательного объединения «УРО ЛДПР» не может быть выявлена однозначно. Эта организация всегда стремилась сохранить известную самостоятельность от элитных групп региона. Результаты выборов депутатов Городской думы г. Ижевска второго созыва представлены в таблице 10.

Таблица 10

**Итоги выборов депутатов Городской думы г. Ижевска
второго созыва (12 апреля 1994 г.)¹⁹**

Группа элиты	Избирательный блок (объединение)	Выдвинуто	Количество депутатов
«Государственники»	Избирательное объединение Народно-патриотический союз России (условно)	22	0
	УРО КПРФ (условно)	4	0
	Народно-республиканская партия (условно)	3	0
	Трудовая Россия (условно)	2	0
	Союз рабочих, крестьян, специалистов и служащих Удмуртии (условно)	1	0
	Совет рабочих, специалистов и служащих (условно)	1	0
	Общественное движение «Российские ученые социалистической ориентации» (условно)	1	0
	Общественное движение «Женщины за социальную справедливость» (условно)	1	0
	ОПД «Женщины России» (условно)	1	0
ИТОГО («государственники»)		36	0
«Самоуправленцы»	Избирательный блок «Ижевчане»	5	2
	Ассоциация «Удмурт кенеш» (условно)	3	0

	Удмуртское представительство КДЖР (условно)	2	2
	НДР	4 (3 выдвинуто и 1 поддержан)	1
	Социал-демократическая партия России	1	0
ИТОГО («самоуправленцы»)		15	5
Иные избирательные блоки, объединения	Избирательное объединение «УРО ЛДПР»	9	0
Итого от блоков и объединений		60	5
Вне блоков и объединений		142	25
ВСЕГО		202	30

Наиболее драматично развивалась в г. Ижевске кампания по выборам мэра. Как и в 1994 г., все пять претендентов тайно или явно отождествлялись с определенными политическими кругами, хотя только один из них, С. Ю. Савичев, председатель Совета директоров АО «Институт «Удмуртгражданпроект», выдвигался от НПСР, остальные (В. Ф. Загайнов, генеральный директор республиканского государственного предприятия «Территориальное производственное объединение жилищно-коммунального хозяйства УР»; А. И. Салтыков, Глава местного самоуправления – мэр г. Ижевска и А. В. Солуянов, депутат ГД РФ) – либо от групп избирателей, либо путем самовыдвижения (С. Г. Шукин, заместитель главного редактора газеты «АиФ Удмуртии») ²⁰. Однако в отличие от 1994 г., в условиях кризиса, обусловленного противостоянием «государственников» и «самоуправленцев», реальные претенденты на пост мэра г. Ижевска представляли две основные элитные группы.

«Обреченным» на победу оказался А. И. Салтыков. Этому содействовала деятельность федерального центра по ослаблению политического руководства республики, результатом чего стали вынужденные решения сессии ГС УР о приостановлении действия избирательных законов буквально за четыре дня до выборов. Победе мэра способствовали и значительные просчеты в избирательной технологии В. Ф. Загайнова, ставленника команды А. А. Волкова. Слишком большой объем негатива, озвученный «государственниками» против «самоуправленцев», оказал отрицательное воздействие на первых. В ходе выборов А. И. Салтыков

получил 44,4 % голосов, В. Ф. Загайнов – 25,3 %, А. В. Солуянов – 14,2 %, С. Ю. Савичев – 4,3 % и С. Г. Шукин – 3,4 % голосов.

В целом, в пяти городских думах УР был избран 121 депутат, из них 100 – от групп избирателей, 11 – путем самовыдвижения, восемь – от НПСР и два – от Союза «Ижевчане».

5 июля 1998 г. прошли выборы депутатов представительных органов местного самоуправления 25 районов УР. Всего было образовано 746 округов, избрано 734 депутата, из них 599 – от групп избирателей, 68 – путем самовыдвижения, 66 – от НПСР (в том числе в Алнашском районе – два, в Базезинском – семь, Граховском – четыре, Игринском – шесть, Камбарском – девять, Каракулинском – 11, Кезском – пять, Увинском – три, Шарканском – девять, Як-Бодьинском – десять) и один – от ЛДПР (в Сарапульском районе).

В соответствии с п. 3 ст. 1 Закона УР от 8 апреля 1988 г. № 615-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон Удмуртской Республики «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике» представительным органом назначался глава администрации (главное должностное лицо), руководивший деятельностью исполнительного органа. В сельских районах главы администраций были назначены представительными органами местного самоуправления. Лишь устав Каракулинского района закреплял прямые выборы главы администрации ²¹.

Муниципальные выборы весны – начала лета 1998 г. имели далеко идущие последствия как для административного управления, так и для эволюции региональной политической системы в целом. С одной стороны, резко ухудшился профессиональный состав депутатов местных органов. Процент не имевших опыта депутатской деятельности колебался от 76,0 % (по представительным органам местного самоуправления городов) до 65,4 % (в районах). Данное обстоятельство в значительной степени способствовало усугублению социально-экономической ситуации, сложившейся в республике под влиянием августовского кризиса 1998 г. С другой стороны, выборы показали, что местное самоуправление – это весьма специфический сегмент «политического рынка», куда со своим, государственным «уставом» войти чрезвычайно трудно. И сила местного самоуправления состояла в его завершённой организации, в отличие от государственной власти в субъектах РФ.

В то же время, и государственная власть объективно оказывалась достаточно специфической структурой. Поэтому результаты муниципальных выборов 1998 г. ни в коем случае нельзя было считать поражением

команды А. А. Волкова, как полагали многие аналитики. Скорее всего, для «государственников» это был анализ реального расклада сил, уточнение линии политического «фронта». Дав возможность своим оппонентам «увязнуть» в самоуправлении, А. А. Волков сохранил свой резерв для избирательной кампании в ГС УР второго созыва. Очевидно, что и Москва оказалась не заинтересована в чрезмерном усилении влияния столичного мэра в республике. Для федерального центра каждый чиновник хорош только на своем месте. В противном случае это противоречило бы системе «сдержек и противовесов». Однако для победы А. А. Волкову необходимо было активизировать сотрудничество с коммунистами, в значительной мере проигравшими муниципальные выборы. Кроме того, в резерве высшего должностного лица находились и неискушенные в политике новые депутаты городов и районов. Ход и исход выборов в ГС УР весной 1999 г. подтвердил эти ожидания и выводы.

В УР завершился конституционный кризис за счет укрепления позиций команды Председателя ГС – высшего должностного лица Удмуртии. Самое большое достижение «государственников» заключалось, как отмечалось ранее, в избрании глав администраций на сессиях представительных органов, а не путем прямых выборов (кроме Каракулинского района)²². Этот факт в дальнейшем предопределил итоги первых всенародных выборов Президента УР, состоявшихся 15 октября 2000 г. Напомним, что неслучайно с предложением выдвинуть свою кандидатуру на президентский пост к А. А. Волкову обратились главы 22 представительных органов местного самоуправления. После его избрания развитие местного самоуправления происходит в условиях консолидации политической региональной элиты.

* * *

Таким образом, институционализация российского социума, начиная с 1993 г., осуществлялась на основе долгодействующих экономических, политических, идеологических факторов. Восприятие значительной частью элиты, в недавнем прошлом партийно-хозяйственной номенклатуры, основных постулатов «либерального» капитализма в достаточно короткие сроки привело к двум параллельно идущим процессам: приватизации собственности и «приватизации власти» как в центре, так и на местах. Последняя осуществлялась на основе принципа разделения и независимости властных ветвей, на практике обернувшихся безраздельным господством исполнительной власти, управляющей политическими

процессами и подчинившей себе неразвитые институты гражданского общества.

Одновременно с институционализацией в течение последнего десятилетия XX в. шел процесс модернизации политико-правовых основ организации общества. Его характер, направления и результаты находились под контролем нового руководства страны. Нуждаясь в постоянной широкой электоральной поддержке, исполнительная власть на протяжении всех рассмотренных периодов отдавала предпочтение не столько партиям, сколько массовым организациям, преследующим политические цели. Это обстоятельство в значительной степени сдерживало разграничение «общественного» и «политического» в правоприменительной практике. Однако после удачной попытки в ходе парламентских выборов 1999 г. создать реальную «партию власти» в лице «Единой России» новые правоотношения получили свое выражение в ФЗ «О политических партиях» от 11 июля 2001 г.²³ Вместе с тем, учитывая переходный (транзитный) характер отечественной политической системы, можно прогнозировать дальнейшее совершенствование законодательной базы, обеспечивающей деятельность как партий, так и тех формирований, которые утратили статус «политического общественного объединения».

Процессы муниципализации территориального уровня управления в Удмуртии в 1990-х гг. отразили общую эволюцию государственности России от советской к либерально-демократической модели, основанной на принципах разделения властей и относительной автономии местного самоуправления от системы государственной власти. Вместе с тем недостатки и противоречия осуществления реформы в субъектах РФ определили необходимость совершенствования ее законодательного обеспечения. Новый этап развития муниципального самоуправления, во многом остающегося реальным продолжением государственного управления, осуществляется на основе ныне действующего ФЗ № 131 от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

¹ О некоторых мерах по оказанию государственной поддержки местного самоуправления: Указ Президента РФ от 9 октября 1993 г. // Удмуртская правда. 1993. 12 октября; О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 9 октября

1993 г. // Там же; О реформе местного самоуправления в Российской Федерации: Указ Президента РФ // Удмуртская правда. 1993. 2 ноября; Положение об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы: Указ Президента РФ // Там же.

² *Войтович В. Ю., Иванова А. А.* Местное самоуправление в Удмуртии... С. 61.

³ Информационное сообщение // Удмуртская правда. 1994. 18 марта.

⁴ ЦДНИ УР. Ф. 74. Оп. 4. Д. 2. Л. 1.

⁵ Информационное сообщение // Удмуртская правда. 1994. 18 марта.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ *Ешкеев А.* Голосуйте активно! // Удмуртская правда. 1994. 8 апреля.

¹¹ Там же.

¹² Информационное сообщение // Удмуртская правда. 1994. 18 марта.

¹³ Подсчитано по: Информационное сообщение Ижевской городской избирательной комиссии об итогах выборов депутатов Городской думы и Главы местного самоуправления – мэра Ижевска // Известия Удмуртской Республики. 1994. 19 апреля.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Ревенко Н., Якименко Л.* С точки зрения ученых. Кому отдать предпочтение // Удмуртская правда. 1994. 9 апреля.

¹⁶ Информационное сообщение Ижевской городской избирательной комиссии об итогах выборов депутатов Городской думы и Главы местного самоуправления – мэра Ижевска...

¹⁷ *Войтович В. Ю., Иванова А. А.* Местное самоуправление в Удмуртии... С. 61.

¹⁸ Удмуртия в годы реформ... С. 86–87.

¹⁹ Подсчитано по: Ижевская городская избирательная комиссия. Информационное сообщение // Удмуртская правда. 1998. 17 марта.

²⁰ Там же.

²¹ *Войтович В. Ю., Иванова А. А.* Местное самоуправление в Удмуртии... С. 73.

²² *Егоров И., Маурузато К.* Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 339–340.

²³ О политических партиях: Ф3 от 11 июля 2001 г. // Российская газета. 2001. 14 июля.

Глава 5

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

5.1. Конституционно-правовые гарантии общественно-государственных отношений

Водоразделом между советским и постсоветским этапами истории России стал 1993 г. – период подготовки и принятия новой Конституции и выборов в совершенно иные органы государственной власти. Конституция РФ явилась всенародно принятым политико-правовым документом, закрепившим победу исполнительной (президентской) власти над законодательной (советской), заложившим современные основания политической системы и определившим характер общественно-государственных отношений как в политической, так и социальной сфере. Следует указать на одну особенность, связанную с процедурой принятия Закона, обладающего высшей юридической силой. Голосование по проекту Конституции 12 декабря 1993 г. на территории Удмуртии не состоялось из-за низкой явки избирателей. На участки пришли только около 48 % граждан, имеющих активное право (по РФ – 54,8 %). За представленный проект проголосовали 55,71 % (по РФ – 58,4 %)¹.

Отличительной чертой Конституции РФ 1993 г. стало отсутствие таких понятий, как «политическая система», «экономическая система», «социальное развитие и культура». Ее глава I была названа «Основы конституционного строя». В ст. 1 РФ (Россия) определялась как демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления². Категория «демократия» увязывалась с провозглашением высшей ценностью человека, его прав и свобод. Обязанностью государства объявлялись

признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 2). Особо подчеркивалось, что они являются непосредственно действующими. Декларированно это означало, что права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18)³.

Одним из основополагающих провозглашалось право граждан на власть. Ст. 3 объявляла носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ ее многонациональный народ, осуществлявший свою власть, в том числе, через органы государственной власти и местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа должны были стать референдум и свободные выборы⁴.

Новая Конституция установила совершенно иную систему власти. Теперь она осуществлялась на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, каждая из ветвей которой считалась самостоятельной (ст. 10). Кроме того, органы местного самоуправления были выведены из общей системы государственной власти и наделены полномочиями (ст. 12)⁵.

В Конституции закреплялся принцип федеративного устройства России. Ст. 5 зафиксировала, что РФ состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов и установила равноправие субъектов федерации. Особо подчеркивалось, что республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство⁶.

Одним из основных конституционных прав граждан признавалось право на объединение, включая профессиональные союзы. Гарантировалась свобода деятельности общественных формирований (ст. 30 Конституции РФ⁷; ст. 30 Конституции УР⁸). Устанавливался принцип их равенства перед законом (ст. 13 Конституции РФ⁹; ст. 14 Конституции УР¹⁰).

К достоинствам Российской и Удмуртской конституций относится ряд положений, гарантирующих права общественных объединений. Наиболее важными из них следует признать:

– охрану законом права собственности граждан и их объединений наравне с правом государственной, муниципальной и иной собственности (только Конституция УР);

– право граждан и их объединений на частную собственность на землю (Конституции УР и РФ), а также на пользование ею на основе аренды или (и) пожизненного наследуемого владения (только Конституция УР);

– принцип равной ответственности органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц за решения и действия (или бездействия), фактически признавший общественные формирования полноценным субъектом политической системы.

Новое законодательство определило основы функционирования политических партий как политико-правового института. В соответствующих статьях Конституций РФ и УР закреплялось признание политического и идеологического многообразия и многопартийности.

В отличие от Конституции РФ, Конституция УР зафиксировала принцип обеспечения государством соблюдения прав и законных интересов общественных объединений¹¹. Устанавливался «режим наибольшего благоприятствования» в виде материальной и финансовой поддержки молодежным и детским общественным объединениям, проводящим государственную политику. Такая позиция определялась особым местом и ролью данного вида формирований в политической жизни республики, выполнявших роль кадрового резерва элиты. В целом социальная политика УР со времени принятия Конституции декларированно носила более «коллективистский» характер, нежели российская. Так, Конституция УР обозначила целью социальной политики «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие **каждого человека и всего общества**» (выделено нами. – С. Б.) (ст. 6)¹².

Важной особенностью Конституции УР редакции 1994 г. стало наделение «общественно-политических организаций» (в Конституции УР редакции 2000 г. – «общественные объединения») в лице их республиканских органов правом законодательной инициативы в ГС УР.

Конституции РФ и УР послужили исходными документами для установления новых общественно-государственных отношений. Однако актуальной оставалась проблема развития правовой базы такого взаимодействия. В первом ежегодном Послании Президента России ФС (1994 г.) на государственном уровне ставилась задача поддержки институтов гражданского общества¹³. В Послании 1995 г. уже содержался самостоятельный раздел «Государственная власть и общественные институты», в котором содействие становлению и полноценному развитию гражданского общества признавалось обязанностью государства; отмечалась необходимость постоянных усилий по укреплению доверия между общественными и государственными структурами, предлагались основные, наиболее актуальные направления деятельности государства по поддержке

общественных институтов, конкретные формы их взаимодействия, в частности, в области законодательной инициативы¹⁴.

Дальнейшая демократизация общественно-политической жизни выявила архаичность Закона СССР «Об общественных объединениях». Его сменил ФЗ «Об общественных объединениях» 1995 г., действие которого распространилось на все общественные объединения (в том числе и политические партии. – С. Б.), образованные по инициативе граждан, за исключением религиозных, а также коммерческих организаций и создаваемых ими некоммерческих союзов (ассоциаций) (ст. 2).

Принципиальным отличием этого ФЗ от предыдущих стало снятие ограничения на формирование общественных объединений. Ч. 3 ст. 3 гласила, что граждане имеют право создавать по своему выбору общественные объединения без предварительного разрешения органов государственной власти и местного самоуправления. Уменьшалось число учредителей общественного объединения с десяти до трех физических лиц (за исключением политических партий и профсоюзов) (ч. 1 ст. 18). Закон конкретизировал декларированное в конституциях право граждан на объединение: **право создавать** на добровольной основе общественные объединения для защиты общих интересов и достижения общих целей; **право вступать** в общественные объединения либо **воздерживаться** от вступления; **право беспрепятственно выходить** из объединений.

Важнейшим достоинством ФЗ стало положение о том, что объединения могут приобретать права юридического лица либо функционировать без регистрации. Эта норма основывалась на принципе свободы ассоциаций, установленном международными пактами. Как было отмечено ранее, она закрепила право граждан РФ создавать объединения без предварительного решения государственных органов. По сравнению с предшествующим законодательством в этой области, данный закон носил явно либеральный характер, защищал свободы граждан и их объединений, предоставлял им дополнительные права. Среди них – право легального существования без государственной регистрации, что не снимало ответственности таких объединений за совершенные ими противоправные действия.

Ст. 5 ФЗ раскрывала понятие «общественное объединение». Отныне под ним стало пониматься добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации целей, указанных в уставе. Широкий спектр общественного движения нашел отражение в ФЗ, ст. 7 которого зафиксировала пять организационно-правовых форм

общественных объединений: основанная на членстве общественная организация, а также не имеющие членства общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение и орган общественной самодеятельности.

Механизм правового взаимодействия элементов политической системы, заложен, главным образом, в ст. 17 «Государство и общественные объединения». Основываясь на ней, можно выделить следующие принципы такого взаимодействия:

1. Принцип взаимного невмешательства: Вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и вмешательство общественных объединений в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных настоящим ФЗ (ч. 1 ст. 17). Данный принцип разграничения деятельности государственных и общественных институтов нормативно обеспечивал правовое обособление общественных объединений от государства и закреплял самостоятельность их создания и функционирования.

Устанавливая правовой запрет на вмешательство органов государственной власти в деятельность общественных объединений, а равно и вмешательство общественных объединений в деятельность государственных органов и должностных лиц, ч. 1 ст. 17 имела в виду самостоятельное осуществление ими своих функций в пределах определенной законом компетенции, взаимное признание и уважение правового статуса друг друга в полном объеме, строгое выполнение взаимных прав и обязанностей, предусмотренных в законодательстве. Термин «вмешательство» в данном случае следует понимать, прежде всего, как выход за пределы правовых форм взаимодействия, попытку оказания давления на внутренние механизмы управления, препятствование в реализации законных функций и уставных задач.

Взаимно ограничивая вмешательство, ч. 1 ст. 17 ФЗ основывалась на ч. 1 ст. 30 Конституции РФ, гарантирующей свободу деятельности общественным объединениям. «Свобода деятельности» означала самостоятельное осуществление своих функций, отсутствие давления на деятельность общественного объединения извне, прежде всего со стороны государства, недопустимость вмешательства во внутренние дела управления объединением, препятствование ему в выполнении уставных задач.

Что касается многочисленных форм гражданского участия в политической жизни и государственном управлении, включая формирование

органов власти и контроль за их деятельностью (от получения необходимой информации, находящейся в распоряжении государственных органов, до проведения митингов и демонстраций и участия в избирательных кампаниях), то они ни в коем случае не могут рассматриваться как «вмешательство» в дела государства. Напротив, все формы гражданского политического участия, в том числе через общественные объединения, являются необходимым условием реализации конституционного принципа верховенства народа над властью в соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции РФ, устанавливающей, что единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ, и ч. 1 ст. 32, предоставляющей гражданам РФ право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, в качестве которых выступают, в том числе, и руководящие органы общественных объединений, представляющие и защищающие интересы своих членов и участников.

Вместе с тем формы государственного вмешательства в деятельность общественных объединений представили исключения из общего запрета и в исчерпывающем виде перечислялись в тексте Закона. Это касалось защиты государством прав и законных интересов других участников правоотношений от незаконных посягательств, контроля за соответствием деятельности общественных объединений их уставным целям, за уплатой налогов и т.д., т.е. необходимых со стороны государственных органов мероприятий, проводимых ими по отношению ко всем субъектам общественной жизни.

Таким образом, в законе проводился **принцип взаимной ответственности** общественных объединений и государственных органов по соблюдению законодательства при взаимодействии друг с другом.

2. Принцип гарантий деятельности общественных объединений со стороны государства: «Государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов общественных объединений, оказывает поддержку их деятельности, законодательно регулирует предоставление им налоговых и иных льгот» (п. 1 ч. 2 ст. 17). В первую очередь – это государственные гарантии установленных законом прав общественных объединений всеми субъектами правоотношений, основанные на ч. 1 ст. 45 Конституции РФ, предусматривающей государственную защиту прав и свобод, а следовательно, и права на объединение. Кроме того, это законодательное установление особого правового статуса общественных объединений с возможностью предоставления таковым или их отдельным категориям специальных налоговых и иных льгот и преимуществ, например по

налогу на имущество, по земельному налогу, по налогу с владельцев транспортных средств, льготы по государственной пошлине и др.

3. Принцип прямой государственной поддержки деятельности общественных объединений, вытекающий из второго принципа: «Государственная поддержка может выражаться в виде целевого финансирования отдельных общественно полезных программ общественных объединений по их заявкам (государственные гранты); заключения любых видов договоров, в том числе на выполнение работ и предоставление услуг; социального заказа на выполнение различных государственных программ неограниченному кругу общественных объединений на конкурсной основе» (п. 2 ч. 2 ст. 17).

Со второй половины 1990-х гг. формы такой поддержки составили целое направление государственной политики. Она могла осуществляться без прямой передачи дополнительных материальных ресурсов, например путем информационного обеспечения и подготовки кадров для работы в этих объединениях. Так, в Послании Президента ФС РФ в 1998 г. отмечалось, что общественные организации не требуют у государства денег, но им нужны организационное содействие, избавление от бюрократических вывертов, на преодоление которых приходится тратить время, необходимое для социально полезной деятельности¹⁵.

Вместе с тем для общественных объединений большое значение приобрели прямая материальная и финансовая поддержка, возможность использования на эти цели средств государственного бюджета. ФЗ предусмотрел принципиально новые ее формы, связанные с передачей им материальных ресурсов, которые могли осуществляться, в соответствии с положениями ст. 17, в трех самостоятельных формах: государственных грантов, т.е. целевого финансирования конкретных программ общественных объединений по их заявкам; заключения любых видов договоров, в том числе на выполнение определенных работ и предоставление услуг; социального заказа на реализацию различных государственных программ и поручений.

По механизму правового осуществления такой поддержки каждая из трех форм представляла собой различные виды гражданско-правовых договоров. С точки зрения содержания отношений между общественными объединениями и государством, таковые различались по степени их инициативы.

Понятия «грант», «государственный грант» были заимствованы из зарубежной правовой практики. Слово «грант» английского происхождения (“to grant” – предоставлять, гарантировать). Независимо от того, кто

выступал в качестве грантодателя, его суть оказывалась универсальна и определялась как целевые средства, безвозмездно передаваемые грантодателем на выполнение конкретных общественно полезных программ с последующим отчетом об их использовании. Договор о гранте был ближе всего в российском законодательстве к договору поручения, предусмотренному Гражданским Кодексом (ГК) РФ. В этом случае государство, обладая бюджетными ресурсами и определяя приоритетность решения социальных задач, могло выделить часть средств на осуществление программ, разрабатываемых общественными объединениями, например «забота об одиноких престарелых» или «борьба с беспризорностью». Получая государственный грант, они максимально реализовывали свою инициативу.

При заключении «любых видов договоров» между общественными объединениями и государством, предусмотренными ст. 17 ФЗ, инициировать таковые могли обе стороны. В данной сфере ГК РФ предоставлял самые широкие возможности, включая договоры подряда, на выполнение научно-исследовательских работ, доверительного управления имуществом, возмездного оказания услуг и др.

Социальный заказ на реализацию различных государственных программ на конкурсной основе также стал новой формой поддержки общественных объединений. Его особенностью явилась не только большая мера государственной инициативы, но и значительно большая степень определенности государственного органа как заказчика относительно результата выполнения заказа. Данная форма оказалась близка к договору подряда. Необходимо отметить, что социальный заказ в 1990-е гг. стал широко распространенным во всем мире. В США, например, до трети всех средств, инвестируемых государством в социальную сферу, реализовывалась через неправительственные (некоммерческие) организации, в Германии – до 70 %, во Франции – до 80 %.

4. Принцип согласования интересов: «Вопросы, затрагивающие интересы общественных объединений в предусмотренных законом случаях, решаются органами государственной власти и органами местного самоуправления с участием соответствующих общественных объединений или по согласованию с ними» (ч. 3 ст. 17). Данный принцип исключил всякую анонимность и государственный произвол в отношении общественных объединений, что было характерно для правоприменительной практики авторитарного режима.

Основным критерием эффективности системы взаимодействия представляется принцип **максимальной функциональности**. На основании

ст. 17 ФЗ в практике работы государственных и муниципальных органов ряда субъектов РФ, таких, как Саратовская, Свердловская области, Удмуртская Республика с общественностью в рассматриваемый период реализовывались следующие принципы:

1) **принцип доступности**. Между общественными объединениями и властными структурами не должно быть бюрократических барьеров;

2) **принцип открытости и терпимости**. Органы государственной власти должны быть готовы к взаимодействию с любыми общественными и политическими силами в рамках закона. Дискриминация по идеологическому признаку недопустима;

3) **принцип активного включения** общественных организаций в процесс принятия решений. Отношения с общественностью необходимо строить только в режиме многоканального диалога. Мнение и оценки общественных организаций не просто фиксируются, но и учитываются при принятии всех социально значимых решений. Одновременно в процессе взаимодействия выявляется реакция общественного мнения на уже осуществляемые программы с целью их корректировки.

Одним из главных принципов взаимодействия элементов политической системы следует рассматривать **договорные отношения**. В данном случае характерен пример Саратовской области, где действовал Договор об общественном согласии и социальном партнерстве от 10 августа 1998 г.

Несмотря на то, что ФЗ «Об общественных объединениях» в целом стал рубежной вехой в развитии общественно-государственных отношений, он имел и ряд сдерживающих моментов. Во-первых, в Законе ничего или почти ничего не говорилось о принципах взаимодействия муниципальных органов с общественностью. Очевидно, это связано с тем, что в то время природа, характер, сущность органов местного самоуправления понималась политиками, учеными и законодателями лишь в общих чертах. В то же время сами органы местного самоуправления по своим внешним характеристикам приближались к пятой организационно-правовой форме общественного объединения – органу общественной самодеятельности. Во-вторых, не было заказа на уточнение статуса политических партий, что создавало условия для правовых коллизий. Наглядно это проявлялось при выборах в ГД ФС РФ, особенно третьего созыва.

Правовую базу общественно-государственных отношений в рассматриваемый период составили также ГК РФ¹⁶; федеральные законы «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 26 июня 1995 г.¹⁷; «О благотворительной деятельности

и благотворительных организациях» от 11 августа 1995 г.¹⁸; «О профсоюзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г.¹⁹; «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г.²⁰; «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г.²¹ и др.

Рассматривая совокупность законодательства, необходимо учитывать, как взаимодействовали и как применялись нормы федеральных законов в отношении каждого отдельного общественного объединения. Если законы о профсоюзах и молодежных объединениях полностью включались в сферу деятельности базового закона об общественных объединениях, устанавливая особенности регулирования конкретных их видов, то законы о некоммерческих и благотворительных организациях попадали в эту сферу лишь частично. Так, ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» предусмотрел возможность таковой без прямой передачи дополнительных материальных ресурсов, например путем информационного обеспечения и подготовки кадров для объединений. Согласно п. 3 ст. 6 Закона, такую работу в пределах бюджетных ассигнований должен был вести федеральный орган исполнительной власти, причем по запросам самих объединений. В этом же Законе определялись конкретные направления содержания государственного социального заказа для молодежных и детских общественных объединений: создание социальных служб, центров досуга для детей и молодежи, разработка и выполнение проектов по организации дополнительного образования, деятельности в сфере культуры, здравоохранения, экологии, по предупреждению беспризорности и правонарушений, а также на научные исследования, являющиеся приоритетными при реализации государственной молодежной политики. ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» предусмотрел возможность материально-технического обеспечения и субсидирования благотворительных организаций по решению соответствующих органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Субъекты РФ в соответствии с Конституцией России наделялись правом принимать свои законы и иные нормативные акты о деятельности общественных объединений, не противоречащие федеральным законам. Подобные акты действовали в Башкортостане, Москве, Санкт-Петербурге и других регионах. Ряд законодательных актов Удмуртии также регулировал общественно-государственные отношения. Прежде всего, это Конституция УР, Законы УР «О культуре»²², «О народном образовании»²³,

«О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике»²⁴, «О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики»²⁵, Постановление Государственного Совета УР «О Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики»²⁶, и другие правовые акты.

Рассматривая соотношение норм федеральных законов, обеспечивающих деятельность общественных объединений, и соответствующих законов субъекта РФ, важно отметить следующий момент: согласно п. «в» ст. 71 Конституции РФ ведению РФ подлежат «регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина», а в совместном ведении РФ и ее субъектов в аналогичной области, согласно п. «б» ст. 72 Конституции РФ, находится лишь «защита прав и свобод человека и гражданина». Следовательно, регулирование реализации важнейших конституционных прав и свобод, к числу которых относилось и право граждан на объединение, составило исключительную компетенцию федеральных органов власти. Поэтому законы и другие нормативные акты, принимаемые субъектом РФ, не ограничивая использование гражданами права на объединение, не умаляя права и виды их государственной поддержки, могли устанавливать дополнительные меры защиты этих прав, расширять возможности законной деятельности общественных объединений, предоставлять им дополнительные льготы, оказывать иные формы поддержки.

Таким образом, переход от авторитарной политической системы к согласительной, появление независимых от государственных органов объединений граждан потребовали законодательного обеспечения и определенных конституционных гарантий новых общественно-государственных отношений. Несмотря на ряд пробелов, в РФ и большинстве ее субъектов к 2000 г. были созданы необходимые правовые условия для конструктивного взаимодействия политических акторов.

¹ Егоров И., Маузузато К. Удмуртская Республика. Хроника политического процесса (1988–1999 гг.)... С. 303.

² Конституция Российской Федерации...

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

5.2. Социальная политика государства и основные направления ее реализации

Социальная политика – это часть внутренней политики государства. Последняя определяется как система основных принципов, направлений и форм деятельности его институтов, органов и организаций, обеспечивающая сохранение, функционирование и совершенствование сложившегося социально-политического и экономического порядка, строя внутри страны.

В начале переходного периода отечественными обществоведами была разработана концепция «социального государства». Оно характеризуется как демократическое государство, опирающееся на широкую социальную основу и проводящее активную и сильную социальную политику, направленную на повышение или стабильное обеспечение жизненного уровня населения, защиту и реализацию прав и свобод граждан, создание современных систем здравоохранения, образования и социального обеспечения, поддержание неимущих и малоимущих слоев, на предотвращение и успешное разрешение социальных конфликтов.

Это понятие активно используется в политико-правовых актах федеральных и региональных государственных органов. Конституция РФ, равно как и Конституция УР, объявили свои государства социальными. Очевидно, что это утверждение представляет собой пока лишь стремление достичь поставленную цель. Ее решение тесным образом связано с преодолением социально-политического, экономического и духовно-нравственного кризиса российского общества, успешным становлением цивилизованной рыночной экономики и ее социальной переориентацией, утверждением гражданского общества и правового государства, иных демократических социально-политических и нравственных ценностей.

В 2000 г. по инициативе Председателя ГС УР А. А. Волкова в соответствии со «Стратегией развития Российской Федерации», принятой Правительством, а также планом его действий в области социальной политики и модернизации экономики была разработана концепция программы «Развитие Удмуртии на 2001–2004 годы». Ее основные положения сформулированы группой ученых, депутатов и руководителей государственных, муниципальных и общественных органов. Главной целью концепции объявлялась выработка стратегии социально-экономического развития УР, обеспечивающей достойную жизнь населения на основе устойчивого

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995. С. 12; Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000. С. 11.

⁹ Конституция Российской Федерации...

¹⁰ Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995. С. 8; Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000. С. 7.

¹¹ Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000. С. 11.

¹² Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995. С. 5; Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000. С. 5.

¹³ Ежегодное послание Президента России Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 1994. 25 февраля.

¹⁴ Ежегодное послание Президента России Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 1995. 17 февраля.

¹⁵ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Общими силами – к подъему России (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. 1998. 24 февраля.

¹⁶ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁷ СЗ РФ. 1995. № 27. Ст. 2503.

¹⁸ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

¹⁹ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.

²⁰ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

²¹ СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

²² О культуре: Закон УР от 29 октября 1996 г. № 310-1 // Известия Удмуртской Республики. 1996. 19 декабря.

²³ О народном образовании: Закон УР от 19 декабря 1995 г. № 130-1 // Удмуртская правда. 1996. 31 января.

²⁴ О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике: Закон УР от 22 октября 1997 г. № 493-1 // Удмуртская правда. 1997. 26 ноября.

²⁵ О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики: Закон УР от 30 мая 1995 г. № 50-1 // Текущий архив Аппарата ГС УР.

²⁶ О Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики: Постановление Государственного Совета УР от 6 февраля 1998 г. № 584-1 // Известия Удмуртской Республики. 1998. 21 апреля.

комплексного развития экономики и социальной сферы, исходя из интересов личности, семьи и народов республики. Концепция определила основное содержание современной региональной социальной политики, включившей 13 направлений: социальная защита, здравоохранение, образование, наука, доходы населения и заработная плата, занятость населения, культура и искусство, государственная молодежная политика, физическая культура и спорт, национальная политика, природопользование и экология, правопорядок и борьба с преступностью, средства массовой информации.

Целостный, концептуальный подход к определению социальных приоритетов обусловлен двумя факторами. Во-первых, в переходный период жизнь социума усложняется. Во-вторых, общественные объединения, отражающие структуру формирующегося гражданского общества, стали неотъемлемой частью политической системы. Так, по состоянию на 1 января 2001 г. в УР были зарегистрированы 930 общественных объединений. В Удмуртии действовали более 80 политических и общественно-политических формирований, 120 организаций социальной направленности (преимущественно организаций инвалидов), 80 общественных фондов, 70 профсоюзов, 50 детских и молодежных, 50 научно-просветительских, 50 спортивных, около 40 национально-культурных, 30 ветеранских объединений, 30 ассоциаций медицинских работников, 30 творческих, 30 любительских, 20 правозащитных, 20 предпринимательских, 10 женских организаций и ряд иных. Такой бурный рост объединений, явившийся объективным процессом, свидетельствовал и о проявлении кризиса партийно-государственной системы, ибо неспособность или нежелание депутатов, исполнительных структур власти решать конкретные проблемы стимулировали гражданскую активность.

Динамика институционализации регионального социума в 1990-е гг. характеризуется следующими показателями. В 1991 г. МЮ УР зарегистрировало 15 объединений граждан, в 1992 г. – 41, в 1993 г. – 29, в 1994 г. – 33, в 1995 г. – 35, в 1996 г. – 81, в 1997 г. – 99, в 1998 г. – 138, в 1999 г. – 182, в 2000 г. – 277. Снижение темпов прироста общественных формирований, наблюдаемое в 1992–1993 гг., можно объяснить общероссийской политической ситуацией, сложившейся после подавления путча августа 1991 г. и под воздействием начавшейся либеральной экономической реформы. В 1993–1995 гг. они не достигли уровня 1992 г., что также вызвано преодолением последствий политических кризисов августа 1991 г. и октября 1993 г. Самая высокая гражданская активность наблюдалась с 1995 г.,

с принятием ФЗ «Об общественных объединениях». Региональная динамика практически совпадает с общероссийскими показателями. Вместе с тем коэффициент прироста общественных объединений в Удмуртии несколько выше общероссийского. Например, за 1991–1996 гг. российский показатель равнялся 12,59, республиканский – 15,60.

Спецификой общественно-государственного взаимодействия в сфере социальной политики УР явилось то обстоятельство, что длительное время, вплоть до конца 2000 г., высшим органом государственной власти республики определялся ГС, формировавший основные направления внутренней политики, и, следовательно, регламентировавший формы участия общественных объединений в ее реализации. Так, ст. 82 Конституции УР наделила правом законодательной инициативы и общественные объединения в лице их республиканских органов¹.

Кроме того, на основании ст. 9 Закона УР «О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики» на них возлагалось рассмотрение предложений, замечаний и обращений общественных объединений и граждан. К своей деятельности они были вправе привлекать специалистов общественных органов, в том числе на платной основе за счет средств государственного бюджета республики. На заседания могли приглашаться представители общественных объединений с правом совещательного голоса². Однако практика работы республиканского парламента с общественностью показала, что объединения ни разу, начиная с 1994 г., не предложили депутатам ни одного разработанного законопроекта. Причины кроются как в низкой общественной дееспособности, так и пассивности парламентских структур в развитии гражданской инициативы в то время.

Возможность сотрудничества органов исполнительной власти с общественными объединениями в рассматриваемый период была закреплена в соответствующих положениях о министерствах, комитетах и ведомствах, согласно которым государственный исполнительный орган осуществлял взаимодействие с исполнительными органами государственной власти РФ, УР, органами местного самоуправления, общественными и иными объединениями, а также другими организациями независимо от их организационно-правовой формы³.

Общим полем государственных и общественных органов явилось совместное участие в бюджетной политике, особенно со второй половины 1990-х гг., когда объемы финансирования стали регулярно согласовываться. Так, анализ расходной части республиканского бюджета на

2001 г. свидетельствовал об усилении социальной ориентированности главного финансового документа. В частности, прямая поддержка общественных объединений должна была составить 10 729 тыс. руб. против 6 892 тыс. руб. в 2000 г. (рост в 1,56 раза), а косвенная – 91 022 тыс. руб. против 58 712 тыс. руб. в 2000 г. (рост в 1,55 раза)⁴.

За годы действия ФЗ «Об общественных объединениях» государственное финансирование формирований граждан получило разнообразные формы. Во-первых, это расходы, связанные с выполнением федеральных законов о ветеранах, инвалидах, детях-сиротах и др., в реализации которых непосредственно участвовали объединения. Вторая форма – государственное финансирование видов организаций (предпринимательские объединения, творческие союзы и т.п.). В-третьих, сложилась устойчивая традиция финансирования отдельных формирований. Законом УР «О республиканском бюджете на 2001 год» предусматривалась поддержка таких организаций, как Спортивное общество «Динамо», находящееся под патронажем МВД РФ; Республиканское общество «Чернобыль»; Республиканское общество ветеранов Афганистана; Республиканский совет ветеранов; Республиканский комитет солдатских матерей; Ассоциация жертв незаконных политических репрессий; Российское оборонно-спортивное техническое общество. Четвертая форма государственной поддержки – законодательно (как правило, ежегодно) предоставляемые компенсации отдельным видам объединений (например в 2001 г. – компенсация расходов на коммунальные услуги, услуги связи и арендную плату общественным организациям инвалидов). Последняя, пятая форма – бюджетное финансирование конкретных целевых государственных федеральных и республиканских программ («Молодежь Удмуртии», государственная национальная политика и др.).

В 1990-е гг. целевое финансирование зависело от многих факторов: величины доходной и расходной частей бюджета; стратегических установок государственных органов и характера государственной политики в отношении общественных объединений; важности для власти отдельных гражданских структур; заинтересованности в осуществлении социальных программ или нередко от сложившейся политической конъюнктуры. Так, после выборов Президента УР при формировании бюджета на 2001 г. возросли расходы на реализацию государственной национальной политики (3 млн. руб. против 2 млн. руб. в 2000 г.). Вместе с тем была изъята отдельная строка на финансирование национально-культурных объединений (в 2000 г. из общей суммы в 2 млн. руб. им было выделено 900 тыс. руб.).

В 2001 г. в связи с изменением статуса и превращением в общественно-политическую организацию лишилась государственного финансирования Всеудмуртская Ассоциация «Удмурт кенеш», получившая в 2000 г. 380 тыс. руб.⁵ Анализ расходной части республиканского бюджета 1998–2001 гг. показал чрезвычайно узкий спектр общественных объединений, которым оказывалась прямая финансовая поддержка. В основном это давно сложившиеся формирования, многие из которых правильней было бы назвать уже не общественными, а общественно-государственными (например объединения инвалидов или совет ветеранов войны и труда). Общие цифры финансирования оставались практически неизменными и ежегодно корректировались с поправкой на инфляционный рост.

В годы реформ в республике сохранился отраслевой принцип взаимодействия государственных и общественных органов по реализации социальной политики. Системный характер носила работа министерств социальной защиты населения, здравоохранения, народного образования, культуры, национальной политики, государственных комитетов по делам молодежи, предпринимательству, науке, высшему и среднему профессиональному образованию. В практику вошли внесение объединений в отраслевые государственные реестры, заключение отраслевых соглашений и договоров, различные виды методической помощи (разработка концепций и программ, экспертиза социально значимых проектов организаций, подготовка специалистов), совместное проведение плановых мероприятий.

Революционный переход к либеральным экономическим реформам без кардинальных изменений во власти обусловил существенное ухудшение материального и морального благополучия граждан. Резко возросли объемы социальной деятельности. В связи с этим не случайно доминирование в общественной системе инвалидных организаций. Наряду с традиционными республиканскими обществами инвалидов, слепых, глухих появились такие, как общество больных гемофилией и болезнью Виллебранда, Союз «Чернобыль» и др., поддерживаемые как федеральной, так и республиканской властями.

К объединениям социальной защиты следует отнести также организации, представляющие ветеранское движение: Удмуртская республиканская организация ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, Удмуртский республиканский штаб Российского союза офицеров запаса, Удмуртский республиканский союз ветеранов Афганистана, Ассоциация военнослужащих УР «Авантаж», Удмуртская

региональная ассоциация ветеранов-интернационалистов органов внутренних дел и ряд других.

К концу 1990-х гг. сфера социальной защиты УР охватила около 40 % населения. В 2000 г. наряду с общественными объединениями функционировали 59 государственных и муниципальных учреждений социального обслуживания. Одним из основных направлений их деятельности стала реализация федеральных законов о ветеранах, инвалидах, защита интересов ветеранов радиационных аварий и участников локальных войн.

В концепции программы «Развитие Удмуртии» особо подчеркивалось, что для улучшения социального обслуживания необходимо объединить усилия государственных, благотворительных, религиозных организаций, частных лиц. В 1994 г. в связи с активным ростом формирований социальной направленности был создан Совет неправительственных, общественных объединений и государственных органов по координации деятельности в сфере благотворительности при Министерстве социальной защиты населения УР. Также в годы реформ возникли многие общественные и благотворительные фонды. Однако результаты их работы оказались скрыты от общественного, государственного и муниципального контроля. Деятельность же фондов, созданных бывшими функционерами КПСС («Республика», «Мать и дитя» и т.п.), получила неоднозначное освещение в СМИ.

Другим важнейшим направлением социальной политики стало регулирование доходов и заработной платы, обеспечение занятости населения. Государство следующим образом сформулировало задачи в этой области: ликвидация задолженности по выплате зарплаты во внебюджетной сфере, усиление ответственности лиц за ее несвоевременную выплату; повышение размеров социальных трансфертов (пенсий, пособий, стипендий); сохранение и создание рабочих мест; адресная помощь по трудоустройству молодежи, инвалидам и женщинам; развитие временных и общественных работ, малого предпринимательства; организация самозанятости населения; согласование объемов и профилей подготовки специалистов; обучение безработных и т.д.

Этот блок проблем решался государственными органами совместно с профсоюзами. Подводя итоги деятельности Федерации профсоюзов УР за 1995–1999 гг. на отчетной конференции (февраль 2000 г.), ее Председатель Е. Н. Орлов назвал этот период временем становления социального партнерства с властью. Регулярно принимались трехсторонние

соглашения между правительством, профсоюзами и работодателями. Правительство согласовывало с профсоюзами официальные документы, касающиеся социального положения граждан. Благодаря совместным действиям профсоюзных организаций стали своевременно выплачиваться зарплата работникам бюджетной сферы и пенсии, ликвидирована задолженность по ним⁶.

Вместе с тем в деятельности профсоюзов проявилось немало «соглашательства». Нормативные акты, принятые в интересах «естественных монополистов» и направленные против рядовых граждан, побуждали активную часть населения образовывать новые профсоюзные организации, не входящие в Федерацию профсоюзов УР (Свободный профессиональный союз работников АО «Ижевский мотозавод «Аксион-холдинг», Ижевский независимый профсоюз работников рынков и различных форм предпринимательства, независимый профсоюз учителей и др.). Малоактивной позицией профсоюзов объяснялось и значительное число ассоциаций медицинских работников, созданных по отраслевому принципу.

Традиционным направлением социальной политики оставалась государственная молодежная политика. Принятие ФЗ «Об общественных объединениях» стимулировало развитие общественно-государственного взаимодействия в данной сфере. Так, в 1996 г. в рамках республиканской программы «Молодежь Удмуртии» была принята подпрограмма «Государственная поддержка детских и молодежных общественных объединений».

Законодательное обеспечение гарантий деятельности указанного вида формирований выразилось в принятии ГС УР 22 октября 1997 г. Закона УР «О государственной молодежной политике»⁷. Он определил правовые, экономические и социальные основы реализации государственной молодежной политики, а также был призван гарантировать права и свободы гражданам в возрасте до 30 лет, молодым семьям, молодежным и детским общественным объединениям, обеспечить всестороннее развитие и социальное становление молодых людей, использование их творческого потенциала в интересах личности и общества.

С точки зрения функционирования субъектов политической системы, наибольший интерес вызывают положения, регламентирующие порядок взаимодействия общественных и государственных органов. Согласно ст. 18 Закона, правом государственной поддержки в УР пользовались юридически оформленные республиканские молодежные и детские общественные объединения, отделения международных, общероссийских

и региональных молодежных и детских общественных объединений (исключая религиозные), проработавшие не менее года после регистрации, насчитывающие в своих рядах не менее 1 500 человек или предусматривающие предоставление социальных услуг не менее чем 1 500 детям и (или) молодым гражданам. Кроме того, Закон определил поддержку коммерческих объединений (хозяйственных товариществ и обществ) – субъектов малого предпринимательства, в которых не менее 75 % работников являлись молодыми гражданами, либо доля (вклады) молодых граждан и (или) молодежных и детских общественных объединений превышала 50 % от уставного (складочного) капитала. При этом органы местного самоуправления имели право формировать собственные критерии такой поддержки.

Участие молодежных и детских общественных организаций в реализации государственной политики могло осуществляться в форме учета государственными и муниципальными органами предложений объединений; информирования организаций о мероприятиях в сфере государственной молодежной политики; включения представителей обществ в состав коллегиальных государственных и муниципальных органов.

В Законе содержался исчерпывающий перечень льгот, которые могли быть предоставлены общественным объединениям: безвозмездное или на льготных условиях пользование помещениями, находящимися в государственной или муниципальной собственности; льготная аренда имущества; льготы на услуги связи; освобождение от республиканских и местных налогов.

Ст. 21 определила порядок и формы поддержки молодежных и детских организаций. Формировался отраслевой реестр, куда соответствующее объединение вносилось в месячный срок по представлению необходимых документов. В соответствии с федеральным законодательством, формами поддержки становились государственный заказ; частичное финансирование программ объединений; субсидии и дотации. При этом государственное финансирование программ молодежных объединений не должно было превышать половины планируемых расходов, а программы детских – могли финансироваться в полном объеме.

Гл. 4 закладывала организационные основы осуществления государственной молодежной политики. Она реализовывалась Правительством УР в лице Государственного комитета УР по делам молодежи, а также органами местного самоуправления в пределах своей компетенции. В структуру местного самоуправления входили органы (отделы) по делам молодежи.

В сельских и поселковых администрациях определялись уполномоченные по реализации государственной молодежной политики. Наконец, общую систему субъектов ГМП составляли учреждения (как государственные, муниципальные, так и негосударственные), ведущие работу с детьми и молодежью – детские и подростковые клубы, социальные службы, иные учреждения. Все они пользовались льготами.

Основной в работе Государственного комитета по делам молодежи явилась финансовая поддержка организаций. Ее механизм определялся положениями о частичном финансировании как молодежных и детских объединений, так и соответствующих республиканских программ. Приоритет в получении субсидий имели формирования, деятельность которых в наибольшей мере соответствовала важнейшим направлениям государственной молодежной политики.

Если на российском уровне во второй половине 1990-х гг. прослеживалась тенденция сокращения количества молодежных общественных организаций, которым федеральный бюджет оказывал помощь (в 1998 г. их было 92, в 2001 г. – 42), то в Удмуртии наблюдалась обратная картина. Число членов молодежных и детских объединений ежегодно возрастало и в 2001 г. составило свыше 47 тыс. человек. К 2001 г. в реестр Госкомитета по делам молодежи были занесены 13 республиканских организаций, которым государство оказывало поддержку⁸.

Одной из них явилась Республиканская детская общественная организация «Родники» – правопреемница региональной пионерской организации, действующая с 4 ноября 1991 г. (в 2000 г. насчитывала 25 тыс. членов, председатель Н. Х. Веретенникова). Работа организации строилась на основе выполнения программ: «Шаер» (в переводе с удм. – «Родина»), нацеленной на познание края, его истории и культуры; «Капельки», помогающей найти взаимопонимание родителей и детей; «Юнкор»; «Игра – дело серьезное», предусматривающей через игровые формы помощь в учебе, развитии творческих способностей детей; «Мир добротой спасется», приобщающей к шедеврам мирового искусства; «Детский орден милосердия», помогающей детям-инвалидам. Программа «Малые реки Удмуртии» в 1997–1998 гг. получила три гранта: российского Государственного комитета по молодежной политике, английского посольства в России и экологического фестиваля Фонда Р. Быкова⁹. РДОО «Родники» заключались договоры о сотрудничестве с Министерством народного образования, в которых предусматривалось проведение совместных коллегий, слетов, конференций.

Другая «реестровая» молодежная организация – это Республиканское общественное объединение «Долг», зарегистрированное 27 февраля 1992 г. (в 2000 г. – 665 членов, председатель Ф. Ф. Ибрагимов). Основу его деятельности составило увековечение памяти погибших защитников Отечества. С 1989 г. по 1999 г. организацией было проведено 64 экспедиции, в которых приняло участие более 1 000 человек. Поисковики нашли и захоронили останки 2 396 воинов. 50 найденных медальонов помогли узнать имена солдат. «Долг» награжден грамотой Российского комитета ветеранов войны, благодарственным письмом Государственного комитета РФ по молодежной политике¹⁰.

Созданная в ноябре 1990 г. Удмуртская молодежная организация «Шунды» действовала в 17 районах УР. Основная ее цель – помощь удмуртской молодежи в осознании себя частью своего народа и мирового сообщества, в самореализации и саморазвитии. Объединение выполняло программы «Лулчеберет» («Культура. Творчество. Досуг»); «Вож тулкым» («Зеленая волна»); «Шунды си» («Лучи солнца»); «Вьль лыдзэт» («Новая книга»); Международное финно-угорское сотрудничество. Одним из результатов деятельности стало открытие в 1999 г. постоянного летнего лагеря для одаренных детей «Шундыкар» («Город солнца»), ставшего лауреатом конкурса вариативных программ в сфере отдыха, оздоровления и занятости детей и молодежи Государственного комитета РФ по молодежной политике¹¹.

Большой объем социальной работы осуществляли и ставшие «реестровыми» молодежные и детские организации: Молодежная авиационная лига (1994 г.), Союз татарской молодежи «Иман» (в переводе с тат. – «Возрождение») (1994 г.), Ассоциация студентов-медиков, молодых ученых и врачей г. Ижевска (1994 г.), Центр культуры и творчества «Солнцеворот» (1996 г.), Спортивно-технический клуб «Викинг» (1996 г.), Ассоциация учащейся молодежи УР (1997 г.), Молодежная общественная организация марийцев «Ужара» (в переводе с мар. – «Рассвет») (1998 г.), Союз туристов и краеведов Удмуртии (1998 г.), Будо-лицей УР (1998 г.), Федерация художественной гимнастики УР «Спорт. Искусство. Интеллект» (1999 г.), региональное отделение «Организации российских юных разведчиков» (2000 г.). ГК по делам молодежи поддерживал деятельность 45 военно-патриотических клубов, в 1999 г. объединивших более 3 000 человек.

Стремительный рост детского и молодежного движения побудил Комитет создать в 1995 г. общественно-государственное формирование – Экспертную комиссию по проектам и программам молодежных

и детских объединений, которая к 1999 г. рассмотрела более 150 таких проектов. В 1997 г. при нем было образовано государственное учреждение «Республиканский центр развития детского и молодежного движения», научное руководство которым осуществляли профессор Э. А. Мальцева и доцент Н. М. Костина, преподаватели кафедры педагогики и педагогической психологии Удмуртского государственного университета. Его главной задачей явилась исследовательская и научно-методическая работа по вопросам содержания деятельности детских и молодежных общественных объединений. При участии Центра вышли брошюра «Концепция развития детского движения в Удмуртии» и учебно-методическое пособие «Педагогика детского движения».

Важнейшей проблемой стала подготовка специалистов для детских и молодежных организаций. По инициативе ГК по делам молодежи на базе Можгинского педагогического училища была открыта специальность «Организатор молодежного и детского движения».

К 2000 г. благодаря совместным усилиям государственных, муниципальных и общественных органов в УР была создана сеть учреждений социального обслуживания подростков и молодежи, включившая 10 государственных учреждений, Центр экономического образования, 30 социальных служб помощи и 16 носителей социальных услуг¹².

Одним из стратегических направлений взаимодействия субъектов политической системы традиционно являлась национальная политика. Данное направление особенно актуализировалось с возникновением неформальных национальных движений, распадом СССР и образованием суверенных государств.

Появившиеся на волне гласности и демократизации национальные общества на всем протяжении рассматриваемого периода, несмотря на попытки их политизации, продолжали оставаться одной из наиболее конструктивных общественных сил. К началу 2000 г. 15 народов, проживающих на территории УР, имели свои организации: удмурты (ОУК «Дэмен», Всеудмуртская Ассоциация «Удмурт кенеш», Республиканский совет женщин – удмурток и др.), татары (ТОЦ УР, Центр татарской культуры УР «Йолдыз»), бесермяне (Общество бесермянского народа), славяне (Общество русской культуры УР, Ижевское отделение Международной славянской академии наук, образования и культуры, Землячество казаков УР, Общество белорусской культуры г. Ижевска «Батьковщина» и др.), евреи (общинный центр еврейской культуры УР), немцы (Республиканский центр российских немцев в УР «Видергебурт» («Возрождение»), марийцы

(Удмуртская республиканская общественная организация марийского народа, проживающего в УР, «Одо мари ушем»), азербайджанцы (Республиканское общество азербайджанско-удмуртской культуры «Туран»), башкиры (Общественное движение УР «Башкирский центр «Салават»), кряшены (Республиканский национально-культурный центр кряшен Удмуртии), чуваша (Удмуртское республиканское отделение Чувашского общественного культурного центра), корейцы (Корейское национально-культурное общество УР «Мугунхва»), таджики (Таджикский общественный центр Удмуртии «Ориён-Тадж») и армяне (Армянская общественная организация УР «Урарту»). Из перечисленных объединений два – Всеудмуртская Ассоциация «Удмурт кенеш» и ТОЦ УР – имели статус общественных политических объединений. Конструктивной являлась деятельность межнациональной организации «Удмуртский республиканский межнациональный культурно-просветительский центр «Многоцветье».

Активное развитие НКО стимулировало создание специальных государственных органов, отвечающих за национальную политику. 3 октября 1994 г. в целях реализации единой государственной политики в области национальных отношений, сохранения стабильной общественно-политической обстановки был образован Комитет по делам национальностей при СМ (с 18 декабря 1995 г. – при Правительстве УР)¹³. Его первым председателем стала С. К. Смирнова, один из лидеров удмуртского национального движения. После выборов в ГС УР в 1999 г. Комитет был преобразован в Министерство национальной политики УР. Первоначально его возглавил Н. Н. Мусалимов, а впоследствии – бывший глава администрации Ярского района В. Н. Завалин.

Во второй половине 1990-х гг. был разработан и принят ряд концептуальных и правовых документов, отразивших систему современных взглядов, принципов и приоритетов в деятельности органов государственной власти РФ и ее субъектов в сфере национальных отношений: Концепция государственной национальной политики РФ (1996 г.), ФЗ «О национально-культурной автономии» (1996 г.), Концепция государственной национальной политики УР (1998 г.).

Первый раздел Концепции государственной национальной политики РФ характеризовал современную ситуацию в области национальных отношений. В стране проживало более ста народов. Большинство из них сложились как этнические общности на территории России и в этом смысле являлись коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности. Особо подчеркивалась

объединяющая роль русского народа, благодаря чему на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов¹⁴.

При выработке концепции государственной национальной политики были учтены тенденции, оказывающие влияние на межнациональные отношения: стремление народов к самоопределению и объективный процесс интеграции российского общества; возрастающая самостоятельность субъектов РФ и воля граждан к упрочению российской государственности; потребность в проведении общего курса экономических и политических реформ и разные социально-экономические возможности регионов, определенные их хозяйственно-исторической спецификой; стремление сохранить и развивать национально-культурную самобытность и приверженность духовной общности народов России¹⁵.

Возникшие в переходный период развития российского общества проблемы получили специфическое преломление в жизни различных этносов, что потребовало, наряду с общей Концепцией государственной национальной политики РФ, разработки региональных концепций и программ. В соответствии с федеральной была сформулирована республиканская концепция, отразившая этнополитическую ситуацию в УР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Удмуртии проживало свыше 70 народов, в том числе: 58,9 % – русские, 30,9 % – удмурты, 6,9 % – татары, 3,3 % – представители других национальностей (в том числе: 0,8 % – украинцы, 0,5 % – марийцы, 0,3 % – башкиры, по 0,2 % – белорусы, немцы, чуваша, менее 0,2 % – евреи, представители народов Кавказа)¹⁶.

В условиях переходного этапа в жизни страны непосредственное влияние на межнациональные отношения в республике оказывали такие тенденции, как стремление народа Удмуртии к самоопределению и объективные процессы социально-экономической интеграции; возрастающая самостоятельность УР и необходимость упрочения общероссийской государственности; потребность проведения курса социально-экономических реформ и различная степень готовности и участия в них этносов Удмуртии, обусловленная их историческими и культурно-хозяйственными особенностями; стремление к сохранению и развитию этнокультурной самобытности удмуртского и других народов Удмуртии и ориентация на общероссийские и мировые духовно-нравственные ценности.

Существенное влияние на этнополитическую ситуацию оказало наследие исторического прошлого, имевшее как позитивные, так и негативные черты. С одной стороны, опыт сотрудничества и дружбы народов

Удмуртии и традиции самобытного формирования удмуртской нации обеспечили, по мнению авторов Концепции, значительный прогресс в национально-государственном строительстве, экономике, культуре, науке, образовании, достигнутый республикой в XX в. в составе России. Вместе с тем народам России был нанесен серьезный ущерб тоталитарной системой, массовыми депортациями и репрессиями, разрушением и унификацией многих национально-культурных ценностей.

Для Удмуртии было особенно характерно то обстоятельство, что крупное промышленное строительство, интенсивное развитие оборонного комплекса, вызвав приток рабочей силы из других регионов страны и сельских районов республики, существенно изменили социально-демографическую и этническую ситуацию: в 1990-е гг. удмурты составили лишь третью часть населения УР. Диспропорции, заложенные прежней системой и не преодоленные к началу 2000-х гг., особенно негативно отразились на развитии сельской социально-этнической структуры и инфраструктуры, вследствие чего возможности удовлетворения национально-культурных и образовательных потребностей населения оказались ограничены. Все вышесказанное существенным образом отразилось на этнополитическом состоянии народов Удмуртии, их представительстве в органах государственной власти и системе управления экономикой.

В соответствии с анализом этнополитического положения государственные органы УР следующим образом формулировали национальные приоритеты: совершенствование государственности Удмуртии на основе федерализма; развитие правовой базы национальной политики, обеспечение политической и правовой защищенности граждан УР независимо от национальной и конфессиональной принадлежности, их равноправие, необходимое представительство в органах государственной власти и управления; развитие национальных культур и языков народов УР; укрепление духовной общности народов республики и РФ; поддержка этнокультурных традиций удмуртов, проживающих за пределами Удмуртии, их взаимодействие с другими народами России; сохранение и развитие традиционной среды обитания народов, этноэкологической системы, улучшение социально-демографической ситуации и нейтрализация суцидоденных факторов; укрепление объективных возможностей всестороннего развития и сотрудничества национальностей, проживающих в УР, формирование высокой культуры межнационального общения; преодоление недоверия в отношениях между национальностями, шовинистических и националистических настроений.

В республиканской концепции особо подчеркивалось, что национальный вопрос не должен становиться предметом политической конъюнктуры и спекуляций в борьбе за власть. В то же время для успешной реализации национальных приоритетов требовалось единство позиций всех государственных, муниципальных и общественных органов и организаций¹⁷.

Особый научный и практический интерес в концепции представил механизм реализации государственной национальной политики, который предусматривал создание Общественной палаты (Ассамблеи народов Удмуртии) как палаты национальностей при ГС УР, а также осуществление государственной поддержки НКО, включая национальные, молодежные и детские организации, содействие их развитию.

В 1990-е гг. общественно-государственное взаимодействие в области национальной политики приобрело комплексный характер. Особо ценным стало такое направление, как непосредственное участие НКО в деятельности рабочих органов, создаваемых Правительством и Министерством национальной политики для выработки нормативных актов, регламентирующих межнациональные отношения. Таковыми являлись, прежде всего, Коллегия Министерства национальной политики и образованный при Министерстве Экспертно-консультативный Совет. В конце 1990-х гг. в целях установления диалога между органами государственной власти и представителями народов, населяющих республику, учета и согласования государственных и национальных интересов был создан Координационный Совет по делам национальностей при Председателе Правительства УР. При непосредственном участии НКО в республике разрабатывались государственная программа по сохранению и развитию удмуртского языка и языков других народов УР, комплексная программа «Национальное развитие и межнациональное сотрудничество народов Удмуртии на 2000–2003 годы», законы УР «О народном образовании», «О культуре», «О государственных языках и языках народов Удмуртской Республики».

Традиционным направлением общественно-государственного взаимодействия в национальной сфере оставалось совместное участие в реализации культурной и образовательной политики. По инициативе НКО стали регулярно проводиться удмуртский массовый праздник «Гербер», посвященный окончанию посевной, татарский «Сабантуй», марийский «Семьк», чувашский «Акатуй», бесермянский «Корбан», азербайджанский «Новруз Байрам», кришенский «Петров день», русские праздники «Рождество», «Троица», Спасы¹⁸.

С принятием республиканской Концепции сотрудничество НКО и государственных, муниципальных органов получило новый импульс. Особенно плодотворным в этом отношении стал 2000 г. – год выборов первого Президента УР. В целях более эффективного взаимодействия, развития дружбы народов был создан Республиканский центр национальных культур.

2000 г. отмечен организацией Всемирного финно-угорского конгресса, Международного фольклорного фестиваля финно-угорских народов, 8-го Всеудмуртского съезда, Всероссийского молодежного форума Ассамблеи народов России. В этнокультурном плане 2000 г. прошел в республике под знаком марийской культуры, когда были проведены мероприятия, посвященные 400-летию расселения марийцев в Вятско-Камском регионе. В 2000 г. началась реализация проекта по сближению этносов Удмуртии через молодое поколение.

Результативным стало совместное осуществление информационной политики. В такой официальной газете как «Удмуртская правда» были отведены рубрики «Жизнь национальностей» и «Национальная палитра». В 2000 г. вышел первый номер газеты «Бесермянская правда», проведена презентация газеты «Татар рухы» («Татарский дух»), организован республиканский слет юнкоров газеты «Зечбур».

Ведущее место в системе государственных органов отводилось Министерству национальной политики. В годы реформ сложились такие направления работы, как курирование НКО, информационная и методическая помощь в организации научно-практических конференций. В частности, в конце 1990-х гг. значительный общественный резонанс получили конференции «Традиционная культура удмуртов: сущность, проблемы сохранения», «Татары Удмуртии». В 2000 г. по инициативе государственных органов, ученых, общественности был осуществлен комплексный мониторинг современной этнополитической ситуации.

Значительную роль в реализации национальной политики играло Министерство культуры УР. Так, в учебные планы Республиканского училища культуры были включены такие дисциплины, как региональные танцы, национальный орнамент, удмуртский язык и литература, этническое музыковедение, удмуртская музыка и т.д. Регулярно проводились выставки национальных культур в государственных музеях и Центре декоративно-прикладного искусства.

Неотъемлемой характеристикой национальной культуры является система веры. В России процесс либерализации отношений государства,

церкви и конфессиональных объединений начался еще в советскую эпоху. Широко отмечавшееся в стране в 1988 г. 1000-летие Крещения Руси подвигло ряд религиозных организаций обратиться к государственным органам с требованиями о передаче культовых зданий верующим¹⁹. Принятый в начале 1990-х гг. новый Закон о свободе совести и религиозных объединениях способствовал росту религиозных организаций. В 1991 г. МЮ УР зарегистрировало 55 общин разных направлений²⁰.

Количественный и качественный рост религиозных объединений, широкое внедрение церковных структур в сферы политики, экономики, образования и культуры, активная деятельность новых духовных движений, характерные для постсоветского периода, стимулировали дальнейшее реформирование правовой базы в данной области. С 1 октября 1997 г. вступил в силу ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», призванный упорядочить работу общин и снять негативные явления, связанные с бесконтрольной практикой зарубежных миссионеров.

17 августа 1998 г. в развитие Закона был сформирован специальный Экспертно-консультативный совет. Его основными функциями стали обеспечение взаимодействия Правительства УР с религиозными объединениями; осуществление по запросу МЮ УР государственной религиоведческой экспертизы; изучение и внесение предложений по проблемам, связанным с поддержанием межконфессионального диалога, достижением взаимной терпимости и уважения в отношениях между представителями различных вероисповеданий; рассмотрение вопросов по исполнению законодательства о свободе совести и религиозных объединениях; координация деятельности должностных лиц территориальных и отраслевых органов управления, на которые возлагались обязанности по осуществлению контактов с религиозными объединениями²¹.

К началу 2000 г. в Удмуртии статус юридического лица имели 176 религиозных организаций более 20 направлений²². Наиболее многочисленной явилась РПЦ (Московский Патриархат), которую в республике представляет Ижевское и Удмуртское епархиальное управление. Определением Священного Синода РПЦ от 30 ноября 1988 г. епископом Ижевским и Удмуртским был назначен епископ Переяслав-Хмельницкий Палладий (в миру – П. А. Шиман). На 1 января 1988 г. в Ижевской епархии числилось 18 приходов, составлявших два благочиния. Приходское служение несли 30 священников и пять дьяконов. С 25 марта 1993 г. Ижевской кафедрой руководит Архиепископ, ныне Митрополит Николай (в миру –

Н. Я. Шкрумко). На начало 2000 г. семь благочиннических округов объединяли 100 общин верующих. Епархиальное управление было представлено 92 священниками и 12 дьяконами. Кроме того, в Удмуртии действовали четыре монашеские общины (Покровский, Успенский, Богородицкий и Мало-Дивеевский Серафимовский монастыри)²³.

Кафедральным собором является храм Александра Невского, памятник культового зодчества первой четверти XIX в. (г. Ижевск), реставрированный в 1995 г. В 1997 г. началось восстановление памятника культового зодчества начала XX в. – Михайловского собора (г. Ижевск). Продолжилось строительство новых церквей в других городах и селах Удмуртии. Со второй половины 1990-х гг. активизировалась работа Министерства культуры УР с НКО и религиозными организациями по реставрации зданий культового назначения. В 1998 г. ведомство приступило к заключению охранных обязательств с религиозными общинами, которые размещались в культовых сооружениях, представляющих историко-культурную ценность.

На территории Воткинского района УР в начале 2000 г. действовали четыре религиозных объединения Российской Православной Свободной Церкви. Религиозная жизнь Удмуртии конца 1990-х гг. была представлена также основными направлениями старообрядчества.

Второе место по численности верующих занял протестантизм, распространенный в Удмуртии с XIX в. В начале 2000 г. имелось 50 подобных объединений. Наиболее представительными стали Христиане веры евангельской (пятидесятники), Евангельские христиане-баптисты, Свидетели Иеговы, Адвентисты седьмого Дня, Харизматические церкви. Протестанты издавали газету «Вера и жизнь», активно сотрудничали с религиозными организациями США, Финляндии, Швеции, Канады, других государств. Ими осуществлялся широкий обмен опытом религиозно-просветительской, миссионерской деятельности.

Существенной проблемой религиозной жизни Удмуртии в рассматриваемый период явилась попытка насаждения системы западных ценностей посредством протестантских объединений. В течение 1990-х гг. благодаря финансово-методическому покровительству иностранных церквей, сеть протестантских общин увеличилась в шесть раз. Так, только в 1999 г. республику по религиозным делам посетили 67 человек из государств Европы (Польша, Финляндия, Нидерландов, Швеции, Германии, Великобритании), США и Канады, а также стран арабо-мусульманского мира²⁴. Активной работе зарубежных миссионеров способствовало прекращение

действия Закона УР «О миссионерской деятельности на территории Удмуртской Республики», принятого 28 мая 1996 г.

Мусульманские организации УР составили менее 10 % от числа всех действовавших общин. Функционировали 14 приходов под руководством Духовного Управления мусульман Удмуртии, возглавляемого муфтием-хазратом Габдуллой Мухаметшиным. В 1995–1996 гг. были введены в действие новые мечети в гг. Ижевске и Сарапуле. В 1990-е гг. каждая вторая община построила новое культовое здание. При соборной мечети в г. Ижевске работала духовная школа, проводились занятия по изучению Корана и арабского языка. Духовное управление мусульман осуществляло связи с исламскими государствами Ближнего Востока.

В 1990-е гг. в Удмуртии, как и в иных регионах РФ, возрос интерес к религиозно-философским системам других стран, возникали новые религиозные течения. Например, в г. Ижевске действовала Община Сознания Кришны. Устраивали свои богослужения последователи веры Бахаи, объединения других вероучений²⁵.

Языческие верования удмуртов нашли отражение в фольклоре – мифах, легендах, сказках, которые оказались востребованы в современной религиозной жизни. В отдельных удмуртских деревнях сохранились древние строения и священные рощи, где ранее жрецы совершали свои молитвы и обряды. С 1990-х гг. в этих местах открыто стали устраиваться народные праздники. История религиозного прошлого удмуртов получила отражение в художественном кинофильме «Тень Алангасара» (1994 г.). Между тем язычество для удмуртов – не только историческое прошлое. Так, в рамках общества «Дэмен» сформировалась и в 1994 г. выделилась в самостоятельную организацию религиозная община «Удмурт вӧсь». Основной задачей она поставила консолидацию удмуртского этноса через возрождение языческих традиций. Как заметила, в частности, С. К. Смирнова, эта идея хотя и не нашла широкой поддержки среди удмуртов, но продолжает привлекать внимание к национальным проблемам²⁶. Следует отметить, что поборниками язычества в УР являются частично не только удмурты, но и представители других, главным образом славянских, народов.

Свои религиозные организации имели и другие этносы, проживающие на территории УР. Так, достаточным авторитетом пользовались еврейские общины, регулярно отмечавшие праздники иудейского календаря. Среди еврейской общественности выделялись последователи иудео-христианства (община «Еммануил»). Компактно проживающие

в Удмуртии немцы оказались связаны с различными конфессиями, не обязательно только с лютеранством. Это и Евангельская церковь Христа Спасителя (пастор Г. В. Вогау), и многочисленная Ижевская община Новоапостольской Церкви. Кроме того, немцы регулярно отмечали католическое Рождество²⁷.

В целом, религиозно-конфессиональная ситуация в Удмуртии 1990-х гг. характеризовалась достаточно сложно и специфично, что определялось как своеобразным геополитическим положением (граница Европы и Азии, регион активного взаимодействия мировых религий), так и этноисторическими обстоятельствами. Религиозный фактор в условиях многоконфессиональной России и Удмуртии остается одним из главных направлений внутренней политики государства. В плане постановки вопроса следует отметить проблему соотношения религии и атеизма в современной государственной политике и общественной жизни.

Важнейшей сферой социальной работы явились сохранение и развитие национального просвещения. Это направление особенно активно реализовывалось Министерством народного образования УР в тесном взаимодействии с НКО. В результате к началу 2000 г. в 402 школах республики из 873 изучались удмуртский язык и литература, в 27 – татарский, в девяти – марийский; была открыта школа по изучению чувашского языка. К концу рассматриваемого периода появились отдельные классы по изучению родных языков, воскресные школы, организованные ТОЦ, Башкирским центром «Салават», Общинным центром еврейской культуры, Республиканским центром российских немцев в УР.

С удмуртской молодежной организацией «Шунды» и Союзом татарской молодежи УР «Иман» Министерством народного образования регулярно составлялись планы, предусматривающие активное изучение национальных культур, языков и литературы. Названные организации проводили конкурсы среди учащихся старших классов на лучшее знание традиций, обычаев своего народа, совместно с Министерством организовывали лагеря отдыха для старшеклассников. Целенаправленная работа проводилась ведомством и с ТОЦ, «Одо Мари Ушем», Чувашским общественным центром.

Комплексным характером определялось взаимодействие НКО и Министерства международных связей УР. Эффективными оказались такие формы, как взаимная информационная поддержка, подготовка аналитических справок, содействие Министерства организации встреч удмуртской интеллигенции с зарубежными деятелями науки и культуры, подготовка

программ приема ученых, занимающихся изучением культуры и языка удмуртского народа. Министерство оказывало содействие НКО в издании историко-этнографических материалов и в подготовке национальных кадров, в том числе за рубежом.

Исходя из анализа сложившейся системы общественно-государственных отношений в национальной сфере, в Концепции программы «Развитие Удмуртии на 2001–2004 годы» и Законе УР «О республиканской программе социально-экономического развития Удмуртской Республики на 2001 год» была подтверждена актуальность создания нормативно-правовой базы для обеспечения равноправного участия всех народов республики в политическом, социально-экономическом и национально-культурном развитии Удмуртии; организации эффективного сотрудничества министерств и ведомств, органов местного самоуправления, НКО в сфере государственной национальной политики; формирования системы мер своевременного предупреждения и регулирования межнациональных конфликтов и связанных с ними нарушений законности; подготовки управленческих решений на основе научного анализа и прогнозирования с учетом общественного мнения, интересов народов Удмуртии; развития сети учреждений, способствующих удовлетворению их языковых, культурных, образовательных потребностей, сохранению этнической самобытности.

Актуальной для УР сферой взаимодействия субъектов политической системы в 1990-е гг. оставалась экологическая ситуация. В республике был создан Комитет по охране окружающей среды. Во второй половине 1990-х гг. он активно сотрудничал с 17 общественными экологическими организациями, в том числе с Республиканской организацией «Родники» и Республиканским обществом охраны природы. Удмуртским отделением общественного объединения «Ученые за экологию» и Государственной телерадиокомпанией «Удмуртия» были подготовлены 10 фильмов из серии «Край мой родниковый». При поддержке ученых УдГУ и ИжГТУ объединение провело целевое обследование состояния парка им. Кирова (г. Ижевск). В 1998–1999 гг. Министерство международных связей УР совместно с общественными организациями «Российский зеленый крест» и «Союз научных и инженерных организаций Удмуртской Республики» проводило информирование общественности о проекте строительства завода по ликвидации и утилизации ракетных двигателей твердого топлива (РДТТ) в Воткинском районе.

В годы реформ сформировался относительно новый субъект политической системы, активно участвующий в осуществлении государственной

политики – общественные организации предпринимателей. К 2000 г. в УР насчитывалось 7 975 малых предприятий, почти половину которых представляли учреждения торговли и общественного питания (3 919)²⁸. Создалась сеть предпринимательских общественных объединений. Комитетом по поддержке и развитию малого предпринимательства при Правительстве УР в число «реестровых» были внесены Удмуртское отделение Российской ассоциации развития малого предпринимательства, Независимый профсоюз работников рынков и различных форм предпринимательства, Удмуртское отделение Международной академии информатизации, Ассоциация «Социально-реабилитационный консультативный женский центр» (находился под патронажем Удмуртского представительства Конфедерации деловых женщин России) и Союз предпринимателей-работодателей УР.

Данные объединения приняли участие в подготовке проектов законов и иных нормативных актов в целях обеспечения наиболее благоприятных условий для развития малого предпринимательства. В частности, накануне принятия Постановления о введении единого налога на вмененный доход для частных предпринимателей Комитет вел консультации со многими объединениями, в результате чего государственная и общественная стороны пришли к определенному согласию. Общественные объединения активно участвовали в разработке программ социально-экономического развития республики, Государственной программы поддержки и развития малого предпринимательства, в работе постоянно действующего еженедельного совещания с предприятиями инфраструктуры, в подготовке и проведении ежегодного конкурса «Предприниматель года», выставок-ярмарок «Малый бизнес в Удмуртии». Кроме того, их представители входили в состав Совета по поддержке и развитию малого предпринимательства при Правительстве УР и в Попечительский Совет Удмуртского государственного фонда поддержки малого предпринимательства.

С конца 1990-х гг. взаимодействие государственных органов и предпринимательских структур приобрело договорные отношения. В феврале 1999 г. между Правительством и общественными объединениями предпринимателей было подписано соглашение о сотрудничестве на 1999 г. В соответствии с ним Правительство УР обязалось обеспечивать разработку основных направлений государственной политики в области предпринимательства; координацию международного и межрегионального сотрудничества; реализацию мероприятий, направленных на устране-

ние административных барьеров; разработку и финансирование за счет республиканского бюджета целевых программ; учет предложений общественных объединений при подготовке законодательных и иных нормативных правовых актов поддержки и развития предпринимательства.

В свою очередь, общественные объединения предпринимателей в рамках своей компетенции обязались осуществлять защиту законных прав предприятий и граждан, работающих в сфере малого и среднего бизнеса; мероприятия, направленные на формирование цивилизованных рыночных отношений в УР; координацию усилий по стабилизации экономики УР; сбор предложений и замечаний при разработке и совершенствовании законодательных и иных нормативных правовых актов в области поддержки и развития предпринимательства; пропаганду передового опыта, способствующего созданию новых рабочих мест.

Весомым статусом в экономической жизни Удмуртии продолжали обладать кооперативные организации. Их отношения с республиканскими органами власти перешли на качественно новый уровень после принятия Постановления Правительства РФ № 24 от 24 января 1994 г. «Вопросы потребительской кооперации в Российской Федерации». В соответствии с ним СМ УР 10 февраля 1994 г. за № 68 принял аналогичное Положение «О государственной поддержке потребительской кооперации республики». С 1994 г. в целях содействия деятельности кооперации по наращиванию объемов закупок и переработки сельскохозяйственной продукции и сырья, улучшения обеспечения сельского населения товарами и услугами взаимоотношения между Правительством УР и Удмуртпотребсоюзом начали основываться на ежегодно заключаемых соглашениях. Первое такое Соглашение было подписано Председателем Правительства УР А. А. Волковым и Председателем правления Удмуртпотребсоюза Р. М. Каримовым. Аналогичные соглашения заключались в большинстве районов республики. В их рамках организации потребкооперации УР в 1994–1997 гг. получили 4 800 млн. руб. на возмещение транспортных расходов, 6 280 млн. руб. инвестиционных кредитов, 1 млн. руб. на закладку картофеля и других овощей, 1 650 млн. руб. дотаций на приобретение кормов для животных. Кроме этого, в 1992–1997 гг. им предоставлялись льготы по оплате электроэнергии: тарифы устанавливались на уровне таковых для сельхозпроизводителей, что позволило сэкономить до 8 млрд. руб.

Потребительская кооперация, выполняя по сути дела государственную задачу, обеспечивала жителей села товарами, продукцией и услугами.

Ее организации несли обязательства по возврату кредитов и уплате процентов, а обеспечивая снабжение сельского населения товарами и услугами – наполняли бюджеты различных уровней, выплачивая в 1994–1997 гг. ежегодно по 23–75 млрд. руб. налогов. Платежи в республиканский бюджет УР практически ежегодно удваивались, достигнув в 1997 г. 7 млрд. руб. В целом на уплату налогов в бюджет и внебюджетные фонды взималось до 50 % от всех полученных доходов, или каждый восьмой рубль товарооборота. Продолжалась огромная организаторская и воспитательная работа с пайщиками, благодаря которой за 1996–1997 гг. их численность увеличилась и достигла к 1997 г. 215 тыс. человек, паевой фонд возрос до 1 900 млн. руб. Были приняты необходимые меры для сохранения деятельности всех магазинов, в том числе расположенных в самых отдаленных населенных пунктах²⁹. В 1997 г. по общему объему розничного товарооборота Удмуртский потребсоюз из 78 членов Центросоюза занимал 24-е место. И если по Центросоюзу общий объем на одно хозяйственное предприятие составлял 4,2 млрд. руб., то по системе потребкооперации Удмуртии – 10,2 млрд. руб. в действующих ценах 1997 г. Среднедушевая продажа достигла 1 млн. руб. при 600 тыс. руб. в среднем по Центросоюзу РФ.

На отчетно-выборную кампанию 1998 г. значительное влияние оказало принятие ФЗ от 11 июля 1997 г., утвердившего Закон РФ «О потребительской кооперации в Российской Федерации» в новой редакции. Шестое Собрание представителей потребительских обществ Удмуртии, обсудив задачи кооперативных организаций по реализации ФЗ, отметило, что вступление его в действие открывает важный этап в развитии кооперативного движения, четко определяет правовые, экономические и социальные основы системы потребительской кооперации. Были разработаны примерные уставы потребительских обществ, которые обсуждались на 600 участковых собраниях пайщиков и принимались на собраниях уполномоченных.

В июле 1998 г. на 119-м общем Собрании представителей потребительских обществ РФ была принята специальная Программа, в которой формулировались наиболее общие направления стабилизации и развития организаций потребительской кооперации на 1998–2002 гг. Ее выполнение могло обеспечить создание условий для устойчивой и безубыточной деятельности потребкооперации в последующие периоды.

В январе 1999 г. было принято Постановление Правительства РФ «О повышении роли потребительской кооперации в обеспечении насе-

ления продовольствием», которое имело огромное значение в усилении государственной поддержки потребительской кооперации, улучшении ее финансового состояния, в активизации закупок сельхозпродукции и их последующей переработки, в развитии торгового и бытового обслуживания сельского населения.

В целях дальнейшего совершенствования законодательной базы потребкооперации ГД ФС РФ 29 марта 2000 г. приняла ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации». В новом законе были подробно определены функции, состав и порядок образования советов и правлений потребительских обществ и их союзов. Он должен был способствовать упрочению внутрикооперативной демократии, повышению организованности и в то же время – укреплению дисциплины и ответственности кооперативных организаций по выполнению решений вышестоящих областных, краевых и республиканских союзов и Центросоюза России.

Десятое общее Собрание представителей потребительских обществ Удмуртской Республики, проходившее 25 мая 2000 г., определило главной задачей развития восстановление объемов деятельности до уровня 1990 г. во всех отраслях. От стратегии выживания система должна была перейти к экономическому росту, что возможно только при условии постоянного наращивания объемов хозяйственной деятельности. Утверждались уточненные, повышенные показатели Программы развития кооперативных организаций на 2000–2002 гг.

В постановлении, принятом на Собрании, рекомендовалось обеспечить широкий ассортимент товаров во всех магазинах, включая самые отдаленные, своевременно реагировать на изменение спроса и цен, не допуская их превышения, по сравнению с другими торгующими организациями, применять более активные формы торговли товарами собственного производства и продукции общепита во всех кооперативных магазинах. Предусматривалось увеличение сети магазинов, работающих по продленному режиму, открытие в них буфетов, кафетериев, баров, использование имеющихся свободных площадей для организации сети бытовых услуг, приемозаготовительных, аптечных пунктов и ветеринарных аптек.

За 2000 г. населению было продано товаров на 1 млрд. 651 млн. руб. Приобретение 342 единиц холодильного оборудования позволило увеличить продажу скоропортящихся товаров (рыбы, колбасы, масла животного и др.) на 20 %. В структуре товарооборота продовольственные товары составляли 82 %.

Потребительская кооперация сохранила и развила свою социальную направленность, и сельским магазинам в этом была отведена главная роль. Они стали многофункциональными и в начале 2000-х гг., помимо торговли, действовали как приемозаготовительные пункты, центры кооперативных участков и культурной жизни села, занимались предоставлением услуг, проблемами занятости и досуга населения³⁰.

Целенаправленное взаимодействие с общественностью в рассматриваемый период осуществляли государственные СМИ. Положительный опыт в этой сфере был наработан Государственной телевизионной и радиовещательной компанией «Удмуртия». Деятельность всех общественных объединений находила отражение в передачах республиканского радио. Плановая, систематическая работа велась с творческими объединениями – союзами писателей, художников, композиторов, театральных деятелей, журналистов, архитекторов, а также с Республиканским советом ветеранов войны, Союзом женщин, обществом охраны природы, Советом оборонно-спортивной технической организации.

Таким образом, исследование показало, что отношения общественных объединений с органами исполнительной власти оказались выстроены гораздо более эффективнее, нежели с законодательными, что вполне объяснимо. Реальную помощь общественности, особенно на этапе ее становления, могли предоставить только обладавшие ресурсами исполнительные структуры. Работа же с органами представительной власти предполагает для общественных объединений видение перспективы своей деятельности, наличие положительных результатов и определенной правовой культуры. С 2000 г., с включением института президента в систему органов государственной власти республики, взаимозависимость субъектов политической системы объективно усилилась. Выделяя позитивные результаты взаимодействия в социальной сфере, следует обратить внимание на ряд неоднозначно оцениваемых положений. Так, весьма спорным представляются практика огосударствления общественных функций, создание дополнительных громоздких бюрократических структур в виде так называемых государственных и муниципальных учреждений и т.п. Деление объединений на «свои», «реестровые», и «чужие», «нереестровые» создает конфликтогенные зоны, что ведет к воспроизводству социальной напряженности, сохранению объективных условий для коррупции и подчинению регионального сообщества интересам противоборствующих властных элитных групп.

¹ Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000. С. 28.

² О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики: Закон УР от 30 мая 1995 г. № 50-1 // Текущий архив Аппарата ГС УР.

³ См., напр.: О государственном комитете Удмуртской Республики по труду: Постановление Правительства УР от 26 июля 1999 г. № 710 // Известия Удмуртской Республики. 1999. 9 сентября; О министерстве международных связей Удмуртской Республики: Постановление Правительства УР от 11 августа 1999 г. № 760 // Известия Удмуртской Республики. 1999. 17 сентября.

⁴ Бехтерев С., Крылова А. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 6. Приволжское отделение. М., 2001. 16–31 января. С. 24–27.

⁵ Там же.

⁶ Бехтерев С., Крылова А. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 8. Приволжское отделение. М., 2001. 1–15 марта. С. 44.

⁷ О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике: Закон Удмуртской Республики. 22 октября 1997 г. // Удмуртская правда. 1997. 26 ноября.

⁸ Александрова Т. Молодежь – главный инвестиционный проект государства // Известия Удмуртской Республики. 2001. 20 февраля.

⁹ Республиканский центр развития молодежного и детского движения. Ижевск, 2000. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 7.

¹¹ Там же. С. 4.

¹² Государственный комитет Удмуртской Республики по делам молодежи. Б. м., 1999.

¹³ Комитет по делам национальностей при Правительстве Удмуртской Республики. Информационный бюллетень № 1. Ижевск, 1996. С. 9, 10.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 18.

¹⁶ Концепция государственной национальной политики Удмуртской Республики. Приложение к постановлению Государственного Совета Удмуртской Республики от 6 февраля 1998 года № 584-1. Б. м., б. г. С. 1–2.

¹⁷ Там же. С. 4.

¹⁸ Хузин Ф. З. О взаимодействии Министерства национальной политики Удмуртской Республики с республиканскими национально-культурными объеди-

нениями в реализации Концепции государственной национальной политики // Государственный Совет Удмуртской республики. Правительство Удмуртской Республики. Информационно-методический сборник. Ижевск: Госкомстат УР, б. г. Вып. 20. С. 17–24.

¹⁹ Подробно о передаче культовых зданий Ижевской и Удмуртской епархии РПЦ см. в разделе 2.2.3. «Общественные объединения».

²⁰ Конфессии и религиозные объединения Удмуртской Республики. Православие. Справочник. Ижевск, 1999. С. 4.

²¹ Крылова А., Бехтерев С., Бехтерева Л. Удмуртская Республика... С. 91.

²² Конфессии и религиозные объединения Удмуртской Республики. Православие... С. 4.

²³ Там же. С. 13, 14, 33, 34.

²⁴ Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Удмуртской Республике (сборник информационно-аналитических материалов). Ижевск, 2000. С. 29–30.

²⁵ Религия // Удмуртская Республика: Энциклопедия... С. 103.

²⁶ Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций... С. 196–197.

²⁷ Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Удмуртской Республике... С. 31.

²⁸ Бехтерев С., Крылова А. От выживания – к развитию // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 6. Приволжское отделение. М., 2001. 1–15 февраля. С. 23.

²⁹ Формула успеха... С. 78, 81.

³⁰ Там же. С. 104.

5.3. Общественно-государственные структуры как институт политической системы Российской Федерации и ее субъектов

В процессе демократизации советской политической системы и в последующий период становления Российского правового государства на федеральном и региональном уровнях неоднократно предпринимались попытки выработки механизма согласования общественных и государствен-

ных интересов. С 1995 г. правовой статус общественно-государственных систем стал определяться ст. 51 ФЗ «Об общественных объединениях», которая гласила, что «впредь до принятия федеральных законов о государственно-общественных и общественно-государственных объединениях указанные объединения создаются и осуществляют свою деятельность в соответствии с нормативными правовыми актами органов государственной власти»¹. Иными словами, федеральное законодательство оставляло регионам значительную свободу нормотворческой деятельности в данной сфере.

Важным инструментом достижения общественного согласия, одной из эффективных форм обсуждения и выработки согласованных позиций органов государственной власти и объединений по политическим, социальным и экономическим вопросам должен был стать институт общественных палат (ОП), действовавших как при органах государственной власти, так и самостоятельно. На уровне РФ первый такой опыт появился вскоре после принятия новой Конституции, когда на базе существовавшей ОП Конституционного совещания² Распоряжением Президента РФ № 78-рп от 16 февраля 1994 г. была создана ОП при Президенте РФ³. Она учреждалась для обеспечения взаимодействия между федеральными органами исполнительной власти и общественными объединениями, подготовки решений Президента и Правительства по важнейшим социальным и политическим вопросам с учетом общественного мнения, создания механизма обратной связи между гражданами, общественными объединениями и органами государственной власти. В рамках ОП планировалось осуществлять консультации по широкому кругу вопросов. В нее могли входить до 250 зарегистрированных формирований. Устанавливалась ежемесячная периодичность ее заседаний.

Развитие политической ситуации показало, что реальных подвижек в реформировании общества и государства можно было достичь только в режиме конструктивного диалога исполнительной и законодательной ветвей власти. Исходя из этого, а также в соответствии с предложением ряда партий и движений, Указом Президента РФ № 989 от 25 июня 1996 г. ОП была преобразована в Политический консультативный совет (ПКС) при Президенте РФ⁴. К числу его основных задач были отнесены обсуждение концепций проектов наиболее важных федеральных законов; выработка предложений Президенту и Правительству РФ по вопросам осуществления экономических и политических реформ; обсуждение принятых Президентом и Правительством РФ решений в целях обеспечения

их разъяснения среди социальных групп и общественных объединений; информирование Президента РФ о происходящих в обществе процессах, принятие соответствующих рекомендаций.

Принципиально новым стал подход к формированию ПКС. В первоочередном порядке войти в его состав предлагалось партиям и движениям, имеющим фракции в ГД ФС РФ, а также не представленным в ней избирательным объединениям. Образовывался Президиум из 15 человек, включая Председателя и двух заместителей, секретаря. Председателем ПКС был избран И. П. Рыбкин. Функции секретаря осуществлял Начальник Главного управления Президента РФ по вопросам конституционных гарантий прав граждан. В составе ПКС формировались 12 палат: по правам человека; внешнеполитической деятельности государства; вопросам экономической деятельности государства; вопросам социальной защищенности населения; проблемам науки, образования, культуры; проблемам обороны и безопасности государства; информатизации; правовой политике и федеративному устройству; делам национальностей; проблемам экологии; местному самоуправлению; делам общественных объединений и религиозных организаций.

В силу ряда моментов, в частности, сложившегося в то время противостояния между Президентом РФ и основными политическими объединениями, деятельность ПКС была «заморожена». Вновь избранный Президент РФ В. В. Путин Указом от 8 августа 2000 г. упразднил его.

Во многих субъектах РФ при высших органах государственной власти были созданы общественные структуры. К 1999 г. они существовали в 24 регионах⁵. Наиболее многочисленную группу составили ОП (при Президенте Республики Марий Эл, Главе Республики Мордовия, Правительстве УР, Общественная палата УР, при администрации Белгородской области, Новгородской областной думе и администрации области, Губернаторе Саратовской области, Общественные палаты Кемеровской, Ленинградской, Нижегородской, Свердловской, Омской, Томской областей).

Следующую группу представили ПКС (при Президенте Республики Бурятия, Главе администрации Владимирской области); общественно-политические консультативные советы (ОПКС) (при Главе администрации Астраханской области, губернаторах Вологодской и Самарской областей, Законодательном Собрании Ивановской области); общественный консультативный совет при Законодательном Собрании Тверской области. Также действовали Мурманское областное общественное собрание при администрации области, Совецание представителей политических

партий и движений при Губернаторе Пермской области, Губернское общественное собрание при Губернаторе Ярославской области.

Кроме ОП, ПКС, ОПКС и т.п. в ряде субъектов РФ сложились иные формы взаимодействия общественных и государственных органов, преимущественно «круглые столы», активно действовавшие в Московской, Ростовской областях, других регионах. Разнообразной оказалась их структура. Почти все они имели рабочие органы: секретариаты, советы, постоянные комиссии, группы. В ряде регионов сопредседателями по должности стали губернатор или председатель законодательного собрания.

Обычно палаты создавались в целях реализации указов Президента РФ. Однако существовала и договорная основа между государственными и общественными органами. В этом случае показателен пример Саратовской области. Здесь в 1996 г. был подписан Договор, целью которого явилось достижение общественного согласия, складывающегося на основе признания общих ценностей, для вывода области из экономического кризиса. Для его реализации в январе 1997 г. была создана ОП при Губернаторе области⁶.

Довольно широким стал спектр направлений общественно-государственного взаимодействия в данных структурах. Принципиальное значение имело, во-первых, представительство общественных объединений в ОП, ПКС и т.п. Оно было обеспечено в подавляющем большинстве систем.

Вторым направлением явилась работа по совершенствованию механизма государственного управления. Так, на заседаниях ОП при администрации Белгородской области неоднократно рассматривались вопросы изменения схемы управления областью, структуры и штатное расписание администрации.

Третьим направлением стала совместная законотворческая деятельность. Общественными палатами, политическими консультативными советами обсуждались программы законодательной работы республик и областей (Белгородская область); проекты Уставов областей (Кемеровская область); проекты законов о выборах губернатора (Кемеровская, Новгородская области); о прожиточном минимуме, молодежи и молодежной политике; государственной поддержке средств массовой информации и организаций, обеспечивающих их функционирование; порядке квотирования рабочих мест для лиц, особо нуждающихся в социальной защите; социальном партнерстве; местном самоуправлении; выборах депутатов областных дум (Новгородская область) и др.; осуществлялась проработка

федеральных законопроектов «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «О политических партиях».

Весьма значительной оказалась совместная деятельность по реализации государственных программ: «Качество жизни» (Кемеровская область); «Средства массовой информации»; «Первоочередные меры по улучшению условий и охраны труда»; «Борьба с преступностью»; «Основные направления бюджетной политики администрации Кемеровской области»; «Свой дом»; «Лекарственное обеспечение»; развития областных органов ГИБДД (Белгородская область) и т.д.

Пятое направление сотрудничества государственных и общественных органов – это рассмотрение конкретных социальных вопросов, например об исполнении областных бюджетов (Белгородская, Новгородская области); о становлении и развитии малого бизнеса; поддержке народного образования, здравоохранения; деятельности агропромышленного комплекса; занятости населения; выплате пенсий и пособий; работе «Телекома»; реформе жилищно-коммунального хозяйства и т.д.

Важной сферой общественно-государственного взаимодействия стало совершенствование избирательного процесса. В частности, ОПКС Астраханской области разработал проект соглашения о принципах взаимоотношений кандидатов в депутаты и избирательных объединений на период выборов в ГД ФС РФ в 1999 г. В документе нашла отражение общая точка зрения, что депутаты-астраханцы должны выражать интересы всех жителей области. Избирательная кампания базировалась на принципах общего блага, законности, равенства, сдержанности и взаимоуважения.

Седьмым направлением явилось содействие общественно-государственных систем развитию и укреплению некоммерческих объединений (НКО). Показателем в данном отношении пример Омской области. По инициативе ОП был создан Сибирский Центр поддержки общественных инициатив (ОП координировала его деятельность). Ежегодно, начиная с 1996 г., стала проводиться ярмарка-презентация общественных объединений и проектов НКО, на которой в качестве одного из грантодателей или заказчиков выступала администрация области. Также при содействии ОП был создан Совет общественных организаций, который проводил обучающие семинары по налогообложению и бухгалтерскому учету, стратегическому планированию, привлечению финансовых средств.

Последнее, восьмое направление общественно-государственного взаимодействия, – это информационное сопровождение таких структур. В Кемеровской области, например, заседания ОП регулярно освещались

в областных и городских газетах, на радио и телевидении. ОП при Новгородской областной думе и администрации области публиковала свой бюллетень. ОП Омской области совместно с Советом общественных организаций издавали информационно-методическую литературу, выпускали специальную газету с оперативной информацией о деятельности НКО региона.

Общественно-государственные структуры в УР особо динамично стали развиваться с середины 1990-х гг. В результате в 2000 г. в состав созданного одним из первых в 1994 г. Совета неправительственных, общественных объединений (организаций) и государственных органов по координации деятельности в сфере благотворительности и социальной защиты населения при Министерстве социальной защиты населения УР входил 21 человек, из них восемь – государственные служащие, один – муниципальный служащий и 12 – представители общественных объединений (региональные отделения и республиканские организации Российского детского фонда, Российского фонда милосердия и здоровья, Фонда мира, Всероссийских обществ инвалидов, глухих, слепых, а также Удмуртский республиканский Совет ветеранов, Общественная организация ветеранов подразделений особого риска, Союз «Чернобыль», Союз ветеранов Афганистана, Ассоциация жертв незаконных политических репрессий, Объединение родителей, воспитывающих детей-инвалидов). Возглавила Совет С. И. Андреева, в то время министр социальной защиты населения УР. Основным направлением деятельности данного Совета явилось решение вопросов, связанных с проведением Международных дней пожилых (1 октября) и инвалидов (3 декабря), обсуждение реализации целевых программ поддержки малообеспеченных нетрудоспособных граждан.

26 сентября 1994 г. во исполнение Указа Президента РФ Постановлением СМ УР была образована ОП при СМ УР⁷. Она учреждалась в целях обеспечения взаимодействия между республиканскими органами исполнительной власти и общественными объединениями, подготовки решений СМ УР по важнейшим социальным, экономическим, политическим и иным вопросам с учетом общественного мнения, создания механизма обратной связи между гражданами, общественными объединениями и органами государственной власти. Первоначально в ОП могли войти не более 75 человек. 13 марта 1995 г. ОП при СМ УР была преобразована в Общественную палату при Правительстве УР⁸. Основными направлениями ее деятельности провозглашались доведение до исполнительных органов

мнения общественных объединений по решаемым Правительством вопросам; выработка рекомендаций по общественно значимым проблемам; подготовка ежегодных докладов и представление их Правительству УР. Для координации работы избирался Совет ОП в количестве семи человек. Председателем ОП стал Г. П. Овчинников, Президент Союза интеллигенции УР, директор Удмуртского института государственной и муниципальной службы. В ее состав вошли около 30 общественных, в том числе политических, объединений.

В конце 1996 г. Председатель ПКС при Президенте РФ И. П. Рыбкин разослал письма в адрес глав субъектов РФ с предложением образовать подобные органы при высших должностных лицах республик и областей. 23 сентября 1996 г. такое обращение поступило Председателю ГС УР А. А. Волкову. В нем, в частности, отмечалась важность налаживания «постоянной связи между ПКС при Президенте Российской Федерации и ПКС при Главе Республики». С этой целью предусматривалось включение представителя республиканского ПКС (в случае его формирования) в состав ПКС при Президенте РФ в качестве члена-корреспондента. Ответ предлагалось дать в срок до 15 октября 1996 г.⁹ Однако в связи с тем, что Удмуртскую Республику в то время возглавлял руководитель представительной власти, реализация этого предложения оказалась невозможной, и ОП осталась при Правительстве УР, практически никак не зарекомендовав себя в общественно-политической жизни.

В 1995 г. был образован Координационный Совет детских и молодежных общественных объединений, который активно взаимодействовал с Государственным комитетом УР по делам молодежи. Председателем КС стал Р. М. Гатаулин, руководитель ряда молодежных организаций.

Постановлением Президиума ГС УР от 9 октября 1997 г.¹⁰ образовывалась Комиссия по правам человека при Председателе ГС – высшем должностном лице УР. Она стала совещательным и консультативным органом при спикере республиканского парламента и была призвана содействовать реализации им защиты прав и свобод человека и гражданина. Одной из ее задач являлось составление ежегодных и специальных докладов о соблюдении прав человека и гражданина в УР. В состав Комиссии вошли 13 человек, из них четыре – государственные служащие, один – муниципальный служащий, четыре представителя общественных объединений, три – науки, один – юридического учреждения. По должности возглавлял этот орган Председатель Постоянной комиссии ГС УР по законности, общественной безопасности, правам граждан. Как

показала практика, деятельность этой комиссии носила преимущественно декларативный характер.

К концу 1990-х гг. в республике наметился кризис во взаимоотношениях общественных и государственных органов, обусловленный узко ведомственным, отраслевым подходом к решению социальных проблем. Одним из выходов из сложившейся ситуации стала инициатива семи общественных объединений (Союз интеллигенции УР; Удмуртская республиканская организация ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов; Союз женщин УР; Академия наук УР; УМОПО «Шунды»; Удмуртские отделения НДР, КДП (ПНС)) по учреждению Общественной палаты УР¹¹. 24 ноября 1998 г. прошел I Конгресс общественных объединений республики. В нем с правом решающего голоса участвовали представители 104 организаций из 450 зарегистрированных на то время в Удмуртии, а также работники государственных и муниципальных органов, журналисты.

Как отмечалось на Конгрессе, создание палаты обуславливалось утратой доверия и авторитета общества к официальным органам по причине раздробленности ветвей власти и их явной политизированности. Общественным организациям предлагалось внести в их взаимодействие созидательную активность и партнерство, ориентированное на подъем экономики¹². В ходе работы форума Председателем ГС – высшим должностным лицом УР было подписано Соглашение о сотрудничестве между органами государственной власти и управления, общественными объединениями и средствами массовой информации «Партнерство во имя прогресса» (Ижевское Соглашение). Конгресс образовал Общественную палату УР как единый консультативный общественно-государственный орган. Председателем палаты был избран В. П. Ковриго, Президент общественной организации «Академия наук Удмуртской Республики». Значение I Конгресса состояло в том, что впервые в истории республики общественно-государственные отношения стали строиться на договорной основе.

Поскольку ОП УР объединила различные общественные организации (от социальных до политических), то для упорядочения ее деятельности было создано 13 относительно самостоятельных отраслевых общественных советов: социальных, женских, ветеранских, молодежных и детских, оздоровительных и лечебных, спортивных, национально-культурных, научно-просветительских, предпринимательских, правозащитных, общественно-политических объединений, общественных фондов, профессиональных союзов. Руководящими органами ОП УР и ее советов стали

секретариаты. В Секретариат палаты с правом решающего голоса вошли представители отраслевых советов и Полномочный представитель ГС УР (С. Л. Бехтерев).

С самого начала существования Общественной палаты УР появились реальные общие дела, которые спланировали организации, создавали атмосферу дружественных отношений и добросовестного партнерства. Одним из них стал «Благотворительный марафон длиной в один год».

Работа ОП УР осуществлялась в двух основных направлениях: реализации обязательств, предусмотренных Ижевским Соглашением, и решений I Конгресса общественных объединений УР.

С 3 декабря 1998 г. по 3 декабря 1999 г. было проведено 29 заседаний рабочих органов ОП УР; рассмотрено 139 вопросов, из них: 78 организационно-правовых, 19 информационно-методических (организация учебы актива палаты, ознакомление с деятельностью органов государственной власти и управления УР), представлены 42 общественные и государственные инициативы, в том числе о Союзе России и Белоруссии.

В соответствии с Соглашением, ГС УР брал на себя обязательство учитывать мнение общественных объединений, СМИ при принятии решений органами государственной власти и управления республики по актуальным вопросам социальной, экономической, политической и культурной жизни. Государственные органы учли ряд рекомендаций и предложений, выдвинутых общественными объединениями, входящими в ОП УР. Так, в январе 1999 г. на имя Председателя ГС УР А. А. Волкова поступило обращение Секретариата ОП УР о целесообразности преобразования Комитета по делам национальностей при Правительстве УР в Министерство. Предложение было учтено: Комитет реорганизован в Министерство национальной политики УР. В апреле 1999 г. и.о. заместителя Председателя ОП УР А. С. Кудрин был включен в качестве наблюдателя в рабочую группу по согласованию кандидатур на должности председателей постоянных комиссий ГС и министров УР. ГС учел рекомендацию Секретариата ОП УР от 23 апреля 1999 г. о назначении С. И. Андреевой Министром социальной защиты населения УР.

Кроме того, на заседании Секретариата ОП УР 6 марта 1999 г. с участием Председателя ГС УР был рассмотрен и одобрен ряд общественных инициатив, в частности, об антикризисной программе развития УР, о правопорядке и экологической ситуации, попечительском Совете детских организаций, состоянии работы научных, творческих организаций, профессиональных театров.

В определенной мере оказался востребован второй пункт обязательств о развитии системы общественного представительства при органах государственной власти и управления. Так, 28 июня 1999 г. на имя Председателя ОП УР В. П. Ковриго поступило предложение от Председателя Постоянной комиссии ГС УР по бюджету, налогам и финансам С. Э. Ширококовой о готовности сотрудничать с общественными объединениями. Однако оно не было реализовано по причине пассивности общественности.

Третий пункт обязательств предусматривал обеспечение соблюдения интересов и прав общественных объединений, в том числе на законодательную инициативу. За время активной деятельности ОП УР таких предложений от объединений не поступало.

Четвертый пункт обязательств относился, прежде всего, к общественным организациям, СМИ и предусматривал их участие в выполнении решений, принятых государственными органами в интересах населения УР.

ГС УР проявил активную позицию в отношении второго раздела обязательств Соглашения, предполагавшего совместное участие государственных и общественных органов в создании и работе ОП УР и оказании ей информационной, методической, организационно-технической и иной помощи в соответствии с действующим законодательством. Государственные и другие СМИ освещали подготовку и проведение I Конгресса общественных объединений УР. В государственных изданиях были опубликованы основные материалы Конгресса. Пресс-служба ГС УР оказывала помощь в организации пресс-конференций Секретариата ОП УР. 16 декабря 1998 г. было удовлетворено ходатайство Секретариата ОП УР об аккредитации в ГС УР ее пресс-секретаря.

Согласованное взаимодействие сторон, подписавших Ижевское Соглашение, оптимальное сочетание общественной и государственной инициативы в работе ОП УР позволили ей за короткий срок существования повысить интерес к публичной деятельности в целом. ОП стала одним из мощных инструментов формирования общественного мнения, важным фактором сохранения гражданского мира и межнационального согласия. Она проявила себя как наиболее эффективная форма сотрудничества власти и населения. Неслучайно деятельность ОП УР в 1999 г. получила высокую оценку Аппарата ГД ФС РФ. В 2000 г. в ее работе принимали участие 147 общественных объединений¹³.

Однако становление и развитие общественно-государственных систем стало сложным и противоречивым процессом. В конце рассматриваемого периода какая-либо структура на уровне федерального центра

отсутствовала, и данные органы функционировали с большим или меньшим успехом только в некоторых субъектах РФ.

В УР сложился отраслевой принцип общественно-государственного взаимодействия (на уровне министерств и ведомств). Осознание необходимости консолидации основных политических и социальных сил республики, наиболее ярко проявившееся в ходе I Конгресса общественных объединений УР, оказалось недолговременным и непрочным, что подтвердилось на II (и последнем в рассматриваемый период) Конгрессе 3 декабря 1999 г. Все попытки вывести диалог власти и общества на качественно более высокий, комплексный, системный уровень, оказались, в конечном счете, непродуктивными в силу их невостребованности политической элитой, с одной стороны, и низкой дееспособностью, невысоким уровнем толерантности общественных объединений, с другой.

¹ В 2000 г. в УР существовало лишь одно такое объединение – Удмуртская республиканская организация общественно-государственного объединения Всероссийского физкультурно-спортивного общества «Динамо».

² Конституционное совещание было создано в июне 1993 г. с целью согласования проектов Конституции РФ, представленных Конституционной комиссией Съезда народных депутатов и Президентом РФ (см. подробно: *Куликов В. И.* История государственного управления в России. М., 2003. С. 299–300).

³ Из опыта работы законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Вып. № 7. О практике работы общественных палат при органах государственной власти субъектов Российской Федерации. М., 1999. С. 2.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Региональное согласие // *Власть*. 1998. № 7. С. 48–52.

⁷ Об Общественной палате при Совете министров Удмуртской Республики. Постановление Совета Министров Удмуртской Республики от 26 сентября 1994 г. № 508 // Текущий архив Аппарата Правительства УР.

⁸ Об Общественной палате при Правительстве Удмуртской Республики. Постановление Совета Министров Удмуртской Республики от 13 марта 1995 г. № 112 // Текущий архив Аппарата Правительства УР.

⁹ Обращение Председателя Политического консультативного Совета при Президенте Российской Федерации И. П. Рыбкина к Председателю Государственного

Совета Удмуртской Республики А. А. Волкову от 23 сентября 1996 А7-2-50/03 // Текущий архив Аппарата ГС УР. Вх. № 4814. 1996. 26 сентября.

¹⁰ О Комиссии по правам человека при Председателе Государственного Совета Удмуртской Республики. Постановление Президиума Государственного Совета Удмуртской Республики от 9 октября 1997 г. № 400-I // *Известия Удмуртской Республики*. 1997. 13 ноября.

¹¹ Обращение к общественным объединениям, органам государственной власти Удмуртской Республики // *Известия Удмуртской Республики*. 1998. 14 мая.

¹² Удмуртская правда. 1998. 27 ноября.

¹³ 19 февраля 2001 г. ОП УР, изменив свой статус, была зарегистрирована Управлением МЮ РФ по УР как Союз общественных объединений «Общественная палата Удмуртской Республики». Данные автора.

Заключение

Любое явление общественной жизни многомерно. Оно имеет свои, строго ограниченные историко-культурные и временные рамки, и в силу этого становится объектом исторического исследования. Одним из таких явлений можно считать современную модернизацию российского социума, осуществляемую руководством страны на базе либерально-демократических ценностей.

Как показывает исследовательская практика, в научной литературе отсутствует единство взглядов в определении природы посткоммунистических перемен в РФ. Ряд ученых полагает, что Россия стала свидетелем Великой Революции в классическом виде. Другие рассматривают эволюцию политической организации российского общества как завершение антисоциалистического захвата власти, начатого И. В. Сталиным в 1920-е гг. и доведенного до логического завершения к концу 1990-х гг. Согласно третьей точке зрения, высказанной, в частности, Т. И. Заславской и разделяемой автором данной книги, в конце 1980-х гг. имелся потенциал демократической революции. Однако его перехватила номенклатура, использовав для проведения реформ «сверху» в своих собственных интересах¹. В части научных работ ставится под сомнение само переходное (transition) состояние систем посткоммунистических регионов. Иногда речь ведется о нескольких моделях перемен, включая движение от демократии западного толка и отсутствие всякого движения².

Разнятся и оценки 1990-х гг. в судьбах страны. Некоторые исследователи считают, что они были «смутными», «провальными», «губительными», «лихими», «злыми», «бедственными», «криминальными» и т.д.³ Например, А. С. Запесоцкий полагает, будто Россия в последнее десятилетие истекшего века шла по ошибочному, неправильному пути⁴. Признавая сохранившуюся приверженность части общества социалистическим идеалам, отчасти стоит согласиться с убеждением одного из ведущих государствоведов, доктора юридических наук Л. С. Мамута в том, что

«печалиться по поводу развала СССР, утраты «светлого прошлого» – значит, стремиться (вольно или невольно) реанимировать сугубо порочную идеологию и пагубную практику большевизма»⁵.

Материалы монографического исследования позволяют говорить о том, что новейшая политическая институционализация России явилась результатом эволюции позднесоветской организации жизнедеятельности социума и в силу данного обстоятельства носит переходный (транзитный) характер, во многом сохранив в себе черты «старой» системы. В процессе своего становления она прошла три стадии. Рамки первой определяются пределами внутрисистемной реформации периода перестройки (апрель 1985 г. – 1991 г.), главные направления которой были заложены конституциями СССР, союзных и автономных республик, принятыми в конце 1970-х гг. и развитыми в законодательных актах рубежа 1980–1990-х гг. Учеными достаточно полно изучены причины, вызвавшие необходимость структурных изменений. Они детерминируются двумя основными факторами: внешним и внутренним.

К внешней группе причин отнесены реакция руководства СССР на обозначившиеся к 1980-м гг. новые тенденции развития мирового сообщества, главным образом, вступление стран рыночной демократии в «постиндустриальную» стадию; сохранявшееся военно-политическое и экономическое противостояние Варшавского Договора и НАТО, оказавшее стимулирующее воздействие на усиление кризисных явлений в советской экономике, порожденных «гонкой вооружений». Последнее особенно справедливо для Удмуртии, характер промышленности которой до сих пор во многом остается милитаризованным.

Внутреннюю группу причин составили изменения в социально-экономическом положении страны, вызванные исчерпанием экстенсивных методов и формировавшие условия для перехода от мобилизационного к инновационному типу развития, предполагавшему децентрализацию принятия управленческих решений. Они повлекли за собой значительные трансформации советской идеологии и партийно-хозяйственной номенклатуры. При определении влияния внутреннего фактора на эволюцию региональной модели советской политической системы следует учесть особенности экономико-географического, политического, социального, промышленного, этнокультурного развития УАССР, которая в этом плане представляла собой наиболее типичный регион бывшего Советского Союза с гипертрофированным военно-промышленным комплексом, развитостью местных отраслей промышленности и сельского хозяйства;

почти полной зависимостью республиканской номенклатуры от политики центральных и межрегиональных властных структур; консерватизмом мышления преобладающей части населения.

В годы перестройки подверглись изменениям основные институты советской политической системы: Советы народных депутатов, КПСС, общественные объединения граждан и трудовые коллективы. Осознавая необходимость принципиальных перемен, ее «прорабы» первоначально мыслили демократизацию только производственной сферы в рамках социалистической системы и марксистской идеологии. Целевая установка: выход из надвигающегося кризиса, стремление сократить увеличивающийся разрыв между Советским Союзом и постиндустриальным миром. Осуществление: ускорение социально-экономического развития путем насаждения полного хозрасчета предприятий, методов материального стимулирования, поворота к социальным проблемам, преодоления «остаточного принципа» их решения, конверсии военно-промышленного комплекса, борьба с нетрудовыми доходами, кампания против алкоголизма и т.п.

Попытки руководства страны привлечь к реализации задач первого этапа органы производственной демократии, предоставив им законодательно оформленные дополнительные права (Закон СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями; Закон о государственном предприятии (объединении)), закончились неудачей, что объяснялось патерналистско-социалистическими стереотипами сознания руководителей и рабочих. Особенно трудно поддавались демократизации производственные отношения на оборонных предприятиях и в добывающих отраслях промышленности Удмуртии, главенствующее положение в которых занимал директорский корпус, а роль производственных общественных органов во многом традиционно сводилась к поддержке управленческих решений. По этой причине новые формы организации общественности оказались невостребованными ни администрацией, ни работниками. Некоторыми из результатов реформирования производственной сферы явились снижение качества управления, сохранение административно-хозяйственной власти руководителей отраслей, предприятий и т.п., что в последующий период либеральных рыночных реформ облегчило проведение приватизации. Все вышеперечисленные факторы вкупе с ухудшением общей социально-экономической ситуации в СССР и РСФСР оказали негативное влияние на материальное положение основной массы населения республики.

Уже в 1987 г. отсутствие позитивных результатов демократизации производственной сферы социалистических отношений выявило необходимость перехода руководства страны к новой стратегии, широкомасштабной политической реформе. Серьезные изменения произошли в системе государственного управления. Была предпринята попытка расширить демократические формы советского народовластия. Введение альтернативных выборов, активное участие в них новых, нетипичных для страны общественных движений существенным образом изменили облик органов государственной власти всех уровней. Специфика преобразований в республике заключалась в отказе от формирования Съезда народных депутатов. Как и прежде, в 1990 г. был избран ВС УАССР. Его политический состав характеризовался увеличением доли коммунистов, хотя многие аппаратные работники не смогли стать депутатами. Региональные выборы подтвердили общесоюзную тенденцию на первых свободных демократических выборах. В условиях формирования новых государственных структур России, для Удмуртии стал важен процент депутатов, поддерживавших промосковских демократов, в значительной степени определявших направление внутренней и внешней политики. Эта доля, по мнению ряда исследователей, находилась в пределах от 20 до 32 из 200 депутатов. Ее можно считать умеренно демократичной, в сравнении с краями и областями РСФСР, и значительной – по меркам национальных республик.

Ослабление влияния республиканского партийного руководства на политическое развитие сделало невозможным осуществление горбачевской политики совмещения должностей первого секретаря и главы высшего представительного органа власти в Удмуртии. Это обстоятельство облегчило и ускорило переход реальной власти к парламенту. Впервые за многие годы республику вновь возглавил представитель титульной (удмуртской) нации В. К. Тубылов.

Для последующего периода политического развития страны (1989–1991 гг.) характерно нарастание антикоммунизма. Принятие идей частной собственности, многопартийности, полиидеологии формировало надежды на выход из кризиса. Попытка консерваторов в августе 1991 г. приостановить данный процесс окончилась неудачей. Августовский путч был отчаянной попыткой вернуть стране стабильность и управляемость, что при отсутствии позитивного программного потенциала могло означать лишь возврат к старой, изжившей себя системе. Во многом крах путчистов стал возможным из-за отсутствия поддержки на местах. Хотя политическое

руководство Удмуртии выявило неоднозначное отношение к деятельности ГКЧП, в целом обстановка в республике осталась стабильной и не вышла за правовые рамки.

Крушение СССР активизировало процесс суверенизации национальных республик, входящих в состав РФ. Единая советская система организации государственной власти прекратила свое существование, что привело к негативным последствиям в управлении страной, разрушению прежних народнохозяйственных связей. Особенно отрицательно это сказалось на экономическом развитии Удмуртии, промышленность которой во многом была ориентирована на исполнение союзного и союзно-республиканского государственных заказов. Декларированный осенью 1990 г. суверенитет республики, неоднозначно воспринятый населением, в отличие от некоторых других национально-государственных образований (Татарстан, Башкортостан), оказался неподкрепленным экономически, что в значительной степени определило специфику договорных отношений Удмуртии с федеральным центром.

Заметные изменения произошли в партийно-политической деятельности КПСС. Развитие гласности, критический анализ прошлого, стремление очиститься от сталинизма, преодоление психологии и методологии «застойного периода», распространение альтернативности выборов на партийные органы, начавшееся освобождение от хозяйственных функций стали характерными чертами и в работе Удмуртской организации КПСС, а затем КПРФ. Вместе с тем, как свидетельствуют документы, новации, предлагавшиеся партийным центром, осваивались в республике крайне медленно, непоследовательно. Особенно тяжело местные партийные органы расставались с производственными функциями. Ввиду длительного отсутствия оппозиции, республиканские партийные органы КПСС неумело определяли свое взаимодействие с появившимися демократическими образованиями. По мере распада КПСС, нарастания антикоммунистических настроений в обществе, в деятельности Удмуртской организации наблюдается усиление критики вышестоящих партийных органов, вплоть до ЦК и Политбюро. Демократизация внутрипартийной жизни, сопровождавшаяся ослаблением партийного влияния на государственное устройство, повышением роли и самостоятельности исполнительных структур власти, привела к утрате КПСС ведущей и направляющей силы общества, что повлекло ее исчезновение с политической сцены как партии «авангардного типа».

В работах ряда авторов⁶ одной из главных причин кризиса КПСС называется незавершенность реорганизации партии. Однако данное

исследование опровергает этот тезис. Наоборот, именно в соответствии с решениями XXVIII съезда КПСС на первое место выдвигалась задача обновления партии. Значительное внимание уделялось внутривнутрипартийным вопросам и Удмуртским рескомом КПРФ. Важнейшими направлениями провозглашалась парламентская деятельность, работа по месту жительства. Это не подтверждает мнение части исследователей о том, что переход к политическим методам не предусматривал вывод парткомов за территорию предприятий и учреждений⁷.

В перестроечный период определенный динамизм был придан общественному движению. Однако в Удмуртии наблюдалось запаздывание в дифференциации субъектов политического процесса. Претерпели кардинальные изменения прежние «государственные» организации – ВЛКСМ, профсоюзы, советы ветеранов, женские советы и т.п. Освободившись от партийного влияния, они вынуждены были самостоятельно формулировать свои цели и задачи, что объективно повышало интерес граждан к этим структурам, расширяло их социальный состав.

Либерализация советского законодательства способствовала усилению влияния «неформальных» объединений, партий и движений, национальных формирований. Особенностью их деятельности явилось активное участие в конституировании новых институтов представительной власти, результатом которого стало создание демократических фракций и групп.

Рамки второй стадии в становлении современной политической системы определяются начальным периодом либеральных рыночных реформ (1992–1993 гг.), осуществлявшихся формально в условиях прежних, социалистических общественных отношений. К 1992 г. выявилась утопичность внесения демократических элементов в авторитарную по своей сути советскую систему. Эти попытки фактически разрушали ее. Быстро осознав невозможность своего дальнейшего существования на основе социалистического выбора, партийно-советская номенклатура довольно легко восприняла идеи рыночной демократии, озвученные оппозицией, и на волне гражданской активности сама начала воплощать их в жизнедеятельности заново формирующегося общества. В ряде промышленно развитых центров страны, в том числе в Удмуртии, определяющее место в реформах занял директорат оборонных заводов и топливно-энергетических предприятий. Помимо этого, при сохранившейся тенденции монополизации власти в исполнительных структурах, партийные чиновники, освободившись от тяготивших их идеологических функций, оперативно перешли в государственные органы («на хозяйственную работу»), оставив

представителям демократически ориентированных объединений граждан поле парламентской деятельности. В этой связи особо важно подчеркнуть, что после выборов 1989–1990 гг. Советы всех уровней – от Съезда народных депутатов и ВС Совета СССР, РФ до местных Советов УАССР (УР) – по своей сути утратили тоталитарные черты, характерные для раннего периода, и могли стать действительными демократически организованными органами власти. Однако история не дала им шанс реализоваться в данном качестве.

На формирование облика постперестроечной элиты Удмуртии существенное влияние оказал достаточно широкий спектр общественно-политических объединений, выступивших базисом различных властных групп. Это обстоятельство вкупе с традиционным методом решения производственных вопросов директором не с республиканским, а с центральным руководством, с выявившимися разногласиями в среде политической элиты по поводу осуществления конституционной реформы повлияло на временное сохранение парламентской традиции в государственном устройстве.

Все вышеперечисленные факторы наряду с ликвидацией представительных органов советской власти в октябре 1993 г. предопределили изменение облика «старой системы». Были созданы условия для ее превращения в «согласительную», перехода к формально демократически организованной политической системе, новым общественным отношениям, либеральным базовым социальным ценностям, на долгие годы определившим вектор развития РФ и ее регионов, в том числе УР.

Рамки третьей стадии политической институционализации российского социума (1994–2000 гг.) определяются, на наш взгляд, либерально-демократическими основами государственного строя России и ее субъектов, а также политической организации общества, заложенными в конституциях 1993–1994 гг., развитыми в законодательных актах второй половины 1990-х гг. и действующими в современных правоотношениях субъектов «политического рынка».

Рассматривая в качестве предмета исследования преимущественно политико-институциональные составляющие региональной модели российского общества, сложившиеся к 2001 г., следует выделить основные ее черты, характерные для УР.

Положительными моментами можно считать:

– наличие рамочных федеральных законов, концептуальных положений Конституции УР для функционирования региональных субъектов

политических отношений в лице государственных и муниципальных органов, объединений граждан, СМИ;

– особый менталитет значительного большинства граждан УР, характеризующийся относительным консерватизмом мышления, способствующий сохранению преемственности в социально-экономическом и политическом развитии и позволяющий избегать революционных методов реформирования общества и государственного управления;

– позитивное отношение избирателей к необходимости включения института Президента в систему органов государственной власти УР;

– попытки привлечения государственными и муниципальными органами объединений граждан к осуществлению социальной политики в ряде ее сфер.

Вместе с тем выделяется группа характеристик, которые могут восприниматься неоднозначно. Они суть следующие:

– несовершенство российского и недостаточность республиканского законодательства, регулирующего взаимодействие субъектов «политического рынка», препятствующее использованию интеллектуального потенциала партий и движений в выработке общенациональной идеи;

– ограниченный (до принятия в 2000 г. новой редакции Конституции УР) объем полномочий высшего должностного лица УР как руководителя представительной власти, создавший традицию относительной независимости исполнительной власти, превращения Председателя Правительства в самостоятельную политическую фигуру и использования им партий и движений для повышения своего статуса. С включением института президентства в систему органов государственной власти эта традиция во многом исчерпана;

– мажоритарная (до 2007 г.) система выборов в ГС УР, ограничивавшая участие политических объединений в избирательном процессе;

– «огосударствление» функций общественных объединений при их количественном росте, ведущее к сокращению сфер общественной деятельности, конфликтным ситуациям между государственными и (или) муниципальными и общественными органами;

– ликвидация государственной системы политического просвещения и как результат – специфическая политическая культура лидеров объединений, ограничивающая развитие конструктивного диалога;

– незавершенность формирования российской многоукладной экономики как основы демократической системы и как следствие этого – организационная слабость и малочисленность подавляющего большинства формальных политических объединений;

– недостаточная государственная и муниципальная поддержка малого и среднего бизнеса как фундамента гражданского общества, основы политических партий и движений демократической ориентации;

– слияние политических и экономических структур, способствующее появлению олигархических групп;

– осуществление политических функций рядом национально-культурных объединений, препятствующее этнической консолидации и создающее условия для воспроизводства этнополитической напряженности. С принятием в 2001 г. ФЗ «О политических партиях», исключившего возможность создания политических организаций по национальному признаку, эта проблема в значительной степени решена.

Исходя из данных характеристик, основополагающей консолидирующей целью развития регионального сообщества может являться формирование политической системы, гарантирующей реальное участие граждан и их объединений в управлении обществом и государством.

Обозначенная цель может быть решена через законодательное определение принципов взаимодействия республиканских государственных и муниципальных органов с общественными и политическими объединениями; содействие государственных и муниципальных органов консолидации различных общественно-политических сил и выработке ими единых подходов к основным проблемам социального, экономического и политического развития региона; восстановление государственной и муниципальной системы политического просвещения, содействие созданию и развитию негосударственных политико-просветительных учреждений и организаций; более действенную поддержку государственными и муниципальными органами деятельности общественных и политических объединений во избежание использования последних олигархическими группами, преследующими собственные интересы.

Приоритетными направлениями развития региональной политической системы могут стать:

– совершенствование основ конституционного строя УР в соответствии с российским законодательством;

– развитие законодательного обеспечения реализации интересов и прав граждан и их объединений;

– стимулирование нормотворческой деятельности общественных объединений;

– повышение эффективности государственного контроля и надзора за деятельностью общественных объединений и политических партий;

– профилактика правонарушений в сфере общественно-государственных отношений;

– пропаганда общественных объединений;

– содействие развитию региональных общественных объединений;

– объединение партий и движений со сходными программными положениями в политические блоки с целью повышения эффективности их работы с государственными и муниципальными органами и населением;

– привлечение общественных объединений к пропаганде и совершенствованию основ конституционного строя УР, деятельности органов государственной власти и управления и местного самоуправления;

– исключение национально-культурных объединений из непосредственного участия в политическом процессе.

Последовательное решение предлагаемых цели, задач и направлений эволюции региональной политической системы может привести к следующим результатам:

– наличию национально-республиканской идеологии, определяющей ориентиры развития УР, понятной населению и используемой в деятельности государственных и муниципальных органов;

– совершенствованию избирательного права и избирательного процесса в УР;

– принятию законов УР, регулирующих общественно-государственные отношения;

– повышению эффективности деятельности общественно-государственных и государственно-общественных институтов УР;

– созданию системы государственных, муниципальных и негосударственных учреждений и организаций политического просвещения;

– образованию в структуре государственных и муниципальных органов подразделений в целях оперативного взаимодействия с общественными объединениями и политическими партиями;

– развитию кооперации в работе общественных объединений;

– увеличению количества региональных структур международных, федеральных и межрегиональных объединений;

– дальнейшему развитию республиканских общественных объединений.

Думается, что вышеобозначенные характеристики политических институтов регионального сообщества, основные возможные направления и результаты их эволюции могут быть в известной мере применимы к стране в целом. Подводя итоги развития России за последнее десяти-

летие XX в., глава государства В. В. Путин отметил, что «в стране произошли принципиальные перемены – Конституцией гарантированы права и свободы личности, сформирована демократическая политическая система, стала реальностью многопартийность... Однако... построен лишь каркас гражданского общества. Сейчас требуется совместная терпеливая работа, чтобы оно стало полноценным партнером государства»⁸.

Вместе с тем очевидно, что почти 35-летний опыт новых общественно-государственных отношений в нашей стране драматичен и противоречив. Проведенное исследование подтверждает выдвинутую автором гипотезу об относительно автономном существовании государственного и общественного секторов политической системы, что объясняется разным уровнем их самоорганизации. Оригинальная методика анализа современного российского и регионального «политического рынка» позволяет говорить о конформизме как характерной черте взаимоотношений власти и общества, что значительно сужает выбор возможных путей дальнейшего развития России и ее регионов. Монополизация полномочий и ресурсов в исполнительных органах, осуществление политических функций на основе «управляемой демократии» в немалой степени ограничивают легитимность современной российской власти (что выражается в увеличивающемся абсентеизме и протестном голосовании) и препятствуют становлению институтов гражданского общества. В силу вышеизложенного новейшая политическая система все больше приобретает авторитарный облик, во многом утрачивая сформированные ранее демократические характеристики. На эти тенденции современного политического процесса указывают и лидеры страны. Как разъяснял, в частности В. В. Путин, Россия «не станет вторым изданием, скажем, США или Британии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции», являясь страной, где «государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль»⁹.

Независимо от возобладания авторитарных или демократических тенденций, главным результатом эволюции новейшей политической системы, как представляется, должно стать преодоление кризисных явлений, сокращение сроков пребывания системы в переходном (транзитном) состоянии, формирование ее облика, соответствующего историческому статусу России как великой державы и равноправного актора современного мирового сообщества.

В силу того, что современная политическая организация российского социума носит транзитный характер, сохраняется значительное

пространство для дальнейшего изучения темы. Неоднозначны оценки результатов политико-экономических преобразований, характера установившегося режима. По замечанию В. В. Согрина, одни ученые квалифицируют современный строй России как сугубо авторитарный, вторые – как «гибридный», авторитарно-демократический, третьи – как олигархический, четвертые – как «конкурентную олигархию» или номенклатурно-олигархическую полиархию¹⁰. Аналогичные характеристики высказывают зарубежные исследователи¹¹. Автор определяет современный режим России как постсоветский, осуществляемый на основе моногосподства исполнительной власти и «управляемой демократии» и способствующий развитию номенклатурно-олигархического капитализма.

Широкое исследовательское поле обнаруживается в сфере политической организации общества. Пристальное внимание ученых и общественности обращается, в частности, на процесс становления «партий власти». Так, в выступлении В. В. Путина при представлении Послания ФС РФ от 8 июля 2000 г. говорилось о том, что «не нужны очередные чиновничьи партии, прислоняющиеся к власти, тем более – подменяющие ее»¹². Вместе с тем современный опыт партийного строительства диссонирует с данным взглядом на проблему.

Дискуссионным остается вопрос степени влияния структур гражданского общества на принимаемые государственные решения. Действительно, результаты или отсутствие таковых в деятельности общественных объединений могут вызвать негативную оценку и в среде ученых, и государственных деятелей, и населения. Однако недооценка или переоценка этого влияния неправомерны в равной степени. С одной стороны, большинство общественных организаций, особенно «неформальных», пока остаются на периферии интересов власти. С другой, практика общественно-государственного взаимодействия, в том числе личный опыт автора, показывают, что роль общественных объединений становится более значимой в ряде сфер социальной политики (социальная защита населения, молодежная, национальная политика, охрана окружающей среды). Наименьшая степень общественного влияния, по нашему мнению, проявляется в сфере экономической, кадровой политики и избирательного процесса.

Современная политическая ситуация предъявляет особые требования и к профсоюзному движению. По словам В. В. Путина, «гражданам России нужны не очередные посредники в распределении социальных благ, а профессиональный контроль за справедливостью трудовых контрактов и соблюдением их условий»¹³.

Актуален всесторонний анализ места и роли коммерческих объединений, бизнес-элиты в современных политических процессах.

Проблематичными остаются обеспечение представительства титульных наций в государственных и муниципальных органах власти национальных республик, разграничение полномочий федеральных и региональных органов государственной власти.

В любом случае, научное решение этих проблем должно осуществляться строго на документальной основе, с использованием таких методов и методик, которые обеспечили бы достоверность предполагаемых результатов.

¹ См., напр.: *Заславская Т. И.* О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социс. 2002. № 8. С. 3–4; *Уайт С.* Еще раз о посткоммунистической транзигции // Социс. 2003. № 11. С. 23.

² См., напр.: *Уайт С.* Еще раз о посткоммунистической транзигции... С. 29.

³ *Мамут Л. С.* 1990-е и 2000-е: прошлое – будущее настоящего // ОНС. 2001. № 5. С. 76.

⁴ Ученый и власть: круглый стол, 12 ноября 2009 г. СПб., 2010.

⁵ *Мамут Л. С.* 1990-е и 2000-е: прошлое – будущее настоящего... С. 77.

⁶ *Бутенко А. П.* Советская многопартийность: проблема формирования. М., 1991; *Луцикова С. Л.* Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. ... С. 3–8.

⁷ *Иванов В. Н.* КПСС и власть: департизация органов государственной власти и управления на Южном Урале. Челябинск, 1999; *Луцикова С. Л.* Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. ... С. 4.

⁸ Какую Россию мы строим. Выступление В. В. Путина при представлении ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 8 июля 2000 года, г. Москва // Российская газета. 2000. 11 июля. С. 3.

⁹ Российская газета. 1999. 31 декабря. С. 5.

¹⁰ *Согрин В. В.* Политическая история современной России... С. 11.

¹¹ См., напр.: *Уайт С.* Еще раз о посткоммунистической транзигции... С. 24–25.

¹² Какую Россию мы строим... С. 3.

¹³ Там же.

Источники и литература

Официальные документы

Александр Волков. Дорогие граждане Удмуртской Республики! // Удмуртская правда. 2000. 25 октября.

Вершинин П. Н. «Уважаемые сограждане!» // Известия Удмуртской Республики. 2000. 24 октября.

Владимир Путин. Россия на рубеже тысячелетия // Российская газета. 1999. 31 декабря.

Возвращаясь к истокам. Интервью с председателем Общества удмуртской культуры К. А. Пономаревым. Программа и устав Общества // Вестник обкома КПСС. 1990. № 10.

В трудный час (Пленум Удмуртского рескома КП РСФСР 22 апреля 1991 г.) // Огни Прикамья. 1991. № 1.

Ганза Н. Первый Президент Удмуртии начинает работать. Но не со всеми... // Инфо-Панорама. 2000. 20 октября.

Гражданский кодекс Российской Федерации // Собрание Законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет. М., 1991. Т. 1, 2.

XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стеногр. отчет. М., 1986. Т. 1–3.

XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стеногр. отчет. В 2 т. М., 1988.

Декларация прав и свобод человека (принята Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. № 2393-1) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 37. Ст. 1083.

Декларация о государственном суверенитете Удмуртской Республики. Постановление ВС УАССР от 20 сентября 1990 г. № 83-ХП // Вестник обкома КПСС. 1990. № 19.

Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 24 октября.

Ежегодное послание Президента России Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 1994. 25 февраля.

Ежегодное послание Президента России Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 1995. 17 февраля.

Заявление о задачах советов ветеранов Удмуртской Республики в связи с переходом экономики на рыночные отношения // Вестник. 1991. № 3.

Заявление о намерениях руководителей политических партий и общественно-политических организаций Удмуртской Республики // Демократическая Удмуртия, еженедельная газета демократических сил Удмуртии. 1991. 14 ноября.

Ижевская городская избирательная комиссия. Информационное сообщение // Удмуртская правда. 1998. 17 марта.

Информационное сообщение. Сведения о зарегистрированных кандидатах на должность главы местного самоуправления – мэра г. Ижевска. Список кандидатов в депутаты Городской Думы г. Ижевска // Удмуртская правда. 1994. 18 марта.

Информационное сообщение Ижевской городской избирательной комиссии об итогах выборов депутатов Городской думы и Главы местного самоуправления – мэра Ижевска // Известия Удмуртской Республики. 1994. 19 апреля.

Какую Россию мы строим. Выступление В. В. Путина при представлении ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 8 июля 2000 года, г. Москва // Российская газета. 2000. 11 июля.

Кириенко С. «Я уважаю Волкова» // АиФ Удмуртии. 2000. 12 октября.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

Конституция (Основной Закон) Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики. Ижевск, 1990.

Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

Конституция Удмуртской Республики. Ижевск, 1995.

Конституция Удмуртской Республики. Проект // Удмуртская правда. 1994. 24 июня.

Конституция Удмуртской Республики (текст по состоянию на 1 июля 2000 года). Ижевск, 2000.

Концепция государственной национальной политики Удмуртской Республики. Приложение к постановлению Государственного Совета Удмуртской Республики от 6 февраля 1998 года № 584-И. Б. м., б. г.

Лапшин М. И. Волков выдержит любые испытания // АиФ Удмуртии. 2000. 12 октября.

Материалы Первого Всесоюзного съезда удмуртов. 22–23 ноября 1991 г. Ижевск, 1992.

Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР: Закон РСФСР от 16 июня 1990 г. № 38-И // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 3. Ст. 25.

Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России: Закон РФ от 9 декабря 1992 г. № 4061-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 2. Ст. 55.

Об итогах выборов депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики и всенародного опроса о введении поста Президента (Главы) Удмуртской Республики: Постановление Центральной избирательной комиссии Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 4 апреля.

О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: Федеральный Закон от 11 августа 1995 г. // Собрание Законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

Об общественных объединениях: Закон СССР от 9 октября 1990 г. № 1708-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 17 октября 1990 г. № 42. Ст. 839.

Об общественных объединениях: Федеральный Закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Российская газета. 1995. 25 мая.

Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный Закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ // Удмуртская правда. 1995. 28 сентября.

Об опросе населения Удмуртской Республики: Закон Удмуртской Республики от 16 ноября 1999 г. № 118-II // Сборник законов и постановлений, принятых на шестой (внеочередной) сессии Государственного

Совета Удмуртской Республики второго созыва (16 ноября 1999 года). Ижевск, б. г.

Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации: ФЗ от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ // Российская газета. 1994. 10 декабря.

Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: ФЗ от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 38. Ст. 4339.

Обращение. Президенту Российской Федерации Борису Николаевичу Ельцину // Известия Удмуртской Республики. 1996. 19 октября.

Обращение Г. А. Зюганова «Уважаемые товарищи! Избиратели Удмуртии!» // АиФ Удмуртии. 2000. 12 октября.

Обращение к общественным объединениям, органам государственной власти Удмуртской Республики // Известия Удмуртской Республики. 1998. 14 мая.

Обращение председателя оргкомитета движения «Новая сила» Сергея Витальевича Чикурова к гражданам Удмуртской Республики // Известия Удмуртской Республики. 1999. 1 апреля.

Обращение фракции «Промышленники и предприниматели» Государственного Совета Удмуртской Республики // АиФ Удмуртии. 2000. 12 октября.

Обращение Юрия Маслюкова к избирателям Удмуртии // АиФ Удмуртии. 2000. 12 октября.

Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период: Указ Президента РФ от 1 октября 1993 г. № 1557 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 41. Ст. 3907.

Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР: Закон СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 12. Ст. 189.

О внесении изменений и дополнений в Федеральный Закон «Об общественных объединениях»: ФЗ от 19 июля 1998 г. № 112-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3608.

О внесении поправок в Конституцию Удмуртской Республики. Проект Закона Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 2000. 4 апреля.

О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: ФЗ от 21 июня 1995 г. № 90-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 26. Ст. 2398.

О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный Закон. М., 1999.

О выборах народных депутатов Верховного Совета Удмуртской АССР: Закон Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики // Удмуртская правда. 1989. 11 ноября.

О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике: Закон Удмуртской Республики от 22 октября 1997 г. № 493-1 // Удмуртская правда. 1997. 26 ноября.

О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: Федеральный Закон от 26 июня 1995 г. // Собрание Законодательства РФ. 1995. № 27. Ст. 2503.

О государственном комитете Удмуртской Республики по труду: Постановление Правительства Удмуртской Республики от 26 июля 1999 г. № 710 // Известия Удмуртской Республики. 1999. 9 сентября.

О деятельности бюро и секретариата обкома КПСС в апреле–июне 1990 года // Вестник обкома КПСС. 1990. № 15.

О деятельности бюро и секретариата рескома КП РСФСР за IV квартал 1990 года // Вестник. 1991. № 3.

О Декларации прав и свобод человека и гражданина: Постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1991. № 52. Ст. 1865.

О Комиссии по правам человека при Председателе Государственного Совета Удмуртской Республики: Постановление Президиума Государственного Совета Удмуртской Республики от 9 октября 1997 г. № 400-1 // Известия Удмуртской Республики. 1997. 13 ноября.

О Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики: Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики от 6 февраля 1998 г. № 584-1 // Известия Удмуртской Республики. 1998. 21 апреля.

О культуре: Закон Удмуртской Республики от 29 октября 1996 г. № 310-1 // Известия Удмуртской Республики. 1996. 19 декабря.

О министерстве международных связей Удмуртской Республики: Постановление Правительства Удмуртской Республики от 11 августа 1999 г. № 760 // Известия Удмуртской Республики 1999. 17 сентября.

О назначении Председателя Правительства Удмуртской Республики: Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики от 25 апреля 1999 г. № 5-II // Сборник законов и постановлений, принятых на первой сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва (20, 22 апреля, 12, 13, 14, 25, 28 мая 1999 г.). Ижевск, б. г.

О народном образовании: Закон Удмуртской Республики от 19 декабря 1995 г. № 130-I // Удмуртская правда. 1996. 31 января.

О некоммерческих организациях: Федеральный Закон от 12 января 1996 г. // Собрание Законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

О некоторых мерах по обеспечению государственной и общественной безопасности в период проведения избирательной кампании 1993 года: Указ Президента РФ от 19 октября 1993 г. № 1661 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 43. Ст. 4080.

О некоторых мерах по оказанию государственной поддержки местного самоуправления: Указ Президента РФ от 9 октября 1993 г. // Удмуртская правда. 1993. 12 октября.

О политических партиях: ФЗ от 11 июля 2001 г. // Российская газета. 2001. 14 июля.

О постоянных комиссиях Государственного Совета Удмуртской Республики: Закон Удмуртской Республики от 30 мая 1995 г. № 50-I.

О профсоюзах, их правах и гарантиях деятельности: Федеральный Закон от 12 января 1996 г. // Собрание Законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 148.

О работе бюро и секретариата обкома КПСС в июле–сентябре 1990 г. // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21.

О работе бюро и секретариата обкома КПСС за январь – март 1990 года // Вестник обкома КПСС. 1990. № 9.

О регистрации депутатских фракций в Государственном Совете Удмуртской Республики: Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики от 14 мая 1999 г. № 26-II // Сборник законов и постановлений, принятых на первой сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва (20, 22 апреля, 12, 13, 14, 25, 28 мая 1999 г.). Ижевск, б. г.

О реформе местного самоуправления в Российской Федерации: Указ Президента РФ // Удмуртская правда. 1993. 2 ноября.

О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 9 октября 1993 г. // Удмуртская правда. 1993. 12 октября.

О свободе совести и религиозных объединениях: Федеральный Закон от 26 сентября 1997 г. // Собрание Законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

О создании Конституционной комиссии: Постановление Государственного Совета Удмуртской Республики. 16 ноября 1999 г. № 117-II // Сборник законов и постановлений, принятых на шестой (внеочередной) сессии Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва (16 ноября 1999 года). Ижевск, б. г.

Первая сессия Верховного Совета УАССР двенадцатого созыва. Информационное сообщение // Удмуртская правда. 1990. 15 апреля.

Покажем свое единство! // Удмуртская правда. 2000. 24 марта.

Политическое заявление XXXIX Удмуртской партийной конференции (основные направления деятельности коммунистов республики) // Вестник обкома КПСС. 1990. № 22.

Положение об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы: Указ Президента РФ // Удмуртская правда. 1993. 2 ноября.

Порядок во власти – порядок в стране. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 1997. 7 марта.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1997.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Общими силами – к подъему России (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. 1998. 24 февраля.

Представительная власть нуждается в реформировании. Интервью Начальника Управления по работе с территориями Администрации Президента РФ Н. Медведева // Удмуртская правда. 1993. 12 октября.

Пресс-служба Государственного Совета Удмуртской Республики. Владимир Путин поддержал Александра Волкова // Известия Удмуртской Республики. 2000. 5 октября.

Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986.

Протокол II конференции «Республиканского центра поддержки самоуправления Удмуртской Республики» по выдвижению кандидатов в депутаты Государственного Совета Удмуртской Республики от 1 февраля 1995 г. // Удмуртская правда. 1995. 14 февраля.

Развитие. Стабильность. Ответственность. Платформа избирательного объединения «Республиканский центр поддержки самоуправления Удмуртской Республики» // Удмуртская правда. 1995. 14 февраля.

Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН «Всеобщая Декларация прав человека» 10 декабря 1948 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. М., 1989.

Сапожников Н. Вопрос недели. Как Вы оцениваете результаты выборов? // Инфо-Панорама. 2000. 20 октября.

Секретно. Информация о деятельности неформальной организации «Движение за демократию» // Бюллетень. Движение за демократию. 1990, июль.

Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений правительства РСФСР. Т. 12. М., 1969.

Сообщение Избирательной комиссии по выборам народных депутатов СССР от КПСС «О результатах выборов народных депутатов СССР от Коммунистической партии Советского Союза» // Удмуртская правда. 1989. 21 марта.

Сообщение окружных избирательных комиссий о результатах повторного голосования по выборам народных депутатов РСФСР по Удмуртской АССР // Удмуртская правда. 1990. 20 марта.

«...с тревогой за судьбу Российской Федерации». Заявление депутатской группы «Российские регионы» // Известия Удмуртской Республики. 1996. 22 октября.

Устав Союза женщин Удмуртской АССР // Вестник. 1991. № 4.

Федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва, выдвинутый избирательным блоком «Межрегиональное движение «Единство» («Медведь») // Российская газета. Специальный выпуск. Часть первая. 1999. 20 ноября.

Центральная избирательная комиссия УР сообщает предварительные данные о результатах выборов в Государственный Совет Удмуртской Республики // Удмуртская правда. 1995. 28 марта.

Справочные издания, хрестоматии и сборники документов, мемуары

Ветераны Удмуртии (Выпуск второй). Сборник материалов, посвященных истории и опыту работы ветеранских организаций республики. Ижевск, 1997.

Государственный комитет Удмуртской Республики по делам молодежи. Б. м., 1999.

Ижевск: документы и материалы, 1760–2010. Ижевск, 2010.

Камбарка: Документы, материалы. 1741–2002. Ижевск, 2004.

Кокорин М. К. По сроку давности... Удмуртская продовольственная корпорация: материалы депутатской комиссии. Ижевск, 1988.

Комитет по делам национальностей при Правительстве Удмуртской Республики. Информационный бюллетень № 1. Ижевск, 1996.

Конфессии и религиозные объединения Удмуртской Республики. Православие. Справочник. Ижевск, 1999.

Кто есть кто в Удмуртии. Ижевск, 2011.

Кто есть кто в Удмуртии: Справочник. Ижевск, 2006.

Можга: Документы, материалы. 1835–2005. Ижевск, 2006.

Общероссийские избирательные объединения накануне выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации третьего созыва: Справочник. М., 1999.

Основные общественные и другие некоммерческие организации Урала. Справочник. Т. 1. Свердловская область. Екатеринбург, 1998.

Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы (по документам и материалам ЦДНИ УР). Ижевск, 2001.

Пономарев К. А. Личность в истории. Ижевск, 2009.

Республиканский центр развития молодежного и детского движения. Ижевск, 2000.

Словарь-справочник по социологии и политологии. М., 1996.

Съезд Советов. Верховный Совет Удмуртской АССР. Государственный Совет Удмуртской Республики. Из истории представительных органов власти Удмуртии. Ижевск, 2005.

Татарский Общественный Центр Удмуртии: этапы становления (из дневника президиума ТОЦ-Удм.). Ижевск, 1998.

Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2008.

Хрестоматия по истории Удмуртии. В 2 томах. Том 2. Документы и материалы. 1917–2007. Ижевск, 2007.

Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики: справочник-указатель. Ижевск, 2001.

Шишкин М. И. Два года в «Кенеше». Ижевск, 1995.

Шукин С. Власть в законе. Б. м., б. г.

Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Удмуртской Республике (сборник информационно-аналитических материалов). Ижевск, 2000.

Архивные материалы

Ведомственный архив Государственного Совета Удмуртской Республики. Оп. 5.

Текущий архив Аппарата Государственного Совета Удмуртской Республики:

Обращение Председателя Политического консультативного Совета при Президенте Российской Федерации И. П. Рыбкина к Председателю Государственного Совета Удмуртской Республики А. А. Волкову от 23 сентября 1996 А7-2-50/03 // вх. № 4814, 26.09.96.

Ответ В. М. Походина, государственного советника юстиции 2 класса, Прокурора УР А. И. Салтыкову, Главе администрации г. Ижевска от 17 мая 1996 г. № 7-14-96.

Ответ Н. И. Морозовой, старшего советника юстиции, начальника отдела по надзору за законностью правовых актов Генеральной прокуратуры РФ А. И. Салтыкову, Мэру г. Ижевска от 14 мая 1996 г. № 7/5-1-803-96.

Протокол Избирательной комиссии Удмуртской Республики № 18 «Опрос населения Удмуртской Республики».

Решение Совета Ассоциации экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона «О внесении изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации по вопросам местного самоуправления» от 16 октября 1996 г.

Текущий архив Аппарата Правительства Удмуртской Республики:

Об Общественной палате при Правительстве Удмуртской Республики. Постановление Совета Министров Удмуртской Республики от 13 марта 1995 г. № 112.

Об Общественной палате при Совете Министров Удмуртской Республики. Постановление Совета Министров Удмуртской Республики от 26 сентября 1994 г. № 508.

Ответ М. А. Григорьева, Руководителя Аппарата Правительства Удмуртской Республики на письмо б/н от 20.01.1999 Председателя заседания Секретариата Общественной Палаты Удмуртской Республики А. С. Кудрина от 4 февраля 1999 г. № 7-154-242.

Центральный государственный архив Удмуртской Республики:

Ф. Р-620 – Верховный Совет Удмуртской АССР и его Президиум.

Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики:

Ф. 16 – Удмуртский республиканский комитет КП РСФСР, г. Ижевск.

Ф. 26 – Удмуртская общественная республиканская организация ветеранов (пенсионеров) войны и труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, г. Ижевск.

Ф. 34 – Всеудмуртская Ассоциация «Удмурт кенеш» и Всероссийская Ассоциация финно-угорских народов, г. Ижевск.

Ф. 42 – Татарский общественный центр Удмуртии, г. Ижевск.

Ф. 47 – Союз женщин Удмуртской Республики, г. Ижевск.

Ф. 70 – Удмуртская молодежная общественно-политическая организация «Шунды» («Солнце») и Молодежная Ассоциация финно-угорских народов, г. Ижевск.

Ф. 74 – Агитационно-пропагандистские документы кампаний по выборам Президента Российской Федерации, депутатов федеральных и республиканских органов государственной власти и местного самоуправления, о проведении всенародных референдумов (коллекция).

Ф. 92 – Удмуртский республиканский комитет ВЛКСМ и Удмуртская Федерация молодежных организаций Российского Союза Молодежи, г. Ижевск.

Ф. 134 – Общественная организация «Общество русской культуры Удмуртской Республики».

Диссертации и авторефераты диссертаций

Агеев Г. В. Трансформация политической системы Российской Федерации в современных условиях: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. М., 2009.

Андреев В. В. Эволюция национально-государственного строительства в республиках Среднего Поволжья в 1985–2008 гг.: исторический опыт и уроки: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Самара, 2010.

Анохин М. Г. Динамика политической системы в условиях переходного периода: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 1996.

Арзамаскин Н. Н. Теоретико-методологические основания возникновения, становления и развития формы Российского государства: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2008.

Ахременко А. С. Электоральное пространство: теоретико-методологические проблемы: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2009.

Аяцков Д. Ф. Исторические истоки современного российского федерализма и процесс его становления в условиях трансформации социально-экономической системы России в 90-е годы XX века: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Саратов, 1999.

Баранов А. В. Актеры региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействия: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Волгоград, 2007.

Баранов Н. А. Эволюция современной демократии: политический опыт России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. СПб., 2009.

Баянов А. В. Съезд народных депутатов СССР (1989–1991 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2009.

Березовский В. Н. Российская многопартийность в конце 20 века: процесс возникновения (1987–1991 гг.): Автореф. дис. (научного доклада) ...канд. ист. наук. М., 1993.

Бехтерев С. Л. Политическая система современной России: опыт исторического исследования (региональный аспект): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Ижевск, 2004.

Бирюков С. В. Региональная политическая власть: институты, структуры, механизмы: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2009.

Бондар А. В. Укрепление институтов государства как фактор консолидации российского общества: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Саратов, 2009.

Бродовская Е. В. Трансформация политической системы современного российского общества: институциональные и социокультурные составляющие: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Тула, 2008.

Волкова Л. П. Правовые основы разграничения полномочий между органами исполнительной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Саратов, 2009.

Гайнутдинова Л. А. Гражданское общество в условиях глобализации (анализ современных политологических концепций): Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. СПб., 2010.

Галкина Е. В. Гражданское общество в политическом пространстве современной России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Краснодар, 2010.

Глигич-Золотарева М. В. Конституционно-правовые основы российского федерализма: проблемы теории, методологии и практики: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Тюмень, 2009.

Головченко В. И. Партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Саратов, 2009.

Голубева Т. Г. Модернизационный и цивилизационный подходы к местному самоуправлению в политической теории и политической практике: сравнительный анализ, пути синтеза: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010.

Гончаров Д. В. Демократия и участие: опыт политического анализа (на материале англо-американской политологической литературы 50–70-х гг.): Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. СПб., 1997.

Горький И. Г. Трансформация постсоветской политической системы: проблемы структурной и функциональной адекватности: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Саратов, 2007.

Гриб В. В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2011.

Гришинова Е. Е. Политическая система Российской Федерации: теория и практика формирования, тенденции развития: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2010.

Грудцына Л. Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2009.

Дианов С. А. Развитие местных органов Главлита на Урале в 1922–1938 гг.: структура, функции, кадры: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Ижевск, 2012.

Доброхотов Л. Н. Власть и общество в России в условиях системной трансформации, 1985–1998 гг.: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1999.

Доманов В. Г. Гражданское общество: современный концепт и перспективы его реализации в России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010.

Егоров С. Н. Институционализация избирательного процесса в политической системе Российской Федерации: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2012.

Елисеева Г. Н. Проблемы представительной власти в деятельности политических партий в современной России (1985–1992 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1992.

Ермина О. С. Исторический опыт реформирования государства и общества в СССР и России в конце XX – начале XXI века: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Пятигорск, 2009.

Ерохин Ю. С. Технология социальной работы: история и современность: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 2002.

Жидких В. А. Российский федерализм: эволюция, проблемы и перспективы развития: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2009.

Зазнаев О. И. Типология политических режимов: Дис. ...канд. полит. наук. Казань, 1993.

Заметина Т. В. Федерализм в системе конституционного строя России: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Саратов, 2010.

Заславский С. Е. Институционализация многопартийности в современной России: Генезис. Механизмы формирования, перспективы: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. М., 1995.

Зубкова О. Г. Местное самоуправление в городах Удмуртской Республики в период 1994–2003 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск, 2008.

Казьмин В. Н. Идеино-политическая ситуация в России в 1971–1991 гг. (Центр и регионы Западной Сибири): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Кемерово, 2010.

Калмыков В. В. Социальная политика в условиях трансформации общественно-политической системы и экономической реформы в России в 1991–2005 годы: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 2007.

Карнаушенко Л. В. Исторический опыт реформы государственного управления Российской Федерации (1993–2004 гг.): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 2010.

Ким Ю. В. Федеративная государственность: сущность, генезис, проблемы развития (теоретико-методологические основы): Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Тюмень, 2009.

Кожневиков О. А. Право некоммерческих организаций в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008.

Козлов С. Д. Деятельность политических партий по утверждению социальной справедливости в советском обществе: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1991.

Коноплин Ю. С. Политическое в теории и истории политической науки (антропологический подход): Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 1997.

Коргунюк Ю. Г. Становление партийной системы в современной России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2009.

Крамник В. В. Технология власти: Политико-психологические механизмы: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. СПб., 1995.

Красильникова О. В. Избирательные кампании в Республике Татарстан (1990–2000 гг.): историко-политический анализ: Дис. ...канд. ист. наук. Казань, 2002.

Крюков Н. П. Исторический опыт социальной поддержки населения России и его использование в 90-е гг. XX в. (На материалах Нижнего Поволжья): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Саратов, 2003.

Кудашова Ю. В. Позиционирование региона в политическом пространстве современной России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2011.

Лебедев А. А. Региональная социальная политика: проблемы формирования и реализации в Российской Федерации (на материалах областей Центрального Федерального округа): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. Орел, 2004.

Липчанская М. А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: конституционно-правовое исследование: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Саратов, 2012.

Луговской В. А. Разработка и реализация государственной социальной политики Российской Федерации в 90-е гг. XX в.: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 2003.

Магомедов А. К. Региональные элиты и региональная идеология в современной России: сравнительный анализ (на примере республик и областей Поволжья): Дис. ...д-ра полит. наук. Казань, 1999.

Макаренко В. П. Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. СПб., 1996.

Михалева Г. М. Формирование российской многопартийности в контексте трансформационных процессов: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2011.

Молокова М. А. Гражданское общество как фактор политической модернизации: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Ярославль, 2011.

Мухаев Р. Т. Содержание и возможности политического реформаторства: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 1992.

Найденев К. А. Социальная политика Российской Федерации в условиях системной трансформации (1985–1999 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2007.

Немтырева А. В. История становления и развития местного самоуправления в России в период 1986–2008 годов (на примере Удмуртии): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск, 2010.

Нестерова Н. А. Формирование государственной национальной политики в Республике Коми в конце 1980-х – 1990-е гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Сыктывкар, 2000.

Нечаев В. Д. Институциональная организация местного самоуправления в постсоветской России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2008.

Носаненко Г. Ю. Трансформация местного самоуправления в российском обществе: Дис. ...канд. полит. наук. Казань, 2001.

Осейчук В. И. Конституционно-правовые проблемы строительства в России демократического правового социального государства: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Тюмень, 2009.

Пастухова Н. Б. Суверенитет и федеративная организация Российского государства в условиях глобализации: конституционно-правовые аспекты: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2010.

Пешин Н. Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели и практики взаимоотношений: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2007.

Платонов В. М. Разграничение предметов ведения между федерацией и ее субъектами как принцип российского федерализма: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2010.

Побережников И. В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011.

Попов А. М. Политические партии и движения в России: история становления и идеология, 1985–1995 гг.: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Ярославль, 1997.

Пранова М. И. Избирательная кампания в системе политической культуры современного российского общества: состояние и перспективы развития: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2008.

Родионова А. К. Федерализм: политико-институциональная организация и практика функционирования: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Чита, 2009.

Сахаров Н. А. Институт президентства в современном мире: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 1994.

Смирнова С. К. Этнополитическое развитие Удмуртии в контексте современных трансформационных процессов в Российской Федерации: Дис. ...д-ра полит. наук. М., 2003.

Спаский А. Н. Партийно-государственные группы на этапе политической трансформации в СССР, 1982–1991 гг.: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2007.

Спирин И. А. Место и роль региональных элит в российском политическом процессе: Дис. ...канд. полит. наук. Казань, 1999.

Старостенко К. В. Политическое многообразие в Российской Федерации: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2009.

Суханов В. М. Региональная политическая идентичность в России: теоретический анализ состояния и перспективы: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Саратов, 2009.

Таранцов М. А. Исторический опыт реализации молодежной политики государства и общества в условиях смены общественно-политической системы и социально-экономических реформ (конец 1980-х – 1990-е годы): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1998.

Тафяев Г. И. Региональная многопартийность в условиях трансформации российского общества: проблемы формирования и функционирования (на материалах республик Поволжья и Приуралья в 80–90-х гг.): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1995.

Тимофеев Н. С. Местное самоуправление в России: основы и пределы (конституционно-правовые аспекты): Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2008.

Трофимова И. Н. Институциональное развитие местного самоуправления в Российской Федерации: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2011.

Тхабисимова Л. А. Региональная система организации институтов государственной власти в России: политико-правовой анализ: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

Уваров С. Н. Исторический опыт политического реформирования в Удмуртии в 90-е гг. XX века: Дис. ...канд. ист. наук. Ижевск, 2003.

Уэва Т. В. Общественно-политическое развитие Российской Федерации (80–90-е годы XX столетия): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1998.

Фролова Н. А. Становление политических партий России в 1985–1993 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1993.

Хакимов Р. С. Развитие российского федерализма в условиях социально-политической трансформации конца XX – начала XXI вв. (историко-политологический анализ): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Казань, 2009.

Чепунов О. И. Системное взаимодействие органов государственной власти в Российской Федерации: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2011.

Черняховский С. Ф. Коммунистическая оппозиция в современной России: генезис, противоречивость, перспективы: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. М., 2007.

Чувиллина Н. Б. Этапы и тенденции развития региональных электро-ральных процессов в постсоветской России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Краснодар, 2011.

Шабанов Я. В. Социальная политика Российского государства и ее приоритеты (1990–2000-е гг.): Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Саратов, 2011.

Шаклеин Н. И. Конституционно-правовой статус федерального и региональных парламентов Российской Федерации и проблемы его совершенствования: сравнительно-правовое исследование: Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2011.

Штурба Е. В. Формирование и реализация Концепции национальной безопасности Российской Федерации в 1992–2004 гг.: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 2009.

Юрченко И. В. Национальная и региональная безопасность как политическая стратегия современной России: Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. Ставрополь, 2009.

Ярных М. В. Местные советы Удмуртии в период реформирования: 1985–1993 гг.: Дис. ...канд. ист. наук. Ижевск, 2006.

Монографии, сборники научных работ, научно-популярные и учебные издания

Абрамов В. Н. Многопартийность в постсоветской России: тенденции, проблемы, общественные потребности. М., 1997.

Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997.

Аитов Н. А. Советский рабочий. М., 1981.

Андреев А. Л. Политический спектр России. Структура. Идеология. Основные субъекты. М., 1996.

Анохина О. А. Перестройка: содержание, итоги. Омск, 2011.

Архипов Б. В., Бербешикина З. А., Голубев В. И. Социальная политика КПСС на современном этапе. М., 1988.

Афанасьев М. Н. Клиентализм и российская государственность. М., 1997.

Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005.

Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2002.

Байкова В. Г. Идеологическая работа КПСС в условиях развитого социализма. Некоторые вопросы теории и практики. М., 1977.

Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю. 1985–1991 гг. М., 2002.

Барсенков А. С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991. М., 2001.

Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2007. М., 2008.

Басов Б. П. Трудное время перемен (Россия в 1991–1994 гг.). Ижевск, 1995.

Безбородов А. Б., Елисеева Н. В., Шестаков В. А. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб., 2010.

Бехтерев С. Л. Политическое развитие Удмуртии на завершающем этапе советской истории. Ижевск, 2004.

Бляхман Л. С., Шкаратан О. И., Тощенко Ж. Т. Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М., 1980.

Богатырев В. В., Дунаева И. В. Воздействие национальной и политической элит на правовую систему России. Владимир, 2009.

Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. М., 2005.

Борзилов С. И. Социальная сфера и самоуправление. Саратов, 1989.

Буртин Ю. Новый строй: о номенклатурном капитализме. Статьи, диалоги, интервью. Харьков, 1995.

Бутенко А. П. Советская многопартийность: проблема формирования. М., 1991.

Бутенко А. П. Современный социализм. М., 1989.

Быстренко В. И. История политических партий в России. М., 1998.

Важенин С. Г. Социальная инфраструктура народнохозяйственного комплекса. М., 1984.

Василенко В. И., Василенко С. В. Влияние гражданского общества на безопасность России в условиях глобализации. М., 2007.

Васильева С. В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М., 2010.

Верт Н. История советского государства. 1990–1991. М., 1994.

Власть и общество: XX век // Научные труды НИИГН при Правительстве РМ. Т. 1 (112) / Отв. ред., сост. В. А. Юрченков. Саранск, 2002.

Войтович В. Ю. Государственное строительство в Удмуртии: основные вехи. Ижевск, 2006.

Войтович В. Ю. Государственность Удмуртии. История и современность. Ижевск, 2003.

Войтович В. Ю. Конституционное строительство в Удмуртии: этапы развития. Ижевск, 2009.

Войтович В. Ю. Развитие правового статуса Удмуртии в составе России. 1920–2000. Ижевск, 2003.

Войтович В. Ю., Иванова А. А. Местное самоуправление в Удмуртии. Ижевск, 2010.

Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.

Ворожейкин И. Е., Сенявский С. Л. Рабочий класс – ведущая сила советского общества. Вопросы методологии и историографии. М., 1977.

Ворожцов А. Г. Россия перед выбором. Казань, 1995.

Время собирать камни: Сильное государство – гарантия прав человека, прав народов. Сб. науч. тр. М., 1996.

В человеческом измерении. М., 1989.

Геллер М. Российские заметки. 1980–1990 гг. М., 2001.

Гельман В. Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999.

Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М., 1991.

Горбачев М. С. Августовский путч. Причины и следствия. М., 1991.

Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн.: 1–2. М., 1995.

Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1988.

Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. В 2 т. М., 2000–2001.

Гордон Л. А., Клопов Э. В., Оников Л. А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977.

Грачев Н. И., Эрмялиева Н. А. Суверенитет федеративного государства: проблемы теории и конституционного регулирования. Волгоград, 2007.

Громов А. В., Кузин О. С. Неформалы: кто есть кто? М., 1990.

Губогло М. Н., Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2001.

Губогло М. Н., Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Т. 9. Траектория деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. М.–Ижевск, 2006.

Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левада Ю. А. «Проблема элиты» в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007.

Дергачев В. А., Вардомский Л. Б. Регионоведение. М., 2004.

Дзодзиев В. Проблемы становления демократического государства в России. М., 1996.

Дискин И. Е. Россия: трансформационные элиты. М., 1995.

Дмитриев Ю. А., Израелян В. Б. Избирательное право и процесс в Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2004.

Добрынин В., Суслова Е., Ювкин М. Самодеятельные инициативные организации: проблемы и перспективы развития. М., 1990.

Дорожкин Ю. Н., Мусина Л. М., Шкель С. Н. Политическая оппозиция постсоветской России: этапы и особенности становления. Уфа, 2007.

Если по совести. Сборник статей. М., 1988.

Еськов Г. С. Твои права, человек. М., 1993.

Жоголева Е. Е. Методология разработки приоритетов аграрной политики России. М., 1996.

Журавлев С. В., Соколов А. К., Пихоя Р. Г. История современной России. Десятилетие либеральных реформ: 1991–1999 гг. М., 2011.

Зайнышев Э. Г. Взаимосвязь социальной политики и социальной работы. М., 1994.

Заславский И. Е. Труд, занятия, безработица. М., 1992.

Зенькович Н. А. СССР. Конец проекта. М., 2009.

Зотова З. М. Политические партии России: Организация и деятельность. М., 2001.

Зубкова О. Г. Местное самоуправление в городах Удмуртской Республики в период 1994–2003 гг. Ижевск, 2010.

Зюганов Г. А. География победы: Основы российской геополитики. М., 1997.

Иванов В. Н. КПСС и власть: департизация органов государственной власти и управления на Южном Урале. Челябинск, 1999.

Иванченко А. В., Любарев А. Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006.

Идейно-воспитательная работа КПСС: Историография проблемы. Л., 1986.

- Иного не дано. М., 1988.
- Институционализация многопартийности и модернизация российского общества (материалы Международной научно-практической конференции). Чебоксары, 2000.
- История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. Сыктывкар, 2004.
- История Удмуртии: XX век. Ижевск, 2005.
- Казьмин В. Н. Идеино-политическая борьба в регионах России. 1971–1991 гг. (на примере Западной Сибири). Кемерово, 2009.
- Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.
- Кара-Мурза С. Г. Евроцентризм как скрытая идеология перестройки. М., 1996.
- Кара-Мурза С. Г. Интеллигенция на пепелище России. М., 1997.
- Кара-Мурза С. Г. Истмат: проблема Восток – Запад. М., 2001.
- Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М., 2002.
- Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. М., 2002.
- Карнаушенко Л. В. Исторический опыт реформирования системы государственного управления Российской Федерации (1993–2004 гг.). Краснодар, 2009.
- Касьяненко В. И. Развитой социализм: историография и методология проблемы. М., 1976.
- Касьяненко В. И. Советский образ жизни: проблемы исследования. М., 1982.
- Кистанов В. В. Федеральные округа России: важный шаг в укреплении государства. М., 2000.
- Коновалов М. Н. Административные реформы и эффективность российской власти. Ростов-на-Дону, 2007.
- Конституционное право субъектов Российской Федерации. М., 2002.
- Конституция Российской Федерации: стабильность и развитие общества. М., 2004.
- Концепция социального государства Российской Федерации: материалы науч.-практ. конференции «Концепция социального государства Российской Федерации» и международного круглого стола «Социальное государство: опыт, проблемы», 20 января 2004 года. М., 2004.
- Коргунок Ю. Г. Современная российская многопартийность. М., 1999.
- Коргунок Ю. Г. Становление партийной системы в современной России. М., 2007.
- Коргунок Ю. Г., Заславский С. Е. Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие). М., 1996.
- КПСС: взлет и крушение. Компартия России: начало биографии. Современный этап коммунистического движения в России. М., 1999.
- Краснов В. Н. Система многопартийности в современной России (очерк истории). М., 1995.
- Кружков А. В. Реформа местного самоуправления в Российской Федерации: политические итоги. М., 2003.
- Крухмалев А. Е. Рабочий класс СССР. М., 1978.
- Кручинская М. В. Местные Советы Удмуртии в контексте реформ (1985–1993 гг.). Ижевск, 2008.
- Крылова А., Бехтерев С., Бехтерева Л. Удмуртская Республика. Модель этнологического мониторинга. М., 2000.
- Крыштановская О. Анатомия Российской элиты. М., 2005.
- Крючков В. А. Личное дело. М., 1997.
- Кузьмин К. В., Сутырин Б. А. История социальной работы за рубежом и в России. Екатеринбург, 2003.
- Куликов В. И. История государственного управления в России. М., 2003.
- Куликов К. И. Удмуртия – субъект России (1990-е годы). Ижевск, 1999.
- Лебедев В. А., Киреев В. В. Суверенная демократия как конституционная идея современной России. Челябинск, 2007.
- Лебедев П. Н., Панова Л. В., Русинова Н. Л. Социальная политика в условиях кризиса. СПб., 1996.
- Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992.
- Лигачев Е. К. Предостережение. М., 1999.
- Личное мнение. Сборник писательской публицистики. М., 1987.
- Лифшиц А. Экономическая реформа в России и ее цена. М., 1994.
- Лобанов В. В. Современные административные реформы. М., 2007.
- Лукьянов А. Переворот мнимый и настоящий. М., 1993.
- Лукьянова Е. А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). М., 2000.
- Малиновский Б. Научная теория культуры. М., 2005.
- Малютин М. В. Перед принятием решения. М., 1990.
- Мамут Л. С. Государство в ценностном измерении. М., 1998.

Марийский мир: Проблемы национального, социально-экономического и культурного развития марийского народа. Йошкар-Ола, 2000.

Марийцы: проблемы социального и национально-культурного развития / отв. ред. Н. С. Попов. Йошкар-Ола, 2000.

Маузуто К., Шатилов А. Регионы России: хроника и руководители. Саппоро. 1996. Т. 6. № 1.

Маузуто К., Шатилов А. Регионы России: хроника и руководители. Саппоро. 1997. Т. 2. № 34.

Медушевский А. Н. Размышления о современном российском конституционализме. М., 2007.

Методические материалы учебных курсов по программе «Международная политэкономия и политические науки». Ижевск, 2003.

Микульский К. И., Роговин В. З., Шаталин С. С. Социальная политика КПСС. М., 1987.

Милецкий В. П. Социальное государство. Эволюция. Теория и практика. СПб., 1998.

Михайловская И. Б., Кузьминский Е. Ф. Право избирать и факторы, влияющие на его реализацию. М., 1996.

Морозов А. С. Социальная и социально-политическая ситуация в России в первой половине 1990-х годов. М., 1997.

Мостовой С. Н. Ленинские принципы идейно-воспитательной работы. М., 1977.

Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России. М., 2006.

Мухаев Р. Т. Политология. М., 2011.

Напалков А. Д. От Верховного Совета к Государственному Совету Республики Коми. Сыктывкар, 2001.

Напалков А. Д. Представительные органы государственной власти Республики Коми: опыт конкретно-исторического анализа. Сыктывкар, 1998.

На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990.

Нардова В. А. Самодержавие и городские думы России в конце XIX – нач. XX в. СПб., 1994.

Наумов С. Ю. Формирование и реализация социальной политики в условиях коренной модернизации общественно-политической системы. 80–90-е годы XX столетия. Саратов, 1998.

Ненашев М. Ф. Идейно-воспитательная работа КПСС. Особенности, опыт, проблемы. М., 1980.

Неформалы: Кто они? Куда зовут? М., 1990.

Неформалы: социальные инициативы. М., 1990.

Неформальная волна. Сборник научных трудов. М., 1990.

Неформальная Россия: О «неформальных» политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника) / Сост., авт. вступ. ст. и науч. ред. В. Березовский, Н. Кротов. М., 1990.

Неформальные объединения молодежи и идеологическая борьба. М., 1988.

Оников Л. А. КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996.

Отечественная история России новейшего времени. 1985–2005 гг. М., 2007.

Охотский Г. Политическая элита. М., 1993.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

Партийная система в 1989–1993 годах: опыт становления. М., 1994.

Партийное строительство. Научные основы партийной работы. Т. 1–2. М., 1985.

Партия и новые общественно-политические движения: проблемы диалога. М., 1990.

Перестройка: замыслы, результаты и поражения, уроки. М., 2005.

Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть: Сорок лет после войны, 1945–1985. М., 2007.

Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть: Две истории одной страны: Россия на изломе тысячелетий, 1985–2005. М., 2007.

Пихоя Р. Г., Соколов А. К. История современной России. Кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х – 1991 гг. М., 2008.

Погружение в трясину: (Анатомия застоя). М., 1991.

Позиция. Литературная полемика. М., 1988.

Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: В 2 т. Т. 2. М., 1996.

Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: Опыт уходящего тысячелетия. Омск. 2000.

Политический альманах России. 1997. Т. 1–2. Кн. 1–2. М., 1998.

Понеделков А. Элита. Ростов-на-Дону, 1995.

Понимать друг друга: О проблемах межнациональных отношений в Удмуртской АССР. Ижевск, 1990.

Пономарев Л. Н., Шинкаренко В. В. В чьих руках колесо истории?: Историко-социологические очерки. М., 1989.

Попов А. А., Нестерова Н. А. Национальный вопрос в Республике Коми в конце XX века (историческое исследование). Сыктывкар, 2000.

Попов А. М. Становление многопартийности: история и идеология. Ярославль, 1997.

Попова М. Б. Социальная дифференциация и бедность населения. Петрозаводск, 1998.

Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М., 1989.

Пряхина Т. М. Конституционная доктрина Российской Федерации. М., 2006.

Пугачев В. Субъекты политики: личность, элита, лидерство. М., 1993. Развитой социализм: проблемы теории и практики. М., 1979.

Ракитский Б. В. Роль государства в социальной политике. М., 1999.

Ракитский Б. В., Ракитская Г. Я. Стратегия и тактика перестройки. М., 1990.

Регионы России. Хроника и руководители. Т. 7. Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Мордовия. Саппоро, 2000.

Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России. М., 1994.

Рыбин А. И. Изменения социальной структуры советского рабочего класса в условиях развитого социализма. М., 1979.

Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995.

Рыжков Н. И. Перестройка. История предательства. М., 1992.

Сафонов В. Е. Федерализм в государственном строе России: конституционно-правовые аспекты. Саратов, 2004.

Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики. М., 2005.

Скосаренко Е. Е. Избирательная система России: мифы и политическая реальность. М., 2007.

Смаков В. А. Теория и практика разграничения полномочий между федеральным центром и регионами. СПб., 2004.

Смирнов В. А. Социальная активность советских рабочих. Некоторые методологические и социологические проблемы. М., 1979.

Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.–Ижевск, 2002.

Смирнова С. К., Губогло М. Н. Феномен Удмуртии. Т. 2. Постижение суверенности: становление государственности Удмуртской Республики. Кн. 1. Сфера законодательной власти. Кн. 2. Сфера исполнительной власти. М.–Ижевск, 2002.

Смирнова С. К., Губогло М. Н. Феномен Удмуртии. Т. 3. Идеология и технология этнической мобилизации. Кн. 1. Удмуртское национальное движение. Надежды. Возможности. Реалии. М.–Ижевск, 2002.

Смирнова С. К., Губогло М. Н. Феномен Удмуртии. Т. 3. Идеология и технология этнической мобилизации. Кн. 2. Удмуртское национальное движение и финно-угорское сообщество. М.–Ижевск, 2003.

Смирнова С. К., Губогло М. Н. Феномен Удмуртии. Т. 5. Нацестроительство и межэтнические отношения. Материалы научно-практических конференций и «круглых столов». М.–Ижевск, 2003.

Смирнова С. К., Губогло М. Н. Феномен Удмуртии. Т. 6. «Как слово наше отзовется...». М.–Ижевск, 2008.

Смирнова С. К., Губогло М. Н. Феномен Удмуртии. Т. 7. Хроника этнополитической жизни. 1988–2004. М.–Ижевск, 2008.

Смирнова С. К., Губогло М. Н. Феномен Удмуртии. Т. 8. Удмуртская диаспора. М.–Ижевск, 2008.

«Советское наследие». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России. М., 2010.

Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма // Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1997.

Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001.

Социализм: между прошлым и будущим. М., 1989.

Социальная защита человека: региональные модели. М., 1995.

СССР: демографический диагноз. М., 1990.

Старостенко К. В. Конституционно-политическое многообразие: сущность и проблемы реализации в Российской Федерации. СПб., 2008.

Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. Кн. 2. М., 1989.

Стратегия обновления. Новый социальный механизм: Сборник. М., 1990.

Торлопов В. А. Социальное государство в России: идеалы, реалии, перспективы. СПб., 1999.

Тысячелетняя история России: проблемы, противоречия и перспективы развития. М., 2004.

Удмуртия в годы реформ: 1990–2001. Екатеринбург, 2002.

Удмуртия в зеркале двадцатого столетия. 1901–2000 гг. Историческая хроника. Ижевск, 2002.

Ученый и власть: круглый стол, 12 ноября 2009 г. СПб., 2010.

Фарукишин М. Х., Фарукишин А. Х. Субъекты федераций: сравнительное исследование. Казань, 2009.

Федерализм в фокусе отношений между центром и регионами. Ижевск, 2001.

Федерализм и централизация. Екатеринбург, 2007.

Формула успеха: Сохранять лучшее из традиций, не стоять на месте, думать о будущем: К 90-летию образования Союза потребительских обществ Удмуртской Республики. Ижевск, 2011.

Фроянов И. Я. Погружение в бездну. Россия на исходе XX века. СПб., 1999.

Хомелянский Б. Н. Социалистическое воспроизводство: (Воспроизводственный потенциал социальной инфраструктуры). М., 1989.

Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917–1991. М., 1995.

Цейтлин Р. С. История государственного управления и муниципального самоуправления в России. М., 2006.

Чепурнова Н. М., Пономарев В. В. Юридические коллизии в федеративных отношениях в Российской Федерации: конституционно-правовой механизм преодоления. Ростов-на-Дону, 2006.

Черкасов К. В. Становление и развитие института полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах. Саратов, 2006.

Шабанов Я. В. Социальная политика государства в 1990-е годы: проблемы, решения, результаты. Саратов, 2008.

Шабанов Я. В. Социальная политика Российского государства и ее приоритеты на этапе системной трансформации общества (1990–2000-е гг.). Саратов, 2011.

Шаблинский И. Г. Пределы власти. Борьба за конституционную реформу. 1989–1995 гг. М., 1996.

Шарипов А. Ю. Социальная инфраструктура в концепции ускорения. Новосибирск, 1990.

Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995.

Широнин В. С. КГБ–ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997.

Широнин В. С. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М., 1996.

Шмель С. А. Социальная сфера общества и личность. М., 1988.

Штурба Е. В. Формирование и реализация концепции национальной безопасности Российской Федерации в 1992–2004 гг. М., 2008.

Шубин А. В. Истоки перестройки. 1978–1984 гг. М., 1997.

Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1978–1985 гг. М., 2001.

Шубин А. В. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989). М., 2006.

Шумилов Е. Ф. Православная Удмуртия. История Ижевской и Удмуртской епархии. XX век. Ижевск, 1996.

Экономика Удмуртии. Ижевск, 1997.

Экономика Удмуртии: учебное пособие. Ижевск, 2011.

Эндрейн Чарльз Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. Пер. с англ. М., 2000.

Юрченков В. А. Мордовский народ: прошлое и настоящее. Саранск, 1999.

Яковлев А. Н. Горькая чаша. Большевизм и Реформация России. Ярославль, 1994.

Barber James David, Presidential Character, 3rd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1985.

Brown A. The Gorbachev factor. Oxford University press, 1996.

Daniels R. V. Russia Transformation of a crumbling system. Oxford, N.Y. 1998.

Lovell S. The Soviet Union: A very short introduction. Oxford, 2009.

Poe M. The Russian moment in world history. Princeton, 2003.

Rourke John T., International Politics on the World Stage, 7th ed., Guilford (CT): The Dushkin Publishing Group, 1999.

Waltz Kenneth, Man, the State, and War, New York: Colombia University Press, 1959.

White S. Gorbachev in power. Cambridge University Press, 1990.

Статьи

Авторитет партии укреплять делами. (Из материалов зональных совещаний секретарей первичных парторганизаций) // Вестник. 1991. № 1.

Александров В. Краснодарский край: экономика, партии, лидеры // Власть. 1993. № 7.

Александрова Л. А. Деятельность федерации профсоюзов Удмуртской Республики по защите прав и интересов трудящихся в условиях социально-экономической нестабильности 1990-х годов // XX век в истории России. Сборник статей. Ижевск, 2009.

Александрова Л. А. К проблеме реформирования профсоюзов Удмуртии // Россия и Удмуртия: история и современность. Ижевск, 2008.

Александрова Т. Молодежь – главный инвестиционный проект государства // Известия Удмуртской Республики. 2001. 20 февраля.

Алексеев В. В. Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Индустриальное наследие: материалы Международной научной конференции. Саранск, 2005.

Алексеев В. В., Алексеева Е. В. Распад СССР в контексте текущей модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5.

Антонов В. Реском: новая структура, новые функции // Вестник. 1991. № 3.

Артамонов А. Эксперимент, или первые «ласточки» // Пропагандист и агитатор. 1989. № 13.

Афанасьев М. Н. Правящая элита России: образ деятельности // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 4.

Ахметов Г. Дальнейшее совершенствование советской избирательной системы // Пропагандист и агитатор. 1987. № 8.

Ахметов Г. Демократия и законность // Вестник. 1991. № 8.

Ахметов Г. На основе широкой демократии // Пропагандист и агитатор. 1989. № 2.

Ашин Г. К. Правящая элита и общество // Свободная мысль. 1993. № 7.

Ашин Г. К. Смена элит // ОНС. 1995. № 1.

Бадковский Д. В. Политический процесс в Орловской области (Набросок с натуры) // Кентавр. 1995. № 2.

Баженов Г. Наш общий дом. К 66-й годовщине образования СССР // Пропагандист и агитатор. 1988. № 23.

Барков Б. Кто будет править бал? Выборы–99 // Известия Удмуртской Республики. 1999. 13 марта.

Бехтерев С. Главный вопрос – политический // Известия Удмуртской Республики. 1993. 21 января.

Бехтерев С. Л. Государственность Удмуртии в контексте мировой истории: общее и особенное // Государственное и муниципальное управление: теория, история, практика: материалы I Международ. науч.-практ. конф., 23 апр. 2010 г. Ижевск, 2010.

Бехтерев С. Л. Избирательные кампании в Российской Федерации и региональное партийное строительство (1990-е гг.) // Современные социально-политические технологии: проблемы теории и общественной практики. Сборник науч. ст. Ижевск, 2005.

Бехтерев С. Л. Избирательные кампании как механизм толерантности политических элит // Современные социально-политические технологии в сфере формирования толерантного общественного сознания: Материалы VII научно-практической конференции. Ижевск, 2002.

Бехтерев С. Л. Институты политической системы в процессе суверенизации субъектов Российской Федерации (на примере Удмуртской Республики) // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 6.

Бехтерев С. Л. К вопросу о формировании политической системы современной России (региональный аспект) // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы): Материалы международной научно-практической конференции 13–14 мая 2003 года. Ижевск, 2003.

Бехтерев С. Л. Конституционная реформа в Удмуртской Республике (1990–2000 гг.) // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001.

Бехтерев С. Л. Концепция социального государства и ее реализация в Удмуртской Республике // Наука Удмуртии. 2007. № 6.

Бехтерев С. Л. Место документов ЦДНИ УР в системе источников по изучению современной политической истории // История Удмуртии XX века в документах ЦДНИ УР. Ижевск, 2004.

Бехтерев С. Л. Общественно-государственные структуры как институт политической системы РФ // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003.

Бехтерев С. Л. Общество и государство: теория и практика взаимодействия в субъектах Российской Федерации // Гражданское общество и государственные институты в России: взгляд из провинции. Саранск, 2004.

Бехтерев С. Л. Основные этапы эволюции государственно-правовой системы Удмуртии в 1990-х – начале 2000-х гг. // Конституционное строительство в Удмуртии: этапы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 23 апреля 2009 года. Ижевск, 2009.

Бехтерев С. Л. Особенности менталитета населения Удмуртской Республики и его влияние на развитие современных политических процессов // Актуальные проблемы политического и социально-экономического развития страны. Казань, 1993.

Бехтерев С. Л. От истории города – к истории района: актуальные проблемы // Педагогический вестник. Ижевск, 2010. № 3.

Бехтерев С. Л. Официальные символы города Ижевска: правовой статус и историко-культурная интерпретация // Местное самоуправление – основа управления обществом: Сб. статей. Ижевск, 2008.

Бехтерев С. Л. Политико-правовой статус Удмуртской Республики в системе федеративных отношений современной России // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscaba, 9–14. 2010. Pars II: Summaria acroasium in sectionibus. Piliscaba, 2010.

Бехтерев С. Л. Предпринимательство в Удмуртии (некоммерческие объединения) // Свое дело. 1998. № 4.

Бехтерев С. Л. Становление гражданского общества в Удмуртской Республике // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 1998.

Бехтерев С. Л. Становление института президентства в Удмуртской Республике // Регионоведение. 2003. № 4 – 2004. № 1.

Бехтерев С. Л. Статус Удмуртской организации КПСС в позднесоветской политической системе (историко-юридический аспект) // Вестник Удмуртского университета. Серия 2. Экономика и право. 2011. Выпуск 4.

Бехтерев С. Л. Толерантность как механизм взаимодействия политических элит // Социальная толерантность и межкультурные коммуникации. Ижевск, 2003.

Бехтерев С. Л. Эволюция конституционных основ советской политической системы (1920-е – 1980-е гг.) // История государства и права. 2011. № 20.

Бехтерев С. Л. Эволюция организационно-правовых форм объединений граждан в позднесоветской политической системе: региональный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2011. № 6. Ч. 1.

Бехтерев С. Л. Эволюция политико-административного статуса Ижевска // Российский город в исторической ретроспективе: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 250-летию г. Ижевска. Ижевск, 2010.

Бехтерев С. Л. Эволюция политико-правового статуса Удмуртской Республики в составе Приволжского федерального округа // Наука Удмуртии. 2010. № 10.

Бехтерев С. Л., Крылова А. С. Итоги президентских выборов // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. М., 2000. Сентябрь–октябрь.

Бехтерев С. Л., Крылова А. С. На пути к президентству // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. М., 2000. Май–июнь.

Бехтерев С., Крылова А. От выживания – к развитию // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 6. Приволжское отделение. М., 2001. 1–15 февраля.

Бехтерев С., Крылова А. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 6. Приволжское отделение. М., 2001. 16–31 января.

Бехтерев С., Крылова А. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 7. Приволжское отделение. М., 2001. 16–28 февраля.

Бехтерев С., Крылова А. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 8. Приволжское отделение. М., 2001. 1–15 марта.

Бехтерев С. Л., Овчинников Г. П. Выборы первого Президента Удмуртской Республики // ЧиновникЪ. 2001. № 5(11).

Бехтерев С. Л., Сергеев В. И., Трофимченко В. Н., Храпцов А. А. Современные политические процессы в Удмуртской Республике // Политические партии: теория и практика. Чебоксары. 1993. Вып. 3.

Бородкин Ф. М. Социальная политика: власть и перестройка // Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М., 1989.

Бородулина Н. Белгородская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1995. № 12.

Боткин О. И. Бюджетный федерализм в интересах региона // Федерализм в фокусе отношений между центром и регионами. Ижевск, 2001.

Боткин О. И., Сапожников Н. И., Загуменнов В. Г., Осипов А. К. Развитие ведущих отраслей экономики Удмуртской Республики // Удмуртская Республика: проблемы и перспективы. Ижевск, 1995.

Быстрова Е. Законно избранный... монарх // Карьера. 2000. 18 мая
Вахрушев М. Президент Удмуртии ускорит реформы // Известия Удмуртской Республики. 1993. 21 января.

Ваш блокнот // Пропагандист и агитатор. 1985. № 20.

Войтович В. В семье советских республик // Пропагандист и агитатор. 1986. № 23.

Войтович В. Выражая волю народа. Об изменениях в Конституции СССР и Законе о выборах народных депутатов // Пропагандист и агитатор. 1989. № 1.

Воронцов Н. Трудовой коллектив. Что он может // Пропагандист и агитатор. 1986. № 1.

Время требует коренных перемен // Пропагандист и агитатор, 1987. № 7.

Гаман О. В. Региональные элиты современной России как субъекты политического процесса // Вестник МГУ. Серия 18. 1995. № 4.

«Гвоздь» программы отозван // Удмуртская правда. 1993. 30 января.

Гельман В. Я. Динамика субнационального авторитаризма (Россия в сравнительной перспективе) // ОНС. 2009. № 3.

Гельман В. Я. От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы) // ОНС. 2006. № 1.

Главатских Д. Энергию и инициативу молодежи – перестройке // Пропагандист и агитатор. 1988. № 15.

Гоголев Л. Нужна консолидация // Вестник обкома КПСС. 1990. № 14.

Гоголев Л. Что показали отчеты и выборы? // Вестник. 1991. № 3.

Горбушина Р. За обновление идеологической работы // Пропагандист и агитатор. 1988. № 12.

Государственный недоворот // Власть. 2001. № 33.

Грачев В. Конкретная программа действий // Пропагандист и агитатор. 1988. № 7.

Даешь... полмиллиона? (интервью с О. Ю. Поповым, первым секретарем Удмуртского республиканского комитета ВЛКСМ) // Огни Прикамья. 1991. № 3.

Дерюшев А. Б. Документы ЦДНИ УР как источник для изучения истории Удмуртии XX века // История Удмуртии XX века в документах ЦДНИ УР. Ижевск, 2004.

Дерябин В. С. Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 102. М., 1997.

Дилигенский Г. Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. Осень 1997.

Дробижева Л. М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России // ОНС. 2005. № 2.

Ерохина Л. Н. Политическое лидерство и региональная пресса в Удмуртии. 1991–1999 гг. // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003.

Ерохина Л. Н. Формирование облика государственной власти в Удмуртской Республике в 1995 – пер. пол. 1998 г. (По материалам местной печати) // Российская государственность: уровни власти. Теория и практика современного государственного строительства. Ижевск, 2001.

Ефремова Т. Н., Замостьянова Т. В. Некоторые аспекты теорий местного самоуправления // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск, 2001.

Ешкеев А. Голосуйте активно! // Удмуртская правда. 1994. 8 апреля.

Жириновский В. Демократия тоже предусматривает насилие // Известия. 1993. 30 ноября.

Житанов Е. Государство строит власть // Инфо-Панорама. 2000. 19 мая.

Жуков В. И. Социально-экономическая ситуация и социальная политика // Защитить человека. М., 1994.

Журавлев А. Н. Псковская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 4.

Загуляева Н. Без возврата к прошлому // Пропагандист и агитатор. 1989. № 7.

Загуляева Н. Вопросов больше, чем ответов // Вестник обкома КПСС. 1990. № 14.

Загуляева Н. Дорога к храму // Огни Прикамья, 1991. № 6.

Заславская Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социс. 2002. № 8.

Заславская Т. И. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Обратного хода нет. М., 1989.

Зубкова О. Г. Некоторые проблемы становления местного самоуправления в Удмуртской Республике (1993–1994 гг.) // Россия и Удмуртия: история и современность. Ижевск, 2008.

Избраны в Верховный Совет // Пропагандист и агитатор. 1989. № 13.

Издан Указ об информационных гарантиях // Удмуртская правда. 1993. 2 ноября.

Измайлова А. Удмуртия – Суоми // Огни Прикамья. 1991. № 3.

Из опыта работы законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Вып. № 7. О практике работы общественных палат при органах государственной власти субъектов Российской Федерации. М., 1999.

Ильиных Е. Закон нашей жизни // Пропагандист и агитатор. 1986. № 17.

Ильиных Е. Учимся демократии // Пропагандист и агитатор. 1989. № 13.

И право, и ответственность. (К дню советской милиции. Интервью с заместителем министра внутренних дел УАССР В. Н. Бурцевым) // Пропагандист и агитатор. 1988. № 20.

Как реализуем намеченное? // Вестник обкома КПСС. 1990. № 5.

Качанский В. Л. Россия – СССР сегодня? Статья 1. Сходство // ОНС. 2005. № 2.

Кирилин А. Обратиться к федералам будет попроще // Удмуртская правда. 2000. 20 октября.

Кирилин А. Палата для всех // Удмуртская правда. 1998. 27 ноября.

Климантова Г. Союз женщин Удмуртии // Вестник. 1991. № 4.

Козлов Г. Что может Совет ветеранов // Пропагандист и агитатор. 1987. № 17.

Козлова А. Мнение о Декларации // Вестник. 1991. № 3.

Козловская А., Скуковская И. Если честно признаться // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21.

Колеватова В. Основа перестройки в экономике // Пропагандист и агитатор. 1987. № 15.

Колосов В. А. Курганская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 2.

Колосов В. А., Стрелецкий В. Н. Калмыкия – Хальмг Тангч: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 1.

Корнев А. В. Развитие идеи социального государства в истории правовых учений // Социальное государство: мировой опыт и реалии России. М., 2001.

Королев С. В. Социальная помощь и поддержка населения в России в 90-х годах // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск, 2001.

Косолапов Н. А. Что это было? (Размышления о перестройке в свете ее когнитивных итогов) // ОНС. 2005. № 1.

Кошценко А. Приморский край: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 7.

К полномочию Советов (Беседа с председателем Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР А. И. Тубыловым) // Пропагандист и агитатор. 1989. № 23.

Краткий обзор тематики диссертаций, рассмотренных ВАК Минобразования России в 2000 году. Отечественная история // Бюллетень Высшей Аттестационной Комиссии Министерства образования РФ. М., 2001. № 5.

Краткий обзор тематики диссертаций, рассмотренных ВАК Минобразования России в 1999 году. Отечественная история // Бюллетень Государственного Высшего Аттестационного Комитета РФ. М., 2001. № 1.

Краткий обзор тематики диссертаций, рассмотренных ВАК России в 1998 году. Отечественная история // Бюллетень Государственного Высшего Аттестационного Комитета РФ. М., 2000. № 1.

Краткий обзор тематики диссертаций, рассмотренных ВАК России в 1997 году. Отечественная история // Бюллетень Государственного Высшего Аттестационного Комитета РФ. М., 1999. № 2.

Краткий обзор тематики диссертаций, рассмотренных ВАК России в 1996 году. Исторические науки // Бюллетень Государственного Высшего Аттестационного Комитета РФ. М., 1998. № 2.

Кручинская М. В. Реформа местной власти в начале 1990-х гг.: политико-правовой аспект // XX век в истории России. Сборник статей. Ижевск, 2009.

Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // ОНС. 1995. № 1.

Крыштановская О. В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социс. 2003. № 11.

Кузнецова О. В. Региональная политика в России в постсоветское время: история развития // ОНС. 2005. № 2.

Куколев И. Трансформация политических элит в России // ОНС. 1997. № 4.

Куликов К. И. ...А принимать должен Верховный Совет // Известия Удмуртской Республики. 1994. 3 сентября.

Куликов К. И. Объективная и субъективная обусловленность конституционной реформы в России // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001.

Куликов К. И., Христолюбова Л. С. Этнополитическая ситуация в Удмуртской Республике в 1993 г. // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 73. М., 1994.

Латина Г. П. О роли общественных организаций в процессах саморазвития и саморегулирования социальных систем современного мира // Российский социально-политический вестник. 1998. № 3.

Лаптинская С. Основа свободной личности // Известия Удмуртской Республики. 1993. 21 января.

Лебедев Ю. Новые общественно-политические организации и движения Удмуртии (Информационно-справочный материал в помощь партийному активу) // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21.

Лебедева Н. Н., Туманянц К. А. Препятствия модернизации в современной России // ОНС. 2012. № 1.

Левада Ю. А. Неюбилейные размышления о перестройке // ОНС. 2005. № 6.

Левада Ю. А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // ОНС. 2007. № 6.

Левичева В. Анатомия неформального движения // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4.

Лецинский А. С. Некоторые аспекты деятельности Госкомитета Удмуртской Республики по делам молодежи по реализации международного молодежного сотрудничества // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы). Ижевск, 2003.

Лецинский А. С. Правовые основы реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации и Удмуртской Республике // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003.

Луцикова С. Л. Из истории становления многопартийности в Удмуртии // Современные социально-политические технологии в сфере развития межрегиональных связей: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции 2 февраля 2001 года. Ижевск, 2002.

Луцикова С. Л. Основные особенности становления региональной многопартийной системы (на примере Урало-Поволжского региона) // Современные социально-политические технологии: сущность, многообразие форм и внедрение. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции 4–5 февраля 1999 года. Ижевск, 1999.

Луцикова С. Л. Особенности становления многопартийной системы в Удмуртии // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск, 2001.

Луцикова С. Л. Удмуртский обком КПСС в 1987–1990 гг. // Актуальные проблемы современной России. Ижевск, 2003.

Магомедов А. К. Политические элиты российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4.

Малютин М. «Новая» элита в новой России // ОНС. 1992. № 2.

Малютин М. В. Неформалы в перестройке: Опыт и перспективы // Иного не дано. М., 1988.

Мамут Л. С. Конституционные основы современной российской государственности // ОНС. 2008. № 4.

Мамут Л. С. 1990-е и 2000-е: прошлое – будущее настоящего // ОНС. 2001. № 5. С.76.

Медушевский А. Н. Обзор «Становление политической социологии в России» // Общественные науки в России. Реферативный журнал. «История». Серия 5. № 2. М., 1993.

Мерзлякова Г. В. Женские общественные движения: история и опыт // Социально-политическое развитие России: проблемы, поиски, решения. Ижевск, 1999.

Мерзлякова Г. В. Женские советы: опыт их работы, проблемы // Пропагандист и агитатор. 1986. № 10.

Мерзлякова Г. В. Состояние женского вопроса на современном этапе // Современные социально-политические технологии: сущность, многообразие форм и внедрение. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции 4–5 февраля 1999 года. Ижевск, 1999.

Модзольский Д. Форум сторонников реформ // Удмуртская правда. 1993. 21 января.

Мошкин Н. Власть, открытая для всех // Пропагандист и агитатор. 1986. № 11.

Мусская И. Сокращение... с увеличением // Пропагандист и агитатор. 1989. № 19.

Наша республика – наши кандидаты // Трибуна. 1999. 10 февраля.

Независимость профсоюзов – в консолидации. Интервью с председателем облсовпрофа А. М. Фоминовым // Вестник обкома КПСС. 1990. № 9.

Нестеренко Н. Торжество социалистической демократии // Пропагандист и агитатор. 1987. № 17.

Николаев Г. А. Сущность и основные признаки социального государства // Социальное государство: мировой опыт и реалии России. М., 2001.

Новичков В. Инициативе новаторов – «зеленую улицу»! // Пропагандист и агитатор. 1986. № 11.

Обзор тематики диссертаций, рассмотренных ВАК Минобразования России в 2000–2001 годах. Отечественная история // Бюллетень Высшей Аттестационной Комиссии Министерства образования РФ. М., 2003. № 4.

Осипов А., Загуменов В., Кочкуров Н. Местное самоуправление: варианты и возможности // Огни Прикамья. 1991. № 4.

Паин Э. А. Исторический «бег по кругу» (Попытка объяснения причин политических срывов модернизационных процессов в России) // ОНС. 2008. № 4.

Пастухов В. Б. Россия в поисках «нового времени» (циклы российской власти) // ОНС. 2012. № 1.

Пахомова И. Кадровая политика в условиях перестройки // Пропагандист и агитатор. 1987. № 5.

Пахомова И. Новому обществу – обновленную партию // Пропагандист и агитатор. 1989. № 18.

Перевоицков Н. Обеспечить защиту прав и интересов граждан // Пропагандист и агитатор. 1989. № 21.

Петров Н. В. Нижегородская область: экономика, партии, лидеры // Власть. 1996. № 3.

Пияшева Л. И. Контуры радикальной социальной реформы // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М., 1989.

Пляйс Я. А. Основные направления исследований политической науки в современной России // Бюллетень Государственного Высшего Аттестационного Комитета РФ. М., 2001. № 1.

Пономарев К. А. За бортом. Почему «Удмурт кенеш» проиграл выборы // Удмуртская правда. 1995. 8 апреля.

Пономарев К. А. Трансформация Удмуртии из парламентской республики в президентскую // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее. Ижевск, 2001.

Попов Н. Н. О мелкобуржуазных партиях. Доклад, прочитанный секретарем Харьковского губкома РКП(б) тов. Н. Н. Поповым 19 октября 1921 г. на собрании ответственных работников Харьковской организации. Харьков, 1921.

Попонин В. Совет трудового коллектива // Пропагандист и агитатор. 1988. № 9.

Прозоров Г. Время действовать. По материалам совместного пленума республиканского комитета и контрольной комиссии Удмуртской партийной организации // Вестник. 1991. № 5.

Пузанова Н. За кого голосовали удмурты? // Удмуртская правда. 1999. 16 апреля.

Пузанова Н. Не забывать о национальном аспекте // Удмуртская правда. 1999. 30 апреля.

Пырегов О. Точки зрения различны // Вестник обкома КПСС. 1990. № 14.

Работяжев Н. К вопросу о генезисе и сущности номенклатурного капитализма в России // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2.

Радаев В. В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 3.

Ревенко Н., Якименко Л. С точки зрения ученых. Кому отдать предпочтение // Удмуртская правда. 1994. 9 апреля.

Региональное согласие // Власть. 1998. № 7.

Религия // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000.

Розенберг А. Политическая культура в зеркале общественного мнения // Пропагандист и агитатор. 1988. № 9.

Рывкина Р. В. Влияние новой правящей элиты на ход и результаты экономических реформ // Социс. 1995. № 11.

Рылов В. Разобщенно, на низком уровне ведется борьба за укрепление правопорядка в республике // Пропагандист и агитатор. 1988. № 14.

Сальин А. Кюня меда? Кин-о меда? // Герд. 2000. 19 июля.

Самсонова Т. Н. Концепция правящего класса Г. Моски // Социс. 1994. № 10.

Сатаров Г. Гражданское общество – универсальный стабилизатор // Россия. 1997. № 5.

Свиридов В. Профсоюзы на новом этапе // Пропагандист и агитатор. 1989. № 24.

Седов Л. А. Традиционные черты российской политической культуры в их современном преломлении // ОНС. 2006. № 3.

Сентякова С. От великого до смешного... // Удмуртская правда. 2000. 18 мая.

Симонян Р. Х. Элита или все-таки номенклатура? (Размышления о российском правящем слое) // ОНС. 2009. № 2.

Смирнова С. К. Права народов в мультиэтничном государстве: путь России // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 151. М., 2002.

Смирнова С. К. Современные социально-экономические проблемы в Удмуртии // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 154. М., 2002.

Смирнова С. К. Современные этносоциальные процессы в Удмуртии // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии. Серия

«Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 156. М., 2002.

Смирнова С. К. Современные этнополитические процессы в Удмуртии // Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» с 1990 г. Документ № 157. М., 2002.

Согрин В. В. 1985–2005 гг.: перипетии историографического плюрализма // ОНС. 2005. № 1.

Соколов В. Сумеет ли укрепить свои ряды? О некоторых вопросах, связанных с членством в КПСС // Вестник обкома КПСС. 1990. № 21.

С сессии Верховного Совета Удмуртской Республики. Выступление Председателя Верховного Совета Удмуртской Республики В. К. Тубылова // Удмуртская правда. 1993. 30 января.

Сыресин В. О неформальных объединениях молодежи // Пропагандист и агитатор. 1988. № 13.

Тани соос, асьмелэнъёс! // Герд. 1999. 16 марта.

Тарасов Ю. С. Правящая элита Якутии: штрихи к портрету // Полис. 1993. № 2.

Таскаев М. Коми национальные политические объединения в XX веке // Congressus ponus internationalis Fenno-Ugristarum 7. – 13.8 2000 Tartu. Pars III. Tartu, 2000.

Тихонова Н. Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995–2010 годы) // ОНС. 2011. № 4.

Толчин В. О структуре аппарата Совета Министров УАССР // Пропагандист и агитатор. 1989. № 12.

Томшич В. Г. Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи // Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000.

Томшич В. Г. Второй этап перестройки: задачи и проблемы // Пропагандист и агитатор. 1988. № 6.

Томшич В. Г. Кредит доверия // Пропагандист и агитатор. 1989. № 9.

Томшич В. Г. Партия коммунистов: политическое обеспечение перестройки // Пропагандист и агитатор. 1988. № 7.

Томшич В. Г. Устав – организационное оружие партии // Пропагандист и агитатор. 1985. № 22.

Томшич Т. С. Духовные основы перестройки // Пропагандист и агитатор. 1987. № 12.

Тоценко Ж. Т. Совершенствование социальной инфраструктуры коллектива // Управление трудовым коллективом. Киев, 1989.

Тоценко Ж. Т. Социальная инфраструктура и ее роль в эффективном функционировании общественного производства // Управление социальными процессами в новых условиях хозяйствования. М., 1987.

Трезвость – норма нашей жизни // Пропагандист и агитатор. 1985. № 22.

Тронин А. А. Проблемы российского федерализма и Удмуртия // XX век в истории России. Сборник статей. Ижевск, 2009.

Трофимов С. Ю. Изменение организационной структуры Удмуртского областного комитета КПСС в 1970–1985 гг. // История Удмуртии XX века в документах ЦДНИ УР. Ижевск, 2004.

Тубылов А. Демократия – в действии // Пропагандист и агитатор. 1989. № 14.

Туровский Р. Республика Коми: экономика, партии, лидеры // Власть. 1995. № 10.

Уайт С. Еще раз о посткоммунистической трансформации // Социс. 2003. № 11.

Уваров С. Н. Направления углубления демократизации российского общества // Перспективы развития регионов России в XXI веке: Материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов / ИжГСХА. Т. I. Ижевск, 2002.

Уваров С. Н. Нарастание негативных явлений в Удмуртской областной организации КПСС накануне радикальных политических реформ // Перспективы развития регионов России в XXI веке: Материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов / ИжГСХА. Т. I. Ижевск, 2002.

Уваров С. Н. Основные причины уменьшения численности Удмуртской партийной организации в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века // Аграрная наука – состояние и проблемы: Труды региональной научно-практической конференции. Т. II. Ижевск, 2002.

Уваров С. Н. Результаты политических реформ 90-х гг. XX века в Удмуртии // Перспективы развития регионов России в XXI веке: Материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов / ИжГСХА. Т. I. Ижевск, 2002.

«Удмурт кенешын». Пусьмын выль ужрадъёс // Герд. 2000. 20 апреля.

Утверждение трезвости – долг каждого // Пропагандист и агитатор. 1987. № 14.

Ушакова Е. М. История Удмуртии XX века в документальных публикациях ЦДНИ УР // История Удмуртии XX века в документах ЦДНИ УР. Ижевск, 2004.

Фадин А. Неформалы и власть // Вестник АН СССР. 1989. № 10.

Фарукишин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6.

Фирулева Л. Д. Некоторые показательные тенденции развития региональных политических элит // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы). Ижевск, 2003.

Фирулева Л. Д., Бучкин А. Б. Постсоветская политическая элита (формирование, облик, эволюция) // Социально-политическое развитие России: проблемы, поиски, решения. Ижевск, 1999.

Фоминов А. Добиться крутого перелома // Пропагандист и агитатор. 1988. № 4.

Фоминов А. О новой структуре партийного аппарата // Пропагандист и агитатор. 1989. № 3.

Хузин Ф. З. О взаимодействии Министерства национальной политики Удмуртской Республики с республиканскими национально-культурными объединениями в реализации Концепции государственной национальной политики // Государственный Совет Удмуртской республики. Правительство Удмуртской Республики. Информационно-методический сборник. Ижевск, б. г. Вып. 20.

Чешков М. А. «Вечно живая» номенклатура? // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6.

Шаимов В. Наскоком не преодолеть // Пропагандист и агитатор. 1988. № 24.

Шамигурина Г. Никто не должен стоять в стороне // Пропагандист и агитатор. 1988. № 3.

Шейнис В. Л. Превращения избирательной системы в России // ОНС. 2008. № 6.

Шибанов К. Кенеш – орган самоуправления удмуртской деревни // Пропагандист и агитатор. 1988. № 12.

Шияев Б. Условия для творчества // Вестник обкома КПСС. 1990. № 17.

Шульга П. Не ради смены вывески // Пропагандист и агитатор. 1989. № 1.

Щипакин Ю. Изучая мнение общественности // Пропагандист и агитатор. 1989. № 11.

Элита в «вертикальном» обществе («Круглый стол») // ОНС. 2008. № 3.

Яковлев А. Н. Реформация в России // ОНС. 2005. № 2.

Ярных М. В. Местные Советы Удмуртии: конец 1970-х – 1980-е гг. (по документам ЦГА УР и ЦДНИ УР) // История Удмуртии XX века в документах ЦДНИ УР. Ижевск, 2004.

Итоги выборов в Государственную думу ФС РФ (1993–1999 гг.)¹

Избирательное объединение (блок)	1993 г. (РФ)	1993 г. (УР)	1995 г. (РФ)	1995 г. (УР)	1999 г. (РФ)	1999 г. (УР)
	1993 г.					
Аграрная партия России (и.о.)	7,99 % 4 292 518	11,07 % 51 713	3,78 % 2 613 127	7,50 % 49 547	13,13 % 8 886 697	8,16 % 58 292
	Аграрная партия России (и.о.)		Аграрная партия России (и.о.) 0,28 % 191 446		Отечество – Вся Россия (и.б.): 1. ООО– ПП АПР;	
	нет		ПП Христианско-Демократический Союз–Христиане России (и.о.)	0,60 % 3 986	2. ООО–ПП «Союз христианских демократов России»	
	нет		нет		3. ОПОД «За равноправие и справедливость»;	
	нет		нет		4. ОПОО Отечество, в том числе:	

	нет		1,11 % 769 259 Блок И. Рыбкина (и.б.): 1. Общественное объединение «Регионы России»; 2. Общественно-политическое объединение «Народное движение-Россия» («Союз»); 3. Российский Союз Молодежи;	1,17 % 7 757	Общественное объединение «Регионы России»; нет нет 0,09 % 61 776 Социалистическая партия России (и.о.) 0,56 % 371 959	0,08 % 574 0,52 % 3 700
--	-----	--	---	-----------------	---	--

	нет		5. ОПД «Союз реалистов» 3,98 % 2 756 954 Партия самоуправления трудящихся (и.о.) нет нет нет нет	2,91 % 19 127	Блок генерала Андрея Николаева, академика Святослава Федорова (и.б.): ОПД «Союз реалистов»; Движение «Союз народовласти и труда»; Партия самоуправления трудящихся; Социалистическая партия трудящихся; Движение «Инженерный прогресс России»; Организация «Надежда России»; Ассоциация женщин-предпринимателей России;	
--	-----	--	--	------------------	---	--

						Международный женский центр «Будущее женщины»; Фонд развития парламентаризма в России; ООПД «Женщины России (частично); ООПД «Образование – будущее России»; Межрегиональная общественная организация «Рагники Отчества»; ОПОО «Российское Морское Собрание»; ООО «Российский Союз молодежи»; ОПОД «Общественное согласие»; СПД «Держава» (частично).
--	--	--	--	--	--	---

	5,52 % 2 969 533 Демократическая партия России (и.о.)	5,34 % 24 926	нет		В составе «Вся Россия» – Демократическая партия России	2,77 % 19 819
Блок: Явлинский–Болдырев–Лукин (и.о.)	7,86 % 4 223 219 Блок: Явлинский–Болдырев–Лукин (и.о.):	8,18 % 38 237	6,89 % 4 767 384 «Яблоко» (и.о.)	4,36 % 28 763	5,93 % 3 955 457 «Яблоко» (и.о.)	0,68 % 4 868
	1. Республиканская партия РФ; нет 2. Социал-демократическая партия РФ;		1,60 % 1 106 812 Памфилова–Гуров–В.Лысенко (и.б.): 1. Республиканская партия РФ; 2. Союз «Молодые республиканцы» нет	1,38 % 9 070	0,60 % 402 856 За гражданское достоинство (и.о.)	

			<p>0,06 % 39 592</p> <p>Межнациональный союз (и.б.): 1. Конгресс гражданского согласия России;</p>	<p>0,08 % 547</p>	<p>ОО «Общероссийский союз инвалидов внутренних войск, Вооруженных сил, пограничных войск, служб безопасности, спорта и правоохранительных органов; Московская областная организация Всероссийского общества инвалидов; Движение «За здоровую Россию».</p> <p>нет</p> <p>23,32 % 15 548 707</p> <p>37,40 % 267 295</p>
--	--	--	---	-----------------------	---

	<p>3. Российский Христианско-демократический союз—Новая демократия</p> <p>нет</p> <p>нет</p> <p>нет</p> <p>нет</p> <p>нет</p> <p>нет</p> <p>нет</p>	<p>2. Российская христианско-демократическая партия (РХДС—НД);</p> <p>3. Ассоциация корейцев России.</p> <p>нет</p> <p>нет</p> <p>нет</p> <p>0,28 % 194 254</p> <p>«За Родину!» (и.б.): 1. Российский Союз ветеранов Афганистана; 2. Народно-патриотическая партия;</p>	<p>0,32 % 2 129</p>	<p>Межрегиональное движение «Единство» («Медведь») (и.б.): Российская христианско-демократическая партия (РХДС—НД);</p> <p>нет</p> <p>ООПД «Моя семья»; ООД «Всероссийский Союз Народных Домов»; РД «Поколение Свободы»;</p> <p>Российский Союз ветеранов Афганистана; Народно-патриотическая партия</p>
--	--	---	-------------------------	--

	нет	3. ОПД «Новая Россия».	нет Российский просветительский центр «Аль Фуркан»; Российская общественная организация инвалидов войн и военных конфликтов; Всероссийское общество спасения на водах; Санкт-Петербургское ОПД «Движение транспортников»; Российский фонд милосердия и здоровья; Торгово-промышленная палата; СПД «Держава» (частично);
--	------------	------------------------	---

нет	нет	4,31 % 2 980 137 Конгресс русских общин (и.о.)	Объединение профсоюзов «СОЦПРОФ»; ООО «Ассоциация частных инвесторов»; Исламский культурный центр России; ООД «Реформы–новый курс»; ОПОД «Леса России»; ОПОД «В поддержку независимых депутатов»; Регионы России (частично). 0,61 % 405 295 Конгресс русских общин и Движение Ю. Болдырева (и.б.); КРО;	0,42 % 3 016
------------	------------	---	--	-----------------

Будущее России – новые имена (и.о.)	1,25 % 672 283	1,92 % 8 970	нет		Международный конгресс промышленников и предпринимателей; ОПОО «Партия научно-технической интеллигенции»; Ставропольское казачье войско; КПРФ (частично); Общество купцов и промышленников; Межрегиональная общественная организация «Комитет социально-правовой защиты военнослужащих»; ООО «Всероссийский союз правозащитников».
Будущее России – новые имена (и.о.)			нет		нет

Выбор России (и.о.)	15,51 % 8 339 345	16,19 % 75 658	0,06 % 40 840	0,07 % 479	нет
Выбор России (и.о.): 1. ПД «Выбор России»; нет	Выбор России (и.о.): 1. ПД «Выбор России»; нет	89 (89 регионов России) (и.б.): 1. ОПД «Выбор России»; 2. ВОПД «Ассоциация независимых профессионалов»	89 (89 регионов России) (и.б.): 1. ОПД «Выбор России»; 2. ВОПД «Ассоциация независимых профессионалов»	нет нет	нет нет
2. Движение «Демократическая Россия»; 3. Партия «Демократическая инициатива»;	3,86 % 2 674 084	3,75 % 24 765	нет нет	8,52 % 5 676 982	Союз правых сил (и.б.): Движение «Демократическая Россия» нет
4. Крестьянская партия России; нет	ДВР – объединенные демократы (и.б.): 1. Крестьянская партия России; 2. Партия ДВР;			7,11 % 50 794	нет 1. Партия ДВР

	нет		3. Российская партия социальной демократии; 4. Конгресс национальных объединений России. нет	Российская партия социальной демократии нет
	нет		5. Ассоциация крестьянских хозяйств и кооперативов России;	нет
	6. Союз «Живое кольцо»; нет		0,68 % 472 615 Внепартийное политическое движение избирателей «Общее дело» (и.б.): 1. Союз «Живое кольцо»; 2. Объединение «Общее дело».	1,63 % 10 754

	7. Ассоциация приватизируемых и частных предприятий;		нет	Всероссийская ассоциация приватизируемых и частных предприятий; нет
	8. Союз социальной защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей. нет		нет	нет
			0,13 % 88 416 ПЭС (и.о.) 0,49 % 339 654 Преображение Отечества (и.б.): ООО «Преображение Отечества»; Всероссийская партия безопасности человека;	0,18 % 1 178 ПЭС 0,20 % 1 334
			нет	нет
			нет	нет

	нет		Свободная демократическая партия России (Свободные демократы России).	Свободные демократы России 2. ООПД «Консервативное движение «Новая сила»; 3. ОПОД «Россия молодая»; 4. ООПО «Юристы за права и достойную жизнь человека». Партия «Демократическая Россия»; Социально-федералистская партия России; ОПОО «Российские налогоплательщики».	
Гражданский Союз (и.о.)	1,93 % 1 038 193	1,88 % 8 765	нет	нет	
Достоинство и милосердие (и.о.)	0,70 % 375 431	1,11 % 5 198	нет	нет	

КПРФ (и.о.)	12,40 % 6 666 402 КПРФ (и.о.)	11,14 % 52 031	22,30 % 15 432 963 КПРФ (и.о.)	14,85 % 98 078	24,29 % 16 195 569 КПРФ (и.о.): Аграрно-промышленный союз России; Народно-патриотический союз России; АПР (частично); Российская медицинская ассоциация; Профсоюз работников агропромышленного комплекса РФ	19,52 % 136 896
КЕДР Конструктивное экологическое движение России «Кедр» (и.о.)	0,76 % 406 789 КЕДР Конструктивное экологическое движение России «Кедр» (и.о.)	1,01 % 4 708	1,39 % 962 195 Экологическая партия России «Кедр» (и.о.)	1,40 % 9 199	нет	

ЛДПР (и.о.)	22,92 % 12 318 562 ЛДПР (и.о.)	17,59 % 82 163	11,18 % 7 737 431 ЛДПР (и.о.)	9,47 % 62 541	5,98 % 3 989 932 Блок Жириновского (и.б.): ЛДПР; Партия духовного возрождения России; Российский союз свободной молодежи; Независимая ассоциация в поддержку развития гражданского общества	8,74 % 62 469
ПРЕС (и.о.)	6,73 % 3 620 935	7,00 % 32 724	0,36 % 245 977	0,41 % 2 722	нет	нет
Женщины России (и.о.)	8,13 % 4 369 918 Женщины России (и.о.)	14,70 % 68 679	4,61 % 3 188 813 Женщины России (и.о.)	8,42 % 55 604	2,04 % 1 359 042 Женщины России (и.о.): ООО «Союз женщин России»;	3,20 % 22 869

Российское движение демократических реформ (и.о.)	4,08 % 2 191 505 РДДР (и.о.) нет нет	2,87 % 13 398	0,13 % 88 642 Социал-демократы (и.б.): 1. РДДР; 2. Социал- демократический Союз; 3. ПД «Молодые социал-демократы России» 1995 г.	0,15 % 964	нет нет нет	Всероссийский общественный политический союз «Движение женщин за здоровье нации»; Конфедерация деловых женщин России
Держава (и.о.)	нет		2,57 % 1 781 233	1,85 % 12 236	нет	нет
Дума-96 (и.о.)	нет		0,08 % 55 897	0,08 % 556	нет	нет

Тихонов– Туполев– Тихонов (и.б.)	нет		0,15 % 102 039 Тихонов–Туполев– Тихонов (и.б.): 1. Партия консолидации; 2. Лига кооператоров и предпринимателей	0,13 % 825	нет	
Российское общественное движение (и.о.)	нет		0,12 % 86 422 РОД (и.о.)	0,15 % 969	0,17 % 112 330 Движение патриотических сил –Русское Дело (и.б.): РОД; Союз «Христианское Возрождение»; Союз соотечественников «Отчизна»; Партия мира и единства	0,13 % 938

Общероссийское мусульманское общественное движение «НУР» (Свет) (и.о.)	нет		0,57 % 393 513	0,99 % 6 498	нет	
Федерально- демократическое движение (и.о.)	нет		0,12 % 82 948	0,13 % 847	нет	
Дело Петра I (и.б.) ²	нет		0,21 % 145 704 Дело Петра I (и.б.): 1. Туристско- спортивный Союз России; 2. Российский профсоюз работников телевидения и радиовещания; 3. Общество потребителей автотехники России	0,41 % 2 699	нет	
Стабильная Россия (и.о.)	нет		0,12 % 81 285	0,16 % 1 030	нет	

Поколение рubeжа (и.б.)	нет		Поколение рubeжа (и.б.): 0,06 % 44 202 1. Общественно-политическое движение молодежи (Союз); 2. Союз эмжековцев России (Союз МЖК России) ³	0,08 % 532	нет
Блок независимых (и.б.)	нет		Блок независимых (и.б.): 1. Общественное объединение «Объединенный демократический центр»; 2. Общественное объединение «Всероссийский татарский культурно-просветительский центр»	0,09 % 585	нет

НДР (и.о.)	нет		НДР (и.о.) 10,13 % 7 009 291 1,94 % 1 343 428 Вперед, Россия! (и.о.)	6,37 % 41 863 1,88 % 12 359	1,19 % 791 160 НДР (и.о.): ВОПД «НДР»; ООПД «Вперед, Россия!»; Общероссийский союз общественных объединений «Меджлис»; Торгово-промышленная палата, Российское общество антикризисных управляющих и независимых экспертов	0,69 % 4 919
Ассоциация адвокатов России (и.о.)	нет		0,35 % 242 966	0,54 % 3 524	нет	

Национально-республиканская партия России (и.о.)	нет		0,48 % 331 700	0,42 % 2 790	нет	
Российский общенародный союз	нет		1,61 % 1 112 873 Власть – народу! (и.б.): 1. Российский общенародный союз (политическая партия); 2. Движение матерей «За социальную справедливость»	1,84 % 12 127	0,37 % 245 266 Российский общенародный союз (и.о.): РОС; нет	0,17 % 1 192
					Союз писателей РФ; Русский общенациональный союз; КРО (частично); Терское казачье войско	

Блок Джуну (и.б.)⁴	нет		0,47 % 323 232 Блок Джуну (и.б.): 1. Ассоциация военных журналистов; 2. Ассоциация формирования здоровья подрастающего поколения; 3. Ассоциация духовного возрождения науки; 4. Российская Конфедерация Свободных профсоюзов	0,96 % 6 303	нет	
Коммунисты–Трудовая Россия–За Советский Союз (и.б.)	нет		4,53 % 3 137 406 Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз (и.б.):	8,42 % 55 382	2,22 % 1 482 018 Коммунисты, трудящиеся России – за Советский Союз (и.б.):	2,36 % 16 837

				1. Российская коммунистическая рабочая партия; 2. Российская партия коммунистов	1. РКРП; РПК; 2. Общероссийское политическое общественное движение «Коммунисты, Трудовая Россия—за Советский Союз»; 3. Общероссийское политическое общественное движение «Советская Родина»; Российская коммунистическая партия—КПСС; Российский профсоюз локомотивных бригад железнодорожников
--	--	--	--	--	---

ПШ (и.о.)	нет			0,62 % 428 727	0,61 % 4 016	нет
Народный союз (и.о.)	нет			0,19 % 130 728	0,29 % 1 917	нет
Союз работников ЖКХ России (и.о.)	нет			0,14 % 97 274	0,41 % 2 693	нет
1999 г.						
Консервативное движение России (и.о.)	нет			нет		0,13 % 87 658 Консервативное движение России (и.о.): ОПОД «КДР»; ОПОО «Консервативная партия России»; Профсоюз писателей России; Международная академия информатизации; Профсоюз военнослужащих России;
						0,12 % 870

					нет		нет	0,61 % 404 259	0,53 % 3 762
Сталинский блок–за СССР (и.б.)					нет			«Сталинский блок: Трудовая Россия, офицеры–за СССР» («Сталинский блок–за СССР»): 1. Общероссийское общественное политическое движение «Трудовая Россия»; 2. Общероссийская политическая организация «Союз офицеров»;	

Мир. Труд. Май (и.б.)					нет		нет	0,58 % 383 351	1,37 % 9 788
								3. Общероссийское общественно-политическое движение «Народно-патриотический союз молодежи»; 4. Общероссийское общественно-политическое движение «Союз»; ООО «Российский Коммунистический Союз Молодежи»; Всероссийское патриотическое политическое общественное движение по изучению наследия И. В. Сталина	
Мир. Труд. Май (и.б.)					нет				

						Свердловское региональное общественное движение «Промышленный парламент»; ОПОД «Славянский Собор России»; Движение «Родное Отечество»	
ВОПД «Духовное наследие» (и.о.)	нет	нет	нет			0,10 % 67 417	0,12 % 867
Партия Мира и единства (и.о.)	нет	нет	нет			ВОПД «Духовное наследие» (и.о.); ВОПД «Духовное наследие»; Общероссийская общественная организация инвалидов «Союз «Чернобыль» России	0,37 % 247 039
							0,46 % 3 323

						0,80 % 536 015	0,88 % 6 273
Российская партия защиты женщин (и.о.)	нет	нет	нет			0,09 % 51 434	0,08 %
Социал-демократы (и.о.)	нет	нет	нет			Социал-демократы (и.о.); Российский профсоюз маклеров «СОЦПРОФ»	
ОПД «В поддержку армии» (и.о.)	нет	нет	нет			0,58 % 384 392	0,25 % 1 782
						ОПД «В поддержку армии»; Межрегиональная общественная организация «Женская ассамблея»; Межрегиональное казачье братство; Межрегиональное общественное движение «Исламский комитет»;	

					Фонд социальных гарантий военнослужащим (фонд «Гарантия»); Всевиликое Войско Донское; Союз мусульман России (частично); Великое Братство Казачьих Войск; Межрегиональная общественная организация «4 октября»; Общественное движение «Русский союз»;					0,09 % 636
					КПРФ (частично)					
					0,10 % 69 694					
					Всероссийская политическая партия народа (и.о.); Общественная организация «ВППН»;					
Всероссийская политическая партия народа (и.о.)	нет				нет					

					ООПО «Ассоциация работников правоохранительных органов РФ»; Общественная организация «Российский спортивный союз глухих»; ОПО «Отечество» (частично); ООПО «Мое Отечество» (частично); ОО «Ассоциация офицеров Российского Флота»					1,71 % 12 209
					1,95 % 1 298 948					
					Сателлит НДР Партия пенсионеров (и.о.): ООПО «ПП»;					
Партия пенсионеров (и.о.)	нет				нет					

					Союз общественных объединений «Российский фонд поддержки военной реформы»; ОПД (правозащитное) «Женский Форум–новая Политика»; Союз «Чернобыль» России (частично)	0,16 % 1 108
Русская социалистическая партия (и.о.)	нет	нет			0,24 % 156 735 Русская социалистическая партия (и.о.); ОПОО «РСП»; Конгресс Российских Деловых Кругов; Международная ассоциация союзов архитекторов;	

					Международная ассоциация по борьбе с наркоманией и наркобизнесом	
--	--	--	--	--	--	--

¹ Таблица составлена на основе авторских подсчетов по материалам официальных органов.

² Предвыборный блок, включающий руководителей Партии защиты детей (Мира, Добра и Счастья), Партии православных (Веры, Надежды, Любви), Народной христианско-монархической партии, Партии за союз славянских народов, Партии сельских труженников «Земля-Матушка», Партии защиты инвалидов, Партии пострадавших от властей и обездоленных.

³ Общественное объединение «Союз эмжековцев России (Союз молодежных жилищных комплексов России)».

⁴ Предвыборный блок, включающий руководителей Партии защиты пенсионеров и ветеранов, Партии искоренения преступности–законности и порядка, Партии защиты здравоохранения, образования, науки и культуры, Партии защиты молодежи, Объединения свободных профсоюзов, Партии справедливости, Партии охраны природы (Предвыборный блок «Джуна») (Давиташвили Евгения Ювашевна) («Джуна»).

Список сокращений и аббревиатур

АДПУ – Аграрно-демократическая партия Удмуртии
АиФ – Аргументы и факты
АН – Академия наук
АО – акционерное общество
АОЗТ – акционерное общество закрытого типа
АООТ – акционерное общество открытого типа
АПК – агропромышленный комплекс
АПКУ – Ассоциация политических клубов Удмуртии
АПР – Аграрная партия России
АСР – Аграрный союз России
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
АФУН – Ассоциация финно-угорских народов
б. г. – без года
б. м. – без места
б/н – без номера
в., вв. – век, века
ВАГС УР – Ведомственный архив Государственного Совета Удмуртской Республики
ВАК – Высшая аттестационная комиссия (комитет)
ВДОАМ – Всесоюзное добровольное общество авто-мотолюбителей
ВДОБТ – Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость
ВДПЧ – Всеобщая декларация прав человека
ВКП (б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
ВНИИ – Всесоюзный научно-исследовательский институт
ВОИР – Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов
ВОПД – Всероссийское общественное политическое движение
ВПК – военно-промышленный комплекс
ВППН – Всероссийская политическая партия народа

ВС – Верховный Совет
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
вуз – высшее учебное заведение
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЦСПС – Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
г., гг. – год, годы; город, города
ГД – Государственная Дума
ГК – Гражданский кодекс; Государственный комитет
ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению
Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств
ГМП – государственная молодежная политика
горком – городской комитет
горсовет – городской совет
Госкомстат – Государственный комитет по статистике
Госкомтруд – Государственный комитет по труду и социальным вопросам
Госкомцен – Государственный комитет цен
Госплан – Государственный плановый комитет
ГПУ – государственное политическое управление
ГС – Государственный Совет
ГЭС – Глазовский экологический союз
д. – дело
ДВР – Демократический выбор России – партия
Дзд – «Движение за демократию» – Удмуртское республиканское добровольное общество
ДНД – добровольная народная дружина
ДООАО – дочернее открытое акционерное общество
ДПКР – Демократическая партия коммунистов России
ДПР – Демократическая партия России
ДР – «Демократическая Россия» – движение
ДСО – Добровольное спортивное общество
ДЮСШ – детско-юношеская спортивная школа
ЕЛДПР – Европейская либерально-демократическая партия России
ЖКХ – жилищно-коммунальное хозяйство
ЗАГС – отдел записи актов гражданского состояния
и.б. – избирательный блок
ИжГТУ – Ижевский государственный технический университет
им. – имени
ИНИТИ – Ижевский научно-исследовательский технологический институт

и.о. – избирательное объединение
ИТР – инженерно-технический работник
ИЭС – Ижевский экологический союз
кв. – квадратный
КГБ – Комитет государственной безопасности
КГИ – Клуб гражданской инициативы
КДЖР – Конфедерация деловых женщин России
КДП (ПНС) – Конституционно-демократическая партия (Партия Народной Свободы)
КДР – Консервативное движение России
КЕДР – Конструктивное экологическое движение России («Кедр»)
КП РСФСР – Коммунистическая партия РСФСР
КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КРО – Конгресс русских общин
КС – координационный совет
КСЖ – Комитет советских женщин
ЛДПР – Либерально-демократическая партия России
м – метр
МВД – Министерство внутренних дел
МДГ – Межрегиональная депутатская группа
«Медведь» – Межрегиональное движение «Единство»
МЖК – молодежный жилищный кооператив
Минфин – Министерство финансов
млн – миллион
млрд – миллиард
МО – Министерство образования
МСУ – местное самоуправление
МЮ – Министерство юстиции
НАТО NATO (North Atlantic Treaty Organization) – Организация Североатлантического Договора
НДР – «Наш дом – Россия» – политическое движение
НИИ – научно-исследовательский институт
НКО – национально-культурное объединение; некоммерческое объединение
НПСР – Народная партия «Свободная Россия»; Народно-патриотический союз России
НРП – Народно-республиканская партия
НТО – научно-техническое общество

НТТМ – Научно-техническое творчество молодежи
ОАО – открытое акционерное общество
облсовпроф – областной совет профессиональных союзов
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВР – «Отечество – Вся Россия» – избирательный блок
ОК – областной комитет
ОО – общественное объединение
ООД – общероссийское общественное движение
ООН – Организация Объединенных Наций
ООО – общество с ограниченной ответственностью; общероссийская общественная организация
ООПД – Общероссийское общественно-политическое движение
ОП – Общественная палата
оп. – опись
ОПД – общественно-политическое движение
ОПК – оборонно-промышленный комплекс
ОПКС – общественно-политический консультативный совет
ОПОД – общероссийское политическое общественное движение
ОПОО – общероссийское политическое общественное объединение
ОРС – отдел рабочего снабжения
ОСВОД – Общество спасения на водах
ОУК – Общество удмуртской культуры
ОФТ – Объединенный фронт трудящихся
п. – пункт
партком – партийный комитет
ПД – Политическое движение
ПДПС – постоянно действующее производственное совещание
ПКС – Политический консультативный совет
ПЛП – Партия любителей пива
ПО – производственное объединение
потребкооперация – потребительская кооперация
ПП – политическая партия; Партия пенсионеров
ПРЕС – Партия российского единства и согласия
ПТУ – профессионально-техническое училище
ПФО – Приволжский федеральный округ
ПЭС – Партия экономической свободы
райком – районный комитет
райпо – районное потребительское общество

РД – Российское движение
РДДР – Российское движение демократических реформ
РКП(б) – Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РКРП – Российская коммунистическая рабочая партия
РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи
р-н – район
РНК – Реформы – Новый курс – движение
РОД – Российское общенародное движение
РОС – Российский общенародный союз
РПК – Российская партия коммунистов
РСРП – Русская социалистическая партия
РПЦ – Русская Православная Церковь
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб. – рубль
РФ – Российская Федерация
РХДП – Российская христианско-демократическая партия
РХДС – Российский Христианско-демократический союз
РХДС–НД – Российский Христианско-демократический союз – Новая демократия
РЦПС – Республиканский центр поддержки самоуправления
с. – село; страница
сб. – сборник
СДА – Социал-демократическая ассоциация
СДПУ – Социал-демократическая партия Удмуртии
СЗ – Собрание законодательства
СМ – Совет Министров
СМИ – средства массовой информации
СНК – Совет Народных Комиссаров
СОФИН – Союз освобождения финских народностей
СПД – Социал-патриотическое движение
СПС – Союз правых сил
сс. – сёла
ССР – Советская Союзная Республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ст. – статья
СТК – Совет трудового коллектива
СФ – Совет Федерации

США – Соединенные Штаты Америки
ТОО – товарищество с ограниченной ответственностью
ТОЦ – Татарский общественный центр
ТПО – территориально-производственное объединение
трлн – триллион
ТТУ – трамвайно-троллейбусное управление
тыс. – тысяча
ТЭК – топливно-энергетический комплекс
УАССР – Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика
УдГУ – Удмуртский государственный университет
Удмуртпотребсоюз – Удмуртский союз потребительских обществ
УКП – Удмурт Калык Партия (Удмуртская народная партия)
УП – Удмуртское представительство
УР – Удмуртская Республика
УРО – Удмуртское региональное отделение (организация)
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ф. – фонд
ФЗ – Федеральный Закон
ФНПР – Федерация независимых профсоюзов России
ФС – Федеральное Собрание
ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики
ЦДНИ УР – Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ч. – часть
ЮНЕСКО UNESCO (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

Содержание

Введение	3
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	13
1.1. Теория и методология познания социальной истории	13
1.2. Историкография современной российской модернизации	26
1.3. Источники изучения регионального социума	75
Глава 2. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (1977–1993 гг.)	87
2.1. Конституционные основы политической системы СССР и главные направления ее демократизации	87
2.2. Трансформация институтов политической системы	98
2.2.1. Советы народных депутатов – политическая основа СССР	98
2.2.2. КПСС – ядро политической системы советского общества	131
2.2.3. Общественные объединения	169
2.2.4. Трудовые коллективы	209
Глава 3. ИНСТИТУТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В УДМУРТИИ (1990–2000 гг.)	228
3.1. Провозглашение государственного суверенитета Удмуртской Республики и начальный период конституционных преобразований	229
3.2. Реформирование органов государственной власти парламентской республики на постсоветском этапе истории	242
3.3. Переход к парламентско-президентской модели республики	263

Глава 4. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ВЛАСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	283
4.1. Историко-политическая интерпретация избирательных кампаний федерального уровня	284
4.2. Сравнительный анализ выборов в органы государственной власти Удмуртии в 1995–1999 гг.	311
4.3. Субъекты политической системы и становление местного самоуправления	328
Глава 5. СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	345
5.1. Конституционно-правовые гарантии общественно-государственных отношений	345
5.2. Социальная политика государства и основные направления ее реализации	357
5.3. Общественно-государственные структуры как институт политической системы Российской Федерации и ее субъектов	384
Заключение	396
Источники и литература	409
Приложение	453
Список сокращений и аббревиатур	488

Научное издание

Печатается по решению ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук

БЕХТЕРЕВ СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ СОЦИУМ
В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

Монография

Оригинал-макет – И. В. Широбокова
Дизайн обложки – В. Е. Романов

Подписано в печать ____ 2012. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура тип Times.
Усл. печ. л. 28,83. Уч.-изд. л. 26,06.
Тираж 200 экз. Заказ № _____.

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук.
426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.

Отпечатано: Типография УдГУ.
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.